АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

К. А. АКИШЕВ
Г. А. КУШАЕВ

Древняя культура саков и усуней долины реки Или

АЛМА-АТА · 1963

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

К. А. АКИШЕВ, Г. А. КУШАЕВ

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА САКОВ И УСУНЕЙ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИ

Издательство Академии наук Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1963

Книга посвящена исследованию истории материальной культуры древних обитателей Семиречья, известных по сведениям персидских и китайских источников под именем саков и усуней.

Монография состоит из двух разделов. В первом разделе рассказывается о культуре сакских племен и публикуются новые материалы из раскопанных на р. Или, в могильнике Бесшатыр, «царских» усыпальниц, уникальных деревянных сооружений древней архитектуры.

На основе сравнения археологического материала обосновывается новая датировка кладов семиреченских бронзовых орудий труда и предметов быта; дается относительная хронология бронзовых наконечников стрел Казахстана и выдвигаются некоторые новые положения по вопросу о происхождении саков Семиречья.

Второй раздел знакомит с культурой усуньских племен. В нем авторы делят историю усуней на три хронологических периода и выявляют особенности памятников каждого этапа развития.

В обоих разделах освещаются также вопросы развития хозяйства, имущественного неравенства, социальной дифференциации и образования классов.

Книга богато иллюстрирована. Монография рассчитана на научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, музейных работников, краеведов, работников туристско-экскурсионных бюро, аспирантов университетов и педагогических институтов, а также на всех интересующихся древнейшей историей.

Ответственный редактор

академик АН КазССР А. Х. МАРГУЛАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа посвящена исследованию истории материальной культуры племен долины реки Или, известных по данным ахеменидских и китайских источников под именем *сака* и *у-сунь*. Хронологически время обитания этих племен на территории современного Семиречья охватывает примерно одно тысячелетие (VII в. до н. э. — IV в. н. э.).

Эпоха саков и усуней является важным этапом в древней истории Казахстана. В этот период произошли большие изменения в социально-экономической и политической жизни общества, положившие начало новой, более высокой ступени развития экономики и культуры древнего Семиречья.

Важным событием в жизни этих племен был переход к новой форме хозяйства, от пастушеского к полукочевому яйлажному скотоводству. Своеобразие географических и климатических условий явилось причиной того, что на территории Семиречья не было кочевой формы скотоводства с присущим ей непрерывным кочеванием, «смотря по приволью в воде и траве», т. е. в поисках корма для скота.

В исторической литературе такая форма кочевого скотоводства считается общепринятой, начиная с традиционных известий китайских хроник о хозяйстве «западных варваров». Археологические исследования последних лет не подтвердили этого общего для всех скотоводческих, «иноземных» по отношению к ханьскому Китаю, племен определения их хозяйства и быта. Они во многом уточнили и дополнили скудные сведения письменных источников о древних обитателях Семиречья.

Весь комплекс археологических данных: распределение памятников (могильников и поселений), находки зернотерок, изменение форм керамических сосудов и другое — позволяет утверждать, что саки и усуни не были постоянными, круглогодичными номадами, с хозяйством,

основанным на кочевом скотоводстве, а являлись сезонными кочевниками, занимавшимися яйлажным скотоводством.

Открытие поселений свидетельствует о том, что местные племена имели постоянные места зимовок и холодное время года проводили в теплых жилищах-землянках. Вполне вероятно, что еще в сакское и, безусловно, в усуньское время на территории Семиречья сложилась пастбищно-кочевая система с чередованием выпаса скота на посезонных пастбищах.

Последнее подтверждается географическим расположением древнеусуньских зимовок в горных ущельях, располагавших естественным запасом корма и водой, отличавшихся малым снежным покровом, т. е. при выборе места для зимовки учитывались условия, необходимые для тебеневочного содержания скота.

Сравнительный анализ сакских и усуньских археологических материалов показывает, что культура саков и усуней — это лишь разные этапы одной и той же культуры этнически родственных племен.

Возможно, что племена «сэ» китайских источников тождественны племенам «исседон» Аристея — Геродота, а позднее «у-сунь» китайских хроник — «исседонам» Птолемея. По-видимому, они составляли союз племен, известный по ахеменидским клинописям под названием «сака-ыграхауда».

Таким образом, саки и усуни входили в один и тот же племенной союз, а периодическое упоминание в письменных источниках имени то одного, то другого говорит не о появлении на территории Семиречья этнически нового племени, а лишь о политической гегемонии его в этом союзе.

Имя «усунь» исчезает со страниц китайских хроник в V—VI вв., когда на политическую арену выдвигаются тюргеши, карлуки, тюрки. Однако исчезновение имени «усунь» не означает исчезновения самого народа. По-видимому, усуни играли значительную роль в сложении Тюргешского и Западно-Тюркского каганатов.

Сам народ в продолжение всей истории называл себя этим именем, несмотря на потерю господствующей политической роли. Свидетельством многовекового сохранения древнего имени является то, что позднейшие потомки древних усуней, входившие в состав казахских племен Старшего жуза, называют себя так же.

Работа написана на основании материалов, собранных Илийской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР за шесть лет (1954, 1957—1961 гг.), и состоит из двух самостоятельных разделов.

Первый раздел, посвященный культуре саков долины р. Или, написан К. Акишевым и является первой частью задуманной им моногра-

фии по истории и культуре племен древнего Семиречья — саков, усуней и тюрок.

В первой главе этого раздела дается характеристика сооружений Бесшатыр как первых памятников архитектуры сакских племен Семиречья и определяется их историческое место среди деревянных конструкций скифо-сакско-сарматского мира Причерноморья, Поволжья, Алтая, Монголии и Средней Азии.

Во второй главе описываются могильники рядовых членов сакского общества и обосновывается предлагаемая автором новая датировка кладов семиреченских бронзовых орудий труда и предметов быта, ранее относимых к андроновской культуре.

В обеих главах рассматриваются также некоторые вопросы развития хозяйства, имущественного неравенства, социальной дифференциации и классообразования, техника строительства у саков.

Третья глава посвящена двум теоретическим проблемам: происхождению саков и сакской культуры и разработке относительной хронологии бронзовых наконечников стрел Казахстана. В ней поставлены новые вопросы о происхождении саков, генезисе их культуры и дается первая для Казахстана классификация бронзовых стрел — хронологическая шкала для датировки памятников сако-усуньского времени Казахстана и Средней Азии.

Второй раздел знакомит с культурой усуней долины р. Или (автор Г. Кушаев). В нем публикуется материал по трем разработанным автором хронологическим этапам усуньской культуры.

Во введении дан краткий очерк археологического изучения Илийской долины, определены цели и задачи работы и приведены имеющиеся в литературе сведения древних авторов об усунях.

В первой главе описана часть исследуемых памятников и на них показана особенность культуры каждого из трех предлагаемых автором хронологических периодов.

Предлагаемая Г. А. Кушаевым классификация памятников является первой попыткой систематизации большого материала по усуням правобережья р. Или.

Вторая глава посвящена историко-археологической характеристике усуньских памятников правобережья р. Или.

И, наконец, в третьей главе рассматриваются вопросы хозяйства, общественного устройства и религии усуней. Социально-экономические вопросы разбираются также по трем хронологическим этапам.

В заключении изложены основные выводы, к которым пришел автор в результате исследования данного материала.

Таблицы и графические работы выполнены П. В. Агаповым, часть чертежей и планы могильников — Г. Б. Демченко, фотографии—О. Медведевым (частично с негативов А. А. Попова и М. П. Павлова).

Авторы выражают искреннюю благодарность всем участникам полевых работ Илийской экспедиции разных лет за их труд, результатом которого и является данная работа. Мы глубоко признательны также коллегам по работе за советы, высказанные при обсуждении и подготовке к печати настоящего труда.

Искреннюю благодарность выражаем А. Х. Маргулану, М. К. Кадырбаеву и Л. М. Левиной за предоставление неопубликованных материалов; А. А. Марущенко за сведения об особенностях памятников Западной и Восточной Туркмении, Л. И. Платоновой и В. И. Загайнову за научную консультацию по вопросам геологического строения Илийской впадины, В. И. Моржанову за переводы новых китайских материалов.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КУЛЬТУРА САКОВ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИ (VII—IV вв. до н. э.)

ВВЕДЕНИЕ

Сакская проблема изучается уже почти столетие. В большом списке литературы, посвященной сакам, первое место занимает блестящий для своего времени труд В. В. Григорьева, в котором суммированы данные письменных источников по политической истории сакских племен[1]. Хотя со времени выхода в свет этого труда прошло более девяноста лет и за это время накопилась солидная библиография по сакам, работа В. В. Григорьева до сих пор не потеряла своего значения.

В настоящей работе мы не будем анализировать всю литературу по среднеазиатским сакам, чтобы, во-первых, не выходить из рамок темы и, во-вторых, не повторять известных положений, имеющихся в работах крупнейших исследователей истории и культуры саков А. Н. Бернштама и С. П. Толстова.

Отметим, что вся русская и зарубежная буржуазная литература о саках возникла исключительно на основе различной интерпретации античных и древнеперсидских источников. Эти исследования, несомненно, сыграли положительную роль в изучении сакской проблемы, но большинству из них в большей или меньшей степени присущи односторонность и буржуазный субъективизм. Неверная методология приводила некоторых ученых, например А. Хермана[2], О. Франке, Ю. Юнге, к фантастическим вымыслам в вопросе о расселении сакских племен, зачастую основанным на миграционистской теории, прибегавших, таким образом, к наиболее легкому пути решения вопросов истории[3].

---

[1] В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1871.

[2] A. Hermann. Sakai. Paylys Realzyklopädie der Klassischen Altertumwissenschaft, V. I, 1920.

[3] O. Franke. Beiträge aus Chinesische Quellen zur Kenntnis der Turkvölker und Skythen Zentralasiens, Berlin, 1904; Y. Yunge. Saka-Studien. Berlin, 1939.

Эта литература в основном освещает вопросы политической истории расселения и отождествления многочисленных сакских племен, фигурирующих у разноязычных и разновременных древних авторов под различными именами.

Еще в начале XIX в. Клапрот и Абель-Ремюза высказали предположение о тождестве массагетов греческих авторов с да-юеджи китайских хроник[4]. Позднее эта точка зрения была поддержана О. Франке[5] и В. В. Григорьевым[6], а затем развита С. П. Толстовым[7].

Против гипотезы Клапрот — Ремюза выступил А. Херман[8], ее решительным противником был также В. В. Бартольд[9].

Значительное внимание в исследованиях, посвященных среднеазиатским сакам, уделяется вопросам этимологизации названия «массагеты».

С расшифровкой его Томашеком и Марквартом[10] как «рыбоеды» многие исследователи не согласились.

В 30-х годах В. Тарн, а вслед за ним Ю. Юнге этимологизировали имя массагетов как «великие саки», «великая сакская орда»[11].

Уместно отметить, что А. Херман и Ю. Юнге, ссылаясь на то, что ахеменидские надписи не знают массагетов, отождествляют их с сака-тиграхауда.

Против гипотезы Юнге — Тарна и Хермана — Юнге решительно выступил С. П. Толстов и противопоставил ей теорию тождества юеджи — массагеты — геты, основанную на древнем чтении китайских иероглифов, толкующих имя юеджи как гетты, и на имеющемся в хорезмской культуре пласте, близком к фракийскому[12].

С. П. Толстов возражает также против тождества массагеты — сака-тиграхауда, локализуя последних не в междуречье двух великих среднеазиатских рек, а за Яксартом. Напротив, в сака-хаумаварга ахеменидских надписей и скифах-амюргиях Геродота он склонен видеть саравков (Помпей Трог) — сакаравлов (Страбон) — сакараваков-сака-

---

[4] Klaproth. Tableaux Historiques de l'Asie. Paris, 1826, p. 287—288; Abel Remusat. Nouveaux Melanges asiatiques, 1, p. 220.

[5] О. Франке. Указ. работа, стр. 25.

[6] В. В. Григорьев. Указ. работа, стр. 136—139.

[7] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 240—243.

[8] A. Hermann. Alte Seidenstraßen zwischen China und Syrien.

[9] «Записки Восточного отделения Российского археологического общества», т. XI, стр. 343.

[10] J. Marquart. Eransahr nach der Geographie des Prendo-Moses Xorenac'i. Berlin, 1901.

[11] Ю. Юнге. Указ. работа; W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.

[12] С. П. Толстов. Указ. работа, стр. 243.

рауков — одно из основных племен, составлявших массагетскую конфедерацию[13].

Известный интерес представляет труд Мак-Говерна, вышедший в 1939 г. Работа посвящена преимущественно истории восточных и западных гуннов. Из четырех частей книги только одна содержит материал догуннского времени. Она названа «Арийский фон» и состоит из трех глав: «Древнейшие обитатели Туркестана», «Скифы и сарматы на севере» и «Бактрия и Согдиана на юге», написанных исключительно по литературным данным. Книга не является оригинальным исследованием, однако содержит обширную библиографию по сакам[14].

Сакам в широком понятии этого слова посвящены работы Томаса[15] и Херцфельда[16].

Указанная выше работа Тарна — монография по греко-бактрийскому царству. Но несколько глав («Хорасмия», «Китайские источники» и «Греческие названия тохаров») он посвящает этническому составу кочевнических племен, опрокинувших греко-бактрийское царство[17]. В этом аспекте работа Тарна представляет определенный интерес и для нас. По мнению Тарна, юеджи китайских хроник тождественны асиам-асианам Страбона и Помпея Трога. Таким образом, он выступает против тождества Херцфельда тохары — юеджи и считает тохаров одним из многих подчиненных юеджи племен[18]. Соглашаясь с Марквартом, он отождествляет сакараваков с сака-хаумаварга ахеменидских надписей[19]. Подобной точки зрения придерживается и С. П. Толстов. В массагетах Тарн видит конфедерацию пяти племен: дербики, апасиаки, аттасии, хорасмии и аугасии[20].

Определенный интерес для изучения сако-скифской проблемы в широком плане представляет работа Миннза, посвященная скифам, их культуре и искусству[21].

Одной из последних известных нам работ о среднеазиатских племенах является книга Ф. Лозинского. Она наглядно показывает, к каким фантастическим выводам можно прийти, если исторические исследования строить на основе одной только теории миграции.

---

[13] Там же.

[14] W. Mac-Govern. The Early Empires of Central Asia. The University of North Carolina press, 1939.

[15] F. Thomas. Sakastana. Yournal of the Royol Asiatic Society, 1906.

[16] E. Herzfeld. Saka und Suren in Sakasten. Archeologische Mitteilungen aus Iran, IV, 1935.

[17] В. Тарн. Указ. работа, приложения 11, 20, 21.

[18] Там же, стр. 185.

[19] Там же, стр. 291.

[20] Там же, стр. 80—81.

[21] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

В своем труде Ф. Лозинский пытается доказать, что топогенезом парфян является Восточный Казахстан, верховья Иртыша[22], отсюда же якобы происходят среднеазиатское оружие и доспехи, а также знаменитая нисийская лошадь.

Из русских буржуазных исследователей необходимо отметить М. И. Ростовцева. Его работы, посвященные преимущественно скифам, содержат богатый разносторонний материал и оказали большое влияние на точку зрения русских и западноевропейских ученых в вопросах древней истории и культуры.

В одной из последних работ М. Ростовцев, касаясь происхождения скифского звериного стиля, выдвинул гипотезу: сарматы-саки Приаралья — массагеты-дахи. По этой теории, сарматы переселились из Приаралья в Нижнее Поволжье в результате движения с востока на запад юеджи, которых в свою очередь вытеснили с насиженных мест гунны. М. Ростовцев считал, что звериный стиль принесли и распространили юеджи[23].

Позднее в другой работе М. Ростовцев повторил свою ошибочную точку зрения[24].

Гипотезы М. Ростовцева еще раз показали, что нельзя сложные вопросы древней истории решать на основе только миграционной теории.

В обширной литературе, посвященной проблеме саков, особое место занимают исследования советских историков, археологов, языковедов, антропологов.

Советские ученые для изучения проблемы саков привлекают различные источники, как письменные, так и археологические, что дает возможность делать более правильные и глубокие выводы. В результате этого история саков перестала быть лишь историей войн и военных походов и царей. Получили освещение не только вопросы политической истории, но и вопросы хозяйства, быта, материальной и духовной культуры саков. Говоря о работах подобного рода, мы должны прежде всего назвать талантливые труды А. Н. Бернштама, первого исследователя истории и культуры саков Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая[25]. Конечно, не все, на наш взгляд, в его работах правильно, в частности нельзя согласиться с ним, когда он, следуя за А. Херманом и Ю. Юнге,

---

[22] B. Philip Lozinski. The original Homeland of the Parthians, S.-Gravenage, 1959, p. 42 and etc.

[23] M. Rostovtzeff. The Animal style in South Russia and China. Princeton, 1929.

[24] M. Rostovtzeff. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931.

[25] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— Советская археология (СА), 1949, т. XI; его же. Чуйская долина.— МИА, 1950, № 14; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26.

помещает амюргских саков (хаумаварга) на Памире и Тянь-Шане; для него характерно несколько вольное обращение с материалом, поспешность и порой малообоснованность выводов. Несмотря на эти недостатки, работы А. Н. Бернштама открывают новый этап в изучении сако-усуньских древностей.

Если А. Н. Бернштам исследовал горных и предгорных «кочевых» саков, то С. П. Толстов изучает историю равнинных оседлых саков Приаралья. Работы С. П. Толстова, посвященные истории расселения и этногенеза саков, являются большим вкладом в разработку сакской проблемы[26].

В последние годы С. П. Толстов открыл и исследовал остатки сако-массагетских поселений, городов и монументальных погребальных сооружений, что позволило ему по-новому поставить ряд вопросов сакской археологии[27].

Большую роль в развитии сакологии вообще, и особенно их политической истории и расселения, сыграли работы В. В. Струве, в которых по-новому трактуются важные события политической жизни саков, их взаимоотношения с соседями и убедительно локализуются отдельные племена, известные нам из античных и персоязычных источников под собирательным именем саков[28].

Анализу источников и расселению скифских племен уделяет внимание в своих фундаментальных трудах, посвященных итогам исследования Пазырыкских и Башадарских курганов на Алтае, и С. И. Руденко[29].

Серьезное значение для разработки истории Средней Азии и Казахстана в сакское время имеют работы К. В. Тревер по истории культуры и искусства и по этническому составу племен[30].

Несомненно, большую роль в изучении истории и истории культуры саков сыграет талантливая монография М. М. Дьяконова — первое обобщающее исследование советских ученых по истории древнего Ира-

---

[26] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

[27] С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. Доклад, прочитанный на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

[28] В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. — Известия АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 3; его же. Восстание в Маргиане при Дарии I.— Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, вып. 1, 1949.

[29] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953; Его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1962.

[30] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940; ее же. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.— СЭ, 1947, VI—VII.

на. В ней освещены вопросы политической истории, взаимоотношений племен и дан подробный обзор литературы[31].

Обстоятельная работа И. И. Умнякова по тохарам, их этногенезу и историческому расселению (по хронологии она относится к более позднему времени) также содержит ценные замечания по сакам, в частности о районе разгрома саков да-юеджи (верховья Или, Чу и Нарына), о тождестве асианов Помпея Трога с усунями китайских хроник. В работе приведена обширная библиография[32].

Весьма ценные сведения по сакской археологии имеются в трудах исследователей древней истории Алтая и Южной Сибири — М. П. Грязнова[33] и С. В. Киселева[34].

Большое значение для постановки многих проблем истории Средней Азии и Казахстана в сакское время имеют многолетние археологические исследования М. Е. Массона на юге Туркмении, в частности в древней Парфии и Мерве[35].

В последние годы значительный вклад в сакскую археологию Южной Туркмении внесли работы В. М. Массона[36].

Все эти работы интересны для нас с точки зрения связи древних земледельческих племен с кочевыми скотоводческими, разработки генезиса сакской культуры, установления политической и культурной связи племен Средней Азии и древнего Казахстана, с одной стороны, и широкой связи последних с Ираном и Индией — с другой.

Как продолжение работ А. Н. Бернштама по изучению древностей саков Памира необходимо отметить открытие и исследование Б. А. Литвинским многочисленных сакских погребений на Восточном Памире.

Эти материалы позволили ему привести ряд доказательств в пользу существования древних связей между Средней Азией, Индией и Китаем и поддержать гипотезу Н. А. Аристова о восточном, «памирском» пути проникновения саков в Индию[37].

Для изучения сакской проблемы важное значение имеют исследования М. Э. Воронец, И. А. Тереножкина и Ю. А. Заднепровского в

---

[31] М. М. Дьяконов. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.

[32] И. И. Умняков. Тохарская проблема.— ВДИ, 1940, № 3—4; 1947, № 6—7.

[33] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950; его же. Памятники майэмирского этапа ранних кочевников на Алтае. — КС ИИМК, 1947, вып. XVIII.

[34] С. В. Киселев. Алтай в скифское время.— ВДИ, 1947, № 2; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[35] М. Е. Массон. Новые данные по истории Парфии.— ВДИ, 1950, № 3; его же. Новые данные по древней истории Мерва. — ВДИ, 1951, № 4.

[36] В. М. Массон. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Индией. — ВДИ, 1957, № 1; его же. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73.

[37] Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. — Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

Согде, Шаше и Фергане[38] и А. К. Кибирова и Ю. Д. Баруздина на Тянь-Шане[39].

Таким образом, советские археологи ведут исследования на территории расселения всех трех групп сакских племенных объединений, известных по ахеменидским источникам под названием: сака-тарадарайя, сака-хаумаварга и сака-тиграхауда.

В вопросе о расселении довольно многочисленных сакских племен пока нет единой точки зрения. Все попытки в решении этого вопроса сводились к примирению, сглаживанию многочисленных противоречий и выяснению неточностей, имеющихся в сообщениях античных авторов о племенах Средней Азии и Казахстана.

Как известно, у Геродота и других античных авторов сведения об этих племенах носят полулегендарный характер, так как эти сведения они получали из вторых рук.

Древние греки называют два больших объединения племен: саков, живших к востоку от Аракса[40], и массагетов — в Южном Приаралье. Кроме них, античные авторы различают исседонов, аргипеев и аримаспов.

Большой интерес представляют сведения об исседонах. По Аристею Проконесскому (VI в. до н. э.), исседоны обитали к северу от Аральского моря, т. е. севернее саков и массагетов. Это сообщение Аристея повторяет и Геродот (V в. до н. э.).

Во II в. н. э. другой греческий автор, Птолемей, помещает исседонов уже на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане.

Нам кажется, что здесь нет ошибки; одинаково правы Аристей, Геродот и Птолемей. Кажущиеся на первый взгляд разноречивыми сведения разновременных авторов об одном и том же племени объясняются изменением района расселения, переселением большей части исседонов (по-видимому, в V—III вв. до н. э.) из района к северу от Аральского моря в Семиречье и на Тянь-Шань.

---

[38] К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950; М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. — Труды музея истории УзССР, вып. 2, 1954; И. А. Тереножкин. Согд и Чач. — КС ИИМК, 1950, вып. XXXIII; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.

[39] А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. — Труды Института языка и литературы АН КирССР, вып. 5, 1956; его же. О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра. — Труды ИЯЛ АН КирССР, вып. 1, 1955; Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. — Труды ИЯЛ АН КирССР, вып. 2, 1956; вып. 3, 1957.

[40] Мы принимаем тождество: Аракс — Яксарт — Сыр-Дарья, обоснованное в работах ряда исследователей. См.: К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, стр. 51, М. М. Дьяконов. Указ. работа, стр. 77, 367.

По нашему мнению, под районом расселения исседонов «к северу от саков и массагетов» (по Аристею — Геродоту) надо понимать район Казахского мелкосопочника — восточную часть Западного и Центральный Казахстан, т. е. территорию, прилегающую к Приаралью, а не северную часть Западного Казахстана, как ошибочно считают некоторые исследователи[41].

Таким образом вероятно, что греческие авторы под исседонами подразумевали ранних кочевников Центрального Казахстана — потомков многочисленных андроновских племен, обитавших здесь во втором тысячелетии до нашей эры. Аристей называет исседонов не только доблестными, но и многочисленными племенами. Такими из племен местного происхождения могли быть только потомки андроновцев.

Археологический материал подтверждает, что переселение центрально-казахстанских кочевников в Семиречье происходило и в доисседонское время, как и проникновение сюда в более раннюю эпоху самих андроновских племен. На этом вопросе мы остановимся в главе, посвященной генезису сакской культуры Семиречья.

Таким образом, в исторической литературе, вслед за античными авторами, принятой многими исследователями может считаться точка зрения о локализации массагетов в низовьях Среднеазиатского междуречья, а исседонов — в Семиречье[42].

Ахеменидские надписи все племена Средней Азии и Казахстана объединяют в три группы: сака-тиграхауда, сака-хаумаварга и сака-тарадарайя. О месте расселения их в литературе до сих пор продолжается дискуссия.

На наш взгляд, сака-тиграхауда можно локализовать в районах Шаша, Киргизии и юга Казахстана. Этого мнения придерживаются и крупные советские востоковеды[43]. Разделяет эту точку зрения и И. И. Копылов[44]. Такая локализация саков с остроконечными шапками (тиграхауда) нам кажется более правильной. Принимая ее, мы относим исследованные памятники к сакам-тиграхауда. По-видимому, исседоны входили в союз племен сака-тиграхауда.

Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, можно разделить

---

[41] См.: «Очерки истории СССР». Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 272 (карта).

[42] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 245; С. И. Руденко. Указ. работа, 1960, стр. 175; А. Н. Бернштам. Указ. работа, 1952, стр. 214; М. М. Дьяконов. Указ. работа, стр. 79.

[43] К. В. Тревер. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э. — СЭ, 1947, VI—VII, стр. 307; С. П. Толстов. Указ. работа, стр. 243; К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. История народов Узбекистана..., стр. 47; С. И. Руденко. Указ. работа, 1960, стр. 175.

[44] И. И. Копылов. Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1953, стр. 6.

на две группы: сведения письменных источников и предметы материальной культуры, добытые из раскопов и взятые из случайных находок и кладов.

В настоящей работе будет дан анализ новых материалов и характеристика памятников культуры, принадлежащих, по нашему мнению, сакам-тиграхауда, изученных нами в разные годы.

Во введении представляется возможным предложить читателю выборку сведений, касающихся непосредственно саков-тиграхауда, извлеченных из повествований греческих историков Геродота (V в. до н. э.), Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.), Полибия (II в. до н. э.), Страбона (I в. н. э.) и Птолемея (II в. н. э.), а также из ахеменидских клинописей.

В. В. Григорьев писал, что первоначально саки якобы были расселены в западной части Восточного Туркестана, на Тянь-Шане и Памире. Из этих районов они распространились до Балхаша и низовий р. Чу. При этом В. В. Григорьев ссылается на сведения о первоначальной родине саков, имеющиеся в «Махабхарата», в «Истории старшего дома Хань» и у Птолемея. Одинаковые сообщения трех разноязычных источников имеют большое значение и могут считаться достоверными. Эти сведения не вызывают сомнения у К. В. Тревер, А. Ю. Якубовского и М. Э. Воронец[45].

В надписи на рельефах гробницы Дария в ущелье Накш-и-Рустем, около Персеполя, в числе трех сакских народов, зависимых от Персии, упоминаются и саки-тиграхауда. Надпись «сака-тиграхауда» на рельефах расположена под изображением фигуры воина в остроконечной шапке.

Другим важнейшим документом, в котором говорится о саках-тиграхауда, является знаменитая Бехистунская надпись, высеченная в честь победы Дария над ними.

Пятый столбец надписи (строки 20—30), восстановленный В. В. Струве, читается следующим образом:

«Говорит Дарий-царь:
Вместе с войском саков я пошел
к стране саков, которая за морем,
эта шапку острой носит.
Затем я корабельный мост близко
к морю восстановил на его месте.
От этого корабельного моста прошел
я страну, и я саков сильно разбил,
одну часть я схватил, другая часть
связанной была приведена ко мне, и
их первого, наибольшего из них
Скунха по имени, его они захватили

[45] К. В. Тревер и др. Указ. работа, стр. 46.

и привели ко мне. Там другого
наибольшим сделал я, как моя воля была.
Затем страна моей стала»[46].

Еще раньше В. В. Григорьев высказал предположение, что бехистунских саков нельзя принимать за причерноморских скифов, что они родственны среднеазиатским сакам[47]. Позднее это предположение подтвердил А. А. Фрейман — крупнейший специалист по древнеперсидской письменности, подчеркнув, что в надписи Дария речь идет о походе против саков-тиграхауда[48].

Эту точку зрения поддерживают и авторы «Истории народов Узбекистана»[49].

Геродот также упоминает саков-тиграхауда, только называет их иначе — «ортокарибантии». Перевод слова тот же, что и «тиграхауда», т. е. носящий острую шапку. О них Геродот пишет так: «Саки — скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи и секиры-сагарии»[50]. Эти сведения наглядно подтверждает изображение саков на рельефе персепольского дворца (V в. до н. э.). На голове у них остроконечные шапки-треухи, они одеты в короткие до колен кафтаны с узкими рукавами и поясом и в узких штанах. На правом боку у них висят короткие кинжалы, а на левом — горит.

Хочется обратить внимание на одну важную, на наш взгляд, деталь в изображении, которую до сих пор не замечали.

В науке принято, что все саки, кроме аргипеев, о которых Геродот сообщает, что они «плосконосы и с большими челюстями»[51], т. е. монголоиды, по антропологическому типу — европеоиды. Но если внимательно присмотреться к изображениям саков-тиграхауда из дворца Ксеркса, то можно увидеть явные монголоидные признаки: плоское лицо, редкая, клином, борода, узкий разрез глаз. Эти признаки особенно контрастно выступают, если сравнить персепольские изображения с изображением воина на золотой пластине из Аму-Дарьинского клада.

Воин с аму-дарьинской пластинки имеет ярко выраженные европеоидные черты — удлиненное лицо, прямой разрез глаз, резко выступаю-

---

[46] В. В. Струве. Указ. работа, стр. 233. В. В. Струве считает, что в этих строках Дарий под саками подразумевает массагетов.

[47] В. В. Григорьев. Указ. работа, стр. 15—16.

[48] А. А. Фрейман. Новые работы по древнеперсидским надписям. — ВДИ, 1940, № 2, стр. 127.

[49] К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. Указ. работа, стр. 51.

[50] См.: ВДИ, 1947, № 2 (Геродот, VII, 64).

[51] Там же, 23—24.

Рис. 1. Саки-тиграхауда приносят дань персам (деталь рельефа из дворца Ксеркса в Персеполе, V в. до н. э.).

щий, с горбинкой, нос. По-видимому, это согдиец или сак-амюргии — древний европеоидный житель Средней Азии.

Таким образом, изучение персепольского изображения позволяет нам сделать следующий вывод. Из источников известно, что шапки остроконечной формы носили только саки-тиграхауда и саки-тарадарайя. Саки-тарадарайя — обитатели юго-восточного Прикаспия, т. е. района, который издревле и в настоящее время населен европеоидной расой,— не могли быть изображены на персепольском рельефе с монголоидными признаками. Следовательно, это фигуры саков-тиграхауда, обитателей Притяньшанья, Семиречья и Шаша. Соседство и общение их с обитателями района расселения центральноазиатской монголоидной расы, несомненно, привели к раннему расовому смешению семиреченских саков. Ранняя монголизация сако-усуньских племен подтверждается краниологическим материалом[52]. Причем постепенное смешение и начальная монголизация племен саков-тиграхауда начались еще за не-

[52] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Юго-Восточного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Археология, 1959, стр. 266—269.

сколько сотен лет до гуннов. По крайней мере, судя по изображениям на рельефе, уже в V в. до н. э. семиреченские саки имели некоторые монголоидные признаки.

В племенной союз саков-тиграхауда входили аксатаги, исседоны, аристеи, возможно и аргиппеи. Последнее как бы подтверждает сведения Геродота: об их монголоидности, соседстве с исседонами и обитании «у подножия высоких гор». По Геродоту, восточными соседями аргиппеев были исседоны, которые, видимо, после переселения из степей Центрального Казахстана расселились в Семиречье до границы с Восточным Туркестаном и частично на его территории. Если принять эту локализацию исседонов, то тогда объяснима усуньская легенда об их происхождении из района Бешбалыка[53].

Рис. 2. Золотая пластинка с изображением жителя Средней Азии (Аму-Дарьинский клад, VI—V вв. до н. э.).

Мы поддерживаем положение о тождестве усуней китайских летописей с исседонами Птолемея, обоснованное в работах Кингемилла и А. Н. Бернштама[54], а в настоящее время разделяемое и другими исследователями. Но история и история культуры усуней-исседонов — это особая проблема, заслуживающая отдельного исследования.

Таковы основные сообщения письменных источников о саках-тиграхауда — ортокарибантии. Приведенные сведения искусственно изолируют семиреченских саков от двух других групп среднеазиатских саков. В действительности эти родственные племенные объединения жили и развивались в теснейшем контакте, во вза-

[53] H. Matsuda. The Geo.-historical studies on ancient Tien-shan region. Tokyo, p. 3.

[54] А. Н. Бернштам. К вопросу об усунь-кушан и тохарах. (Из истории Центральной Азии).— Советская этнография (СЭ), 1947, № 3, стр. 41—47.

имосвязи и взаимовлиянии. Богатая событиями политическая история и история материальной и духовной культуры сакских племен тесно переплетена и родственна.

Вторым видом источников по сакам, как уже отмечалось, является археологический материал, отличающийся наибольшей достоверностью и позволяющий глубже изучить вопросы культуры, быта и идеологии племен.

Материальная культура саков Илийской долины, как и всего Семиречья, изучена еще очень слабо. Пока зарегистрированы буквально единицы памятников. Это объясняется не отсутствием их, а прежде всего тем, что специально поисками и исследованием сакских памятников никто не занимался.

Работы А. Н. Бернштама — первого открывателя и исследователя погребений саков долины р. Или — охватывают огромный период, начиная с эпохи бронзы и кончая поздним средневековьем. В них история саков не была специальным объектом исследования. Ее вопросы разрабатывались попутно, как часть многих проблем, решенных или поставленных А. Н. Бернштамом в своих трудах.

В настоящее время на территории Илийской долины известны семь сакских могильников, относящихся к разным этапам сакской культуры. Могильники Каргалы I и Кара-Шокы частично раскопаны А. Н. Бернштамом в 1939—1940 гг. и датируются им соответственно VIII—VII и V—IV вв. до н. э.[55]

В двух других могильниках Жуантобе I и Кадырбай III в 1956 г. Е. И. Агеева и А. Г. Максимова раскопали десять курганов, исследователи отнесли их: первый — к VII—VI и второй — к IV—III вв. до н. э.[56]

В остальных трех могильниках Бесшатыр, Кзылауз I, Алтын-Эмель I в разные годы, начиная с 1954 г., нами раскопано 40 курганов, причем могильник Кзылауз I, состоящий из 17 насыпей, раскопан полностью[57].

Много сведений о материальной культуре сакских племен дали случайные находки и клады, среди которых особую ценность представляет большая коллекция бронзовых котлов, жертвенников и светильников, хранящихся в основном в Центральном государственном музее Казах-

---

[55] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 24—26.

[56] А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе.— КС ИИМК, 1960, вып. 80, стр. 60—64; Е. И. Агеева. Курганные могильники северо-восточной части Алма-Атинской области.— Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии, 1959, вып. 36 (11), стр. 83—85.

[57] К. А. Акишев. Саки Семиречья. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Археология. 1959, стр. 204—214.

стана в г. Алма-Ате, а также в музеях Фрунзе, Ташкента, Джамбула, Омска, Семипалатинска, Москвы и Ленинграда.

Публикациям списка всех медных котлов, имеющихся в музейных коллекциях и известных по литературным и архивным источникам, посвящены две работы Е. Ю. Спасской[58]. В списке Е. Ю. Спасской приводятся 47 более или менее паспортизированных котлов, найденных на территории Казахстана, из них 32 из окрестностей г. Алма-Аты (Илийская долина). В это число вошли медные котлы, обнаруженные до 1956 г. В последующие 4—5 лет на территории северо-восточного Семиречья (Алма-Атинская область) найдено еще 15 котлов, из них два медных, остальные железные (?)*. Опять-таки большинство котлов (12 железных и 1 медный) обнаружено в окрестностях г. Алма-Аты. Таким образом, район города является своеобразным хранилищем котлов — символов домашнего очага и благополучия.

В районе нынешней Алма-Аты и ее окрестностях находят не только котлы, но и многочисленные клады светильников, бронзовых орудий труда, оружия, принадлежностей конской упряжи. Одним из первых (1855 г.) обнаружен клад медных или бронзовых предметов (бронзовый сосуд с носиком и витой ручкой, бронзовый вислообушный топор, долото и скребок) в окрестностях г. Верного, в с. Алексеевка. Н. Н. Пантусов все вещи передал в Археологическую комиссию[59]. В мае 1887 г. в г. Верном был открыт другой клад: поломанный медный жертвенник, два изображения крылатых барсов и две ножки в виде лап животных из семейства кошачьих [60]. По-видимому, это части разбитого жертвенника, аналогичного известному Семиреченскому алтарю, описанному А. С. Стрелковым[61]. Семиреченский алтарь — это прямоугольной формы стол на четырех низких ножках, на бордюре которого изображены идущие двадцать пять крылатых львов.

Большой клад (четыре медных и один железный котлы и бронзовый светильник) был обнаружен в 1912 г. в полураспаханном кургане меж-

---

[58] Е. Ю. Спасская. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии.— Ученые записки АГПИ, серия общественно-политическая, 1956, т. XI (1), стр. 155—169; ее же. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии. Там же, 1958, т. XV, стр. 178—193.

* В 1962 г. в районе г. Алма-Аты, у Каменского плато, был обнаружен клад из 10 медных котлов.

[59] «Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг.», СПб., 1889, стр. XCV—XCVI. В нашей работе эти вещи публикуются под названием «Новоалексеевский клад».

[60] «Записки Императорского археологического общества», 1887, т. III, новая серия, вып. 1, стр. 278.

[61] А. С. Стрелков. Большой Семиреченский алтарь. Сборник статей «С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882—1932 гг.», Л., 1934, стр. 477—493.

ду реками Большой Алматинкой и Поганкой, в 5 *км* от г. Алма-Аты[62]. Светильник украшен четырьмя фигурами крылатых тигров, помещенными по углам квадратной жаровни. Как и два других светильника, найденных в окрестностях г. Алма-Аты, он представляет собой уникальный памятник сакского искусства, свидетельствующий о высокой технике литейного дела.

Второй светильник найден на территории города. Его круглая жаровня укреплена на полой конусовидной подставке и украшена по бордюру восемью фигурками шагающих тигров. В середине тарелки имеются две скульптуры двугорбых верблюдов[63].

Третий светильник обнаружен в 1953 г. вместе с четырьмя (три медных и один железный) котлами в районе с. Иссык (недалеко от г. Алма-Аты). Круглая тарелка светильника лежит на ажурной конусовидной подставке. На тарелке укреплена скульптурная фигурка лошади, а напротив нее, поджав по-восточному ноги, сидит мужчина[64].

Эти находки привлекают внимание исследователей сако-усуньских древностей, так как они являются выдающимися памятниками, свидетельствующими о высокой культуре и совершенной технике литья, и, наконец, о художественном вкусе саков. На оригинальный способ литья этих предметов впервые обратил внимание И. И. Копылов, высказавший предположение о существовании у сакских мастеров-медников литья с разделителями — жеребейками[65]. В литературе, описывающей медные котлы, бронзовые жертвенники и светильники, нет единого мнения о назначении котлов и скульптурных изображений, являющихся неотъемлемой частью этих изделий. А. Н. Бернштам считает, что даже котлы, не говоря о жертвенниках и светильниках, всегда были культовыми, жертвенными предметами, связанными с шаманистско-зороастрийскими воззрениями племен[66]. С таким мнением нельзя согласиться полностью. Возможно, большие и нарядно украшенные котлы были культовыми. Но большинство из них, бесспорно, служило кочевникам удобной и универсальной посудой. Об этом говорит многочисленность котлов, разнообразие их размеров и, наконец, этнографические параллели из быта недавних кочевников — казахов и киргизов.

По-разному трактуются в литературе изображения животных на котлах, светильниках и жертвенных столах. Андерсон, исследуя ордос-

---

[62] Хранится в Государственном Эрмитаже, № СА-13762.

[63] Г. С. Мартынов. Иссыкские находки.— КС ИИМК, 1955, вып. 59, стр. 150—156.

[64] Хранится в Центральном Государственном музее Казахстана.

[65] И. И. Копылов. Из истории техники литейного дела в сакское время.— Ученые записки АГПИ им. Абая, серия общественно-политическая, 1957, т. XIV (2), стр. 291—299.

[66] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 43.

скую бронзу, пришел к выводу, что эти изображения зверей выполняют охотничье-магическую функцию; с его точкой зрения не согласна В. В. Гольмстен, которая видит в них символ тотема[67]. По мнению А. Н. Бернштама, звериные изображения выполняют тотемно-магическую функцию[68]. Мы присоединяемся к последнему мнению, но с оговоркой, что по мере развития сакской культуры скульптурные изображения все более становились предметами украшения изделия. Находка светильника из с. Иссык с изображением лошади и человека подтверждает наше предположение.

Многочисленные находки сакской бронзы на территории Семиречья свидетельствуют о мощном местном очаге производства и самобытности сюжетов изделий.

В последнее время только на территории северо-восточного Семиречья обнаружены новые клады бронзовых предметов и отдельные изделия (Турксибский клад, Иссыкский клад, котел из района г. Текели и др.). Эти находки не только пополнили коллекцию сакской бронзы, но и позволили более уверенно определить их датировку. Описание новейших находок будет дано в соответствующем разделе работы.

---

[67] В. В. Гольмстен. Из области культа древней Сибири.— Известия ГАИМК, 1933, № 100.

[68] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 40—50.

Глава I

МОГИЛЬНИК БЕСШАТЫР — УСЫПАЛЬНИЦА ЦАРЕЙ САКОВ-ТИГРАХАУДА

Илийская долина — своеобразный природный коридор, образованный горными цепями Заилийского Алатау на юге и хребтами Малайсары, Шолактау, Алтын-Эмель и Катутау на севере. С запада на восток долина открыта на 600—700 *км,* начиная с прибалхашских песков до г. Кульджи. Только в одном месте этот огромный коридор частично перегораживает «последний щит» — всегда синеватые, подернутые дымкой горы Аяккалкан. Сильные постоянные северо-западные ветры летом приносят жаркое дыхание Бетпак-Далы и Сары-Ишик-Отрау, а зимой начисто выдувают снег с равнины правобережья реки.

Географическое положение Илийской долины определило ее значительную историческую роль. Она представляет собой широкий проход, связывающий Казахстан и Среднюю Азию с Восточным Туркестаном и далее с Китаем, что способствовало раннему установлению экономических и политических связей между странами, взаимопроникновению и смешению племен, взаимовлиянию культур.

Узкая полоса правобережья среднего течения р. Или, где расположены величественные курганы Бесшатыра, ограничена на севере горами Шолактау, а на юге — берегом самой реки. Местность густо изрезана большими и малыми саями, образованными дождевыми и паводковыми водами, стекающими с гор; растительность бедна, только в дождливые годы и ранней весной все вокруг покрывается ярким ковром полевых цветов и эфемеров, в остальное время встречаются лишь заросли камыша и кустарников, джиды и чингиля, на низких затопляемых поймах р. Или.

Бесшатырский могильник расположен у подножья гор Желшалгыр, у входа в ущелье Шилбыр, в 3 *км* от берега реки и в 100 *км* на восток от пос. Илийск. Памятник у местного населения носит название могилы Бесшатыр.

С возвышенного, открытого с трех сторон места, где находится могильник, хорошо просматривается все левобережье реки, вплоть до отрогов Заилийского Алатау.

Первое и единственное сообщение о Бесшатыре имеется в работе В. Д. Городецкого. В ней лишь упоминается, что на правом берегу р. Или расположены курганы Бесшатыра и что их в 1924 г. посетил В. Парфентьев[1]. В известных нам трудах других исследователей, занимавшихся в разные годы изучением Семиречья, об этом памятнике ничего не говорится.

Бесшатырский могильник вытянут с севера на юг на 2 *км*, с запада на восток — на 1 *км* и состоит из 31 кургана, из них 21 курган с каменным покрытием и 10— с насыпью из щебня и земли. Особой системы в расположении курганов нет, но можно выделить две более или менее компактные группы: северную и южную. Северная группа состоит из шести каменных курганов. В нее входят три самых больших кургана-могильника: Большой, Второй и Третий бесшатырские курганы.

Южная группа курганов находится в 0,5 *км* от северной и насчитывает четыре каменных кургана, вытянутых в цепочку в меридиональном направлении. На северо-западной стороне к цепочке примыкают пять малых щебеночных курганов, остальные разбросаны по всей территории могильника.

По размерам насыпей курганы можно разделить на большие, средние и малые. Диаметры больших курганов варьируют от 45 до 105 *м*, а высота — от 6 до 17 *м*; у средних, соответственно, 25—38 *м* и 5—6 *м* и у малых — 6—18 *м* и 0,8—2 *м*.

За четыре года (1957, 1959—1961) в могильнике раскопано 18 курганов, из них три больших, остальные средние и малые. В 1957 г. вскрыто два малых кургана (24 и 25), в 1959 г.— большой — Шестой бесшатырский курган и пять малых курганов (15, 26, 27, 29 и 30). Наибольшее количество курганов раскопано в 1960 г. В этом году исследованы: Третий бесшатырский курган, два средних (8 и 14) и шесть малых (17—22).

К сожалению, все курганы, за редким исключением (25), разграблены людьми, знакомыми с устройством этих сакских «пирамид».

Однако, несмотря на это, бесшатырские курганы дали не только прекрасный датирующий материал (кинжалы, наконечники стрел), но и, что особенно ценно, неизвестные ранее типы монументальных надмогильных конструкций, позволившие по-новому судить о культуре сакских племен Семиречья, об уровне их строительной техники, об опыте использования в строительстве жилых и культовых сооружений дере-

---

[1] В. Д. Городецкий. Древности Семиреченской (Джетысуйской) области. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукописный фонд, инв. № 37, стр. 16.

ва, камня и камыша. Кроме того, в результате тщательного изучения бревенчатого сооружения получены данные о способе обработки древесины и основных плотничьих орудиях древних обитателей этих мест.

По внешним наземным сооружениям, сложной структуре насыпи и монументальным погребальным устройствам бесшатырские курганы являются не просто надмогильными насыпями, а выдающимися памятниками сакской архитектуры.

§ 1. Архитектура бесшатырских курганов

Каждый курган представляет собой целое архитектурное сооружение не только с внешней стороны, но и по сложности внутреннего устройства. Более того, можно с уверенностью сказать, что каждый большой курган — это своеобразный архитектурный ансамбль, состоящий из комплекса нескольких отличных друг от друга сооружений, дополняющих огромные насыпи. Звеньями, частями этого ансамбля являются кольцевые менгирные сооружения, каменные стены и выкладки, подземные ходы и т. д. В целом эти сооружения создают впечатление не просто погребальных насыпей, а памятников древней архитектуры, воздвигнутых для увековечения памяти вождей и возвеличения славы и могущества племени.

Далее мы даем полное описание каждого большого и раскопанных средних и малых курганов.

Большой бесшатырский курган расположен в северо-восточной части могильника. Это самый крупный курган, величественно возвышающийся над остальными. Диаметр — 104 *м*, средняя высота — 15 *м*. Наиболее сохранившаяся сторона кургана достигает 17 *м* высоты. Насыпь имеет форму усеченного конуса, плоская вершина которого имеет в диаметре 32 *м*. Каменное покрытие кургана у основания плотно уложено в несколько рядов, что создает впечатление цоколя, на котором и покоится громада насыпи (рис. 4). С северной и южной сторон насыпи прослеживаются западины (шириной 2 *м*), спускающиеся сверху вниз. Южная западина у полы кургана заканчивается плоским бугром из щебня, диаметром 20 *м* и высотой 2 *м*. Насыпь на расстоянии 5—7 *м* опоясана каменным валом шириной 2 *м*, высотой 50—60 *см* (рис. 5).

В 1961 г. нами был зачищен отрезок вала длиной в 35 *м*, чтобы проверить, не является ли он остатком разрушившейся каменной стены. Раскопка не подтвердила этого предположения, остатки кладки не были обнаружены. Таким образом, стало ясно, что сами строители памятника специально соорудили опоясывающий вал, но в то время высота его была примерно в два раза больше современной (рис. 6, 7).

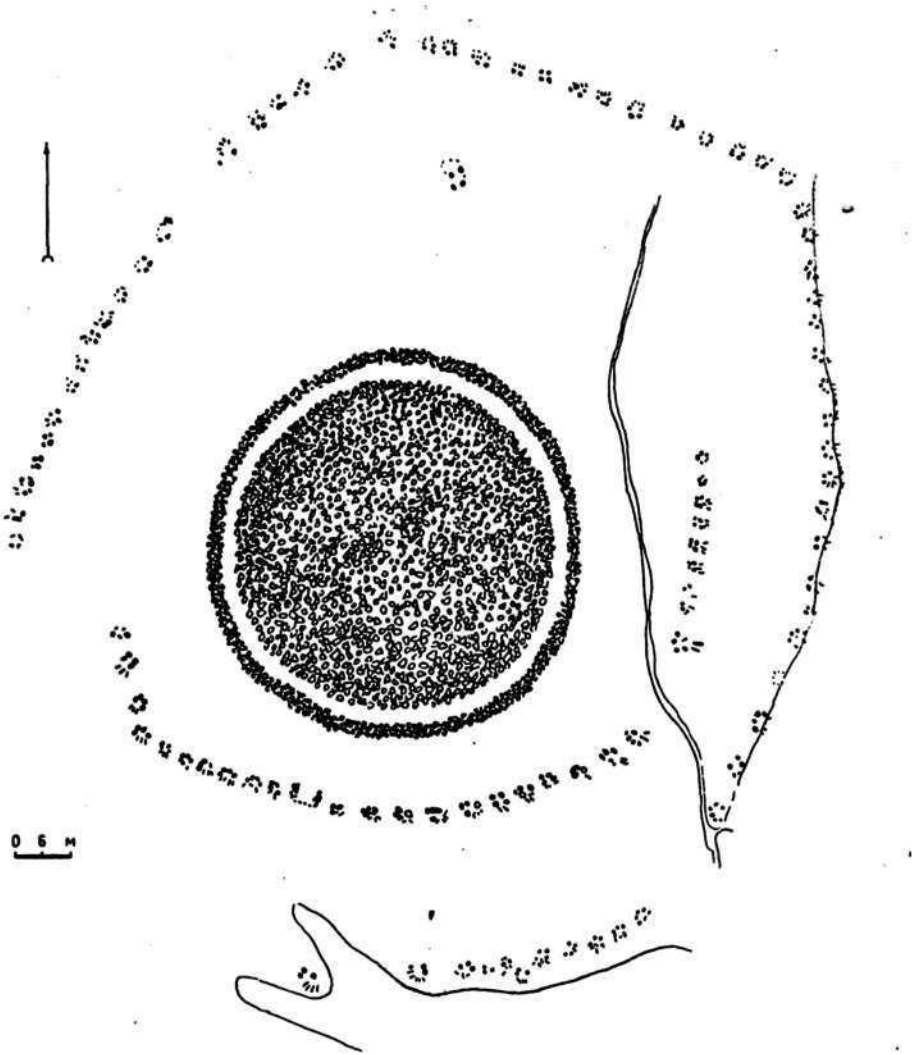


Рис. 3. План Большого бесшатырского кургана.

С западной и северо-западной сторон кургана камни вала разобраны местными жителями как строительный материал.

Достопримечательностью памятника также являются расположенные рядом с насыпью кольцевые сооружения, составленные из крупных каменных столбов (менгиры), врытых на торец, и больших валунов. Для удобства эти сооружения будем называть в дальнейшем «оградами».

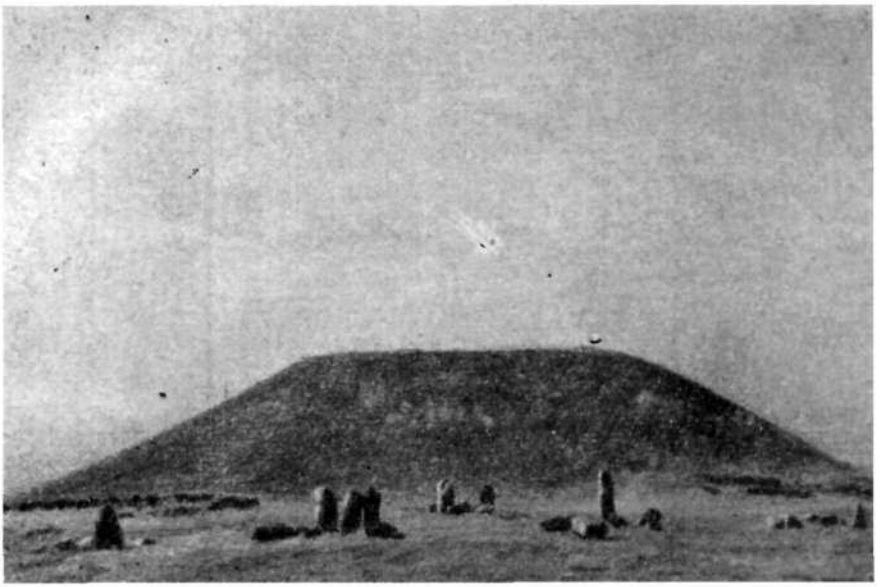


Рис. 4. Большой бесшатырский курган.

Рис. 5. Каменный вал до раскопок.

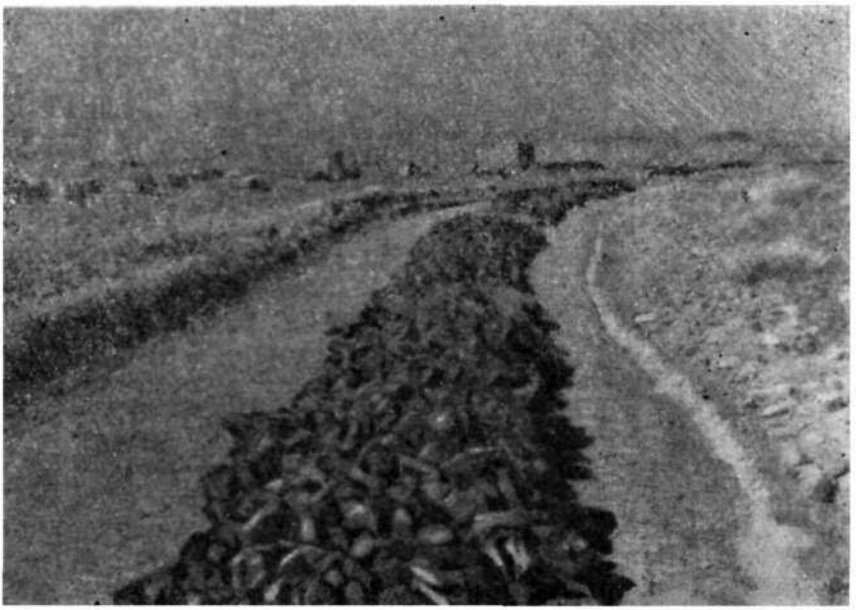


Рис. 6. Каменный вал после раскопок.

Рис. 7. «Ворота» в каменном вале.

Всего около Большого кургана 94 ограды. Они расположены вокруг насыпи завитком, причем начало спирали (ограда 1) находится на восточной стороне кургана и отстоит от каменного вала на 30 *м*, а конец завершается у ограды 93, расположенной на юге на расстоянии 50 *м* от вала. В северной части цепь из оград проходит в 70 *м*, а на западе — в 36 *м* от вала. Расстояние между оградами в среднем — 3 *м*, диаметр оград — 2—3 *м*. Ограда 94 находится внутри цепи оград, расположенных на северной стороне кургана (рис. 8, 9).

На некоторых вертикально стоящих каменных столбах оград выбиты тамги казахских родов, среди которых можно разобрать так называемую «козтанба».

В 250 *м* на северо-восток от кургана есть еще семь оград подобного типа, вытянутых с юго-востока на северо-запад на 40 *м*. Около этих обособленных оград обнаружено большое количество мелких черепков глиняных сосудов, среди которых иногда встречаются ручки от глиняных котлов.

В 1957 г. проводились работы по выяснению назначения оград. Около Большого кургана, преимущественно с юго-восточной и южной сторон, было раскопано 14 наиболее крупных и сохранившихся оград. В них, за исключением двух, на незначительной глубине обнаружены зольно-сажистые пятна (размером 30×50 *см*). В двух оградах, кроме зольных пятен, найдены мелкие кусочки кальцинированной кости, небольшой обломок керамики и бусина. Можно утверждать, что ограды вообще имели культовое назначение, а в данном случае были, бесспорно, связаны с культом огня.

На насыпи Большого кургана имеется огромная воронка диаметром 32 *м* и глубиной 7 *м* — это следы хищнического разграбления.

Первый бесшатырский курган. В группе больших курганов могильника он расположен севернее других. Его диаметр — 52 *м*, высота — 7,6 *м*. Высота насыпи с южной стороны—8,93 *м*. Курган имеет каменное покрытие. У основания насыпи камень уложен более плотно. Вершина кургана плоская, на восточной стороне сохранилась воронка глубиной до 2 *м* и 16 *м* в диаметре — следы ограбления. Никаких дополнительных сооружений памятник не имеет.

Первый бесшатырский курган раскопан в 1961 г. В ходе работ удалось проследить структуру насыпи. Она состояла из трех слоев. Верхний слой составляет каменное покрытие толщиной до 1 *м* у верхушки кургана и до 3 *м* у основания. Самый мощный — второй слой, состоящий из земли и щебня, его толщина от 3,5 до 13 *м*. Нижний слой состоял из крупного битого камня, он был толщиной от 1,5 до 10—12 *м* (рис. 10—11). Под этим слоем наброски стояла большая деревянная постройка из обработанных целых бревен тяньшанской ели (рис. 12—14). Это строение и было «царской» усыпальницей. Оно было воздвиг-

Рис. 8. Менгирные ограды.

Рис. 9. Менгирная ограда.

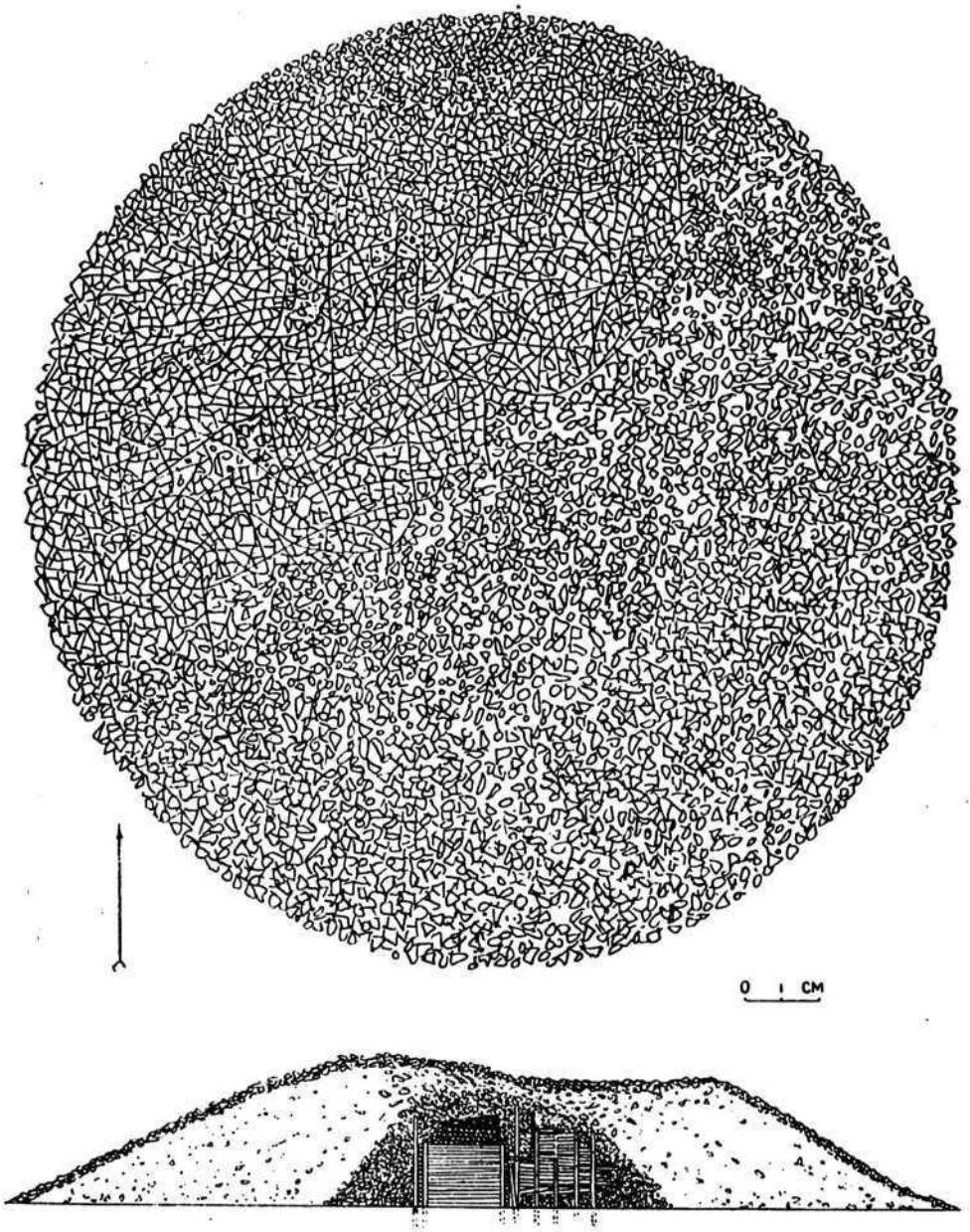


Рис. 10. План и разрез Первого бесшатырского кургана.

Рис. 11. Появление вертикальных зажимающих столбов усыпальницы.

Рис. 12. Общий вид кровли; камышовое покрытие на бревнах наката.

нуто на поверхности погребенного под насыпью грунта, т. е. являлось полностью наземным сооружением.

Бесшатырская усыпальница — сложная для своего времени деревянная конструкция. Она состоит из трех частей: коридора (дромос), преддверной пристройки и погребальной камеры. Коридор представляет собой длинное, высокое и открытое (без перекрытия) сооружение размером 5,75×1,50 *м*. Высота его более 5 *м*. Преддверная пристройка — это продолжение коридора, она ниже его почти на 2,5 *м*, прямоугольной формы, и примыкает к восточной стене погребальной камеры. Размер 1,75×1,25 *м*, крыта пятью короткими бревнами. Боковые стены этих двух входных сооружений общие, сложены из бревен, положенных друг на друга. Нижние бревна покоятся на каменной основе. С внутренней стороны горизонтально положенные бревна поддерживают пять столбов, вкопанных в землю на глубину до 1 *м*.

Коридор делится на два отсека (колодца) поперек положенными по отношению к боковым стенам и всунутыми между бревнами стен плахами (рис. 16—18). Погребальная камера имеет форму неправильного квадрата (3,60×3,30 *м*), ее высота 4 *м*, ориентирована сторонами по странам света, с небольшим отклонением. Стены камеры возведены из бревен тяньшанской ели, положенных друг на друга в 16 рядов. Потолком и крышей служат бревна наката, лежащие прямо на стенах камеры в длину в меридиональном направлении. Толщина наката семь — восемь бревен.

Бревна, образующие стены камеры, удерживают 16 вертикально врытых столбов. С каждой из трех сторон имеется по два наружных и по два внутренних столба. Наружные столбы врыты у концов лежащих бревен, а внутренние — по углам. Только у восточной стены как снаружи, так и изнутри стоит по четыре зажимающих столба. Это объясняется тем, что посередине стены, на высоте второго бревна снизу и седьмого сверху, сделан дверной проем размером 150×75 *см* (рис. 19). Он имеет порог высотой в одно бревно.

Все бревна усыпальницы хорошо обработаны: заподлицо срублены сучья, снята кора. Бревна, составляющие стены камеры, тщательно отесаны и плотно пригнаны друг к другу; для придания сооружению большей устойчивости толстая комлевая часть бревен поочередно обращена в противоположные стороны. Таким чередованием достигалась не только устойчивость кладки, но и предотвращался перекос стен.

На углах камеры бревна прилегающих стен (рис. 20—21) лишь касаются друг друга и не скреплены между собой. Таким образом, бесшатырское сооружение не является срубом в обычном понимании.

На бревнах хорошо сохранились следы долота и ножа — орудий, которыми рубили и обрабатывали дерево; на всех бревнах на концах и посредине имеются проушины (рис. 22—23).

Рис. 13. Бревна наката.

Рис. 14. Южный фасад усыпальницы.

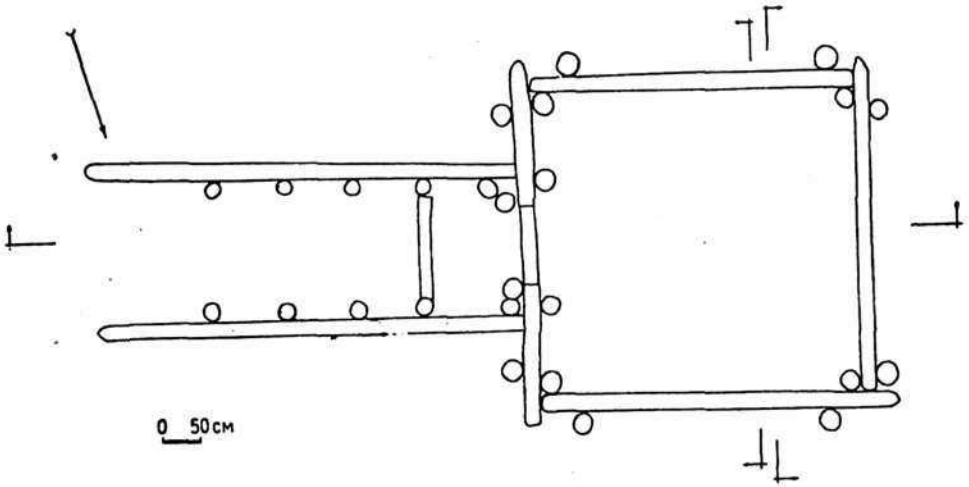


Рис. 15. План бревенчатой усыпальницы.

Рис. 16. Северный фасад.

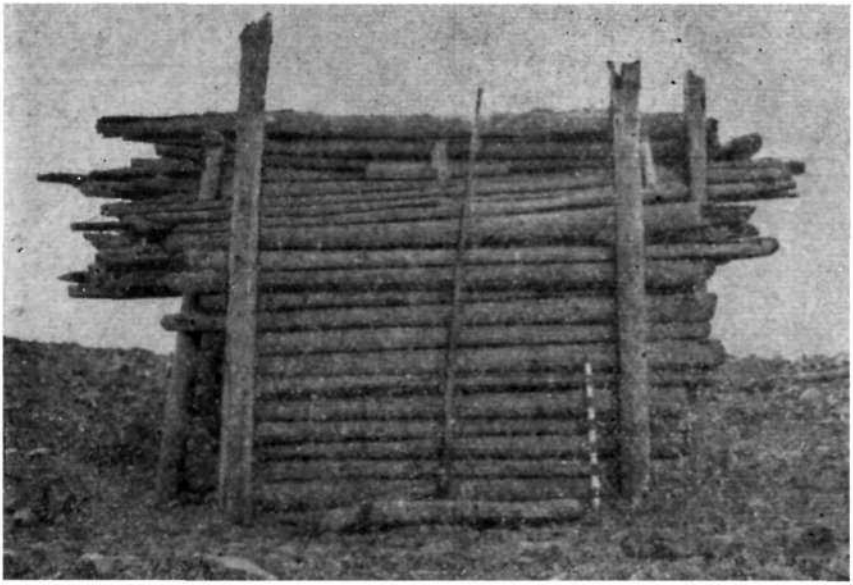


Рис. 17. Западный фасад.

Рис. 18. Восточный фасад — вход в усыпальницу.

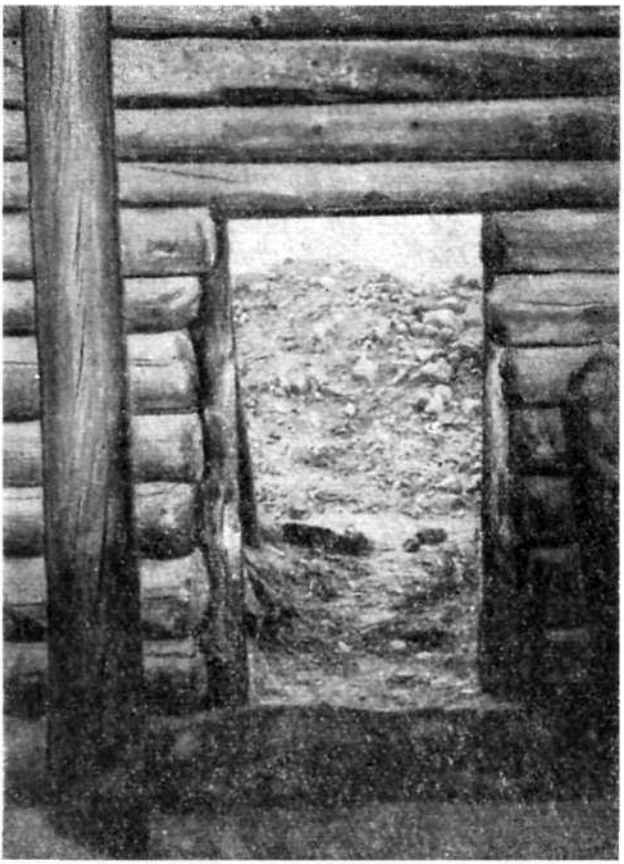


Рис. 19. Дверной проем погребальной камеры.

Плоское перекрытие погребальной камеры, состоящее, как уже отмечалось, из наката бревен в семь-восемь рядов, было покрыто сверху камышовыми матами, перевязанными чиевыми веревками.

После совершения обряда погребения вход в камеру был заложен крупными камнями, а отсеки коридора до самого верха забутованы камнем вперемешку со щебнем. После этого над погребальным сооружением, возвышающимся над окружающей местностью более чем на 5 *м*, была сооружена огромная насыпь из камня и щебня.

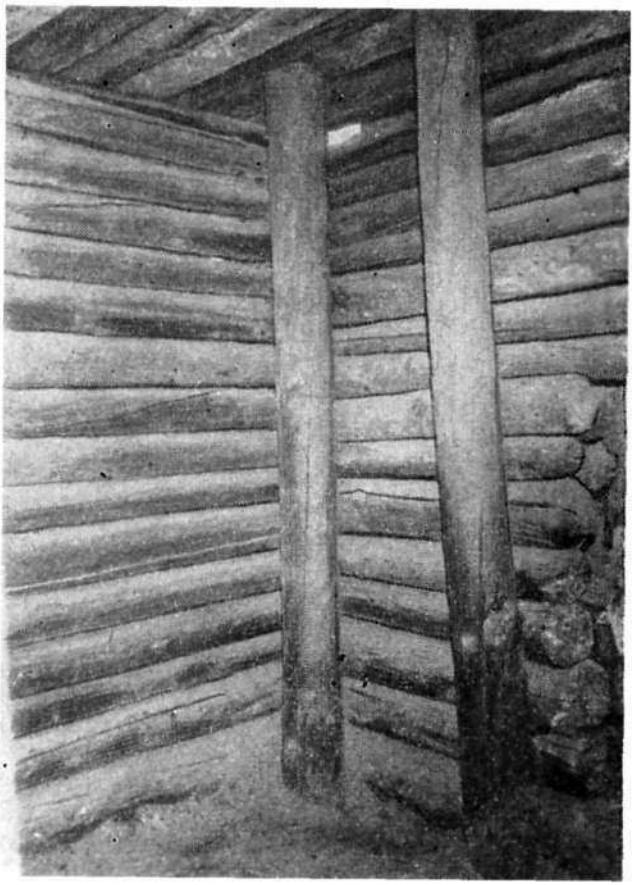


Рис. 20. Северо-восточный внутренний угол погребальной камеры.

Однако и эти, казалось бы надежные, защитные меры не спасли усыпальницу от разграбления. Грабители разрыли насыпь, разобрали забутовку, спустились вниз по первому отсеку в коридор и проникли в погребальную камеру. Поэтому при наших раскопках вход уже был открыт, а погребальная камера заполнена землей и камнем толщиной в метр. Заполнение произошло через лаз, уже после ухода грабителей. На земляном полу камеры после расчистки от завала были обнаружены разрозненные кости мужского и женского скелетов, кости животных, деревянные ножки какого-то предмета.

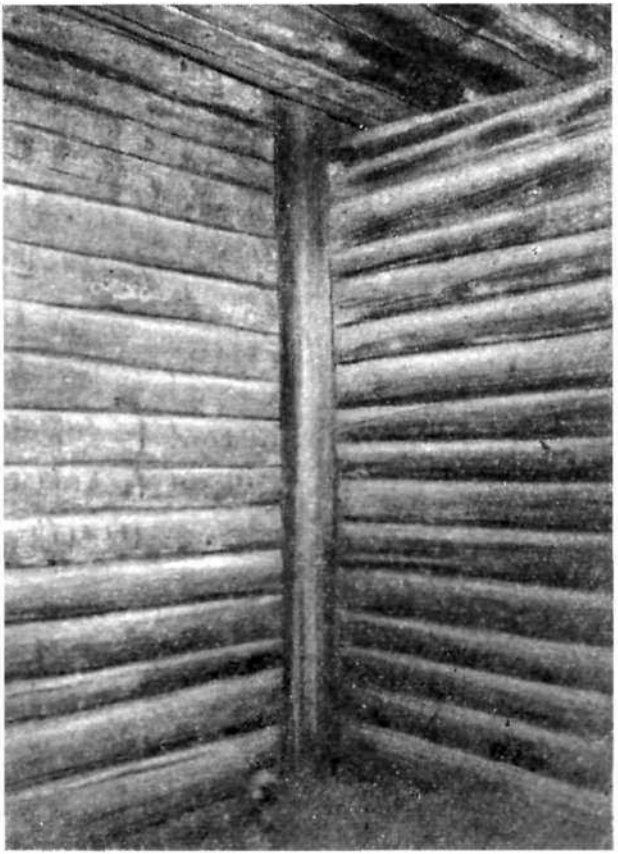


Рис. 21. Северо-западный внутренний угол погребальной камеры.

Второй бесшатырский курган. Расположен в 100 *м* к северу от Большого кургана. Диаметр — 68 *м*, средняя высота — 9,5 *м*. Насыпь имеет каменное покрытие, причем наиболее крупные камни в несколько слоев плотно уложены у основания кургана. Курган окружает каменный вал шириной 2—2,5 *м*, высотой 30—50 *см*, отстоящий от основания насыпи на 5—7 *м*. На отдельных участках вала сохранились остатки кладки.

На северо-восточной стороне кургана расположена цепь из 12 оград, вытянутых с юго-востока на северо-запад на 100 *м*. Ограды составлены из крупных валунов и менгиров. Все менгиры врыты с внешней по

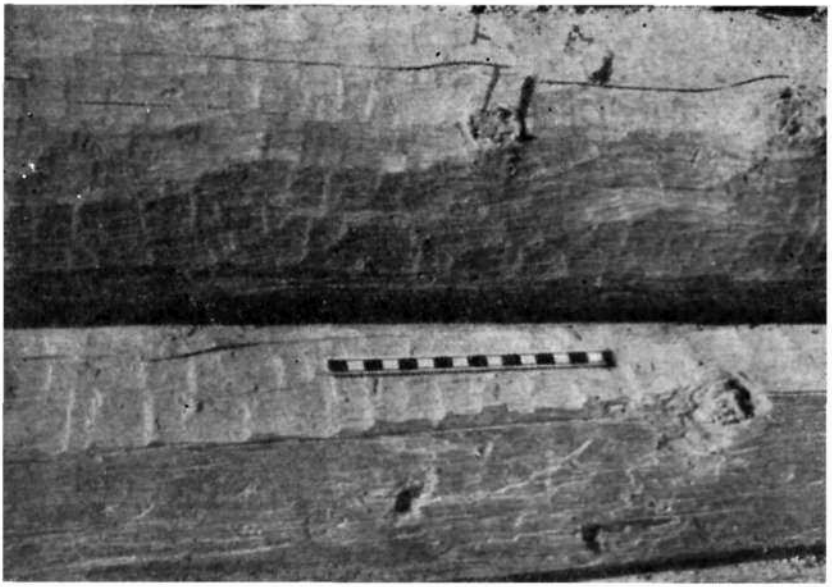


Рис. 22. Следы плотничьего орудия на бревнах.

Рис. 23. Разборка и перевозка усыпальницы.

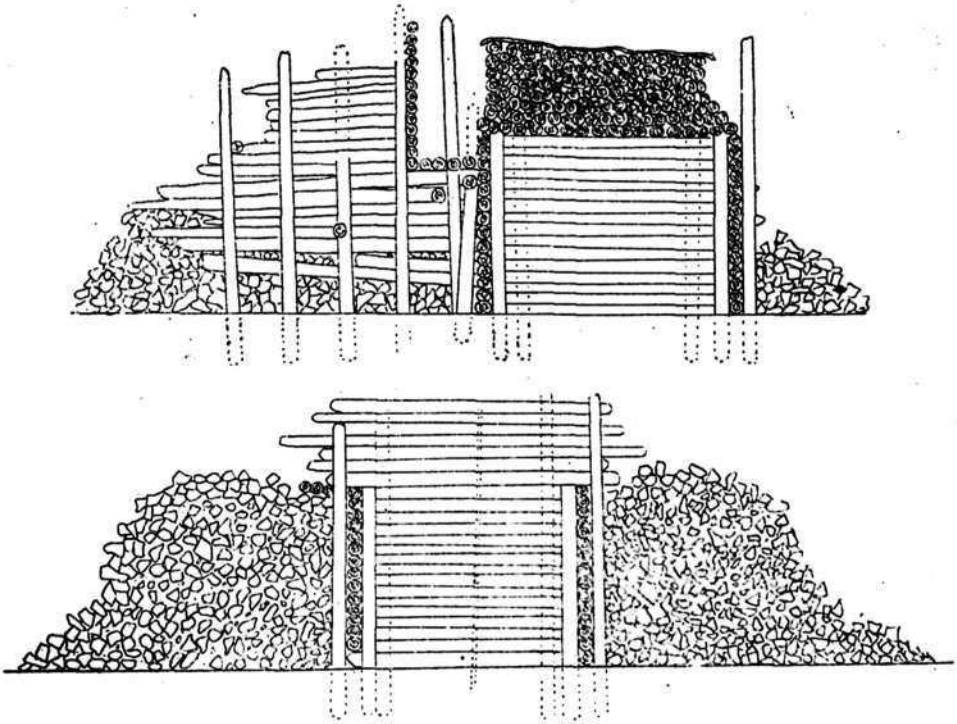


Рис. 24. Разрез северной и западной сторон усыпальницы.

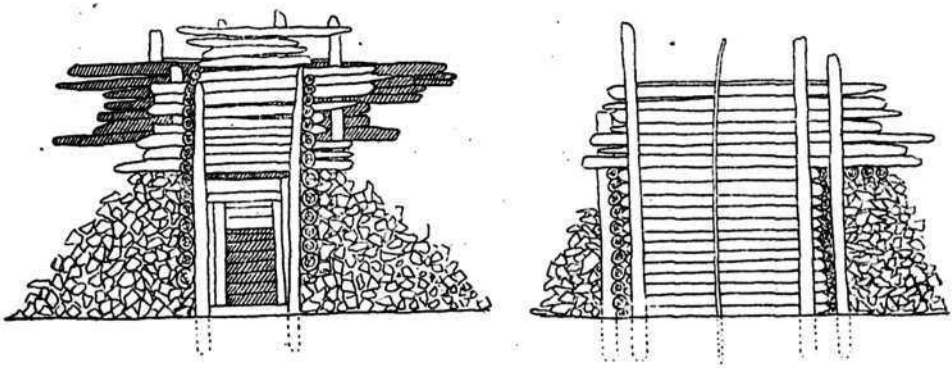


Рис. 25 Вид усыпальницы с западной и восточной сторон.

отношению к кургану стороны оград, а валуны лежат с внутренней. Крайняя юго-восточная ограда находится в 20 *м* от вала, а северо-западная — в 50 *м*.

На насыпи кургана имеется грабительская воронка глубиной 5 *м*.

Третий бесшатырский курган. Расположен в северо-западной части могильника, второй по величине курган после Большого (рис. 27). Диаметр с севера на юг — 73 *м*, с запада на восток — 75 *м*, высота — 11,5 *м*. Вершина кургана плоская (диаметр 20 *м*), разрушена большой грабительской воронкой глубиной 3 *м*. По основанию насыпь выложена крупным битым камнем, создающим впечатление, что курган покоится на фундаменте. На южной стороне насыпи имеется западина (шириной 3 *м*), спускающаяся сверху вниз и заканчивающаяся плоским бугром диаметром 12 *м* и высотой до 1 *м*. Такая же западина есть на северо-западной стороне.

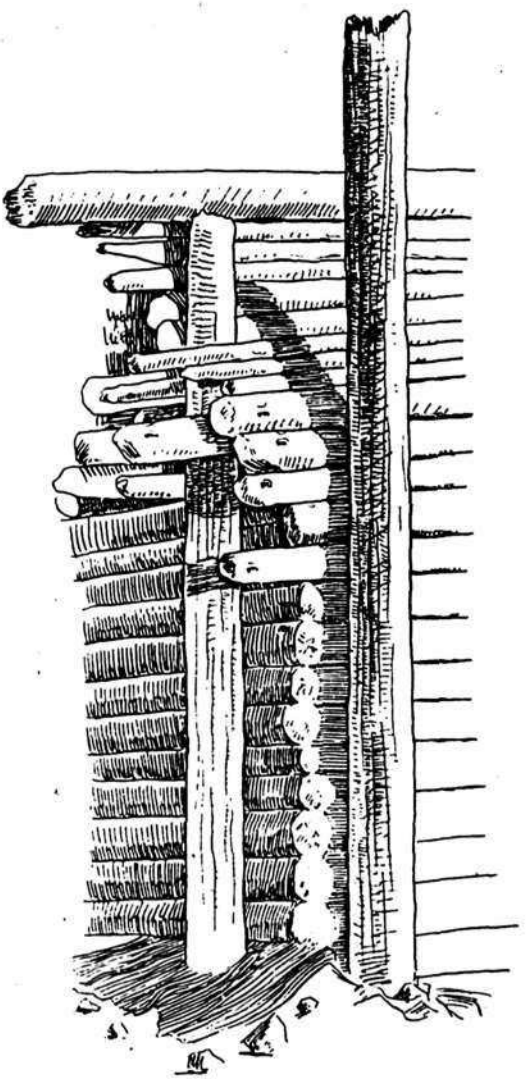


Рис. 26. Угловой стык бревен усыпальницы

В 4 *м* от основания кургана проходит каменный вал шириной 1,3—1,7 *м*. В некоторых частях вала, особенно в северной, сохранилась кладка из камня (рис. 27, 28), ее высота 50—60 *см*.

Курган окружают 40 оград, составленных из крупных валунов и менгиров. Последние всегда врыты с внутренней (к кургану) стороны. Ограды с юга отстоят от вала на 50 *м*, с севера — на 17 *м*, с запада — на 15 *м* и с востока — на 8 *м*. На западной стороне в цепи оград имеется разрыв

Рис. 27. Третий бесшатырский курган до раскопок.

Рис. 28. Остатки каменной стены вокруг насыпи до раскопок.

в 70 *м*, а на северной — в 55 *м*, в результате этого на северо-западной стороне кургана есть лишь 3 ограды.

С юго-восточной стороны насыпи, между валом и цепью оград, расположены две отдельно поставленные ограды. Всего их насчитывается 42. На одном из валунов, входящем в отдельную южную ограду, выбит острым орудием рисунок. Изображен горный козел с большими загнутыми рогами, лежащий на спине. В горло ему вцепился волк с длинным, опущенным вниз хвостом и торчащими вверх ушами.

Раскопки Третьего кургана проводились в 1960 г. Была снята насыпь кургана, раскопаны три ограды и сделана зачистка отрезка каменного вала длиной в 40 *м*. Для выяснения структуры была снята на полную высоту южная половина насыпи (рис. 29). Раскоп показал, что насыпь состоит из 17 чередующихся слоев из камня и земли со щебнем (рис. 30). В горизонтальном разрезе эти слои выглядят как концентрические кольца шириной: каменные — в 30—50 *см*, земляные — 2—4 *м*. Внутри кургана в центре находилась насыпь из крупного щебня и камня высотой 4 *м*, диаметром 15 *м*. Как и в других раскопанных бесшатырских курганах, здесь также под каменной насыпью когда-то была бревенчатая усыпальница. Но она оказалась сожженной: вероятно, грабители хотели скрыть следы хищнических раскопок.

Курган имел подземные ходы, прорытые в коренной породе. Вход в подземелье начинался с западины на южной половине насыпи. Высота ходов до 1,7 *м*, ширина до 1,3 *м**.

Раскопки каменного вала позволили установить, что это остатки разрушившейся каменной стены, возведенной вокруг насыпи (рис. 31). Высота кладки стены после расчистки — 70 *см* (рис. 32). Судя по количеству камней, упавших вниз, первоначальная высота стены была 1—1,2 *м*.

Четвертый бесшатырский курган. Насыпь имеет каменное покрытие, у основания кургана камни плотно уложены на ширину в 3 *м*. На плоской вершине кургана сохранилась воронка глубиной 2,5 *м*, сделанная грабителями.

С юго-восточной стороны кургана расположено 11 оград, составленных из валунов. Диаметр кургана 48 *м*, высота 7 *м*.

Пятый бесшатырский курган. Расположен в южной группе, насыпь с каменной наброской, у основания камни плотно уложены на ширину в 2 *м*. На плоской вершине кургана — воронка — следы ограбления. Диаметр кургана 45 *м*, высота 6 *м*.

Шестой бесшатырский курган. Самый южный из группы больших курганов, имеет каменное покрытие, по основанию насыпи камни уложены плотным слоем. На плоской вершине кургана, с юго-восточной сто-

* Расчистка подземных ходов в дальнейшем будет продолжена.

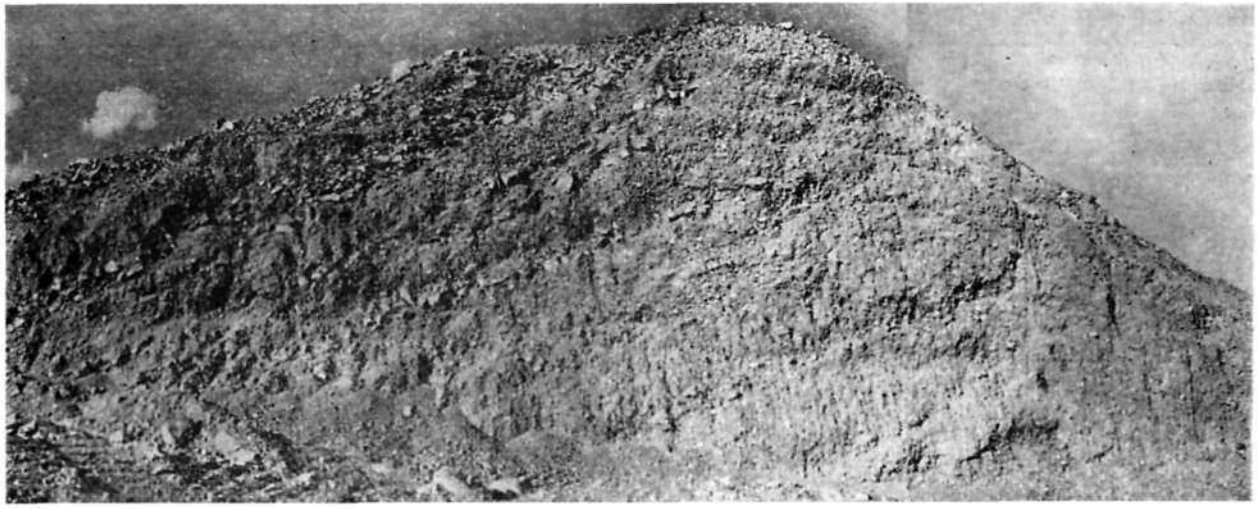


Рис. 29. Панорама разреза насыпи.

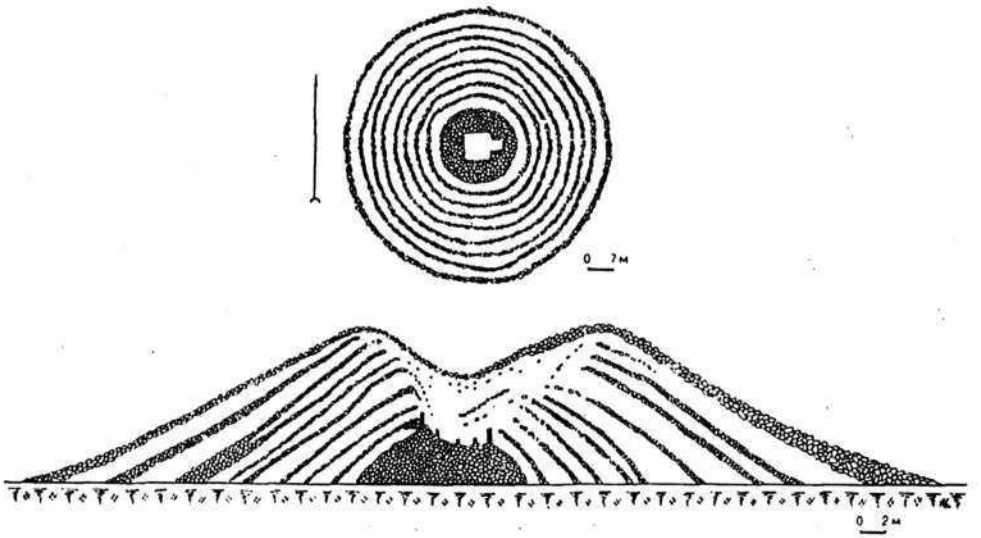


Рис. 30. Горизонтальный и вертикальный разрезы насыпи.

Рис. 31. Каменная стена после раскопки.

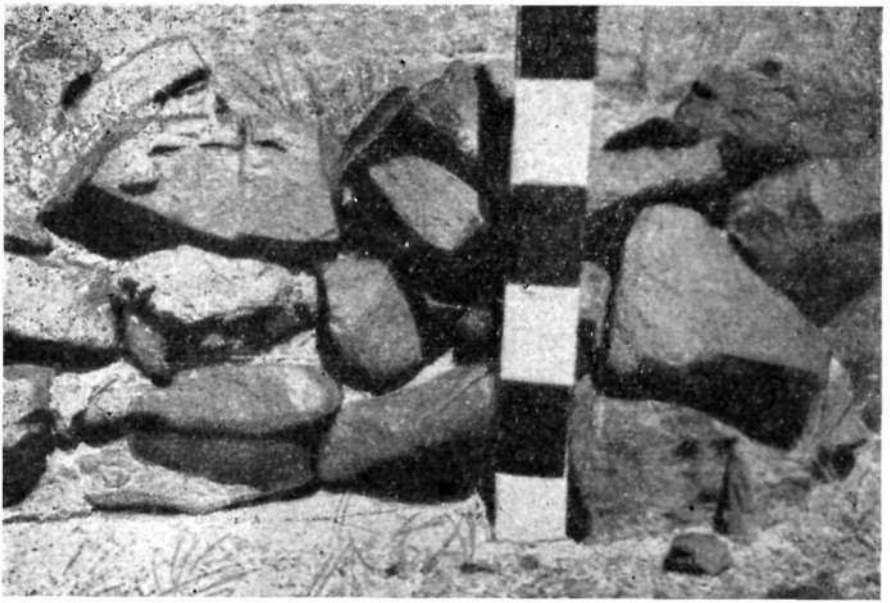


Рис. 32. Деталь кладки каменной стены.

роны находится воронка глубиной 2,5 *м*. На северной половине насыпи — западина шириной 2 *м*, спускающаяся вниз, у основания она заканчивается щебеночным бугром (диаметр 4 *м*, высота 1,2 *м*). С северо-западной стороны, на расстоянии 60 *м* от насыпи, расположено 14 оград, вытянутых цепью с юга на северо-запад на 70 *м*. Ограды составлены из 5—7 менгиров и валунов. Диаметр кургана — 52 *м*, высота — 8 *м* (рис. 33).

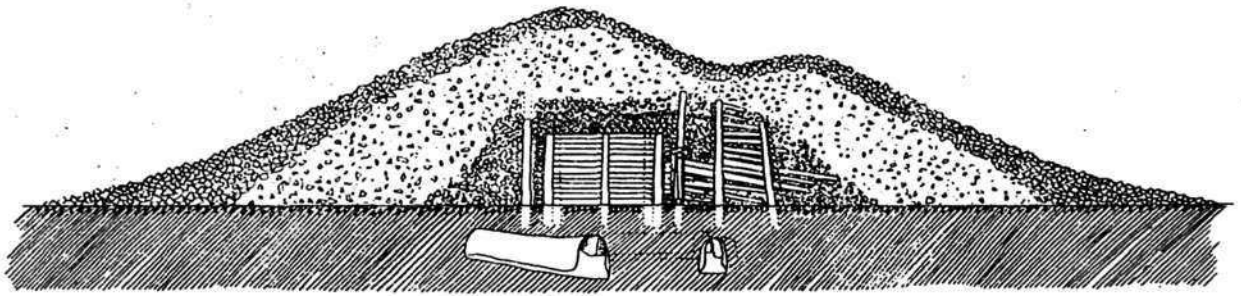
Шестой курган раскопан в 1959 г. Проведенные исследования показали, что насыпь кургана, так же как и в Первом кургане, трехслойная: верхний слой — каменное покрытие толщиной вверху в 1 *м*, у основания — до 3 *м*; средний слой — земля с щебенкой —2—13 *м* и нижний — крупный щебень с камнем —1,5—4 *м*.

Нижний слой, как и в Первом кургане, закрывал наземную бревенчатую усыпальницу, аналогичную усыпальнице Первого кургана (рис. 34, 36—39).

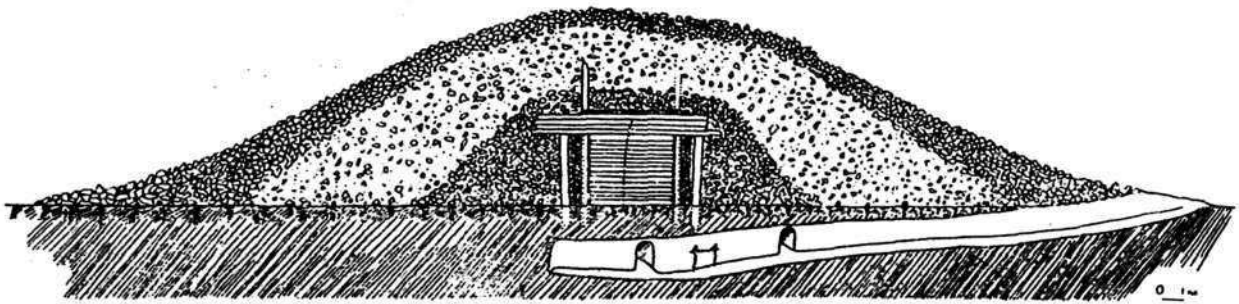
Усыпальница Шестого кургана также состоит из трех частей: коридора (дромос), преддверной пристройки и погребальной камеры (рис. 40). Коридор — длинное, высокое (до 5 *м*) и открытое (без перекрытия) сооружение, размером 5×1,3 *м*. Оно выше камеры на 1 *м*.

Рис. 33. Шестой курган до раскопок.

Рис. 34. Вид усыпальницы на глубине 5 *м*.



разрез с З на В



разрез с СЗ на ЮВ

Рис. 35. Разрезы насыпи и катакомбы.

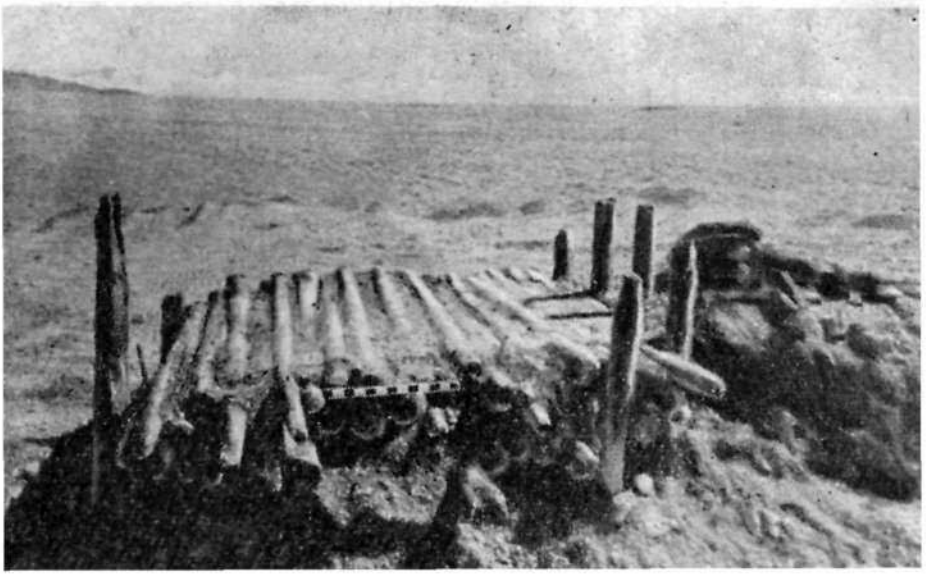


Рис. 36. Вертикальные столбы и верхний ряд бревен.

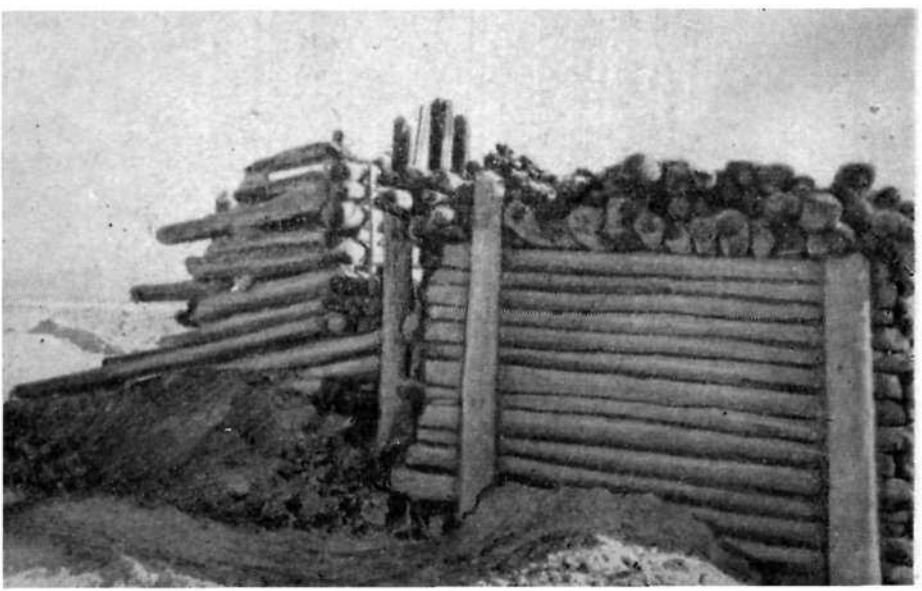


Рис. 37. Северный фасад и вход в усыпальницу.

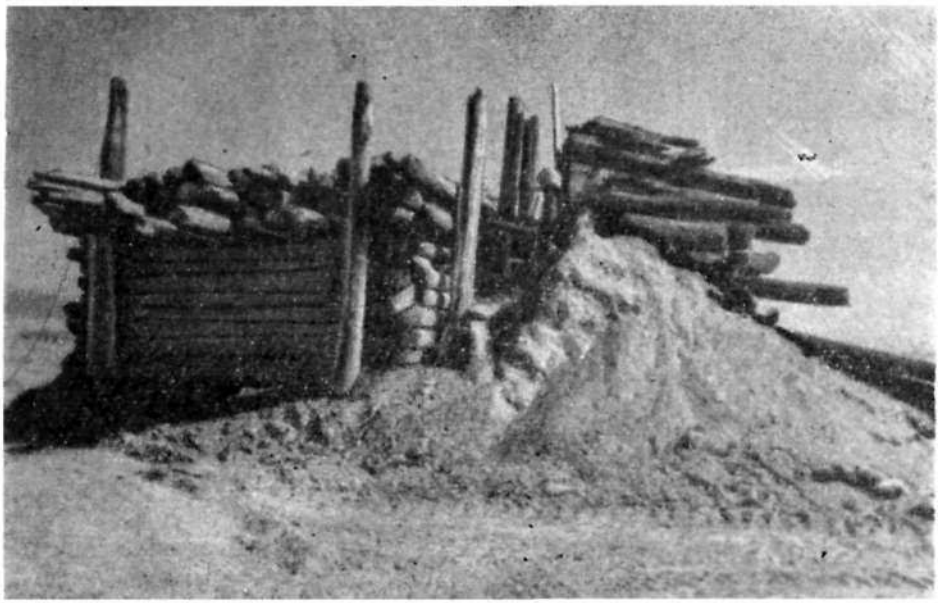


Рис. 38. Южный фасад усыпальницы.

Рис. 39. Западный фасад усыпальницы.

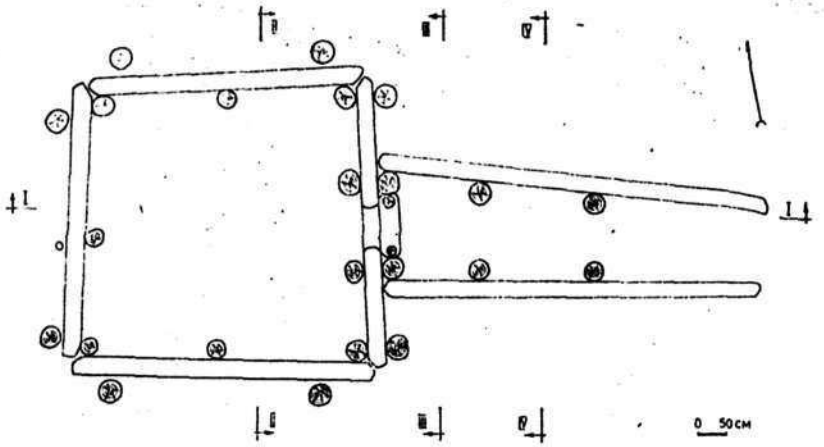


Рис. 40. План бревенчатой усыпальницы.

Преддверная пристройка является продолжением коридора и примыкает к восточной стене погребальной камеры. Она почти на 3 *м* ниже коридора, квадратной формы (размер 1,5×1,5 *м*), крыта тремя короткими бревнами. Боковые стены двух входных сооружений общие и сложены из бревен, положенных друг на друга с небольшим наклоном с запада на восток. С внутренней стороны горизонтально положенные бревна поддерживают четыре опорных столба, вкопанных в землю до 1 *м*. Коридор делится на два отсека (колодца) плахами, положенными поперек по отношению к боковым стенам.

Погребальная камера имеет форму неправильного квадрата (размер 4,70×4,20 *м*, высота 3,3 *м*), ориентирована сторонами по странам света с небольшим отклонением. Стены ее возведены из бревен тяньшанской ели, положенных друг на друга в 13 рядов. Потолком и крышей служат бревна наката, лежащие прямо на стенах камеры в длину в меридиональном направлении.

Бревна, образующие стены камеры, удерживают вертикально врытые столбы. Всего их 19. Каждая из трех сторон имеет по два наружных и по три внутренних столба. Наружные столбы врыты у концов лежащих бревен, а внутренние — по углам и посередине стен. Только у восточной стены, как снаружи, так и изнутри, стоит по четыре поддерживающих столба. Они поставлены потому, что посередине стены, между третьим бревном снизу и шестым сверху, сделан дверной проем размером 155×72 *см* (рис. 42—45).

Дверной проем с порогом — высотой в толщину двух бревен (60 *см*). Чтобы облегчить перешагивание через порог, с наружной стороны поло-

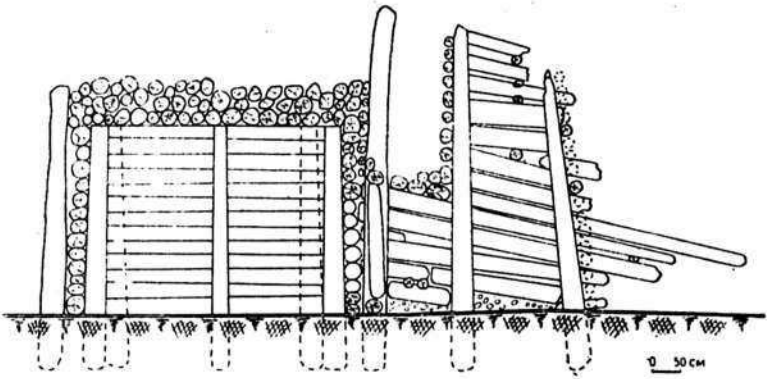


Рис. 41. Разрез северной стороны усыпальницы.

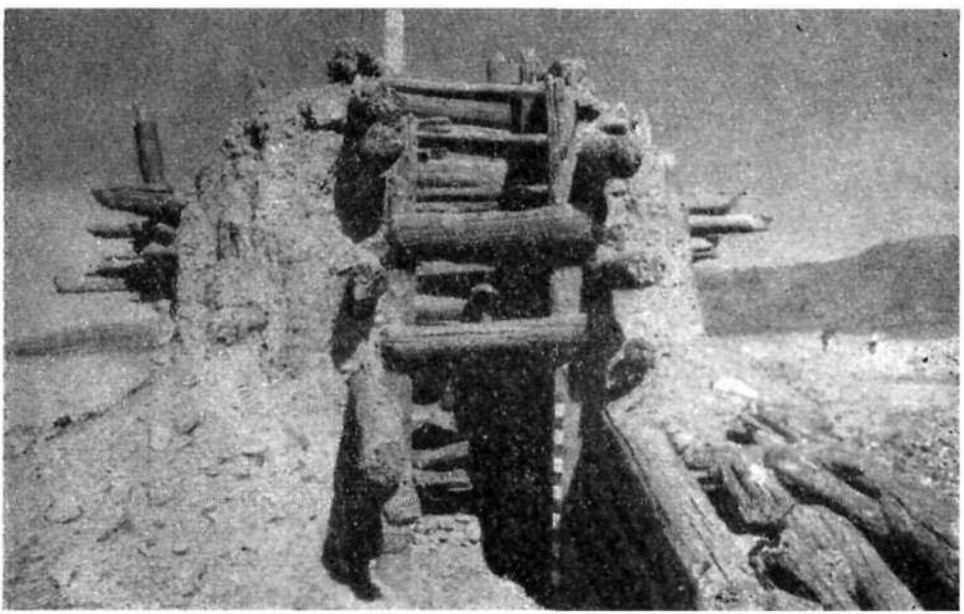


Рис. 42. Восточный фасад — вход в усыпальницу.

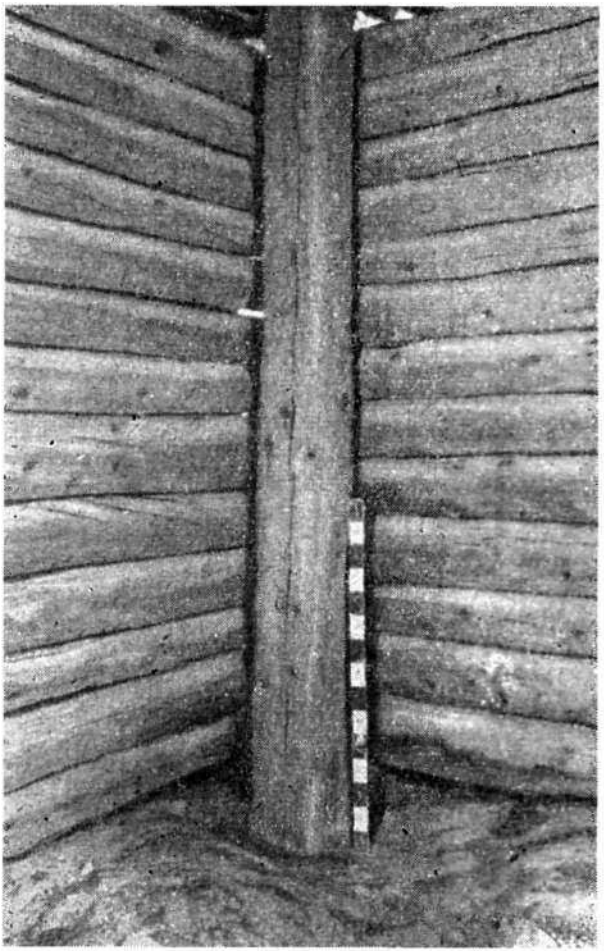


Рис. 43. Северо-западный внутренний угол.

жен обрубок бревна, который и служит ступенькой. На нем же стоят два коротких бревна, усиливающих опору крыши над пристройкой.

Все бревна усыпальницы хорошо обработаны: заподлицо срублены сучья и ветки, снята кора. Бревна стен камеры тщательно отесаны и плотно пригнаны друг к другу; для большей устойчивости сооружения бревна комлями поочередно обращены в противоположные стороны.

Рис. 44. Северо-восточный внутренний угол.

В углах камеры бревна прилегающих стен лишь касаются друг друга и не скреплены между собой.

На бревнах хорошо сохранились следы орудий, которыми рубили и обрабатывали дерево; на всех бревнах на концах и посередине имеются проушины, на наиболее толстых бревнах они двойные (рис. 46).

Плоское перекрытие погребальной камеры, состоящее, как уже отмечалось, из наката бревен в три ряда, покрыто слоем камыша (рис. 47). Особенно тщательно от проникновения влаги предохранена восточная

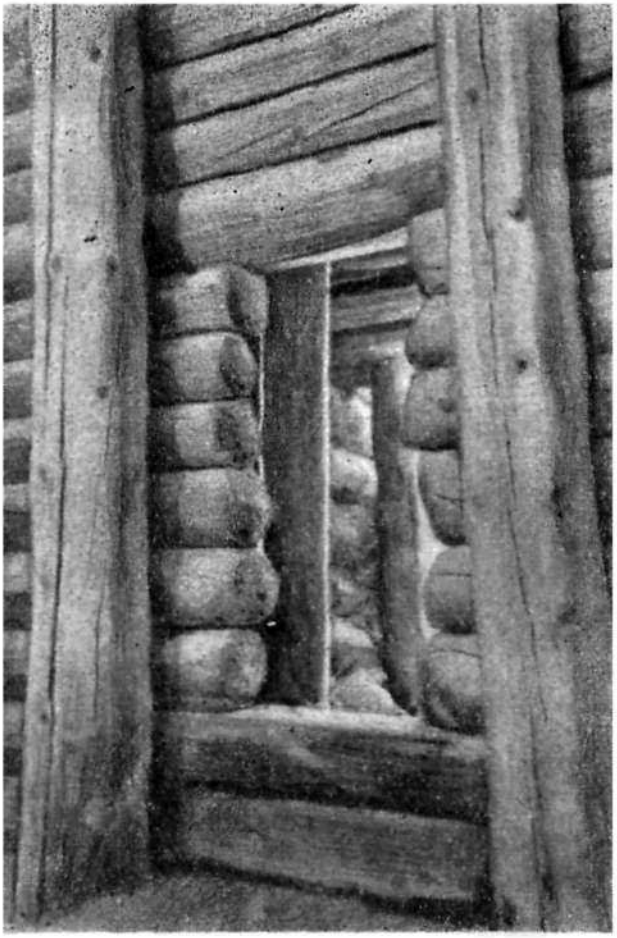


Рис. 45. Дверной проем усыпальницы.

часть крыши, лежащая над пристройкой и дверным проемом. В отличие от остальной части, она покрыта кошмой и двумя слоями толстых камышовых матов, переплетенных чием. Кошма и камыш хорошо сохранились.

Вход, ведущий из коридора в пристройку, заложен тремя короткими бревнами, а отсеки коридора до самого верха забутованы камнем и щебнем. После этого над погребальным сооружением высотой более 4 *м* была сооружена насыпь из камня и щебня.

Рис. 46. Проушины на концах бревен.

Рис. 47. Камышовый мат.

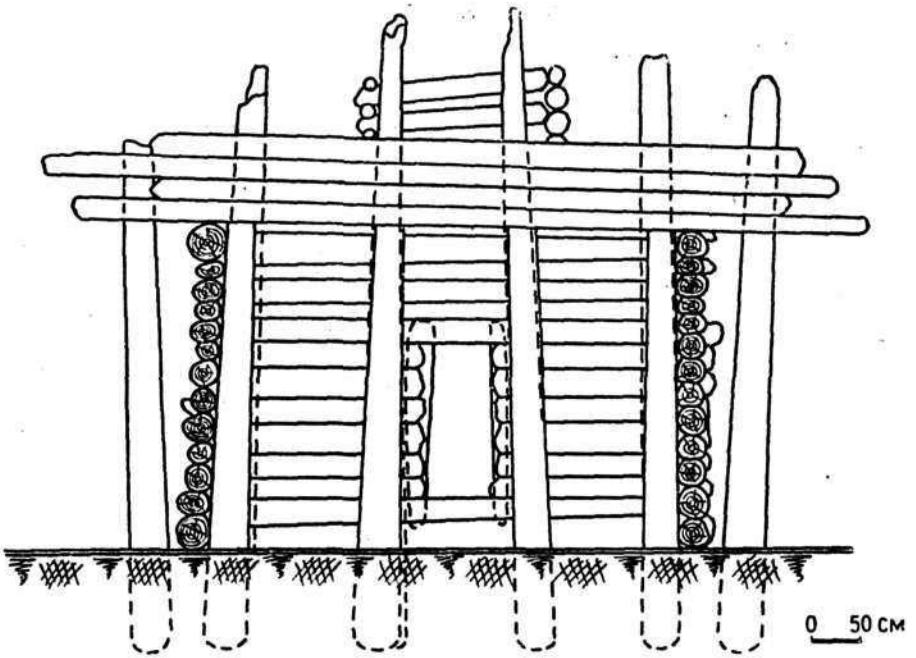


Рис. 48. Разрез восточной стороны усыпальницы.

Огромная насыпь и другие защитные меры не спасли усыпальницу от разграбления. Грабители проникли сюда так же, как в Первый курган: разрыли насыпь, разобрали забутовку и спустились в коридор, а из него в погребальную камеру. В момент наших раскопок вход в пристройку был открыт, одно из бревен, закрывающих вход, отодвинуто в сторону, а другое затащено внутрь камеры. В пристройке лежали две пары волокуш, бронзовый четырехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой, маленькие деревянные колышки. Большая квадратная погребальная камера была пуста; на земляном полу находились разрозненные кости погребенного, кости барана, крестец лошади, у порога черепки глиняного сосуда и сломанные черенки от лопат или кирок грабителей.

В северо-западном углу камеры находилась неглубокая полуоплывшая яма, вытянутая с северо-запада на юго-восток. При ее расчистке выявилось, что она продолжается и уходит под стену камеры, а затем выходит наружу. При дальнейшей раскопке ямы, на глубине 1,6 *м* от пола камеры, произошел обвал, открывший катакомбы кургана. Катакомбы вырыты в коренной породе и состоят из основного направляю-

щего хода и боковых ответвлений. Основной ход начинается с северо-западной полы насыпи, идет на юго-восток и на глубине около 2 *м* проходит под усыпальницей. От него в разных направлениях отходит семь боковых ходов, два из них, западные, заполнены наполовину землей, а один — северо-восточный — крупным окатанным камнем. Свод ходов полукруглый, высота от 1,1 до 1,68 *м*, ширина 75—80 *см* Во многих местах на стенах имеются небольшие уступчики со следами копоти от стоявших здесь жировых светильников, освещавших землекопов во время работы в подземелье (рис. 49).

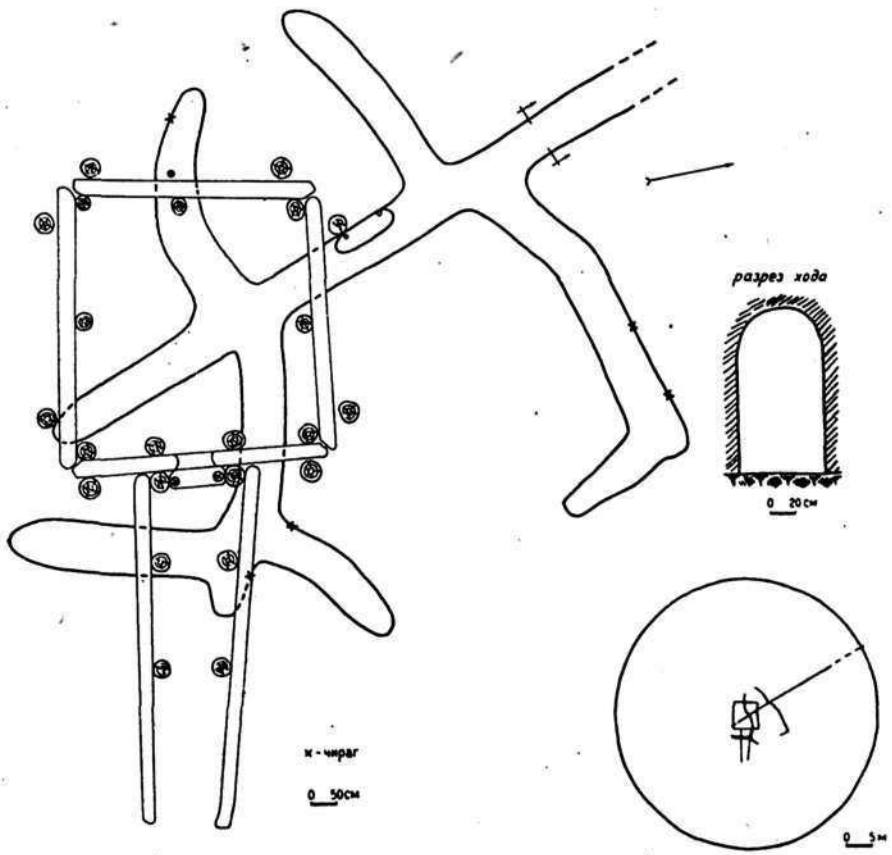


Рис. 49. План усыпальницы и катакомб.

Общая протяженность основного хода вместе с боковыми ответвлениями —55 *м*. Расчистка завалов боковых ответвлений, стен и пола подземных ходов никаких материалов не дала, поэтому до сих пор оста-

ется загадкой назначение катакомб бесшатырских курганов. Но раскопки позволили выяснить другой вопрос: связаны ли подземные ходы с самим курганом, или это лазы, оставленные грабителями.

При расчистке основного хода, начинающегося у северной полы насыпи, с того места, где значилась западина, обнаружили бревна, которыми был отделан вход подземелья. Вход оформляли четыре вертикально врытых деревянных столба, стоящих попарно у стен. На них лежали поперечные перекладины из плах, на которые были положены в меридиональном направлении три бревна, образующие перекрытие входа. У входа находился плоский камень, служивший ступенькой. Таким образом, было установлено, что подземные ходы связаны с ритуалом погребения и являются конструктивной особенностью бесшатырских курганов.

Такие же катакомбы, но большего размера были открыты, как уже говорилось, и при раскопке Третьего бесшатырского кургана.

Седьмой бесшатырский курган. Расположен в стороне от остальных курганов южной группы. Диаметр 45 *м*, высота 6 *м*. Насыпь характерна для бесшатырских курганов, у основания ее камни плотно уложены в два-три ряда на ширину 2 *м*. На плоской верхушке кургана имеются следы хищнических раскопок. На этом мы заканчиваем описание больших курганов могильника.

Из средних по размеру насыпей курганов Бесшатыра опишем только три (8, 9, 14).

Курган 8. Расположен около Большого кургана, диаметр 33 *м*, высота 5,20 *м* (рис. 50), имеет каменную наброску и на плоской вершине воронку глубиной более 1 *м*. Он раскопан в 1960 г. Насыпь состояла из земли, щебня и камня, под ней обнаружены остатки сгоревшей усыпальницы (рис. 51). Но все же по обгоревшим остаткам истлевших бревен, по ямкам от вертикально врытых столбов удалось полностью восстановить форму и конструкцию сооружения (рис. 52). По форме оно аналогично описанным усыпальницам, обнаруженным в Первом и Шестом курганах.

Особенностью усыпальницы Восьмого кургана являются двойные стены с северной, западной и восточной сторон. Размер погребальной камеры 4×3,70 *м*. С юго-восточной стороны расположен коридор длиной 4 *м*, шириной 1,3—1,9 *м*. Дополнительные вторые стены сложены в 65 *см* от основных, пространство между ними заполнено щебнем. Бревна вторых стен уложены с небольшим наклоном внутрь с таким расчетом, чтобы верхние лежали вплотную к верхним бревнам основных стен камеры. По-видимому, для устойчивости по мере укладки их засыпали землей и щебнем. При расчистке площади, занимаемой остатками усыпальницы, от завала были найдены обломки человеческих костей

Рис. 50. Общий вид кургана до раскопок.

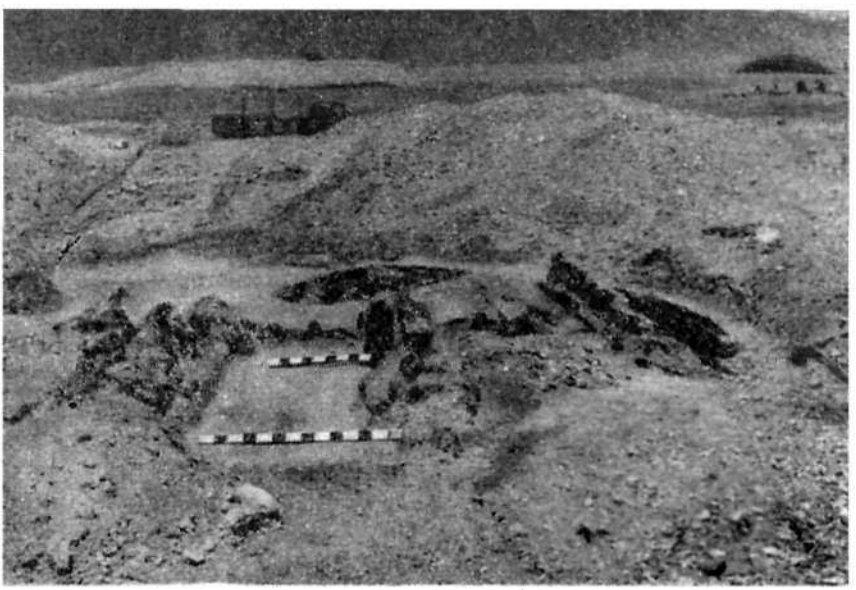


Рис. 51: Остатки сгоревшей усыпальницы.

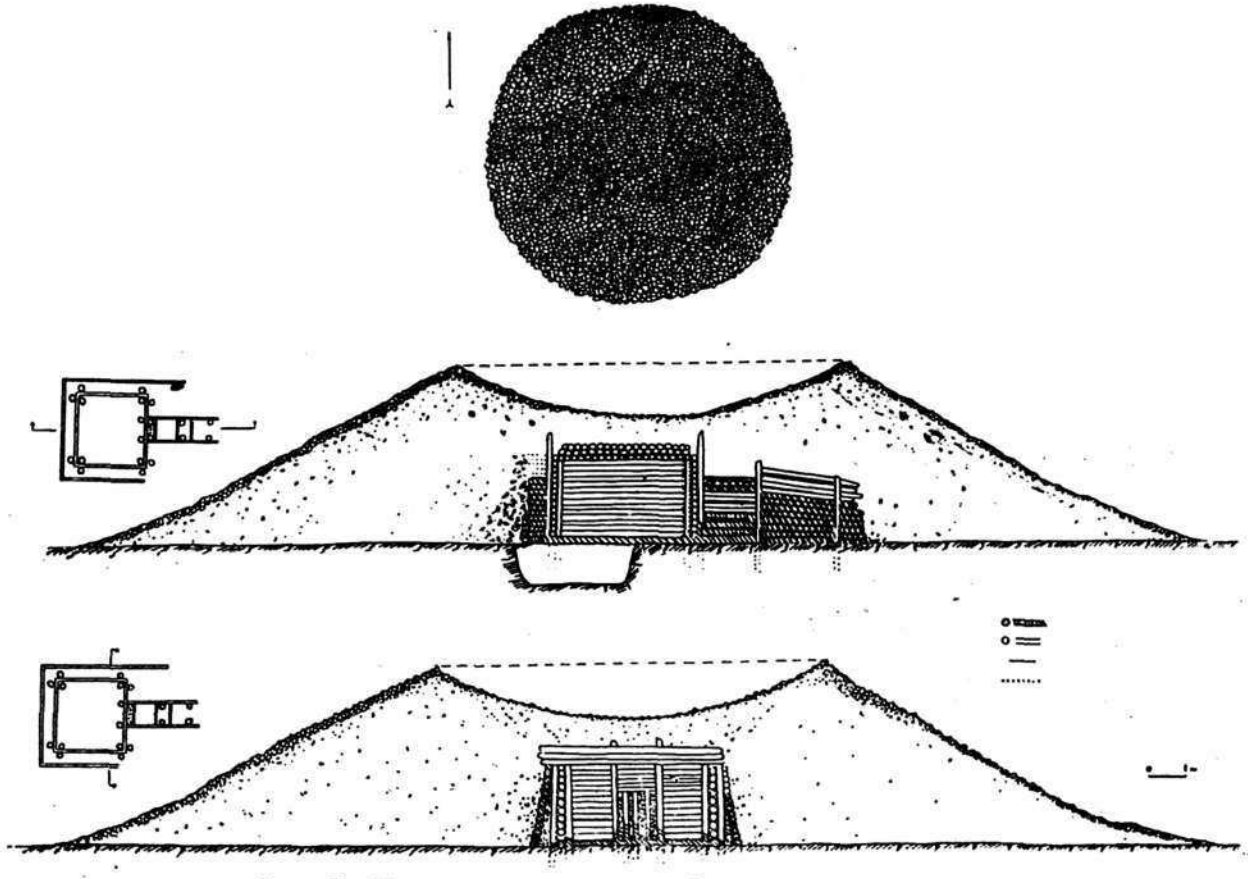


Рис. 52. План и разрез Восьмого бесшатырского кургана.

и костей животных, фрагменты глиняных сосудов, один черепок от сосуда с петлевидной ручкой, кусочки золотой фольги.

Курган 9. Самый южный курган северной группы, как и все курганы, имеет каменную наброску. Основание насыпи выложено крупным камнем, на плоской вершине (диаметр 17 *м*) сохранилась воронка глубиной 2,5 *м* с отвалом выброса. Курган окружен каменным валом шириной 1,6 *м*, высотой 40—50 *см*. С восточной стороны насыпи, на расстоянии 14 *м* от вала, расположено пять оград с менгирами, стоящими с внутренней (к кургану) стороны. Диаметр кургана 38 *м*, средняя высота 4,85 *м*.

Курган 14. Насыпь с каменной наброской в два-три слоя битого камня. Диаметр с севера на юг 22,4 *м*, с запада на восток — 25,7 *м*. Средняя высота — 5,2 *м*.

Восточный склон насыпи пологий из-за разрушения насыпи грабителями. Курган раскопан в 1960 г. Насыпь двухслойная: под каменной наброской находится мощный слой из щебня, битого камня и земли (рис. 53, 54).

Рис. 53. Общий вид кургана 14 до раскопок.

В результате раскопки кургана был открыт новый тип погребальной конструкции, отличный от бревенчатых усыпальниц двух курганов Бесшатыра (рис. 55). Основой погребального сооружения были стены,

Рис. 54. Общий вид погребального сооружения с востока (вход).

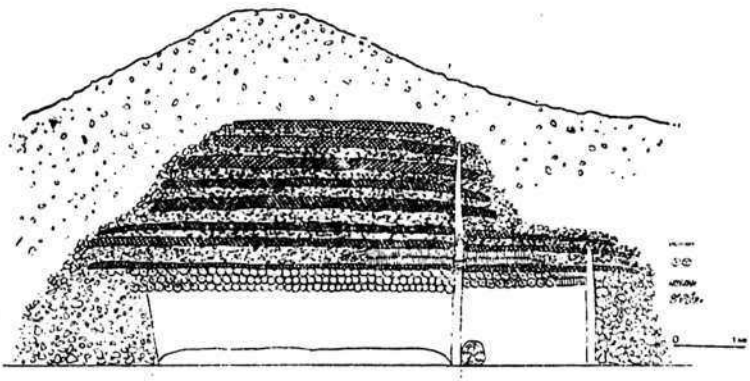


Рис. 55. Разрез погребального сооружения.

возведенные из земли с примесью мелкого щебня. Высота их 1,4 *м*, толщина 1—1,2 *м*. На стенах лежало перекрытие из трех рядов бревен, причем два нижних ряда составляют бревна из тяньшанской ели, а верхний — из джиды. На перекрытии покоилась куполообразная кровля, состоящая из шестнадцати чередующихся слоев камня и кустарника.

Толщина слоев 15—25 *см*. Диаметр их постепенно уменьшался по мере поднятия кверху (рис. 56). Таким образом, в первоначальном виде гробница имела подквадратную основу и округлую кровлю. Размер сооружения по внутреннему замеру 3×4 *м*, высота 2,7 *м*.

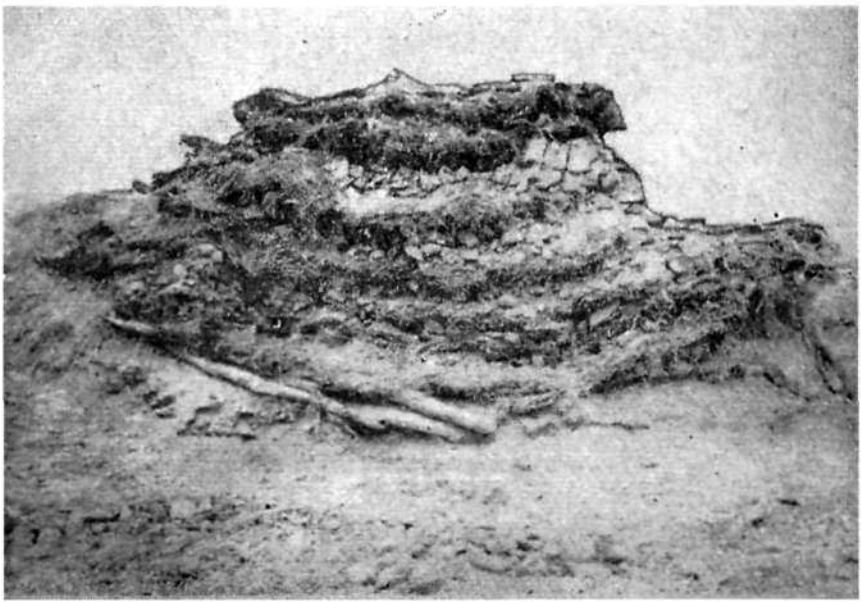


Рис. 56. Слои камня и кустарника, составляющие кровлю.

На восточной стороне расположен вход шириной 1,5 *м*. По обеим сторонам входа на расстоянии 2 *м* друг от друга вкопано по два столба. Два внутренних столба надставлены короткими бревнами. В местах их соединения прорублены отверстия, в которые забиты деревянные колышки. Для большей прочности места соединения стянуты еще толстыми чиевыми веревками (рис. 57, 58). Над входом в камеру поверх перекрытия лежали двумя слоями камышовые маты, перевязанные также чиевыми веревками (рис. 59). У входа была положен обрубок бревна. Гробница оказалась разграбленной, внутри обнаружены лишь разрозненные человеческие кости.

Из раскопанных малых курганов мы опишем только те, которые дали датирующий материал или новый тип погребальных сооружений.

Курган 15. Насыпь с каменной наброской, на вершине имеется воронка, оставленная грабителями, глубиной 0,8 *м*. Диаметр кургана 18 *м*, высота 2 *м*.

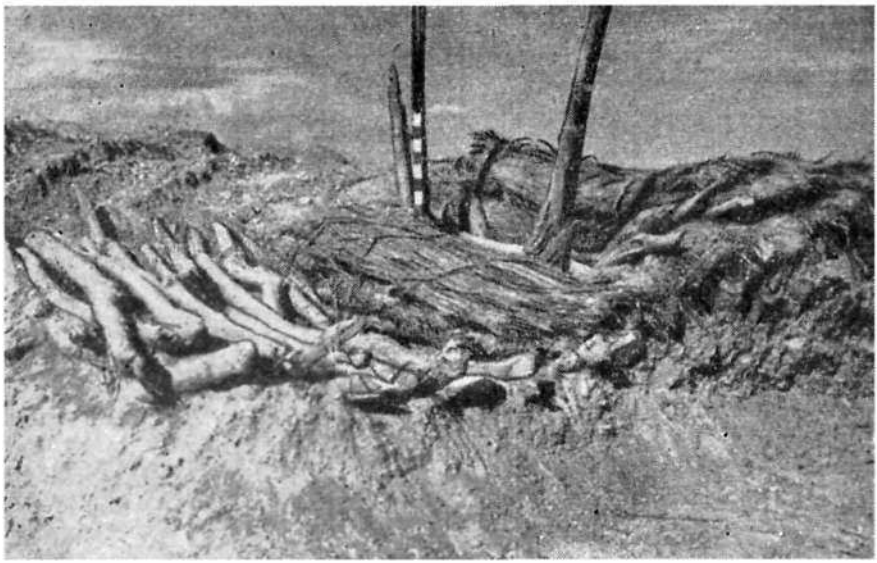


Рис. 57. Бревна перекрытия и снопы камыша после снятия толщи камня и кустарника.

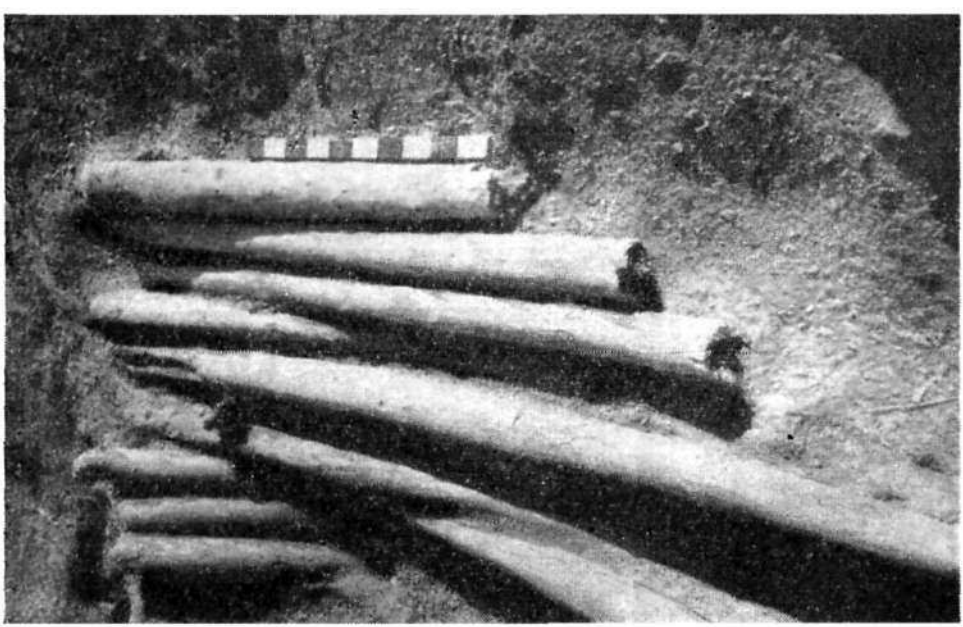


Рис. 58. Нижний слой бревен перекрытия погребального сооружения.

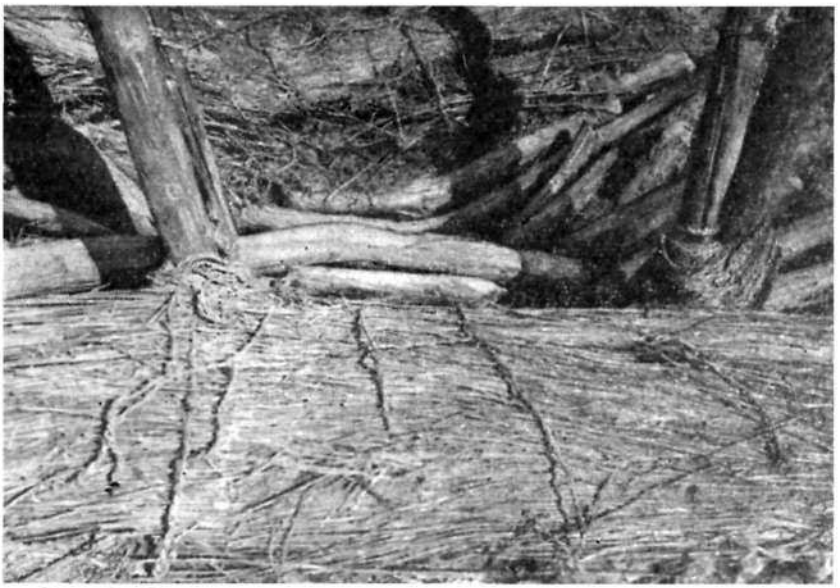


Рис. 59. Камышовый мат, обвязанный веревкой, сплетенной из чия.

По вертикальному разрезу кургана мы проследили структуру насыпи. Она состояла из трех чередующихся слоев камня и лёсса с щебенкой (рис. 60, 61).

Над могильной ямой была сооружена овальной формы каменная выкладка. Могила, вытянутая с северо-запада на юго-восток, имела длину 2,90 *м* и ширину 1,90 *м*. На дне ее находилось сооружение наподобие каменного ящика, составленное из отдельных камней и плит, поставленных на ребро. Размер его 2,30×1 *м*. В этом «ящике» обнаружены разрозненные кости человека.

Курган 25. Насыпь каменная с примесью щебенки, диаметр 8,5 *м*, высота 1,08 *м*. На вершине имелась правильной формы воронка глубиной 0,5 *м*. Позднее при раскопке было установлено, что она образовалась в результате осадки грунта, происшедшей после того как сгнило деревянное перекрытие могилы. Воронка ввела в заблуждение грабителей и спасла курган от хищнических раскопок (рис. 63, 64).

В кургане, в большой могильной яме (размер 3,50×2 *м*), ориентированной длинной осью с запада на восток, лежало рядом, в вытянутом положении на спине, головой на запад, два костяка (рис. 65). У каждого погребенного с правой стороны находился короткий железный кинжал-акинак, с левой — остатки колчанов с бронзовыми наконечниками стрел.

Рис. 60. Общий вид курґана 15 до раскопок.

Рис. 61. Разрез части насыпи.

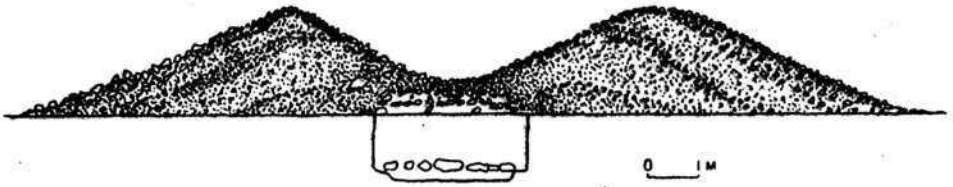


Рис. 62. Разрез насыпи и могилы.

Рис. 63. Общий вид кургана 25 до раскопок.

Всего в колчанах было 50 черешковых и втульчатых наконечников стрел 12 различных типов. Кинжалы имели бабочковидные перекрестия, навершия были разрушены, у северного костяка с левой стороны покоились железный умбон и, по-видимому, остатки небольшого деревянного щита. Здесь же у пояса найдена примитивная железная пряжка. Кроме этих вещей, среди костей обнаружены четыре сердоликовые бусины (у шейных позвонков погребенных) и на остатках колчана южного скелета — две бусины. Они сделаны из спаянных полых золотых зерен. Ин-

Рис. 64. Остатки деревянного перекрытия могилы.

вентарь, обнаруженный в кургане 25, опубликован автором в статье «Саки Семиречья»[2].

Курган 30. Насыпь каменная, на вершине имеются следы хищнических раскопок, диаметр 7 *м*, высота 0,70 *м*.

При разборке насыпи обнаружено бронзовое шило, круглое в сечении, длиной 10,5 *см*.

В других исследованных малых курганах Бесшатырского могильника предметов материальной культуры не найдено. Причина этого — ограбление. Исключение составляет курган 29, в котором обнаружен однолезвийный бронзовый нож.

* * *

Мы уже отмечали, что Бесшатырский могильник занимает площадь в 2 *км*². Однако неоднократная микроразведка окрестностей показала, что памятники, связанные с бесшатырскими курганами, занимают тер-

[2] См.: Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 204—205.

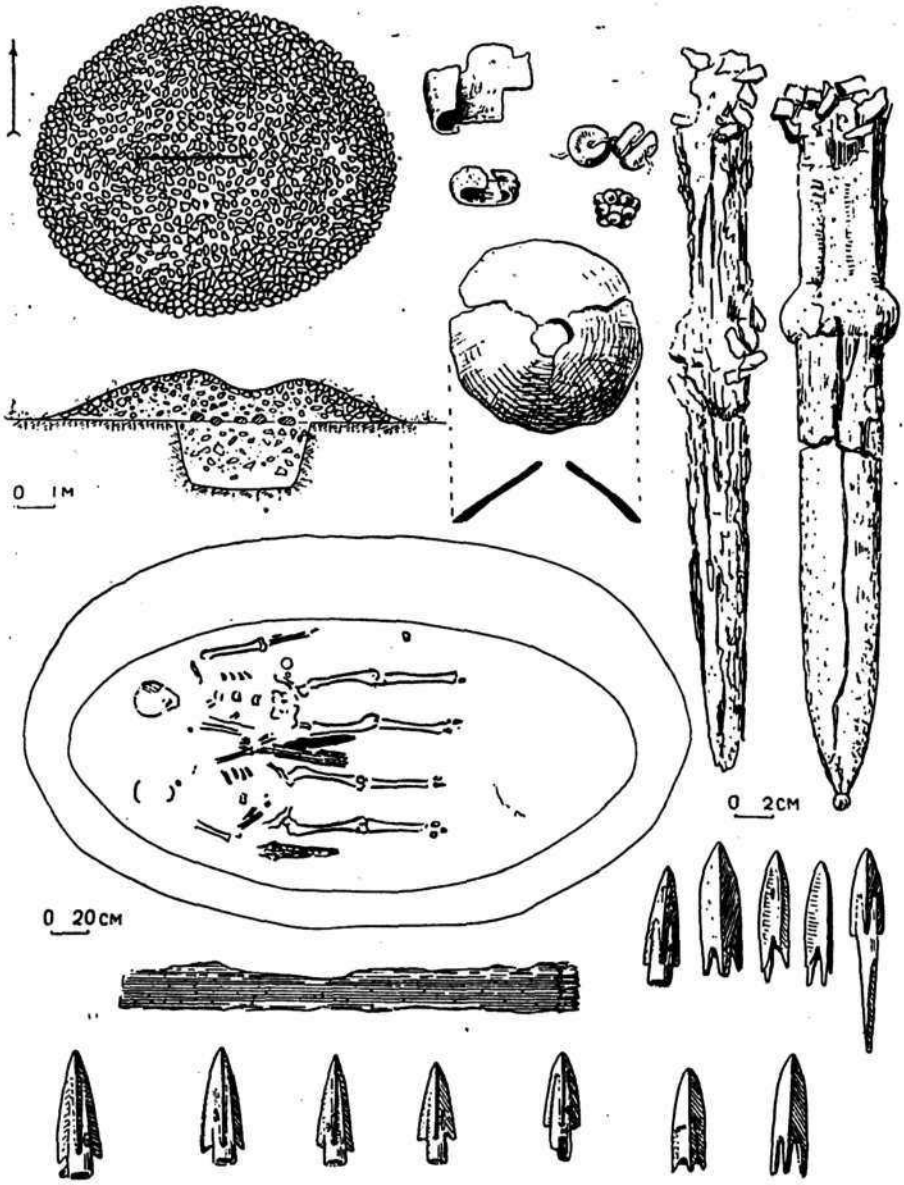


Рис. 65. План, разрез насыпи и могильной ямы, инвентарь кургана 25.

риторию бо́льшую, чем собственно могильник. В 5 *км* к северо-востоку от него на возвышении расположено шесть оград, аналогичных по форме и конструкции оградам бесшатырских курганов. Такие же четыре ограды обнаружены и в 3 *км* на запад от курганов. Далее в 10 *км* находится большая цепь из таких же 45 оград, вытянутых змейкой с юга на север на 450 *м*, т. е. от старой береговой террасы р. Или к подножию гор.

Местонахождение этих сооружений в окрестностях могильника, их внешний вид, аналогичность конструкций и одинаковый размер с менгирными оградами, стоящими у больших бесшатырских курганов, позволяют утверждать, что они не только одновременны бесшатырским погребениям, но и какими-то пока еще необъяснимыми узами связаны с ними. Ограды из менгиров в окрестностях могильника — это не самостоятельные памятники, возникшие независимо от курганов Бесшатыра, а памятники, дополняющие основной объект. На некоторых из них выбиты фигурки горных козлов, кабана и волка (рис. 66).

Из письменных источников известно, что у близких по культуре среднеазиатским сакам европейских скифов существовала священная страна Геррос, в которой погребали прославленных скифских царей и вождей. Могилы своих царей скифы чтили, как святыню, строго охраняли от осквернения и грабежа и местонахождение их держали в глубокой тайне. Как сообщает Геродот, скифы царя Иданфирса на вопрос персов, почему они избегают сражения, ответили: попробуйте найти и разрушить гробницы наших царей, тогда узнаете, вступим ли мы с вами в битву.

Бесшатырский памятник, несомненно, был священным герросом какой-то группы саков-тиграхауда, обитавших в долине р. Или. Местность, где расположены огромные царские курганы Бесшатыра, была священна в течение ряда столетий, сюда приходили на поклонение, приносили многочисленные жертвы, совершали различные культовые обряды, устраивали поминки. В местах этих религиозных торжеств и обрядов были сооружены грандиозные ограды из менгиров и валунов. Таким образом, сооружения, открытые нами вокруг Бесшатырского могильника, являются памятниками культового и ритуального назначения.

Мы уже охарактеризовали те памятники Бесшатыра, которые интересны как архитектурные сооружения, или дали датировочный материал. Теперь остановимся на анализе некоторых данных, общих для всех курганов, сближающих отдельные памятники между собой, на основе которых создается впечатление о Бесшатыре как о едином архитектурном комплексе.

Общим для всех курганов Бесшатырского могильника является их однотипность: насыпи состоят из камня и крупной щебенки, вер-

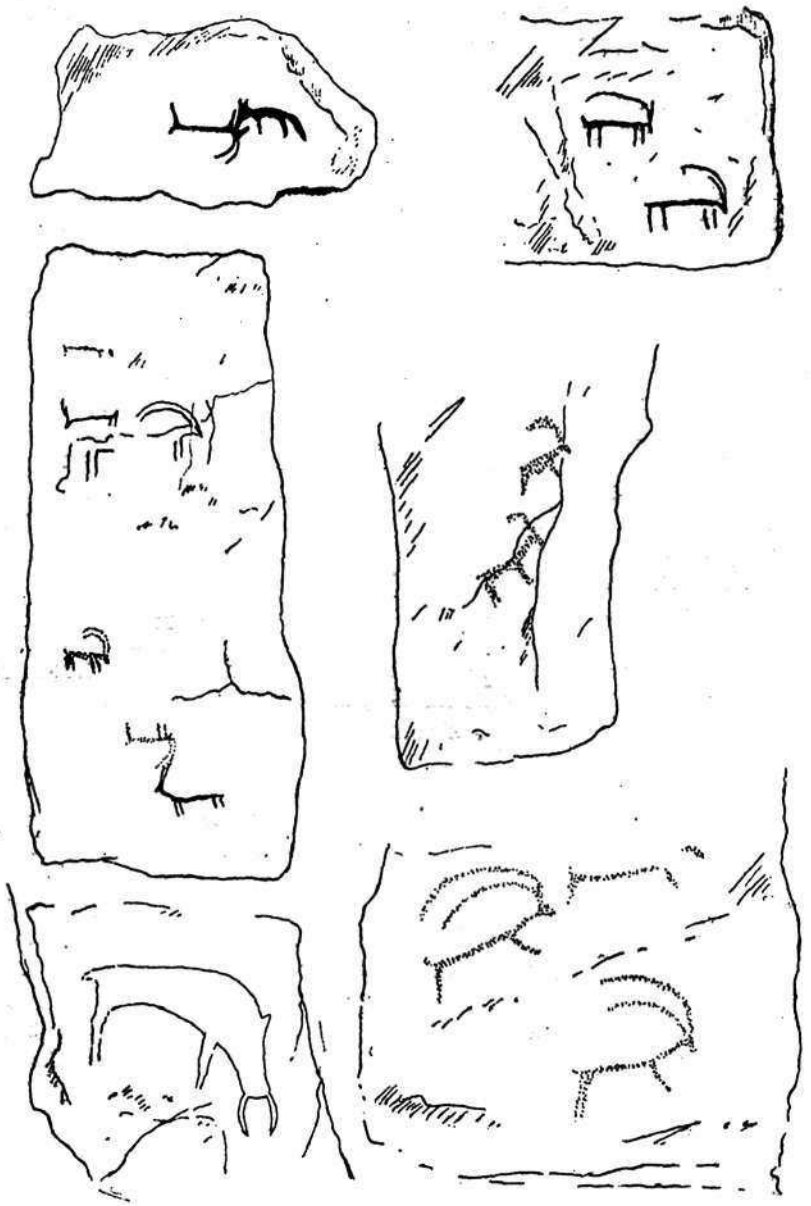


Рис. 66. Писанницы на плитах менгирных оградок.

шина плоская (в разрезе — трапеция), почти у всех курганов камни у основания плотно уложены — это создает впечатление фундамента. Наиболее крупные курганы окружены каменным валом шириной 2—3 *м* и высотой 30—60 *см*. Исследования позволили установить, что валы около курганов — это остатки каменных стен, когда-то сложенных вокруг насыпи. Несомненно, первоначальная (при сооружении) высота стен была больше, а ширина кладки несколько меньше. Со временем стена частично разрушилась: часть верхних камней сползла к основанию кладки, а часть была разобрана местными жителями для постройки загонов для скота.

У шести из 21 кургана с каменной наброской около насыпи имеются цепочки из каменных оград (от 5 до 94), которые либо опоясывают сплошной линией курган, либо располагаются с восточной стороны насыпи, иногда с юго-западной. Ограды составлены в основном из 5-7, редко 9 плит и валунов (высотой от 1 до 2 *м*), причем 2—4 плиты врыты на торец. Около них полукругом выложено от 3 до 5 крупных валунов весом в несколько сот килограммов. Причем плиты и валуны в оградах отдельных курганов уложены в определенном порядке. Так, в оградах Большого кургана полукруг из валунов всегда обращен внутрь, т. е. к насыпи, а вертикально стоящие плиты — в противоположную сторону, т. е. наружу. Такой же порядок расположения плит и валунов у Второго и Шестого курганов, а у Третьего и Девятого совершенно иной — врытые на торец плиты стоят с внутренней стороны оград.

Такое различие не случайно. Оно отражало, вероятно, отличие одного погребенного от другого или по занимаемому общественному положению, или по возрасту, или по полу.

Уже говорилось, что у четырех больших курганов (Большого, Третьего, Четвертого и Шестого) на склонах насыпей были западины, заканчивающиеся небольшими плоскими буграми. Причем у Большого и Третьего курганов западины находились на северо-западной и южной сторонах, у двух остальных — только на северо-западной. В результате исследования удалось установить, что эти западины образовались не от нарушения насыпи грабителями, а являются конструктивной особенностью архитектуры больших бесшатырских курганов.

Изучение Третьего и Шестого курганов показало, что с западин начинался вход в их подземелье. Вероятно, какое-то определенное время после совершения обряда захоронения и сооружения кургана вход в подземелье оставался открытым для отправления обрядов поминок, поклонения и жертвоприношения. Затем, по прошествии определенного срока, установленного обычаем, вход завалили, обрушив часть насыпи, расположенной над ним. Свидетельством совершения обряда поминок и жертвоприношения в подземельях бесшатырских курганов являются кости животных, обнаруженные в подземных ходах Третьего кургана.

Каждый большой бесшатырский курган, как комплекс архитектурных памятников, можно разделить на внешние и внутренние сооружения. К внешним относятся: коническая насыпь, стоящая как бы на фундаменте из плотно уложенных камней, с плоской вершиной и западиной, обозначающей вход в подземелье; кольцевая каменная стенка и цепь оград из менгиров и валунов. Внутренние сооружения — это погребальное устройство и катакомбы.

Таким образом, архитектурная композиция бесшатырских курганов довольно сложна для памятников этого типа.

Изучение бесшатырских сооружений показывает, что у сакских племен Семиречья еще задолго до строительства культовых сооружений Бесшатыра были выработаны уже свои архитектурно-строительные формы и приемы: четырехугольный и круглый план, возведение больших сооружений из камня, земли и щебня, умелое использование при стройке дерева, камыша, камня и кустарника, кладка из камня и обработка древесины.

Этот строительный опыт был приобретен не только в результате сооружения культовых памятников. Он был накоплен прежде всего благодаря производственной деятельности людей, строительству жилых и хозяйственных помещений, а в дальнейшем использован при сооружении памятников.

Вместе с тем сооружение столь грандиозных и сложных для того времени культовых конструкций обогащало технику строительства вообще.

В древности форме и размерам культовых сооружений придавалось большое значение, так как соплеменники хотели таким образом увековечить память вождя. Поэтому при строительстве памятника они стремились не только сделать его недоступным для осквернения (ограбления), но и соорудить «вечным» по прочности. По представлениям людей того времени, с одной стороны, памятник по своей грандиозности должен был соответствовать могуществу и богатству вождя, а с другой — чем монументальнее он был, тем больше внушал страха и уважения поколениям. Надо сказать, что строители достигли этой цели.

Бесшатырские курганы размером и даже монументальностью производят большое впечатление и в настоящее время. О величине курганов можно судить по насыпи Большого кургана, для возведения которой было использовано свыше 50 тысяч кубометров земли, камня и щебня. Кроме того, с ближайших гор, расположенных в 3 *км* от могильника, было привезено около тысячи каменных плит и валунов для сооружения оград. Насыпь Третьего кургана содержит 25 тысяч кубометров земли, камня и щебня, а насыпи Первого и Шестого — по 7 тысяч кубометров.

Результаты изучения стратиграфии насыпей показывают, что каждый большой курган — это не просто беспорядочный навал камней и земли, а архитектурное сооружение, конструкция которого заранее продумана. Прекрасным подтверждением этого является структура насыпи Третьего кургана, состоящая из 17 чередующихся слоев каменной укладки с слоями земли и щебня.

Многослойность насыпей бесшатырских курганов способствовала созданию сухого микроклимата внутри кургана, необходимого для предохранения деревянной конструкции от влаги и для сохранения формы самого кургана — памятника, рассчитанного на многие века.

Уже отмечалось, что внешние сооружения бесшатырских курганов включают различные по форме, конструкции и размерам памятники. Но эта разновидность не нарушает их связи между собой, а, напротив, создает впечатление целостности архитектурного комплекса.

В могильнике трем категориям насыпей (большая, средняя и малая) соответствуют три типа могильных сооружений: бревенчатая усыпальница, открытая в курганах Первом, Третьем, Шестом и Восьмом, и юртообразная гробница, обнаруженная в кургане 14, характерны для больших и средних курганов, а грунтовая яма (иногда с впущенным в нее каменным «ящиком» или подбоем) — для малых.

Грунтовая яма, как могильное сооружение, широко распространена пространственно и по времени и не отражает специфики культуры сакских племен. Могилы с каменными ящиками чаще встречаются в погребениях ранних саков (могильники Алтын-Эмель, Каргалы I), где они бытуют, по-видимому, как пережиток андроновской культуры. Напротив, грунтовые ямы с подбоем появляются у поздних саков и более широко распространяются в усуньское время.

Шатровая юртообразная гробница из кургана 14 аналога не имеет. Пока она единственное сооружение такого типа, обнаруженное в курганах скифо-сакско-сарматской культуры, и является хорошей иллюстрацией умения саков использовать при строительстве капитальных сооружений различный строительный материал.

Бревенчатые камеры-срубы часто встречаются в царских погребениях скифо-гуннской культуры. Район распространения их охватывает огромную территорию, крайней восточной границей которой является Северная Монголия, а западной — Венгрия.

И всюду, где встречаются бревенчатые гробницы, они являются не самостоятельными наземными сооружениями, а всегда дополняют или просто оформляют большие четырехугольные могильные ямы. Чтобы определить место бесшатырских усыпальниц среди подобных памятников скифской культуры, познакомимся с типами погребальных сооружений, обнаруженных в разных районах распространения скифской культуры.

В Прикубанье, в скифских курганах VI—IV вв. до н. э. келермесского типа, умерших погребали в больших грунтовых ямах, крытых накатом бревен. В таких же ямах, иногда крытых бревнами и с деревянным полом, хоронили людей племена VI—V вв. до н. э. в степном Приднепровье и Приазовье[3].

В лесостепи Поднепровья в V в. до н. э. появляются деревянные сооружения с односкатной и двухскатной крышей, с длинными обшитыми деревом коридорами[4]. Однако и здесь они опущены в глубокие квадратные ямы, т. е. дерево использовано лишь для обшивки (оформления) грунтовых ям. Такие же сооружения характерны для лесостепи Приазовья и Приднепровья.

В IV—III вв. до н. э. степной полосе Северного Причерноморья был присущ и другой тип захоронения—без деревянных конструкций. Царей погребали в больших ямах-колодцах с камерами (Солоха)[5] или в больших катакомбах (Чертомлык)[6], а иногда в подземных каменных склепах, как в кургане Куль-оба[7].

Скифские памятники известны и далее на запад, особенно в Польше, Болгарии, Венгрии и Румынии.

О типах погребальных сооружений в этих районах можно судить по кургану Кархозотт, раскопанному в районе г. Бальмазуйварош в Венгрии. Захоронение скифского времени было совершено в шатровом деревянном сооружении, опущенном в большую яму[8].

В восточных районах распространения деревянных погребальных сооружений широко известны срубы из лиственниц, открытые в Пазырыкских курганах в Горном Алтае и в Башадарских и Туэктинских курганах на Центральном Алтае[9]. Однако и в алтайских «царских» курганах гробницы-срубы опущены в большие квадратные ямы.

Погребения в аналогичных алтайским сооружениях встречаются и в более позднее, чем скифское, время. Например, гуннские захоронения в Ноинулинских курганах Северной Монголии[10]. Гуннские срубы

---

[3] И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры.— Труды ГАИМК, вып. 36, 1959, стр. 36—75.

[4] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 158.

[5] «ОАК за 1912 г.». СПб., 1913, стр. 40; «ОАК за 1913—1915 гг.». СПб., 1916, стр. 104.

[6] «Древности Геродотовой Скифии», т. II. СПб., 1872, стр. 74.

[7] «Древности Босфора Киммерийского». СПб., 1854.

[8] «Folia archaeologia». Budapest, т. IV, 1954, стр. 199.

[9] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время..., стр. 25—61; его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время..., стр. 22—41, 93—107.

[10] «Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии». Л., 1925, стр. 13—22.

почти полностью по форме и технике постройки повторяют горно-алтайские.

Можно заключить, что скифские деревянные конструкции почти во всех случаях дополняют могильную яму и никогда не встречаются как самостоятельные наземные сооружения.

Среди раскопанных скифских курганов нам известны лишь два случая, когда были обнаружены наземные постройки. Одной из них является наземная или почти наземная усыпальница из дубовых бревен, обнаруженная А. А. Бобринским в кургане № DXXIV у с. Жаботина на Киевщине[11]. Стены усыпальницы составлены из врытых вертикально, вплотную друг к другу, бревен, на них лежало перекрытие из наката бревен, положенных в два ряда. Высота усыпальницы примерно 2 *м*.

Наземным сооружением был также шатровый деревянный навес, открытый в одном из курганов у Ульского аула на Прикубанье[12].

Таким образом, бесшатырские бревенчатые усыпальницы при сравнении со скифскими срубами выступают как новая форма деревянных конструкций. Следовательно, они являются своего рода уникальными памятниками древности и занимают почетное место среди культовых деревянных сооружений скифо-сакского времени.

Усыпальницы Бесшатыра, несомненно, близки к скифским по культуре и времени, но имеют существенные отличия, характеризующие местную материальную культуру. Они же позволяют судить об уровне развития экономики и культуры сакских племен Семиречья, который, по-видимому, был не ниже, чем в скифском обществе VII—IV вв. до н. э. Сооружения Бесшатыра также свидетельствует о том что жители Семиречья — саки — имели опыт строительства крупных и довольно сложных построек из дерева, но, вероятно, не знали способов рубки срубов в замок и в охлуп. Поэтому бесшатырские сооружения более примитивны по технике строительства. Возможно поэтому, что они древнее скифских.

Кстати, на примере кургана у с. Жаботина, датируемого по втульчатым ромбовидным наконечникам стрел VII—VI вв., можно убедиться, что именно ранние скифские деревянные усыпальницы примитивны по технике строительства и уровню развития плотничьего мастерства.

Строительный лес, необходимый для возведения бесшатырских сооружений, заготавливали примерно в 200—250 *км* от места захоронения, на противоположном берегу р. Или, в отрогах Заилийского Алатау. На месте вырубки снимали сучья и ветви и делали проушины на бревнах. Заготовленные бревна волоком тащили до берега реки, плотами переплавляли на правый берег и доставляли к месту стройки.

---

[11] «Известия Археологической комиссии (ИАК)», 1916, вып. 60, стр. 1—6.

[12] «ОАК за 1898 г.». СПб., 1902, стр. 30.

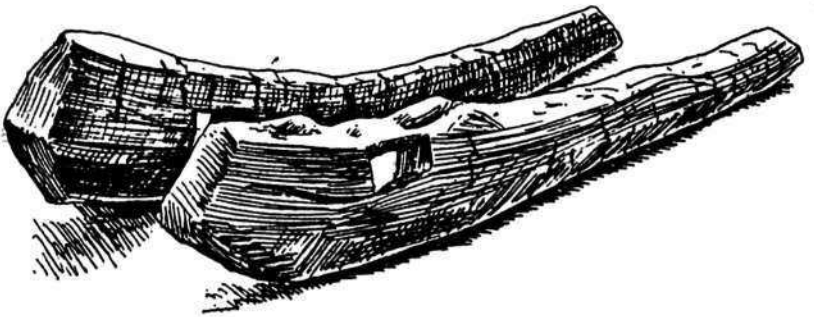


Рис. 67. Деревянная волокуша, найденная в Шестом бесшатырском кургане.

Все бревна усыпальниц сильно истерты и сглажены с одной стороны — это несомненное доказательство того, что их волокли издалека. В настоящее время, как и в сакское, тяньшанская ель не растет ближе чем на 200—250 *км* от бесшатырских курганов.

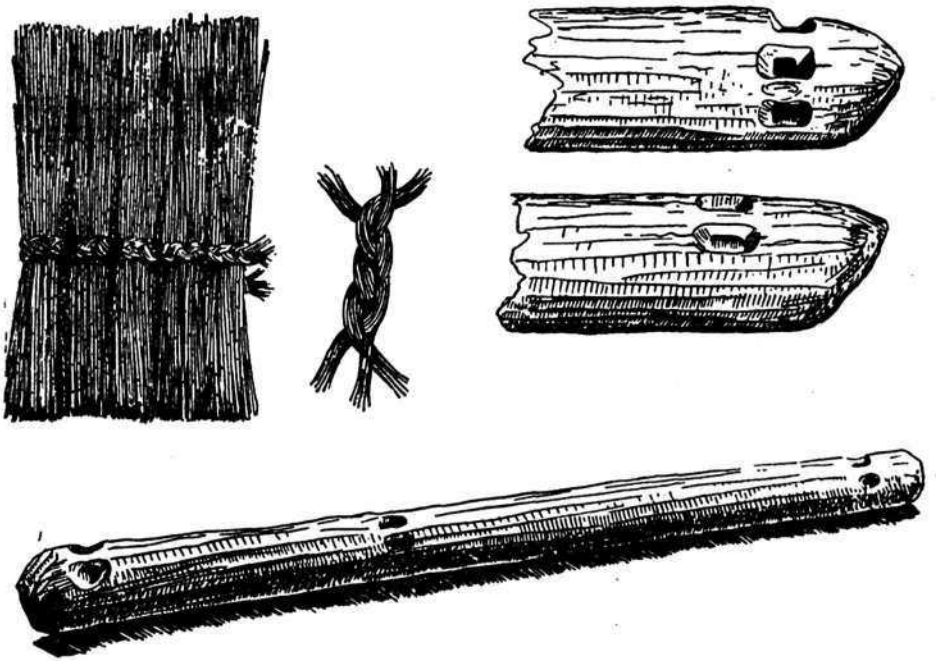


Рис. 68. Проушины в бревнах, камышовый мат и обрывок веревки, сплетенной из чия.

Проушины в бревнах служили как для волока и связывания в плот, так и для поднятия их канатами на высоту стен и наката усыпальниц. Рычагом при этом были вертикально вкопанные столбы, возвышающиеся над крышей усыпальницы на 1,5—2 *м*. Между бревен найдены обрывки канатов. По ним можно судить, что в быту саки использовали волосяные арканы и канаты, плетенные из волокон чия. Прежде чем начать сборку усыпальницы, с бревен снимали кору, обтесывали, а затем плотно подгоняли друг к другу. Если между ними оставались зазоры, то с внешней стороны их закладывали щепками.

На бревнах отчетливо сохранились следы орудий, которыми рубили и обрабатывали деревья, долбили проушины (отверстия). По ним можно определить тип орудия и даже ширину его лезвия. Рубку деревьев, заготовку бревен нужной длины и другую грубую работу делали тяжелым топором с легко затупляющимся лезвием, по всей вероятности, бронзовым вислообушным топором с шириной лезвия 5,5 *см*. Бревна обрабатывали продольной длинной или короткой затеской, по-видимому, бронзовыми пальставообразными теслами, с шириной лезвия 4,5—5,2 *см*.

Примечательно, что ширина лезвий топоров и тесел, следы которых остались на бревнах, точно соответствует ширине лезвий вислообушных топоров и пальставообразных тесел, находящихся в музеях Казахстана.

В связи с этим нам кажется необходимым передатировать большую часть семиреченских кладов бронзовых орудий, несправедливо, только на основании формальной типологии, отнесенных к позднему этапу эпохи бронзы.

Наблюдения во время раскопок и внимательный осмотр бревен усыпальниц Бесшатыра убедили нас в том, что после постройки эти сооружения какое-то время стояли открыто, без насыпи. Точнее, небольшая насыпь из камня и щебня закрывала только камеру и внешние стороны коридора, а сам коридор и вход в усыпальницу оставались открытыми. Об этом свидетельствуют продольные трещины и наплывы древесной смолы, образовавшиеся на бревнах сооружений в результате быстрого, а не постепенного, высыхания дерева под лучами солнца. Находки костей животных, фрагментов керамики среди камней и щебня, лежащих на усыпальнице, подтверждают наше предположение.

Трудно ответить, каковы причины этого и долго ли стояла усыпальница без насыпи. Возможно, что усыпальницы строились еще при жизни тех, для кого они предназначались.

В. П. Шилов, копавший скифский курган в Елизаветовском могильнике, также отмечает, что вход в дромос оставался открытым[13].

---

[13] В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.—СА, 1961, № 1, стр. 155.

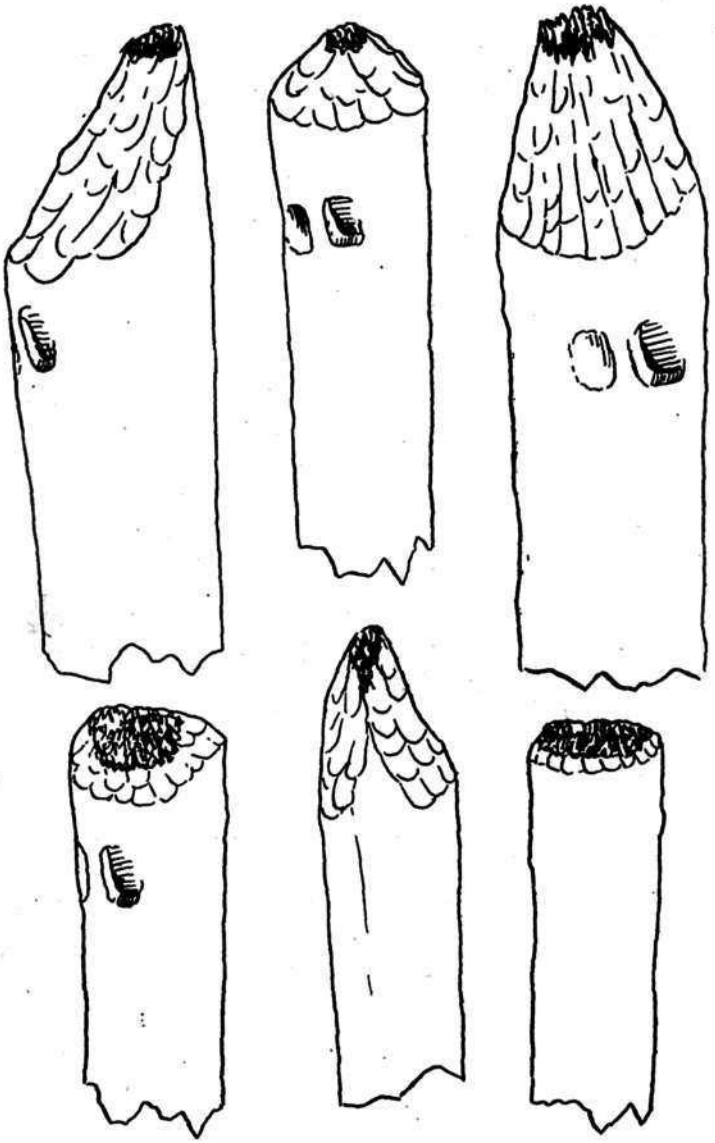


Рис. 69. Торцы бревен со следами рубки (курганы 1 и 6).

Бесшатырские бревенчатые усыпальницы отличаются от скифских, во- первых, тем, что они не являются срубом; во-вторых, это не четырехугольные камеры, опущенные в глубокую яму, а наземные постройки; в-третьих, они имеют входные сооружения — коридор, пристройку, дверной проем, чего нет во многих скифских погребениях, а если и есть, то только в более поздних. Две последние особенности усыпальниц Бесшатыра делают их ближе по форме к жилищу, чем к погребальной камере.

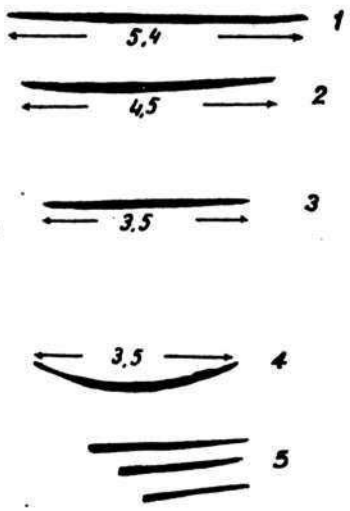


Рис. 70. Следы плотничьих орудий на бревнах: *1, 2, 3* (сверху) — следы топора и тесла; *4* — следы долотообразного орудия; *5* — следы тесака и ножа.

Возможно, что они являются ранними сооружениями из известных памятников этого типа и относятся к первому периоду возникновения деревянных конструкций в погребальном обряде, т. е. к тому времени, когда погребальные сооружения из дерева более или менее точно передавали форму жилищ и не приняли еще формы широко известных деревянных погребальных камер более позднего времени, опускаемых в глубокие ямы.

Материалы, полученные при раскопке бесшатырских курганов, несколько меняют наши представления о культуре сакских племен Семиречья. Они показывают, что саки умели возводить большие и сложные для своего времени сооружения из дерева, камня и камыша. Навыки строительства были приобретены не при сооружении погребальных гробниц, а, по-видимому, при устройстве теплых жилищ. Отсюда следует, что сакские племена Семиречья кочевали не круглый год, а только в теплое время года. С наступлением холодов они уходили на места зимовок и холодное время проводили в зимних жилищах.

Бесшатырский комплекс представляет научный интерес не только как памятник культуры и древней архитектуры, но и позволяет лучше осветить вопросы социальной дифференциации и имущественного неравенства, т е. социальную структуру сакского общества.

Наши археологические материалы и полевые наблюдения из различных районов Северо-Восточного Семиречья и изучение археологических материалов предшественников (А. Н. Бернштам и др.) позволяют сделать вывод, что большое количество так называемых царских курганов в долинах рек Или и Чу не означает, что эти районы заселяли

«царские саки и усуни», как утверждает А. Н. Бернштам[14], а свидетельствует о том, что в среде семиреченских саков-скотоводов (VII — IV вв. до н. э.) социальная дифференциация произошла раньше, чем у саков-земледельцев Приаралья и Сыр-Дарьи. Это и понятно, ибо именно в пору своего зарождения кочевое скотоводство было явлением прогрессивным, так как оно давало больше излишка продуктов, чем ирригационное земледелие в условиях Казахстана и Средней Азии.

Быстрое воспроизводство стада и легкая отчуждаемость скота способствовали сравнительно быстрому накоплению богатств у отдельных скотоводческих родов, семей, лиц. Это привело к раннему развитию имущественного неравенства, к социальному разделению со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если бы не было накопления богатств уже в сакском обществе, то у усуней, выдвинувшихся на политическую арену на смену сакам, не могли бы появиться лица, владевшие 4—5 тысячами голов лошадей, известные нам по китайским хроникам[15].

Сосредоточение в одних руках большого количества скота в свою очередь привело к попыткам закрепления за отдельными лицами лучших земельных угодий, что хорошо видно на примере Цылими[16]; к выделению племенной знати, использовавшей для охраны и ухода за большими стадами труд бедных (рядовых) общинников и военнопленных — рабов; к появлению власти гуньмо, постепенно становившейся наследственной.

Таким образом, экономические, политические и культурные достижения сакских племен явились прелюдией социальных изменений у древних усуней.

Однако исторические факты показывают, что опережение в экономическом, общественном и культурном развитии древних земледельцев скотоводческими племенами на заре отделения скотоводства от земледелия продолжалось недолго; общество, базирующееся на кочевом скотоводстве, быстро исчерпало свои возможности прогрессивного развития.

Исторические изменения, происшедшие в сакском обществе, отразились и на размерах и конструкции погребальных сооружений. Появились грандиозные курганы типа Бесшатыра.

Зародившаяся сакская родоплеменная знать стремилась увековечить свое господствующее положение и после смерти, сооружая на ме-

---

[14] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 22 и 187.

[15] И. Я. Бичурин [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III. М.—Л., 1950, стр. 190.

[16] Там же, ч. II, стр. 197.

сте будущего погребения грандиозные памятники. Величественность курганов Бесшатыра означает былое величие умерших в обществе. Господство на местности внушительных насыпей «царских» курганов над едва заметными рядовыми курганами соответствовало господству знати в обществе над рядовыми общинниками.

С этой точки зрения бесшатырские курганы можно разделить на группы, относящиеся к трем социальным прослойкам. Судя по курганам, размер насыпи зависел от степени знатности погребенного.

Большие курганы могильника, такие, как Большой, Первый и другие, являются усыпальницами вождей племен, населявших долину р. Или и предгорья Заилийского Алатау. Сакские «цари», по-видимому, по бытовавшему среди племен обычаю могли иметь насыпь диаметром от 50 до 105 *м* и высотой от 8 до 17 *м*.

Племенную знать, воинов, прославившихся в битвах и военных походах, хоронили около усыпальниц вождей. Над ними сооружали насыпь поменьше, диаметром 30—45 *м* и высотой 5—6 *м*.

Малые курганы могильника (диаметр 6—18 *м*, высота 1—2 *м*) — это могилы рядовых воинов, совершивших подвиг и в честь этого удостоенных лежать рядом с «царями» и знатью.

Итак, большие курганы — это могилы «племенных вождей — военачальников», средние — «знатных и прославленных воинов», а малые — «храбрых рядовых воинов».

Отсюда ясно, что курганы Бесшатыра — могилы выдающихся воинов. Подобный вывод не должен удивлять. Надо помнить, что сакское время — это время господства военной демократии, когда каждый мужчина был воин и достоинство его определялось силой, храбростью и отвагой, а необходимыми качествами вождя были мудрость и доблесть военачальника.

Размер насыпей бесшатырских курганов, таким образом, зависел от степени знатности погребенного, от его заслуг перед обществом, от воинской доблести, от численности и богатства племени. До сих пор наши рассуждения строились только на археологическом материале. Но есть сведения письменных источников, подтверждающие наше предположение. Правда, они относятся к другой территории и другому народу. Но, учитывая территориальную и хронологическую близость Китая эпохи Хань (III в. д. н. э.—III в. н. э.), в котором был закон, строго определявший размер могильных сооружений в соответствии со степенью знатности человека, можно предположить, что подобные, конечно не законы, а племенные обычаи, существовали и в сакском обществе.

Так, например, по свидетельству китайского историка Ян Шу-да, по ханьским законам насыпь высотой более четырех чжан (12,8 *м*) могли иметь только члены императорской фамилии. Высшая знать, т. е.

ранг лехау, могла сооружать насыпь высотой до 12,8 *м*, а рядовые сановники — не более 1,5 чжан (4,8 *м*)[17].

Мы специально дали подробное описание бесшатырских курганов. Обряд погребения, конструкция и форма могильных сооружений являются определяющими этнографическими признаками культуры. Без тщательного аналитического исследования их не может быть понятна этническая история саков Семиречья.

---

[17] Н. Н. Терехов. Погребальные конструкции эпохи Хань.—СА, 1959, № 3, стр. 44.

Глава II

ПАМЯТНИКИ РЯДОВЫХ САКОВ-ТИГРАХАУДА

§ 1. Могильники

Погребения рядовых членов сакского общества по размеру, конструкции могильного сооружения и инвентарю резко отличаются от «царских» захоронений бесшатырского типа. Небольшие каменные или земляные курганы саков не выделяются среди усуньских курганов, находящихся в большом количестве в долине р. Или. Зачастую они группируются в отдельные могильники, состоящие из 10—20 насыпей, иногда сакские захоронения встречаются и среди усуньских курганов.

В нашем распоряжении имеется материал из 35 сакских курганов, раскопанных в шести могильниках. Изученные погребения охватывают весь сакский период (VII—IV вв. до н. э.).

К раннему этапу сакской культуры (VII—VI вв. до н. э.) относятся могильники Каргалы I и Алтын-Эмель II. Могильник Каргалы I расположен в ущелье того же названия в 55 *км* к западу от г. Алма-Аты. В 1940 г. А. Н. Бернштам раскопал в нем несколько погребений со сферическими каменными насыпями, под которыми на глубине 3—3,5 *м* от вершины кургана находились каменные ящики с костяками. Костяки лежали вытянуто, головой на северо-восток. А. Н. Бернштам датировал могильник Каргалы I переходным от эпохи бронзы к сакам временем — VIII—VII вв. до н. э.[1]

Материал из Каргалинского могильника опубликован не полностью. Судя по описанию, А. Н. Бернштам датирует его на основании обряда погребения в каменном ящике и инвентаря (бронзовые нож, шило и глиняный сосуд), обнаруженного в одном из курганов. В другой работе А. Н. Бернштам описывает лишь один сосуд из этого могильника[2]. Форма сосуда не подтверждает ранней датировки памятника. Сосуд типичный сако-усуньский, с шаровидным туловом, переходящим в узкую

[1] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии..., стр. 24—25.
[2] См.: «МИА», 1950, № 14, Приложение, табл. XCV, рис. 31.

горловину; венчик широкий, отогнутый наружу, дно выпуклое. По нашему мнению, могильник Каргалы I относится к VI — IV вв. до н. э.

К раннесакскому времени относятся, вероятно, захоронения в каменных ящиках, исследованные нами в 1957 г. на перевале Алтын-Эмель в Чулакских горах. Каменные ящики составлены из плоских каменных плит, врытых на ребро, края плит выступают над дневной поверхностью на 20—25 *см*. Размер ящиков 0,8×1,6 *м*, они ориентированы длинной осью с запада на восток с небольшим отклонением. К сожалению, все раскопанные погребения оказались ограбленными и не дали датирующего материала (рис. 71, 72).

Рис. 71. Общий вид каменного ящика до раскопок.

Для территории Семиречья захоронения в каменных ящиках характерны для сакского времени, в редких случаях они встречаются в усуньский период. Причем в позднесакское и усуньское время встречаются погребения в каменном ящике, сооруженном на дне грунтовой ямы и обязательно под насыпью. Учитывая эту закономерность, можно предполагать, что погребения в одиночных каменных ящиках, как пережиточное явление эпохи бронзы, совершались на раннем этапе культуры сакских племен.

Сравнительно лучше изучены памятники позднесакского периода (V—IV вв. до н. э.). Погребения этого времени исследованы в могильниках Жуантобе, Кадырбай III, Карашокы и Кзылауз I.

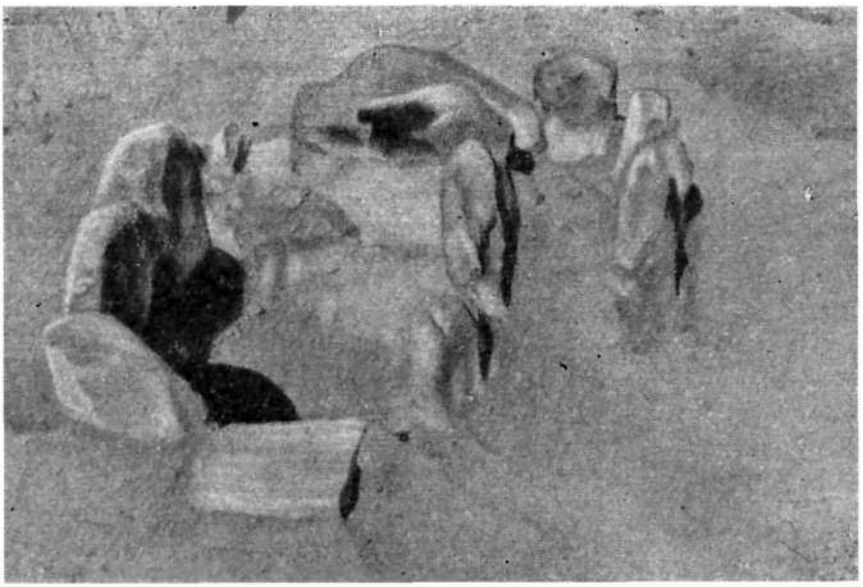


Рис. 72. Общий вид каменного ящика после раскопок.

Археологический материал, полученный в результате раскопок этих памятников, уже опубликован. Поэтому мы ограничимся лишь сжатой общей характеристикой их погребений.

В обширном и содержащем разновременные захоронения могильнике Жуантобе, известном в археологической литературе с 1939 г., А. Г. Максимова в 1956 г. раскопала семь курганов, которые отнесла к VII—VI вв. до н. э.[3]

Курганы могильника — небольших размеров, с насыпью из земли и речной гальки. В погребениях костяки лежали в грунтовых ямах, перекрытых поперечно положенными плахами и ориентированных длинной осью с запада на восток с незначительным отклонением. Судя по сохранившимся костям, умерших хоронили в вытянутом положении на спине, головой на запад. В одном случае под насыпью обнаружены две могильные ямы, в одной из которых находилось захоронение человека, в другой — коня.

В погребениях найдены бронзовые удила, бронзовые ножи (2), костяной и деревянный гребни, бусы, бронзовые подпружные пряжки, ворворки, керамические сосуды.

---

[3] А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе..., стр. 60—64.

А. Г. Максимова, привлекая в качестве аналогии коллекции скифского времени, продатировала жуантобинское погребение раннесакским временем. Полагаю, что с такой датировкой согласиться нельзя. Бронзовые удила, на которые ссылается А. Г. Максимова при датировке, вопреки ее утверждению, не относятся к общеизвестному типу скифских стремявидных удил. Удила из Жуантобе составлены из звеньев разного типа удил, одно звено от кольчатых, второе отдаленно напоминает стремявидные. Поэтому жуантобинские удила более приближаются к кольчатым, чем к стремявидным, бытовавшим в скифо-сакском обществе в V—IV вв. до н. э. Такой датировке могильника Жуантобе не противоречит и остальной инвентарь, в том числе и бронзовые ножи. А. Г. Максимова непонятно почему сравнивает их с раннего типа ножами, найденными на берегу оз. Иссык-Куль, ничего общего не имеющими с ножами из Жуантобе.

В могильнике Карашокы (Кара-Чоко), расположенном на правом берегу р. Или, в Чулакских горах, в 1939 г. А. Н. Бернштам раскопал один сакский курган[4]. Он имел небольшую насыпь из земли и щебня, на которой выступали камни, образующие два концентрических кольца. Погребение совершено в грунтовой яме. Датирующим материалом служат найденные в могиле бронзовые втульчатые наконечники стрел[5]. На основании их А. Н. Бернштам отнес могильник к V—IV вв. до н. э.

Могильник Кадырбай III расположен в Илийской долине, в 27 *км* на северо-запад от ст. Сары-Озек. В могильнике Е. И. Агеева в 1956 г. раскопала три кургана и датировала их IV—III вв. до н. э.[6] Курганы имели насыпи из земли и камня, по основанию их проходила кольцевая каменная выкладка. Во всех курганах на дне грунтовой ямы стояли каменные ящики. В них лежали останки погребенных вытянуто на спине, головой на запад или северо-запад. Предметы материальной культуры, обнаруженные в могилах: бронзовое зеркало с ручкой, бронзовая пряжка, украшенная в зверином стиле, и керамические сосуды, — не противоречат указанной датировке.

Следующим памятником, принадлежавшим рядовым членам сакского общества, является могильник Кзылауз I. Он состоял из 17 курганов с щебеночной насыпью, вытянутых цепочкой с севера на юг. Исследовательские работы на могильнике велись два года: в 1954 г. было раскопано 5 курганов (1, 2, 10, 14 и 15), а в 1957 г. — все остальные. Предварительные итоги работы нами опубликованы[7].

---

[4] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии..., стр. 26.

[5] См.: «МИА», 1950, № 14, Приложение, табл. XCV, рис. 49.

[6] Е. И. Агеева. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области..., стр. 83—85.

[7] К. А. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 204—214.

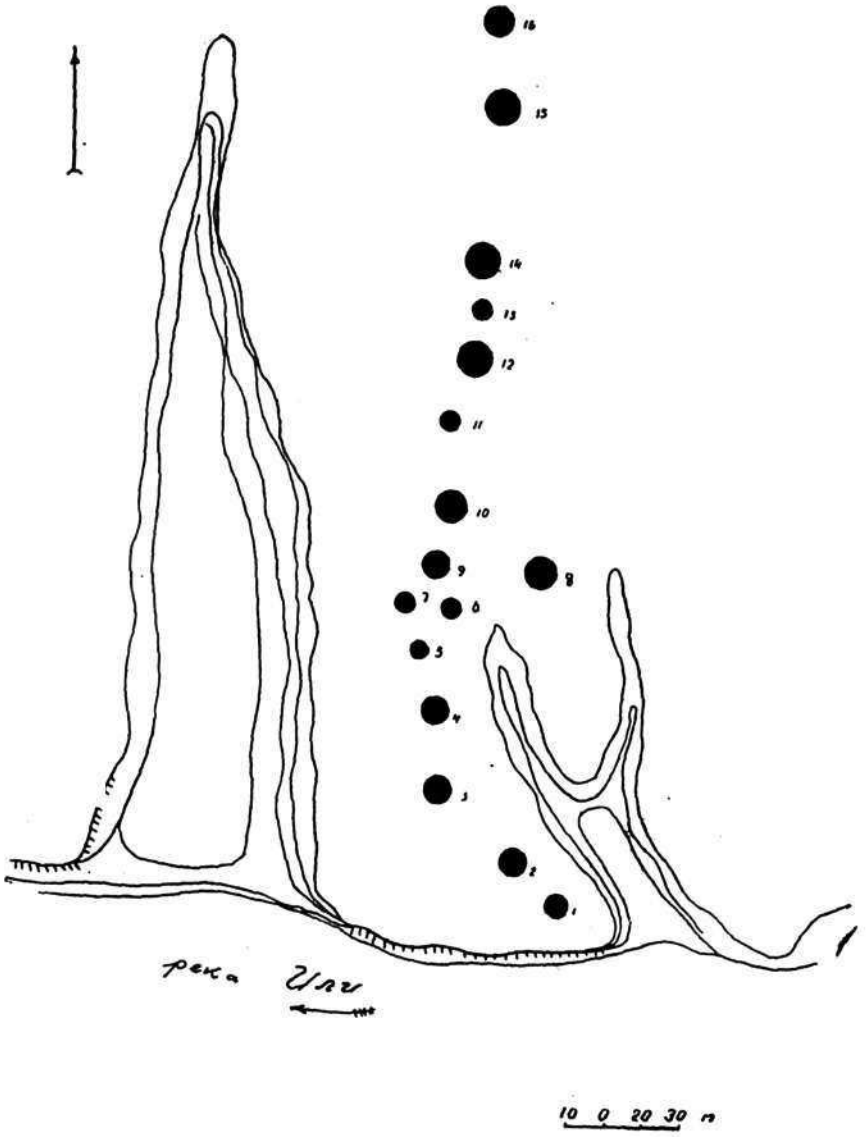


Рис. 73. План могильника Кзылауз.

Здесь мы дадим описание лишь наиболее примечательным курганам, представляющим интерес обрядом захоронения или сопровождающим инвентарем, остальные охарактеризуем суммарно.

Курган 6 (диаметр 6 *м*, высота 0,20 *м*) интересен тем, что под его насыпью обнаружено двухъярусное погребение в грунтовой яме, ориентированной по длине с запада на восток. Оба костяка лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад. Верхний костяк от нижнего отделял слой земли толщиной в 30 *см* и глиняная заливка. В северо-западном углу могилы, у черепа стоял небольшой глиняный сосуд, а рядом лежали кости овцы и железный нож. У верхнего погребенного в области таза найдено небольшое каменное пряслице. Судя по расположению костей, которые лежали вплотную к западной стене могильной ямы, верхний погребенный был похоронен обезглавленным, обломки черепа обнаружены в могиле выше костяка на 0,4 *м*.

Курган 7 (диаметр 6 *м*, высота 0,27 *м*) содержал двухъярусное групповое захоронение. Под насыпью находились две грунтовые могильные ямы, ориентированные с запада на восток. В южной могиле лежал костяк, вытянуто на спине, головой на запад (рис. 74, 75). В юго-западном углу могилы стоял глиняный сосуд с петлевидной ручкой

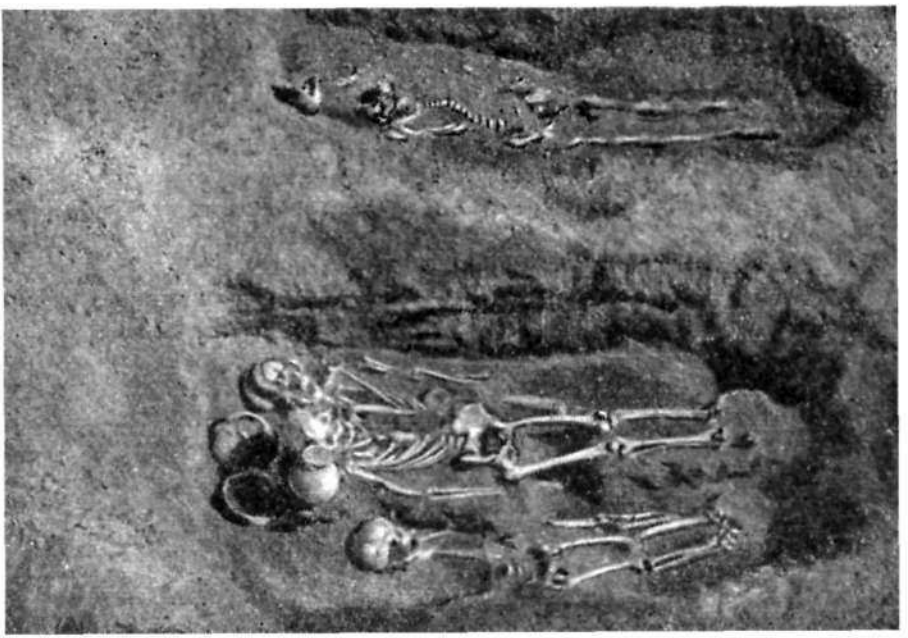


Рис. 74. Останки погребенных в могильных ямах кургана 7.

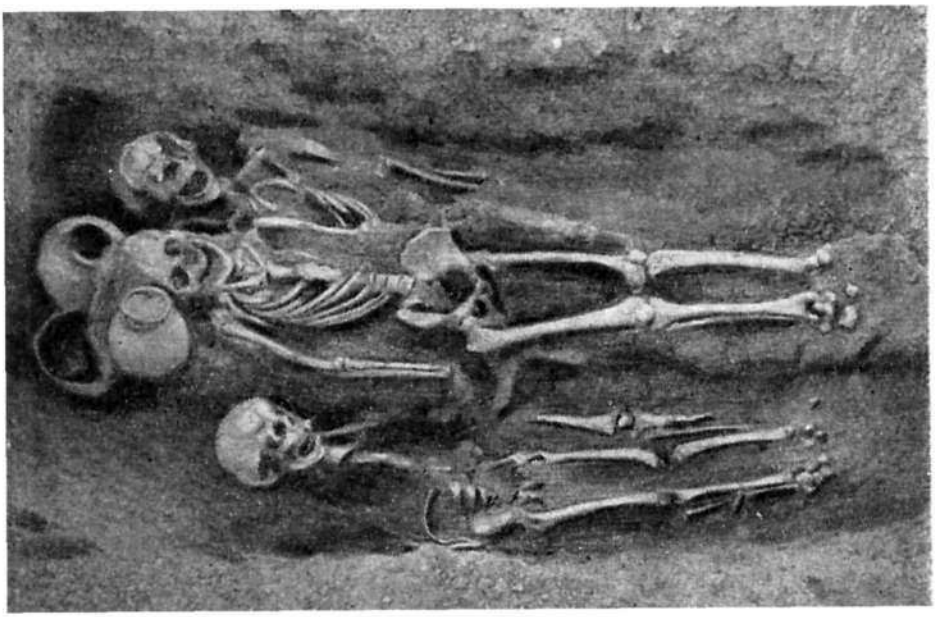


Рис. 75. Групповое захоронение в северной могиле кургана 7.

в середине тулова, рядом с ним обнаружен крестец овцы. По определению В. В. Гинзбурга, костяк принадлежал женщине европеоидного типа. В северной могильной яме найдены останки четырех погребенных, положенных в два яруса. Верхний костяк лежал на глубине 22 *см* от края могилы, вытянуто на спине, головой на запад. Слева от черепа стоял глиняный горшок с плоским дном. Нижние погребения от верхнего отделял слой земли толщиной в 15 *см*. Положение и ориентировка костяков были те же, что у верхнего. Нижние костяки принадлежат двум взрослым и подростку. Около черепов взрослых погребенных стояли два сосуда, один с шаровидным туловом и узкой, низкой горловиной, другой — низкая чаша. В чаше лежали кости овцы — остатки пиши.

Все погребения кургана 7 относятся к одному хронологическому периоду.

Курган 9 (диаметр 8 *м*, высота 0,8 *м*) имел четыре могильные ямы, в которых обнаружено семь скелетов людей. Могилы расположены параллельно друг другу, ориентированы по линии запад—восток (рис. 77). Во всех могильных ямах, судя по сохранившим анатомический порядок

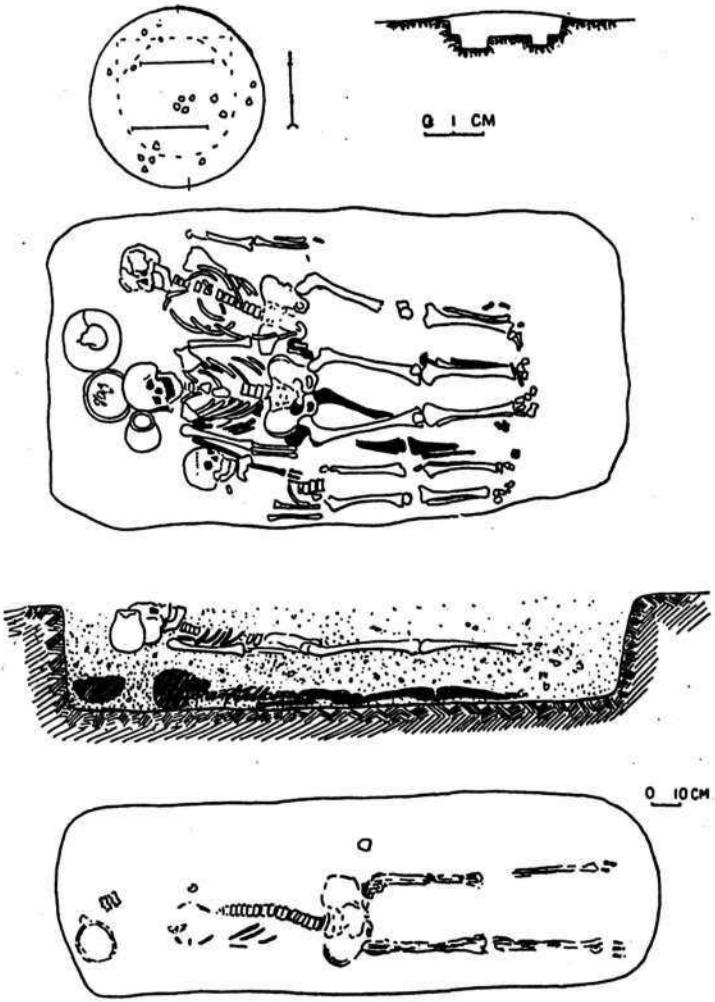


Рис. 76. План и разрез насыпи и могильных ям с костяками в кургане 7.

костям, погребенные были положены вытянуто на спине, головой на запад. В южной могиле находились скелеты двух взрослых и ребенка. По-видимому, мужчина был похоронен позже женщины и ребенка. Чтобы освободить ему место в могиле, детский костяк, уже успевший разложиться и потерять связки, был подвинут вплотную к южной стенке ямы. Нарушен также женский скелет, лежавший у северной стенки мо-

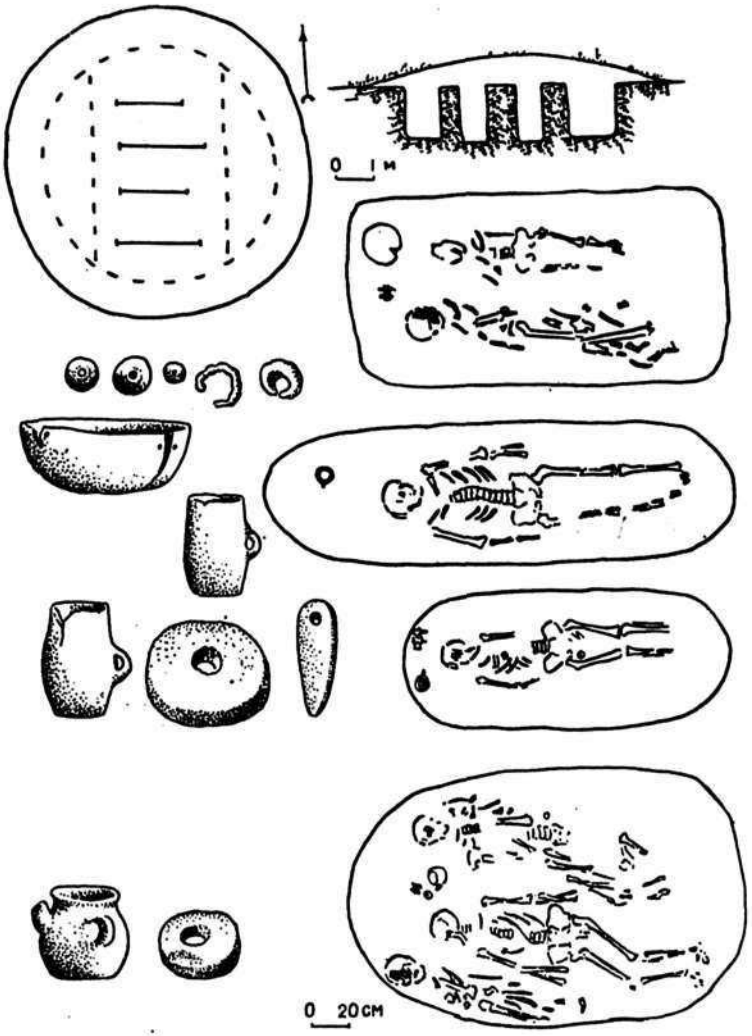


Рис. 77. План, разрез насыпи и могильных ям с костяками и инвентарем в кургане 9.

гилы. При зачистке костяков между мужским и женскими черепами обнаружены глиняный сосуд с носиком и петлевидной ручкой, глиняное пряслице, крестец овцы (рис. 77, 78).

В двух средних могилах было по одному костяку. Принадлежали они мужчине и женщине. В женской могиле найдены кубковидный со-

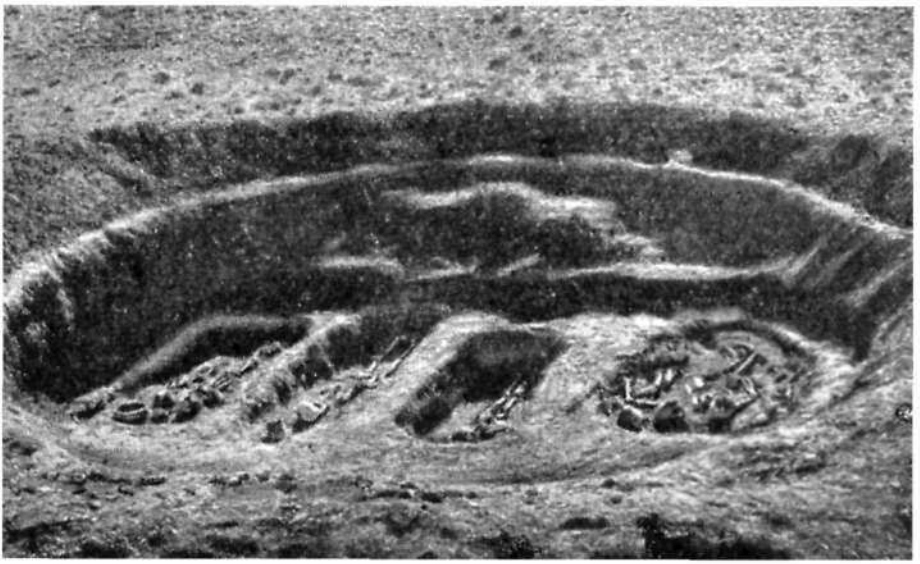


Рис. 78. Могильные ямы после расчистки.

Рис. 79. Групповое захоронение в южной яме.

суд, каменная палочка для сурьмления бровей, глиняное пряслице, обломок от какого-то бронзового предмета и крестец овцы. В западной части могильной ямы мужского погребения стоял также кубковидный горшок и лежал крестец овцы. Оба сосуда, обнаруженные в этих могилах, имели на середине тулова петлевидные ручки.

В северной могиле обнаружены останки двух погребенных — взрослого и ребенка. Среди костей женщины (?) найдены бусы. В западной части ямы находились глиняная чаша и крестец овцы.

Курган 12 (диаметр 10 *м*, высота более 1 *м*) под насыпью имел каменное кольцо шириной 2 *м*. В центре кольца находились две могильные ямы, вытянутые с запада на восток. Могилы перекрыты плахами, положенными поперек ям. Положение и ориентировка костяков — обычные для этого могильника.

В северной яме обнаружен обломок каменной зернотерки.

Более богатым оказалось погребение в южной могиле. В западной части ямы стояло шесть глиняных сосудов, из которых три — низкие чаши, остальные — типа горшка. Около сосудов найден квадратной формы туалетный сосудик с четырьмя отделениями для красок. Среди костей обнаружены бронзовые шпилька, колокольчик, браслет, заканчивающийся головками барса, фрагменты бронзовой гривны и сердоликовая бусина (рис. 80).

Судя по тлену, покойники были положены на подстилку из камыша.

Могильник Кзылауз I исследован полностью. Под насыпями 19 курганов открыто 27 грунтовых могил, в которых найдено 33 скелета. Во всех погребениях наблюдается устойчивый погребальный обряд и однотипный сопровождающий инвентарь.

Покойников хоронили, как правило, с западной ориентировкой, вытянуто на спине. В большинстве случаев погребения одиночные, только в трех курганах (1, 8, 19) зафиксированы парные захоронения в отдельных ямах, в двух (6, 7) — парные двухъярусные в одной могиле и вновь в двух (7, 9) групповые — по пять и семь погребенных под одной насыпью.

Для могильника характерны наличие каменного кольца под насыпью и деревянное перекрытие могильных ям. По разрезу насыпи курганов хорошо видно, что первоначально каменное кольцо окружало основание насыпи снаружи, позднее, в результате сползания насыпи, оказалось под ней.

Могильник Кзылауз I, судя по количеству курганов, идентичности инвентаря и обряда погребения, является родовым кладбищем какой-то группы саков, населявших правобережье р. Или.

Как свидетельствуют групповые и двухъярусные погребения (кур-

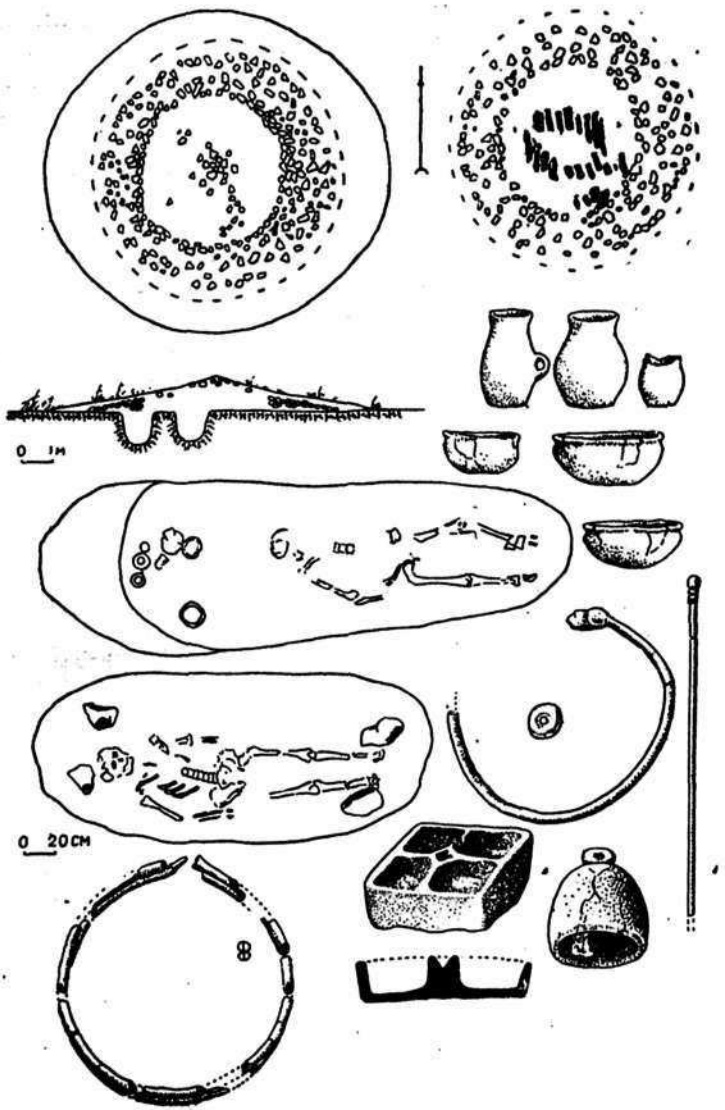


Рис. 80. План, разрез насыпи и могильных ям с костяками и инвентарем в кургане 12.

ганы 6, 7 и 9), отдельные сакские патриархальные семьи имели на родовом кладбище семейные усыпальницы.

Основным датирующим материалом могильника служит глиняная посуда, особенно сосуды с носиком и петлевидной ручкой, обнаруженные в курганах 9 и 19.

Такого типа чайникообразные сосуды имеют широкие аналогии в памятниках позднесакского времени на территории Средней Азии и Казахстана (из них можно назвать поселение Қаунчи[8], Берккаринский могильник[9]). Поиски далеких аналогий приведут нас в Иран и в Переднюю Азию, где подобного типа сосуды встречаются с глубокой древности в памятниках времени Анау III.

Датировку могильника Қзылауз I позднесакским временем (V—IV вв.) подтверждает и остальной инвентарь, в том числе литые бронзовые браслеты, украшенные на концах головками хищных животных

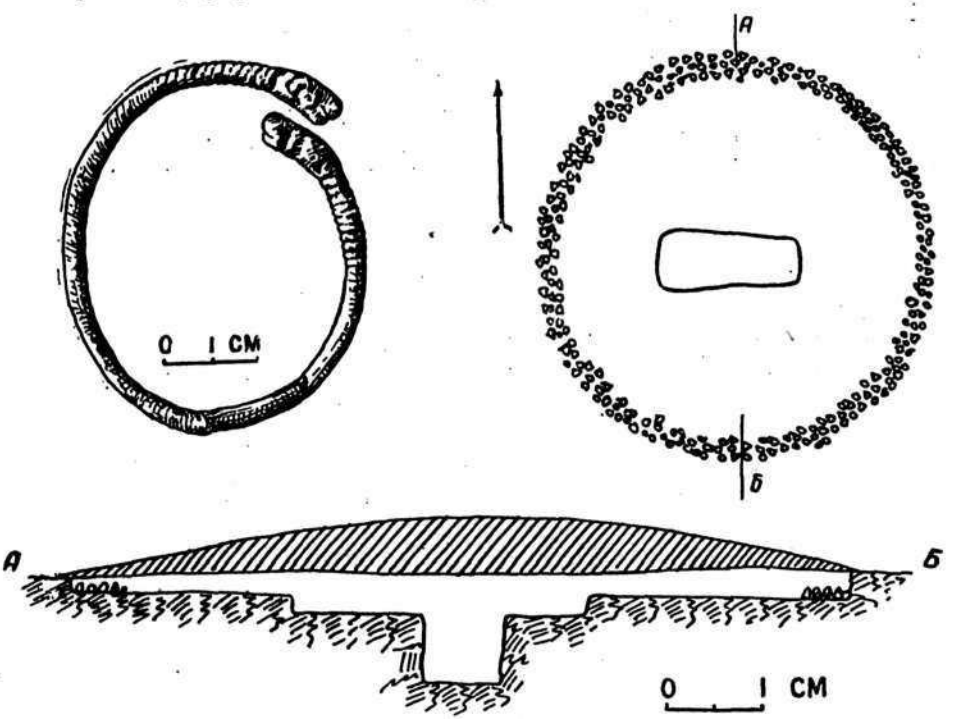


Рис. 81. План, разрез насыпи и бронзовый браслет кургана 14.

[8] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении.— Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, вып. 1, стр. 47—78.
[9] См.: «МИА», 1950, № 14, Приложение, табл. X.

(курганы 12, 14) и фрагменты бронзовой пластины со штампованным рисунком какого-то грифона, выполненным в скифском зверином стиле (курган 15).

Остальной инвентарь могильника: бронзовые шпильки, шилья, серьги разных типов, костяные поделки и т. д. — типичен не только для сакского времени.

Материальная культура саков Семиречья изучена чрезвычайно слабо. Сейчас делаются только первые шаги. Предстоят большие полевые исследовательские работы по изучению богатой событиями политической истории, яркой и оригинальной материальной культуры сакских племен.

На современном этапе представляется возможным осветить лишь отдельные частные вопросы истории и культуры саков.

Несомненно, что основным направлением хозяйства семиреченских саков было овцеводство. Это подтверждается данными археологии и сведениями из письменных источников. Свидетельством широкого развития овцеводства у саков являются находки в большинстве исследованных курганов костей овцы — остатков мясной пищи. Греческий автор середины I тысячелетия до н. э. Хэрил называл саков пастухами овец, подчеркивая этим овцеводческое направление сакского хозяйства.

Овец разводили не только на мясо. От них получали также шерсть, необходимую для изготовления кошмы, плетения веревок и сучения ниток. Найденные в Первом и Шестом бесшатырских курганах куски кошмы и обрывки веревок свидетельствуют о том, что саки умели изготовлять разную кошму: грубую толстую черную, по-видимому, для покрытия жилищ и подстилки на пол, и тонкий мягкий белый войлок, напоминающий низкосортный фетр, для пошива одежды и характерных для саков остроконечных шапок. Обрывки такого войлока, прошитого толстыми шерстяными нитками, обнаружены в Первом бесшатырском кургане.

В жизни сака, как кочевника-скотовода и воина, большую роль играл конь. Это отмечают древние авторы при описании сакской конницы. Не противоречит письменным источникам и археологический материал (находки костей лошади в бесшатырских курганах и погребение с конем в могильнике Жуантобе).

Если судить по находкам обломков зернотерок в погребениях могильника Кзылауз I (курганы 12, 14), то саки возделывали зерновые культуры. По-видимому, ими не был забыт опыт возделывания земли и выращивания посевов, известный их предкам — племенам эпохи бронзы. Вполне вероятно, что при уборке урожая и заготовке камыша саки пользовались бронзовыми серпами, которые зачастую встречаются в кладах бронзовых предметов, находимых на территории Семиречья и по привычке относимых к эпохе бронзы.

Погребальный обряд саков был достаточно подробно охарактеризован при описании исследованных могильников.

В родовых могильниках, в которых хоронили рядовых скотоводов, прослежены два типа могильных сооружений: каменные ящики и грунтовые ямы. Погребения в каменных ящиках и в ящиках, сооруженных на дне грунтовых ям, по имеющимся материалам характерны для раннего этапа сакской культуры, но как пережиток встречаются на позднем этапе (могильник Қадырбай III). Для V—IV вв. типичны погребения в грунтовых ямах, перекрытых деревом.

Подобное положение Г. Г. Бабанская проследила в Берккаринском могильнике[10].

В сакский период захоронения в подбоях не встречаются. Среди рядовых сакских погребений известно лишь одно захоронение в могильнике Қзылауз I (курган 15), в котором скелет, лежащий в грунтовой яме, огражден деревом, поставленным наклонно от дна могилы к противоположному краю. Подобные сооружения, по-видимому, означают начало перехода к подбойным устройствам.

Первые подбойные погребения в Семиречье появляются в усуньское время.

В сакских погребениях, в отличие от усуньских, очень редко встречаются железные изделия. Из 45 сакских захоронений, обнаруженных в 35 курганах, только в семи погребениях найдены небольшие плоские железные ножи и кинжал, тогда как в усуньских захоронениях изделия из железа находят в каждом кургане.

Своих умерших сородичей саки хоронили, как правило, головой на запад, в вытянутом положении на спине. Инвентарь рядовых погребений беден, но достаточно характерен, чтобы определить время захоронения.

У головы каждого умершего ставили один, редко два глиняных сосуда с молочной или мясной (кости барана в чашах) пищей. Остальной сопровождающий инвентарь представлен мелкими предметами быта и украшениями, т. е. теми вещами, которые были в личном пользовании погребенного, являлись личной собственностью или были неотъемлемой частью его одежды.

Сакская глиняная посуда разнообразна по форме и емкости, что говорит о ее различном функциональном назначении.

Четко можно выделить пять типов сосудов:

1. Горшки с носиком и петлеобразной ручкой, расположенными по отношению друг к другу под углом в 90°.

---

[10] Г. Г. Бабанская. Берккаринский могильник.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. I, 1956, стр. 205.

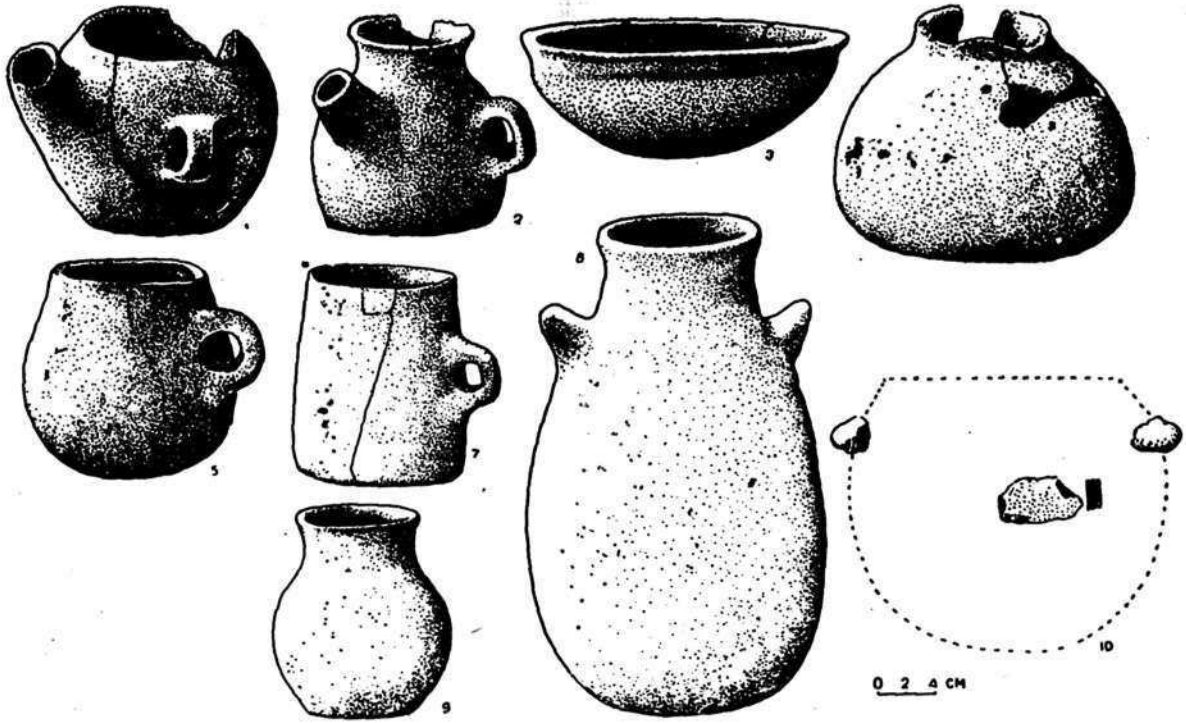


Рис. 82. Типы сакской глиняной посуды: *1, 2* — горшки; *3* — чаша; *4* — шаровидный сосуд; *5, 7* — кружки; *6, 9* — кринкообразные сосуды; *10* — котел.

2. Низкие округлые чаши разной емкости.

3. Шаровидные сосуды с короткой и узкой горловиной.

4. Кружки с петлеобразной ручкой разной емкости.

Встречаются сосуды этой же формы, но без ручек или с рожковым выступом.

5. Высокие кринкообразные горшки: а) с двумя рожковыми выступами, б) с петлеобразной ручкой, в) без ручек. Донца сосудов выпуклые или плоские.

Вся посуда не имеет на внешней поверхности следов закопчения. Несомненно, она была не кухонной, а столовой. Кухонная посуда более толстостенна, изготовлена грубее и бóльшей емкости. Фрагменты глиняных котлов с ушками нами обнаружены в могильнике Бесшатыр. Возможно, что саки для приготовления пищи использовали не только глиняные, но и бронзовые котлы, довольно широко бытовавшие в это время[11]. Кухонная посуда была малочисленна и менее разнообразна, чем столовая. Котлы (казаны), как известно, были у кочевых народов всех времен универсальной посудой, служившей как для варки мяса и кипячения молока, так и для выпечки лепешек и т. д.

Разнообразие столовой посуды свидетельствует о росте культуры быта сакских племен по сравнению с культурой племен более ранней эпохи. Вместе с тем необходимо отметить, что полукочевой образ жизни заставлял саков иметь разнообразную посуду, хотя и в минимальном количестве. К этому выводу можно прийти, если сравнить количество сосудов с пищей при погребенном в эпоху бронзы и у саков. В захоронениях этого времени около каждого умершего поставлен один сосуд (за редким исключением), даже в групповых погребениях на 2—3 умерших приходится один сосуд.

В сакской культуре Семиречья, даже на ее позднем этапе развития, обнаруживаются черты преемственности материальной культуры племен эпохи бронзы Казахстана. Они проявляются, с одной стороны, в антропологическом типе сакских племен, довольно четко сохранивших характерные признаки древних «андроновцев»[12], с другой — в материальной и духовной культуре. Например, трехперые втульчатые бронзовые наконечники стрел, часто находимые в захоронениях саков Семиречья, характерны для дандыбаевской культуры поздней бронзы

---

[11] Е. Ю. Спасская. Указ. работы.

[12] В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. «Антропологический сборник», вып. 1, 1956; его же. Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов.— КС ИЭ АН СССР, 1959, вып. XXXI.

Казахстана. В памятниках этой культуры впервые для территории Казахстана найдены указанного типа наконечники стрел[13].

Саки Семиречья сохраняют традиции прошлой эпохи и в погребальном обряде. Большие патриархальные семьи, так же как и племена бронзового века, сооружали на общем родовом кладбище усыпальницы, где погребали только членов своей семьи. Как уже отмечалось, о существовании семейных усыпальниц у саков свидетельствуют групповые и двухъярусные захоронения в могильнике Кзылауз I (курганы 6, 7, 9).

Таким образом, в сакском обществе продолжался процесс выделения крупных патриархальных семей из рода, как самостоятельной хозяйственной единицы, но с сохранением всех иных связей с родовым коллективом. Начало выделению таких семей было положено андроновскими племенами Казахстана еще на федоровском этапе развития. Оно прогрессировало в алакульское и дандыбаевское время и продолжалось в сакское[14]. Возможно, что этот процесс в основном завершился в этот период, так как среди погребений усуньского времени уже не встречаются семейные усыпальницы, что говорит об окончательном распаде единого родового коллектива на крупные семейные общины, но еще крепко связанные между собой родовыми традициями и обычаями, взаимопомощью и поддержкой. В усуньское время не было необходимости отдельным семьям подчеркивать свою самостоятельность сооружением семейной усыпальницы на общем родовом кладбище. Выделение крупных семей было узаконено самим ходом исторического развития.

§ 2. Случайные находки

Материальная культура саков Семиречья изучена недостаточно. К сожалению, и те немногочисленные курганы, которые раскопаны, из-за основательного ограбления дают весьма скромный материал. Среди курганного инвентаря почти неизвестны орудия труда, не часты находки оружия и металлических предметов быта.

Больше о металлических изделиях саков известно нам из случайных находок. Особое место среди них занимает большая коллекция бронзовых и медных котлов, жертвенников и светильников, получивших широкую известность как замечательные памятники искусства и художественного литья. Высокий уровень металлообработки и искусство художественного литья свидетельствуют о том, что сакское время было периодом расцвета бронзовой «индустрии». Если племена эпохи бронзы

---

[13] П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). — Известия ГАИМК, 1935, вып. 110, стр. 57; Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы.— КС ИИМК, 1950, вып. XXXII.

[14] К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат, Л., 1953.

Казахстана были зачинателями добычи и плавки руды, то саки явились достойными продолжателями их традиций и перешли к массовому изготовлению изделий из меди и бронзы.

Новая форма хозяйства, более высокий по сравнению с эпохой бронзы уровень развития культуры, быта и т. п. привели к созданию более разнообразных орудий, оружия, предметов быта и культа. Но одновременно с новыми формами изделий, появившимися у сакских племен, сохранялись и бытовали у них наиболее совершенные старые формы бронзовых изделий, выработанные еще племенами эпохи бронзы, такие, как вислообушные топоры, пальставообразные тесла, желобчатые и копьевидные долота, серпы так называемого семиреченского типа.

Уже отмечалось, что на бревнах усыпальниц Первого и Шестого курганов хорошо сохранились следы плотничьих орудий. Причем следы орудий, отпечатавшихся на бревнах, по размерам совпадают с шириной лезвий вислообушных топоров и плоских тесел, имеющихся в коллекциях музеев Казахстана. По нашему мнению, это бесспорное доказательство того, что данные типы орудий широко бытовали не только в эпоху бронзы, но и в сакское время. В пользу такого утверждения говорят местонахождения кладов бронзовых изделий преимущественно в районах древнего Шаша и Семиречья. Они являются, с одной стороны, исключительно территорией расселения сакских племен, а с другой — территорией, где мало встречается памятников андроновской культуры.

За последние годы два клада (Каменский и Турксибский) так называемых общеандроновских типов бронзовых изделий были найдены вместе с сосудами типично сако-усуньского времени, ничего общего не имеющими с андроновскими горшками. Но и эти бесспорные факты не были учтены при датировке обнаруженных предметов. Исходя из формальной типологии, механически подбирая широкие аналогии, исследователи вновь отнесли клады бронзовых изделий к эпохе поздней бронзы[15].

В настоящей работе представляется возможность исправить ошибочную датировку этих кладов и дать описание новых кладов бронзовых предметов, обнаруженных в последние годы на территории Илийской долины.

В нашем распоряжении имеется коллекция из 20 бронзовых предметов, найденных в четырех кладах, названных по месту нахождения Турксибским, Новоалексеевским, Каменским и Иссыкским. В хронологическом отношении коллекцию можно разделить на две группы вещей: VIII—VII вв. до н. э. и VI—IV вв. до н. э.

К первой группе мы относим Турксибский клад. Нижнюю его дату

---

[15] А. Джусупов. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 261—263.

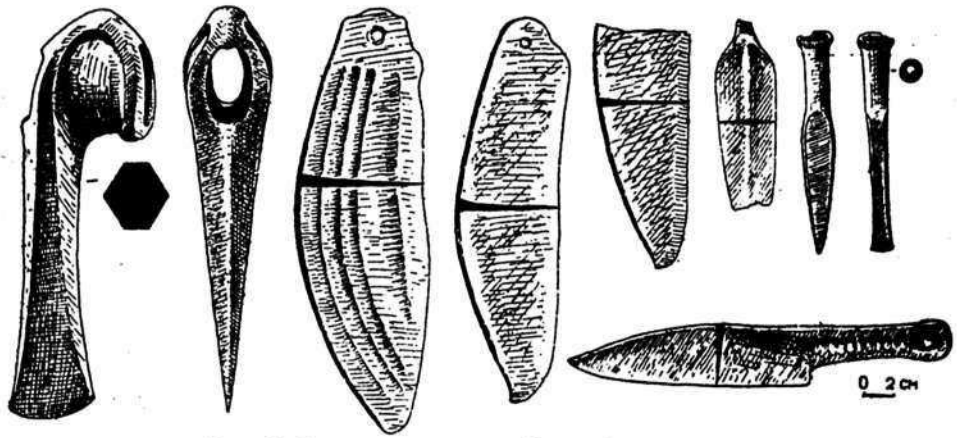


Рис. 83. Бронзовые вещи из Турксибского клада.

определяют массивный бронзовый нож типично казахстанской формы и листовидной формы наконечник копья. Три других клада датируются VI—IV вв. до н. э.

Турксибский клад обнаружен в 1957 г. на высоте около 1100 *м* над уровнем моря в горах Заилийского Алатау, на территории санатория «Турксиб» (окрестности г. Алма-Аты). Он открыт рабочими при рытье траншеи на глубине 3 *м*. Клад состоял из семи бронзовых предметов, каменного песта и фрагментов глиняного сосуда[16]. Дадим краткое описание этим изделиям.

Вислообушный топор. Отлит в двухстворчатой форме, литейные швы заглажены, сохранились лишь с внутренней стороны, где лезвие переходит в обух. Общая длина 25,4 *см*, ширина лезвия 5,4 *см*. Отверстие для насадки на рукоять овальное, размер 3×5 *см*.

Втульчатое копьевидное долото. Отлито также в двухстворчатой форме. Длина 13 *см*, глубина втулки 5 *см*.

Черешковый наконечник копья. Имеет листовидную форму, конец лезвия и черенка отломаны. Черенок в сечении прямоугольный. Сохранившаяся длина 4,2 *см*.

Нож с обособленной рукоятью. Отлит в односторонней форме, лезвие оттянуто ковкой. Рукоять с внутренней (прилегающей к форме) стороны орнаментирована короткими параллельными овальными вдавлениями, имеет отверстие для подвешивания. Длина ножа 24,7 *см*, длина лезвия 15,2 *см*, ширина 3,4 *см*.

Серп. На одной из его сторон имеется рисунок из трех широких полос. Длина 25,7 *см*, ширина 8 *см*.

[16] Хранятся в археолого-этнографическом музее АН КазССР.

Серп. Длина 23,9 *см,* ширина 6,2 *см.*

Обломок серпа.

Серпы семиреченского типа — прямые, со слабой изогнутой спинкой, отлиты в односторонней форме, имеют круглые отверстия для прикрепления к ручке.

Каменный пест. Рабочая часть в разрезе прямоугольной формы, ручка — круглая. Длина 23,4 *см.*

Фрагменты глиняного сосуда, аналогичного по форме, тесту и обжигу сако-усуньским горшкам.

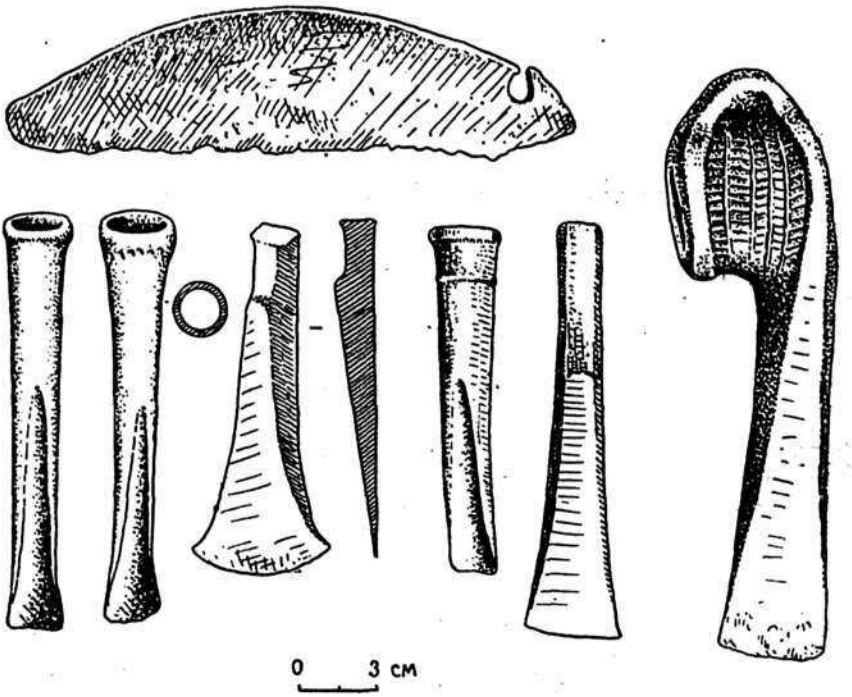


Рис. 84. Бронзовые орудия из Каменского и Новоалексеевского кладов.

Новоалексевский клад обнаружен в 1883 г. в с. Алексеевка (ныне Новоалексеевка) на левом берегу р. Или.

Клад состоял из четырех бронзовых орудий. В этом же году отдельно был найден бронзовый сосуд со сливом и длинной витой ручкой. Приведем описание предметов.

Вислообушный топор. Литой, с орнаментом на обухе в виде пяти рядов полос из коротких поперечных линий, разделенных продольными линиями. Длина 28 *см,* ширина лезвия 5,4 *см.*

Плоское пальставообразное тесло. С внутренней стороны плоское, с внешней имеет выступ, отделяющий обух от рабочей части. Длина 20,4 *см,* ширина лезвия 5,2 *см.*

Втульчатое желобчатое долото. Длина 18 *см.* Верхняя часть конусовидной втулки с выпуклым ободком.

Серп. Рабочая часть прямая, спинка с небольшим изгибом, имеется отверстие для прикрепления к ручке. Длина 27 *см,* ширина 7 *см.*

Бронзовый сосуд. Шаровидной формы, имеет слив, расположенный в тулове под прямым углом к длинной «витой» ручке. Высота сосуда 11 *см,* диаметр тулова 13 *см,* диаметр венчика 9 *см,* длина ручки 10 *см*[17].

Каменский клад найден в 1953 г. на территории санатория «Каменское плато» в окрестностях г. Алма-Аты, на глубине более 1 *м.* В нем находились пальставообразное тесло, два втульчатых желобчатых долота и глиняный сосуд[18].

Иссыкский клад обнаружен в 1958 г. в районе с. Иссык (в 40 *км* на восток от г. Алма-Аты) при строительстве дороги к высокогорному озеру. Состоит из пяти бронзовых предметов[19].

Втульчатый наконечник копья. Боевая часть кинжаловидной формы, посередине лезвия имеются двухсторонние продольные выступы. На втулке два отверстия для прикрепления наконечника к древку. Длина 34,5 *см,* ширина лезвия 4 *см,* диаметр втулки 3,7 *см.*

Кинжал. Перекрестие бабочковидное, навершие прямое, на рукояти с обеих сторон есть по два параллельных дола. Конец клинка отломан. Сохранившаяся длина 22,5 *см,* длина рукояти 7,5 *см,* ширина клинка 3 *см.*

Кольчатые удила (2 экз.). Сильно изношены в результате долгого употребления. Размером удила разные. Диаметр колец у одних — 3,3 *см,* у других — 2,7 *см.*

Котел. В верхней части тулова расположены две ручки. Имеет конусовидную подставку. По венчику котла проходит выпуклый орнамент в виде крупных волнистых линий. Высота котла 40,5 *см,* диаметр по венчику 36 *см,* диаметр по тулову 39 *см,* высота подставки 12 *см*[20].

Второй сакский бронзовый котел найден в 1958 г. у отрогов Джунгарского Алатау на территории г. Текели.

По венчику котел орнаментирован двумя рядами выпуклых ломаных линий. Ручка его, ребристая в сечении, сохранилась только на одной стороне. Котел имеет полую конусовидную подставку высотой

---

[17] Хранятся в ГИМе, г. Москва.

[18] Описание см.: А. Джусупов. Указ. работа. Вещи хранятся в ЦГМ Казахской ССР.

[19] Хранятся в археолого-этнографическом музее АН КазССР.

[20] Хранятся в археолого-этнографическом музее АН КазССР под № СН 1/15—5/15.

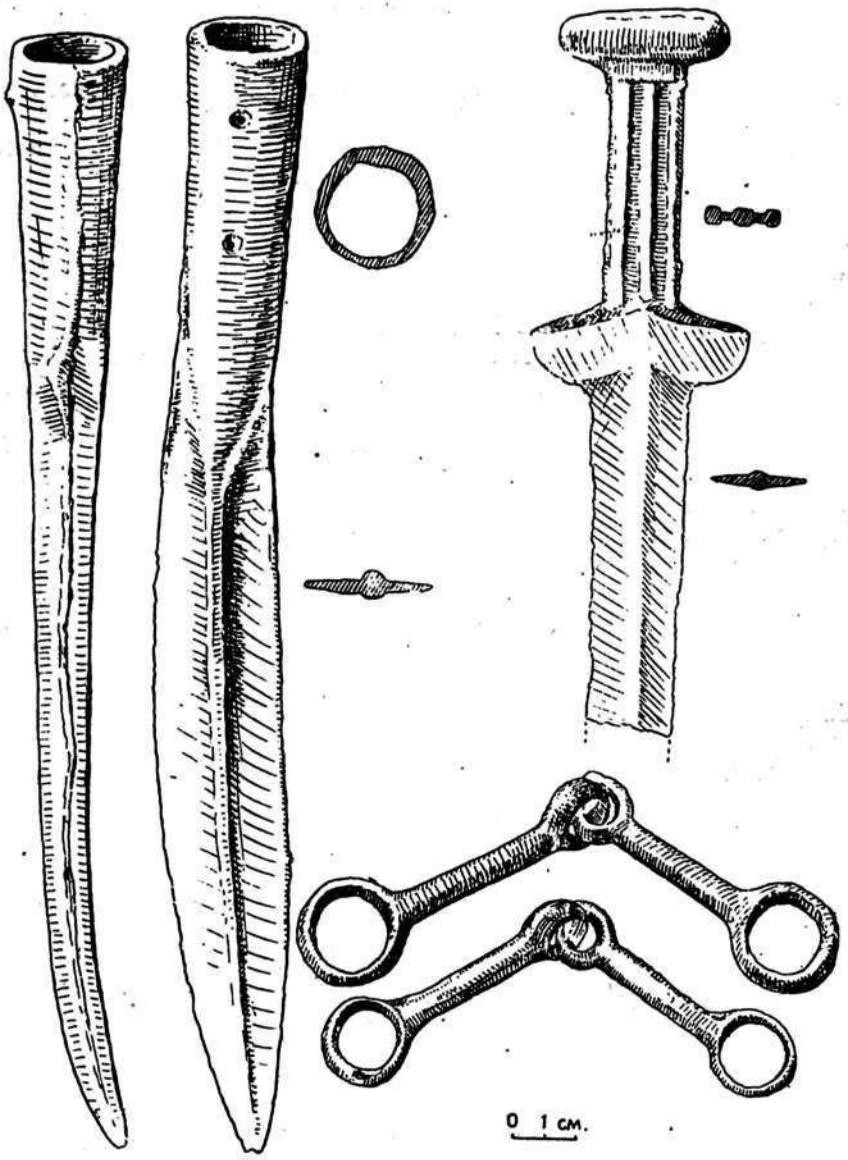


Рис. 85. Бронзовые вещи из Иссыкского клада.

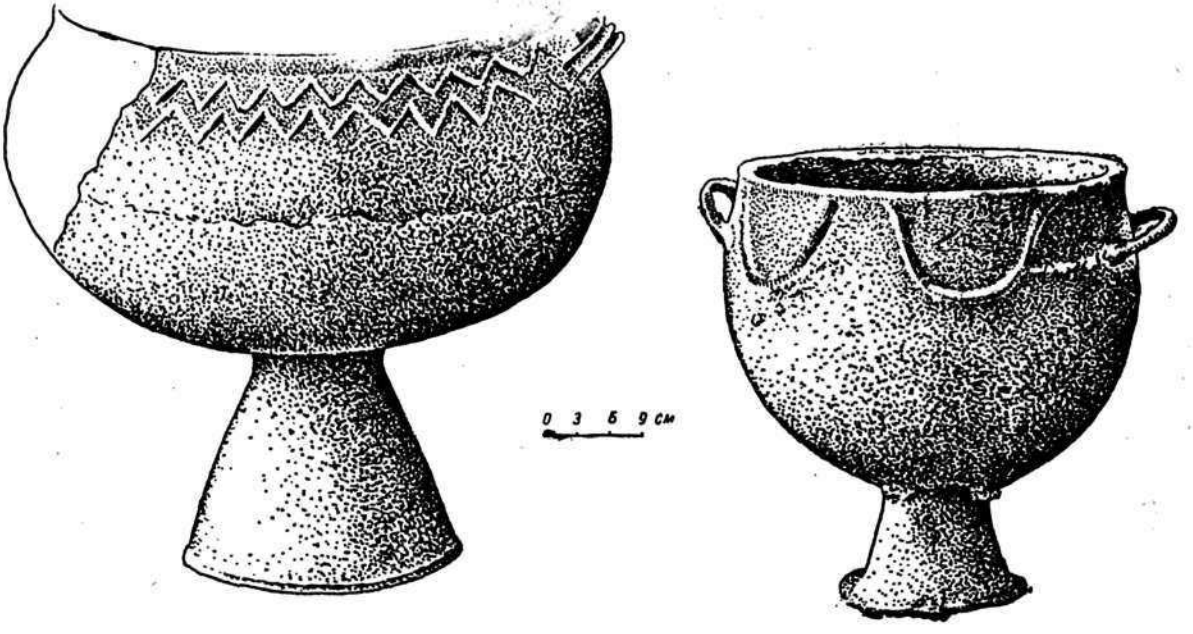


Рис. 86. Бронзовые котлы: левый — из Текели, правый — из Иссыкского клада.

24,5 *см*. Высота котла 54 *см*, диаметр по тулову 57 *см*, а по венчику 48 *см*.

Новые клады бронзовых изделий пополнили большую коллекцию сакской бронзы Семиречья. Немаловажную роль в этом сыграла наша передатировка некоторых кладов.

Своеобразная и красочная сакская культура Семиречья развивалась, безусловно, не изолированно от культуры Китая и земледельческих племен Средней Азии. Происходило их взаимное обогащение.

Исследование памятников показывает, что материальная культура семиреченских саков самобытна и самостоятельна, в ней много своеобразных черт, которые отличают ее от других синхронных культур. Можно предположить, что сакская культура, зародившаяся среди кочевников Семиречья, позаимствовала не больше, чем отдала.

Многочисленные находки сакской бронзы преимущественно на территории Илийской, Чуйской и Таласской долин свидетельствуют о том, что Семиречье являлось крупнейшим центром металлургии бронзы и художественного литья скифо-сакского мира.

Глава III

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

§ 1. Относительная хронология бронзовых наконечников стрел Казахстана

Стрелы с бронзовыми наконечниками были одним из основных и массовых видов оружия древнего воина. Они принадлежат к тому виду оружия, которое сравнительно быстро меняет свои формы в связи с совершенствованием вооружения и улучшением техники литья. Поэтому наконечники стрел имеют большое значение для датировки памятников. Важность их для определения времени сооружения древнего памятника нисколько не меньше, чем керамических сосудов. Металлические наконечники стрел и керамические сосуды — это два основных критерия, исключая нумизматические находки, относительной и абсолютной хронологии. Безусловно, что при этом надо учитывать весь комплекс вещевых находок в целом, обнаруженных в изучаемом памятнике материальной культуры.

В настоящее время археологи пользуются хорошо разработанной хронологической классификацией бронзовых наконечников стрел скифской культуры юга европейской части СССР. В разработке скифской шкалы большая роль, несомненно, принадлежит Б. Н. Гракову[1]; немалая роль принадлежит также работам П. Д. Рау[2].

Более новые работы по этому вопросу построены зачастую на основе существующей шкалы и не внесли в нее существенных изменений, хотя значительно дополнили новыми материалами. Из новых работ на эту тему необходимо отметить труды А. А. Иессена[3] и П. Д. Либерова[4], опубликованные в сборнике «Вопросы скифо-сарматской археологии». В последнее время вышла монография, посвященная земледельческой культуре древней Маргианы, в которой автор, основываясь на стратиграфии памятника Яз-Депе, разработал хронологическую таб-

[1] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов.— Труды секции археологии РАНИОН, вып. V. М., 1930.

[2] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet, 1929.

[3] «Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе». М., 1954.

[4] «Хронология памятников Поднепровья скифского времени». М., 1954.

лицу бронзовых наконечников стрел, распространенных в районах оседлых культур Средней Азии и частично Ирана и Афганистана[5]. Значительным вкладом в изучение сарматской археологии, в частности вооружения и в том числе наконечников стрел, является новая работа К. Ф. Смирнова[6].

Прежде чем приступить к характеристике таблицы относительной хронологии бронзовых стрел Казахстана, вкратце напомним читателю эволюцию форм бронзовых наконечников стрел, разработанную упомянутыми авторами.

По существующим классификациям и хронологии (без учета материалов Казахстана и Средней Азии), наиболее ранняя из известных нам находок — двуперые черешковые бронзовые наконечники стрел из раскопок Б. А. Куфтина в Бешташенском могильнике Закавказья, датируемые эпохой поздней бронзы и раннего железа[7]. Примерно к этому же времени, точнее — к VIII в. до н. э., по мнению А. А. Иессена[8], относятся наконечники стрел лавролистной формы с удлиненной втулкой, известные по литейной форме Новочеркасского клада, и многочисленные наконечники стрел с ромбовидным или овально-ромбическим листом и укороченной втулкой, найденные в Некрасовском, Чернышевском и других курганах Северного Кавказа.

В Северном Причерноморье в этот период, т. е. в раннескифское время (по А. А. Спицыну — VIII—VI вв. до н. э.), и в Нижнем Поволжье в савроматское (скифо-сарматское) время бытуют в основном те же типы наконечников стрел, что и в отмеченных смежных районах.

Таким образом, наиболее ранними и архаическими формами бронзовых наконечников стрел скифской и сарматской культур являются лавролистные с длинной втулкой, повторяющие, как отмечает А. А. Иессен, форму наконечников копья, а также ромбовидные и овально-ромбические с короткой втулкой наконечники стрел. Эти типы наконечников, по мнению всех скифологов, наиболее ранние; начиная с VII в. до н. э. вместе с ними бытовали и стрелы с наконечниками разных форм. Такое положение отмечает Б. Б. Пиотровский для Закавказья[9], Е. И. Крупнов — для Северного Кавказа[10], П. Д. Либеров — для Поднепровья[11],

---

[5] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73. стр. 46, рис. 12.

[6] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, вып. 101.

[7] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1942.

[8] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 120 и след.

[9] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 240, рис. 80, 81; стр. 246, рис. 84.

[10] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 229, рис. 33; стр. 285, рис. 48.

[11] П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 160 (вклейка).

К. Ф. Смирнов, И. В. Синицин и В. П. Шилов — для Нижнего Поволжья[12].

Если VIII в. до н. э. условно можно назвать для этих территорий периодом начала изготовления в сравнительно больших масштабах бронзовых наконечников стрел, то VII—VI вв. были временем поисков наиболее совершенной формы наконечников. Этим объясняется многообразие их форм в тот период.

В V и частично в IV в. до н. э. многообразие форм бронзовых наконечников стрел исчезает, наибольшее распространение получают появившиеся ранее небольшие трехлопастные и трехгранные наконечники бронзовых стрел с короткой и скрытой втулкой [13].

В IV—III вв. до н. э. преобладающей формой становятся трехгранные наконечники со скрытой втулкой, но в большом количестве продолжают встречаться и трехлопастные втульчатые[14].

Из таблицы классификации видно, что одной из характерных особенностей этой шкалы является преобладание во все периоды развития скифской культуры наконечников стрел со втулкой и полное отсутствие черешковых. Эта особенность резко бросается в глаза при сравнении разработанной нами шкалы со скифской.

Составление таблицы относительной хронологии бронзовых наконечников стрел Казахстана стало возможным лишь благодаря развернувшимся в последние годы значительным по масштабу археологическим работам и накоплению вещественного материала, в том числе и бронзовых наконечников стрел. Облегчило нашу задачу и то, что в погребениях разных эпох зачастую их находили вместе с другими датирующими вещами: кинжалами, зеркалами, керамикой. Это позволило сравнительно точно разместить наконечники стрел ранних периодов по отдельным хронологическим частям таблицы и по типологии с ними датировать наконечники стрел из случайных находок.

Основой таблицы послужили хорошо датированные наконечники стрел, размещенные в двух первых графах, охватывающих эпоху бронзы Казахстана.

В XIV—XI вв. до н. э., или на алакульском этапе андроновской культуры, впервые в Казахстане появились наконечники стрел из меди. Находок, давших бы более ранний материал по этому вопросу, пока нет.

Как видно из таблицы, для этого времени характерны массивные двуперые втульчатые и черешковые наконечники стрел.

Крупные втульчатые наконечники стрел, как отмечал А. А. Иессен, повторяют форму втульчатого копья. На нашей таблице они представ-

[12] «Памятники Нижнего Поволжья». — МИА, 1959, № 60.
[13] П. Д. Либеров. Указ. соч., стр. 156.
[14] Там же, стр. 159—160.

лены тремя типами с длинной (*1*), короткой (*3*) и скрытой втулками (*6*). Черешковые наконечники отличаются друг от друга формой пера. Они имеют также три формы: с длинным пером, срезанным под прямым углом у начала черенка (*2*), с укороченным и широким листовидным пером, срезанным косо у черенка (*5*), и с коротким пером с опущенными вниз концами (*7, 8*).

Преимущественно все наконечники XIV—XI вв. до н. э. происходят из Центрального и Восточного Казахстана и из точно датированных андроновских могильников Атасу[15] и Канай[16]. В эту же группу по типологическим признакам включены случайно найденные наконечники из Южного Алтая[17] и у курорта «Аул»[18].

Поскольку мы указали первоисточник, откуда взяты наконечники, нет необходимости характеризовать условия находки и сопровождающий материал. Лишь отметим, что наконечники, обнаруженные в этих могильниках, датируются на основе типично алакульских сосудов, найденных вместе с ними, формы погребальных сооружений (каменные ограды и ящики) и обряда погребения.

Двуперая форма наконечников стрел повсеместно в районах распространения является самой архаической формой этого вида оружия. Казахстан в этом отношении также не составляет исключения. Причем казахстанские двуперые наконечники, по-видимому, можно считать самыми древними из всех известных на территории СССР.

---

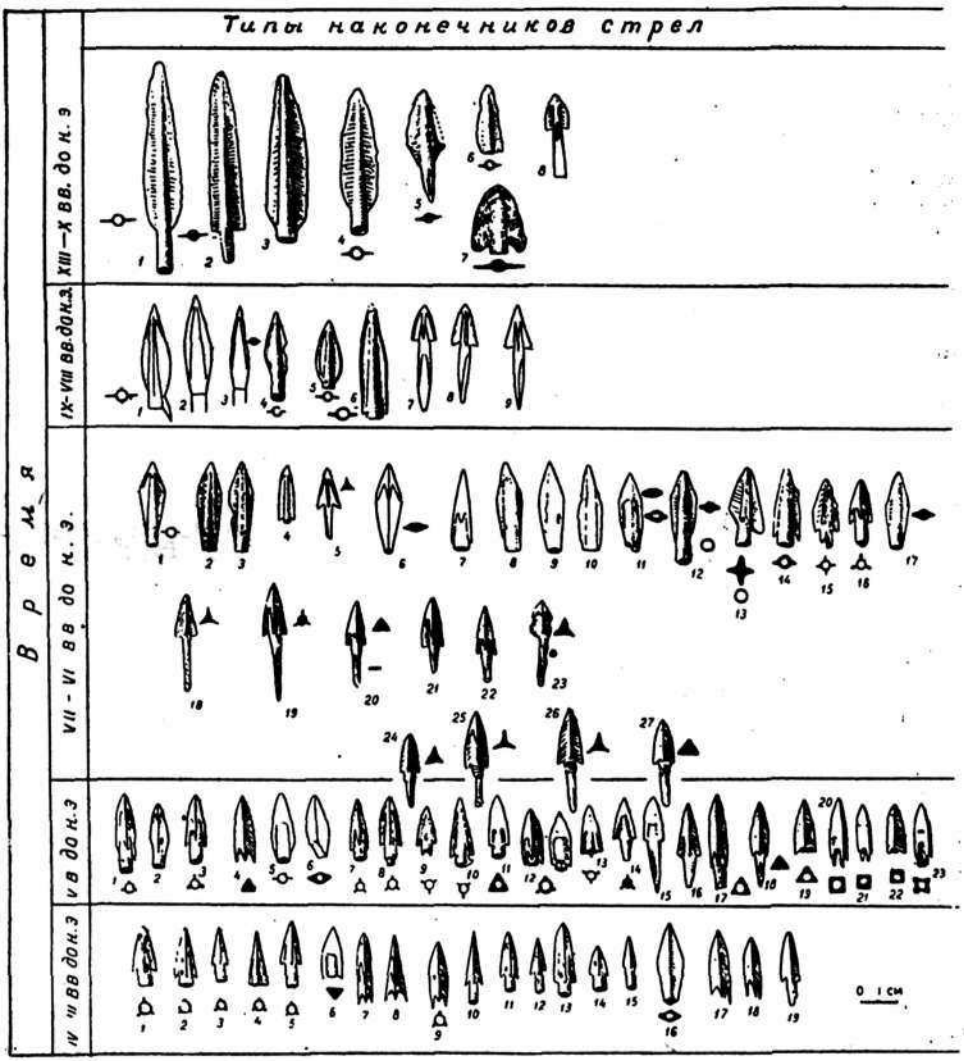
[15] К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана..., стр. 5—8 и 14.

[16] С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КС ИИМК, 1956, вып. 64, стр. 54, рис. 21, *2*.

[17] Г. Н. Щерба. К истории горного промысла в Казахстане.— Вестник АН КазССР, 1946, № 11.

[18] Б. А. Белослюдов и А. Г. Максимова. Древнее поселение у курорта «Аул».— Известия АН КазССР, серия археологическая, 1952, вып. 3, стр. 127, табл. I, *12*.

Хронологическая таблица бронзовых наконечников стрел Казахстана XIII—X вв. до н. э.: *1, 2, 4—6*—А. Х. Маргулан, могильник Атасу; *3*— Г. Н. Щерба, Южный Алтай; *7*—С. С. Черников, могильник Канай; *8*—А. Г. Максимова, курорт «Аул». IX—VIII вв. до н. э.: *1, 7*— А. Х. Маргулан, могильник Бегазы; *2—3*— М. П. Грязнов, могильник Дандыбай; *4—6*—С. С. Черников, поселение Малая Красноярка; *8*— П. С. Рыков, могильник Алепаул; *9*— случайная находка, Карагандинская область. VII—VI вв. до н. э.: *1*— С. С. Черников, могильник Чиликты; *2—3*— С. С. Черников, могильник Славянка; *4*— случайная находка, Южный Казахстан; *5—6*— случайная находка, Семипалатинская область; *7—10*—С. С. Черников, могильник Юпитер; *11—15*— случайная находка, Алма-Атинская область; *16, 24—27*— К. А. Акишев, могильник Айдабуль I; *17, 20*— М. К. Кадырбаев, могильник Киксу; *18, 19, 21—23*— М. К. Кадырбаев, могильник Канаттас. V в. до н. э.: *1—6*— М. К. Кадырбаев, могильник Тасмола; *7—15, 17, 19—23*— К. А. Акишев, могильник Бесшатыр; *16, 18*— случайная находка ЦГМК; IV—III вв. до н. э.: *1—4*— В. С. Сорокин, могильник Акжар; *5*— С. П. Толстов, Чирик-рабат; *6, 16*— случайная находка, Семипалатинская область; *7—15*— случайная находка ЦГМК, *17—18* — Г. Н. Щерба, Южный Алтай; *19* — случайная находка, Карагандинская область.


Типы наконечников стрел
Время
XIII—X вв. до н. э
IX-VIII вв. до н. э
VII - VI вв до н. э.
V в до н. э
IV - III вв до н. э
0 1 см

Однако особенностью Казахстана в этот период является одновременное появление и параллельное бытование и втульчатых, и черешковых стрел. Эта особенность сохранилась вплоть до IV в. до н. э.

В дандыбай-бегазинское время, точнее — в IX—VIII вв. до н. э., продолжают бытовать двуперые втульчатые наконечники стрел. Размеры их становятся меньше, исчезает длинная втулка (*5—6*). В этот период появляется новый тип тех же двуперых втульчатых наконечников с острым, вниз опущенным жалом, на укороченной втулке (*1*).

Исчезают двуперые черешковые наконечники, а вместо них появляются крупные трехперые наконечники с длинным сплющенным черенком (*7—9*). Из 8 наконечников стрел этого периода только один найден случайно, остальные обнаружены в общеизвестных могильниках Дандыбай (Дындыбай)[19], Алепаул[20], Бегазы[21] и в поселении М. Красноярка[22]. Эти памятники исследователи датируют X—VIII вв. до н. э.

Не случайно в таблице для времени бытования этих типов наконечников стрел мы отводим IX—VIII вв. до н. э. Дандыбай-бегазинский этап поздней бронзы Центрального и Восточного Казахстана охватывает сравнительно небольшой период: 100—150, в крайнем случае 200 лет. Это период резкого изменения хозяйства и быта андроновских племен, начавшийся в связи с переходом их к кочеванию. В культуре этого времени трудно установить, чего в ней больше: андроновских элементов и традиций или новшеств, характеризующих складывающуюся культуру. Несомненно одно, что в VIII в. до н. э. дандыбай-бегазинская культура сменяется культурой кочевнического типа. Создатели ее оставили особый тип памятников — курганы с «усами», которые мы связываем с исседонами Аристея.

В VII—VI вв. до н. э., т. е. в период становления и развития культуры кочевых племен, продолжают сохраняться два основных архаических типа наконечников стрел. Одновременно появляется новый тип стрел с трехгранной формой боевой части, со втулкой или черенком (*16, 20*). Несколько изменяются и трехперые черешковые наконечники, появляются переходные формы от трехперых к трехгранным (*18*). По наконечникам стрел этого периода можно судить об их дальнейшей эволюции, постоянных поисках наиболее удобных и совершенных форм. Значительно увеличивается число находок наконечников в погре-

---

[19] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.— СА, 1952, XVI, стр. 134.

[20] П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда)..., стр. 57, рис. 43.

[21] Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы..., стр. 126—136.

[22] С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции..., стр. 51, рис. 19, *2*.

бениях этого времени. Увеличение предметов вооружения в курганах объясняется тем, что это был период военной демократии, когда каждый мужчина был воином, а война все больше становилась «постоянным промыслом».

Серию наконечников стрел VII—VI вв. до н. э. можно продатировать более точно, в пределах одного столетия. Наиболее ранними являются наконечники, обнаруженные С. С. Черниковым в могильниках Славянка (курган 10) и Юпитер (курган 1)[23], и некоторые случайно найденные, включенные в эту графу по типологическим признакам.

С. С. Черников датирует погребения в Славянке и Юпитере VII—V в. до н. э. Мы считаем возможным уточнить эту дату началом VII и концом VI вв. до н. э. на основании того, что лавролистные втульчатые наконечники стрел начинают исчезать в VI в. и, вероятно, во второй половине этого века исчезают окончательно, по крайней мере в материалах V в. они уже больше не встречаются. Нам кажется, что датировке VII в. до н. э. не противоречит и другой инвентарь, найденный в одной могиле со стрелами, в частности бронзовый нож, рукоятка которого заканчивается стилизованной головой барса или тигра.

К этому же времени относятся втульчатые ромбической формы наконечники стрел из большого Чиликтинского кургана, раскопанного С. С. Черниковым в 1960 г.[24]

Следует значительно удревнить захоронения в могильниках Кииксу и Канаттас, исследованные М. К. Кадырбаевым[25]. Втульчатый лавролистный наконечник (*17*) из 5 кургана могильника Кииксу определяет верхнюю границу датировки, которая может быть для наконечников этого типа VII—VI вв. до н. э. Однако найденный вместе с ним трехгранный черешковый наконечник (*20*) заставляет отказаться от датировки Кииксу VII в. до н. э., так как этот тип стрел появляется лишь в VI в. до н. э. и широко бытует в последующие века. Поэтому более вероятной датой могильника и наконечников стрел может быть VI в. до н. э. К этому же времени принадлежат и черешковые наконечники стрел из Канаттаса. По форме они уже не трехперые раннего дандыбай-бегазинского типа, но еще и не трехгранные (*26*). По этим признакам канаттасские наконечники, а вместе с ними и могильник, датируются несколько ранним временем (в пределах VI в. до н. э.), чем кииксуйские.

В конце VI — первой половине V в. до н. э. продолжают бытовать крупные трехперые черешковые наконечники стрел; в начале VI в. по-

---

[23] С. С. Черников. Отчет о работе ВКАЭ за 1955 г. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукописный фонд, № 915.

[24] С. С. Черников. Отчет о работе ВКАЭ за 1960 г. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукописный фонд.

[25] М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 192, стр. 203, табл. II.

являются новые формы — трехгранные с длинным черенком (*27*) и трехгранные втульчатые, заканчивающиеся шипами (*4*). Два этих новых типа наконечников стрел определяют датировку могильника Айдабуль-II, раскопанного в 1956 г.[26] На основе такой классификации наконечников становится возможным изменить ранее предложенную датировку курганов Айдабуль на рубеж VI и V вв. до н. э.

В V в. до н. э. формы наконечников стрел становятся еще более разнообразными и совершенными, продолжают сохраняться два основных типа — втульчатые и черешковые, совершенно исчезают копьевидные лавролистные, широкое распространение получают появившиеся в VI в. трехгранные стрелы с втулкой и черенком (*11*), бытуют трехперые черешковые (*18*), появляются две новые формы — четырехгранная со скрытой втулкой, заканчивающейся шипами (*20, 21*), и трехлопастная с укороченной втулкой (*8—10*). Резко уменьшаются размеры наконечников стрел, исчезают крупные и тяжелые, а на смену им появляются более изящные и миниатюрные. Такие наконечники стрел не только удобны для ношения в колчане, но и умещалось их в нем в несколько раз больше. Причиной резкого уменьшения размера наконечников является не только усовершенствование техники литья и поиски наиболее удобных простых форм этого вида оружия. Основной причиной изменений было изобретение сложного лука с большой силой натяжения тетивы и выбрасывания стрелы, что увеличило дальность ее полета и убойную силу. При стрельбе из простого лука со слабой тетивой стремились увеличить убойную силу стрел за счет увеличения веса наконечника. Поэтому наконечники стрел в ранние периоды делали массивными и крупных размеров.

Наконечники стрел, отнесенные к V в. до н. э., найдены в сакском могильнике Бесшатыр (Семиречье)[27], в кургане 29 могильника Усть-Буконь (Восточный Казахстан), раскопанного С. С. Черниковым в 1956 г.[28], и в могильнике Тасмола, исследованном М. К. Кадырбаевым.

В обоих могильниках — Бесшатыр и Усть-Буконь — вместе с наконечниками обнаружены железные кинжалы-акинаки с овальными перекрестиями. Форма кинжалов не противоречит датировке памятников по наконечникам стрел.

В IV—III вв. до н. э. на территории Казахстана бытует втульчатый тип наконечников стрел и совершенно исчезают черешковые. Основными формами в этот период продолжают оставаться трехгранные и четырех-

---

[26] К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 19—21; стр. 30, табл. VI.

[27] К. И. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 210, табл. I.

[28] С. С. Черников. Отчет о работе ВКАЭ за 1956 г. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукописный фонд.

гранные со скрытой втулкой и трехлопастные — с укороченной. Таким образом, в продолжение тысячелетней эволюции формы наконечников вырабатываются наиболее удобные, целесообразные и стабильные формы и размеры, представленные наконечниками стрел, помещенными в последней графе таблицы. В этой графе имеются наконечники стрел из раскопок В. С. Сорокина в Западном Казахстане[29] и из городищ Бабиш-мулла и Кюзели-гыр, исследованных С. П. Толстовым.

Эти формы наконечников стрел типичны не только для Казахстана IV—III вв. до н. э. Они характерны и для огромной территории: Сибири и Алтая, Кавказа и Средней Азии, Поволжья и Причерноморья, где была распространена скифская культура или ее варианты.

Выше уже отмечалось, что по типу наконечников стрел древний Казахстан отличается от районов расселения собственно скифских и сарматских племен рядом особенностей, которые четко выделяются на ранних этапах. Они могут быть сведены к следующим: сравнительно продолжительное бытование двуперых наконечников, одновременное появление и параллельное существование черешковых и втульчатых.

Эта особенность характерна не для одного древнего Казахстана. Она свойственна и другим близлежащим районам распространения культуры сакского типа — Средней Азии, Сибири, Туве и Монголии.

§ 2. К проблеме происхождения саков и сакской культуры Семиречья

Генезис сакской культуры — чрезвычайно сложный вопрос. Его научной разработкой до сих пор никто не занимался по той причине, что широкое исследование сакских древностей началось сравнительно недавно, с конца 30—40-х годов, т. е. со времени начала работ на древних территориях обитания саков С. П. Толстова и А. Н. Бернштама. Другой причиной является слабая изученность истории и материальной культуры оседло-земледельческих и скотоводческо-земледельческих племен эпохи бронзы Средней Азии и Казахстана.

Постепенное накопление археологического материала, углубленное изучение разноязычных письменных источников привели к научной постановке отдельных вопросов происхождения саков и сакской культуры, к гипотезе об андроновском этногенезе саков[30], о возможности отождествления андроновских племен с легендарными ариями Авесты[31], к

---

[29] В. С. Сорокин. Отчет о работе ЗКАЭ за 1956 г. Архив ИИАЭ АН КазССР Рукописный фонд.

[30] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 67—68; С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. — СА, 1960, № 1, стр. 14—35.

[31] А. Н. Бернштам. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. Тезисы доклада. Фрунзе, 1956, стр. 4.

установлению преемственности и генетической связи сакской культуры с предшествующей андроновской[32].

Выше отмечалось, что вся многочисленная русская и зарубежная литература, посвященная сакам, включая и работу В. В. Григорьева, возникла исключительно на основе античных, древнеперсидских и китайских письменных источников и касалась преимущественно вопросов расселения и политической истории саков.

Исследования советских ученых явились новым этапом в истории изучения сакской проблемы; привлечение сведений письменных источников и материалов с археологических комплексов позволило впервые на научной основе поставить вопросы этногенеза саков и генезиса сакской культуры.

Еще в 40-х годах на индоевропейский характер этногенеза саков, одной из важнейших предпосылок которого явилось скрещение северной тазабагъябско-андроновской культуры и южной анаусской культуры крашеной керамики, указал С. П. Толстов, подчеркнув выдающуюся роль Приаралья, как родины легендарных предков саков[33] в этом процессе.

Позднее в другой работе, написанной совместно с М. А. Итиной, он подтвердил свое первоначальное предположение и сделал ряд теоретических обоснований[34].

Важным этнокультурным вопросам приаральских саков и их роли в сложении древнейшей цивилизации на территории Средней Азии посвящена и другая его работа[35]. Главным для нас выводом из работ С. П. Толстова является утверждение, что Южное Приаралье — это центр смешения северных (андроновско-срубных), южных (анаусских) и восточных этнокультурных компонентов, в результате которого слагается античное ираноязычное население Хорезма[36].

Таким образом, С. П. Толстов считает, что сако-массагетские племена Среднеазиатского междуречья сложились на территории Южного Приаралья. Ведущая роль Южного Приаралья в сложении западных саков этим не ограничивается. С. П. Толстов предполагает, что тазабагъябские и суярганские племена в результате двухкратного (в середине II тысячелетия до н. э. и в конце II — начале I тысячелетия до н. э.) массового передвижения в земледельческие оазисы Средней Азии

---

[32] А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., стр. 145; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 210.

[33] С. П. Толстов. Указ. работа, стр. 68.

[34] С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. работа, стр. 27—35.

[35] С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. — СЭ, 1961, № 4, стр. 114—146.

[36] С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. работа, стр. 29.

оказывали сильное воздействие на развитие местных племен и допускает, что мощная волна передвижений донесла позднесуярганские племена до Северной Индии, культура которых оставила свои следы в культуре Джхангар послехараппского времени[37].

Исследователь материальной культуры восточных саков А. Н. Бернштам несколько иначе решает проблему происхождения кочевых саков Семиречья и Тянь-Шаня. Он считает, что саки — прямые потомки местных семиреченских и тяньшанских андроновцев и сложились они под сильным влиянием южносибирских этнических компонентов[38]. Далее он утверждает, что сакская культура Ферганы сложилась на базе скрещивания культуры кочевых тяньшанских саков с культурой местных оседлых племен[39].

Мы не можем согласиться полностью ни с одной из этих теорий.

Настоящая работа, конечно, не ставит цели решить проблему этногенеза саков и генезиса их культуры. Мы предполагаем, насколько позволяет современное состояние археологической изученности древней территории расселения саков, поставить и исследовать некоторые вопросы происхождения саков и сакской культуры.

Новые археологические материалы, накопленные за время, прошедшее после последних работ А. Н. Бернштама, на наш взгляд, позволяют по-новому поставить эти вопросы.

Для ответа на них и для решения всей проблемы необходимо рассмотреть отдельные важные вопросы истории и истории культуры андроновских племен Казахстана, Южной Сибири и Приуралья. Это оправданно, так как сакская культура содержит много элементов культуры эпохи бронзы, что свидетельствует о ее преемственности и генетической связи, на которые постоянно указывают исследователи сакских древностей.

В настоящее время материальная культура андроновских племен во всех степных районах Казахстана довольно хорошо изучена. Подтверждением может служить ряд монографий, появившихся за последнее семилетие и посвященных классификации и характеристике памятников Восточного, Северного и Центрального Казахстана. К ним относятся работы С. С. Черникова[40], А. Г. Максимовой[41], А. М. Оразбаева[42] и К. А. Акишева[43].

---

[37] Там же, стр. 33, 35.

[38] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 210, и др. работы.

[39] Там же, стр. 211.

[40] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1961, № 88.

[41] А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959.

[42] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958.

[43] К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат.

Эпохе бронзы Западного Казахстана посвящены известные исследования М. П. Грязнова[44] и О. А. Кривцовой-Граковой[45].

В последние годы памятники эпохи бронзы в районе Актюбинска изучает В. С. Сорокин[46].

Открыты и исследованы А. Н. Бернштамом и А. Г. Максимовой единичные могильники этого времени на территории Южного Казахстана и Семиречья[47].

В Южной Сибири исследования памятников андроновской культуры ведутся с 1914 г., т. е. со времени открытия П. Тугариновым первого могильника у дер. Андроново близ г. Ачинска. Новейшими обобщающими работами по эпохе бронзы Минусинской котловины и Приобья являются труды С. В. Киселева[48] и М. П. Грязнова[49].

Большое количество могильников и поселений андроновской культуры открыто и изучено К. В. Сальниковым в Южном Зауралье[50]. На территории Средней Азии за последние годы стали известны также находки андроновских вещей и обнаружены отдельные памятники этой культуры[51].

Находки памятников культуры бронзы степного типа во всех этих регионах могут создать впечатление об обширной территории зарождения и развития андроновской культуры.

В настоящее время в археологической литературе существует точка зрения, что андроновская культура была распространена равномерно на огромной территории, охватывающей весь Казахстан, степную часть Средней Азии, Южную Сибирь и Южный Урал[52]. Сторонники этой теории, говоря о равномерной распространенности, имеют в виду прежде всего равномерное расселение андроновцев на огромной территории.

---

[44] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сборник «Казаки», вып. 11. Л., 1927.

[45] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМК, вып. 17, 1947; ее же. Садчиковское поселение.— МИА, 1951, № 21.

[46] В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области.— КС ИИМК, 1958, вып. 71; его же. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак.—МИА, 1962, № 120.

[47] А. Н. Бернштам. Указ. работы; А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961; ее же. Могильник эпохи бронзы Таутары.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, 1962.

[48] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

[49] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.

[50] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 1951, № 21.

[51] Сводку литературы см. ниже.

[52] См.: А. Н. Бернштам. Спорные вопросы..., стр. 19; М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КС ИЭ АН СССР, 1957, вып. 26, стр. 24; С. С. Черников. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. Там же, стр. 28; Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы.— СА, 1958, № 3, стр. 46—53.

При этом они учитывают количественное соотношение известных на той или иной территории памятников и допускают дальнейшее увеличение числа андроновских памятников в тех районах, где их открыто пока мало. К таким районам относятся Семиречье, Южный и Северный Казахстан, Северная Киргизия, степная часть Средней Азии.

Однако исследователями не учитывается в достаточной степени, что эти районы в археологическом отношении изучены не хуже, а отдельные из них даже лучше, чем те территории, на которых обнаружены многочисленные памятники андроновской культуры. Следовательно, было бы ошибкой объяснять отсутствие и малочисленность андроновских памятников в Семиречье, Средней Азии слабой археологической изученностью или существованием на этих территориях иного по внешним признакам типа погребений андроновской культуры, отличных от привычных каменных оград. Кстати добавим, что в районах массового распространения андроновских памятников изученные погребения этой культуры представлены не только каменными оградами, но и курганами.

Результаты многолетних исследований культуры эпохи бронзы, сосредоточение большой массы андроновских памятников в одних районах и единичность их в других (Семиречье, Северный и Южный Казахстан) при одинаковой археологической изученности этих районов, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что во втором тысячелетии до нашей эры на всей территории расселения андроновских племен сложились крупные центры развития андроновской культуры и далекая окраина.

Центры культуры были основными районами расселения андроновских племен, поэтому здесь выявляется большое количество различных памятников. Их внешний вид, техника сооружения, уровень производства предметов материальной культуры характеризуют высокую для того времени культуру, которую можно назвать классической андроновской. Напротив, окраинные районы этой культуры, такие, как Северный Казахстан, Семиречье, Южный Казахстан, Северо-Восточная Киргизия, отличаются единичностью находок андроновских памятников; их внешний вид, уровень изготовления бытовых и иных предметов, орнаментация керамических изделий говорят о более низком, по сравнению с центрами, уровне развития культуры и носят явные черты деформации и периферийной отсталости.

Судя по скоплению памятников в одних районах и отсутствию и редкости их в других, окраины этой культуры были «пустующими» территориями по сравнению с более густо населенными центрами андроновских племен. Термин «пустующий» тем более соответствует описанным районам и по той причине, что здесь до сих пор неизвестна и, по-видимому, уже не будет открыта другая, иная, чем андроновская, культура времени освоения человеком первого металла.

Таким образом, размещение памятников (могильников, поселений, рудных разработок и т. д.) и инвентарь показывают, что никогда не существовало той, на первый взгляд кажущейся единой андроновской культуры, распространенной равномерно на огромной территории степей, раскинутых от Ачинска до Урала и от лесостепи до Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

К такому же мнению на основании изучения памятников эпохи бронзы Западного Казахстана пришел и В. С. Сорокин. В одной из своих последних работ он писал, что андроновские племена ни в этническом, ни в хозяйственном отношении «не представляли единообразия на всей территории этой культуры»[53].

По сосредоточению памятников и по уровню развития материальной культуры можно четко выделить три крупнейших центра развития, возможно—и происхождения андроновской культуры. Первый из них—Восточный, или Сибирский, включающий Минусинскую котловину, Алтай и Восточный Казахстан. Мощная андроновская культура, характерная для этого историко-культурного центра, развивалась на базе Калбо-Нарымских месторождений меди и олова. Многочисленные места рудных разработок на Калбе и Нарыме, относящиеся к эпохе бронзы, исследованы и описаны С. С. Черниковым[54].

Им же обобщены итоги многолетних исследований поселений и погребений Восточного Казахстана[55].

Второй выделенный нами центр андроновской культуры назван центральным или казахстанским. Он охватывает всю территорию Казахского мелкосопочника, северная граница его проходит по линии Степняк — Боровое — Имантау — Жаксы Жангызтау, южной границей является северная Бетпак-Дала, западной — Тургайская впадина и восточной — горы Чингиз.

Культура андроновских племен казахстанского центра базировалась на древних разработках меди, открытых в районах Джезказгана[56], и на добыче олова в районах Южное Булактау, Атасу, Аякжартас[57]. Со временем, по-видимому, будут открыты новые места древних разработок олова в Центральном Казахстане.

---

[53] В. С. Сорокин. Раскопки памятников эпохи бронзы в урочище Тастыбутак. Сб.: «Третье Уральское археологическое совещание в г. Уфе». Уфа, 1962, стр. 40.

[54] С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

[55] Его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.

[56] К. И. Сатпаев. О развитии цветной и черной металлургии в районе Карагандинского бассейна.— Народное хозяйство Казахстана, 1929, № 6—7; Н. В. Валукинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана.— Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, вып. 1.

[57] Г. Б. Жилинский. Оловоносность Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 3, 38.

И, наконец, западный, или уральский, центр, охватывающий Южное Приуралье, Притоболье и Западный Казахстан.

Развитие материальной культуры андроновских племен, населявших эти территории, происходило также на базе местных медных месторождений[58].

Несомненно, что в экономическом и культурном развитии населения всех трех центров большую роль играл межплеменной обмен, в перечне постоянных предметов обмена одним из основных были изделия из бронзы, а также слитки бронзы, меди и олова.

Таким образом, наличие местных меднорудных и оловоносных месторождений, географическая среда, способствовавшая развитию комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, явились основными факторами зарождения в этих районах культуры периода освоения человеком металла, а в дальнейшем — сложения трех самостоятельных центров расселения андроновцев.

Уже отмечалось, что во второй половине второго тысячелетия до нашей эры Южный и Северный Казахстан, Семиречье и Северо-Восточная Киргизия были далекой периферией андроновской культуры. Известные в этих районах исследователям единичные памятники (поселения и могильники) не доказывают, что это были территории сплошного расселения андроновских племен, а свидетельствуют, что здесь существовали лишь отдельные очаги андроновской культуры, занесенной сюда переселенцами — андроновцами из культурных центров. Такими памятниками в Киргизии являются Каинды и Джаильма, открытые А. Н. Бернштамом[59], в Южном Казахстане — Таутары, в Семиречье — Каракудук, исследованные Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой[60], могильники Каратал I и II[61] и Петропавловский могильник[62] — в Северном Казахстане.

Эти могильники и стоянки правильнее будет называть не «памятниками андроновской культуры Южного Казахстана или Киргизии», а «памятниками андроновской культуры в Южном Казахстане или в Киргизии», подчеркивая этим пришлый характер культуры.

---

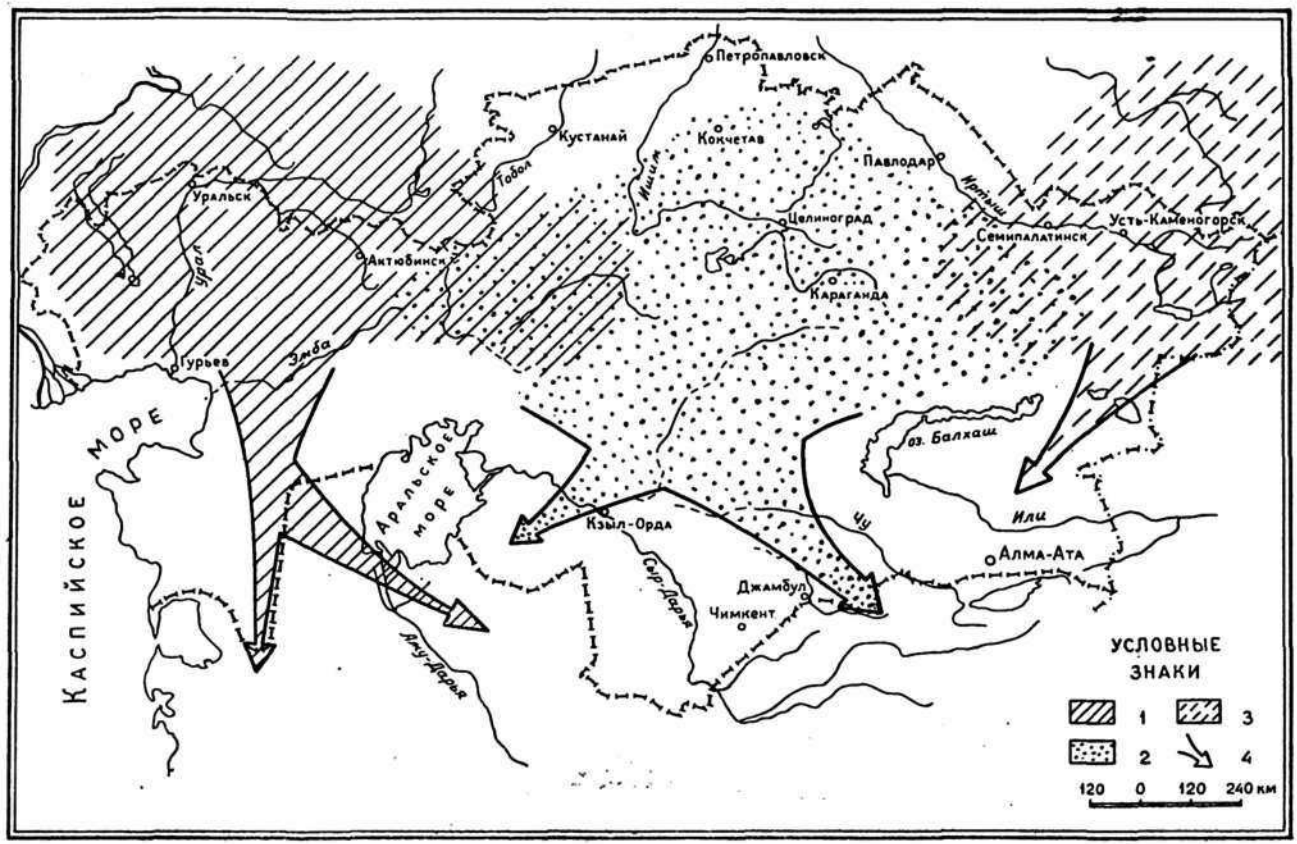
[58] А. А. Иессен. Уральский очаг древней металлургии. «Первое Уральское археологическое совещание» Пермь, 1948; К. В. Сальников. К вопросу о древней металлургии в Зауралье.— КС ИИМК, 1949, вып. 29; его же. Следы древней металлургии меди в районе Свердловска.— Материалы второй научной конференции по истории Свердловска. Свердловск, 1950; Ю. С. Гришин, Б. Г. Тихонов. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа.— МИА, 1960, № 90, стр. 7—22.

[59] См.: «МИА», 1950, № 14, Приложение, табл. XXIX—XXXII.

[60] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 50—51; А. Г. Максимова. Указ. работы.

[61] К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана..., стр. 22—23.

[62] «ОАК» за 1911 г. СПб., 1912, стр. 70.



Центры андроновской культуры и пути движения племен: *1* — западный центр; *2* — центральный, *3* — восточный; *4* — пути движения андроновцев и их потомков.

Андроновские племена проникали не только в «пустующие» районы юга Казахстана и Северной Киргизии, но и на территорию распространения земледельческой культуры типа «крашеной керамики» Средней Азии. Пути проникновения этих племен в Среднюю Азию устанавливаются открытием в этих районах их единичных памятников и находками, при раскопке поселений или городищ культуры крашеной керамики, андроновской посуды.

Типичная андроновская керамика сосуществует с расписной керамикой на поселениях времени Намазга VI в Южной Туркмении: Теккем-Депе[63], Тахирбай III[64], Намазга-Депе[65] и Аучин-Депе[66].

Керамика андроновского типа найдена также к северу от Ашхабада[67] и в районе Ташкента[68]. За последние годы дюнные стоянки и могильники обнаружены в Фергане[69].

В Южном Приаралье открыт и исследован ряд могильников и стоянок тазабагъябской культуры[70], в сложении которой основную роль сыграли андроновские племена. Материалы этих памятников, особенно могильника Кокча 3, подтверждают, что они имеют много общих черт с андроновской культурой Центрального Казахстана[71]. В связи с этим заслуживает внимания попытка разделить культуру Средней Азии степного типа на две группы: аму-дарьинскую и сыр-дарьинскую и связать первую с западно-казахстанским вариантом андроновской культуры и срубной, а вторую — с центрально-казахстанской андроновской культурой[72].

Нам кажется, что материалы последних лет с могильников Кокча 3

---

[63] А. Ф. Ганялин. Теккем-Тепе. — Труды ИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2, 1956, стр. 85—86.

[64] В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в долине Мургаба.— КС ИИМК, 1957, вып. 69, стр. 62.

[65] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы..., стр. 179, табл. XI.

[66] Там же.

[67] А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья.— ВДИ, 1946, № 3, стр. 186.

[68] Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области.— КС ИИМК, 1955, вып. 59, стр. 145—148.

[69] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. — КС ИИМК, 1956, вып. 63, стр. 85—93; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. — Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. 53, 1956, стр. 27—36.

[70] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

[71] М. А. Итина. Могильник Кокча 3.— Материалы Хорезмской экспедиции АН СССР, т. 5, 1961.

[72] См.: Краткие сообщения ИА АН СССР, 1961, вып. 84, стр. 139. При обсуждении доклада Е. Е. Кузьминой ее поддержали: О. А. Гракова, В. Н. Чернецов, Т. С. Пассек, А. И. Тереножкин и другие.

и Тагискен подтверждают близость сыр-дарьинского варианта тазабагъябской культуры с центрально-казахстанской.

Описанные памятники и находки, по-видимому, относятся к первой волне движения ираноязычных андроновских племен с северо-запада и с севера на юг и на юго-восток во второй половине II тысячелетия до нашей эры. В этот период северные племена двигались на территорию Средней Азии и Приаралья из западного (приуральского) и из центрального (казахстанского) центров андроновской культуры, а в районы Семиречья, Южного Казахстана, Киргизии и Ташкентского оазиса — с территории также центрального (казахстанского) и восточного (сибирского) центров.

Точка зрения о проникновении андроновских племен в Среднюю Азию и на юг Казахстана, равно как и о пришлом характере андроновской культуры в этих районах, неоднократно высказывалась, без достаточного обоснования, в археологической литературе. Эта литература широко известна, поэтому мы считаем излишним подробно останавливаться на ней[73].

Нам кажется, что нельзя связывать все андроновские памятники в Средней Азии с тазабагъябской культурой и движением тазабагъябцев с Приаралья до Индии, как это делают С. П. Толстов и М. А. Итина[74]. Не прав и В. М. Массон, считающий Среднюю Азию родиной андроновцев и допускающий распространение андроновской культуры в обратном направлении, с юга на север, хотя и с оговоркой, что «все это в значительной мере остается в области теоретических рассуждений»[75].

Современное состояние изученности памятников андроновской культуры не дает оснований для подобных рассуждений. Дело, конечно, не в том, что впервые андроновские памятники были обнаружены в Сибири и Казахстане и что поэтому данные территории должны считаться родиной андроновцев. В этом отношении В. М. Массон прав[76].

Причины заложены гораздо глубже: в самой сущности андроновской культуры. Исследователям древностей Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья известно, что в археологическом отношении эти территории лучше изучены, чем северные районы Казахстана. Поэтому если бы здесь было большое скопление андроновских памятников, как в центрах расселения андроновцев, то они были бы давно обнару-

---

[73] См.: С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет.— СА, 1957, № 4, стр. 40; А. Н. Бернштам. Указ. работа, 1952, стр. 33; В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. — СА, 1957, № 4, стр. 53; Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины.—СА, 1957, № 3.

[74] С. П. Толстов, М. А. Итина. Указ. работа, стр. 29—35.

[75] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр 120—121.

[76] Там же.

жены. Но, как известно, на территориях Средней Азии и юга Казахстана они встречаются редко. Несомненно, по мере дальнейшего археологического изучения на этих территориях будут открыты новые памятники андроновской культуры, но никогда количество их не будет столь многочисленным, как в центрах. Так же, по-видимому, как и в южных районах Казахстана и Северной Киргизии, уже больше не будут открыты памятники особой культуры бронзового века.

Возможно, что в этих районах во втором тысячелетии до нашей эры не обитали племена — носители, вернее создатели, особой культуры, синхронной общеизвестным культурам эпохи бронзы Средней Азии и Казахстана.

Семиречье, Южный Казахстан и Северная Киргизия, по сравнению с районами древней земледельческой культуры Средней Азии или с центрами андроновских племен, т. е. с районами, сравнительно густо населенными в ту эпоху, были «пустующими», малообитаемыми землями, далекой периферией культурных центров.

Эти районы, равно как и Средняя Азия, в силу своих природных условий были мало пригодными для обитания андроновских племен с их пастушеским скотоводством и примитивным пойменным земледелием. Эта форма хозяйства была рождена степью с мелкосопочником и приспособлена к особенностям ее природы.

Характерная для степи с мелкосопочником сухость климата, небольшой снежный покров, степные ручьи и речки со спокойным течением и пологими берегами наиболее соответствовали оседлому пастушеству и пойменному земледелию.

По-видимому, районы типа Казахского мелкосопочника явились родиной одомашнивания диких животных и развития скотоводства как самостоятельной отрасли хозяйства. Природно-географические и климатические условия делали эти районы наиболее пригодными для развития пастушеского, позднее — кочевого скотоводства. Однако нехватка воды, небольшие площади и ограниченное количество участков с сезонным травостоем, несмотря на огромные просторы полупустынных земель, могли прокормить сравнительно небольшое поголовье скота пастушеских племен бронзового века и начального этапа перехода их к кочевничеству.

Но интенсивный рост поголовья, характерный для первого периода перехода к кочевому скотоводству, потребовал новых пастбищ. Поиски новых земель, пригодных для жизни человека и содержания стада, явились основной причиной массового переселения племен из районов сравнительно густо населенных (центры расселения андроновских племен) в малонаселенные районы юга Казахстана, Киргизии и степной части Средней Азии.

Сейчас уже доказано, что именно в таких районах, как центры расселения андроновских племен, зародилось первое примитивное земледелие.

Освоение долин крупных рек Средней Азии и Казахстана (Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Чу, Или) требовало проведения больших и сложных ирригационных работ, возможных только при более высоком уровне развития экономики, общественной организации и техники. Поэтому древние земледельцы первоначально осваивали берега небольших степных речек и ручьев.

Таким образом, начальным этапом развития земледельческой культуры было повсеместно «ручьевое» земледелие. Так оно развивалось даже в районах древнего земледелия — в Иране[77] и в Средней Азии[78].

Но «ручьевая» культура в этих странах зародилась гораздо раньше (в неолите и энеолите), чем в районах расселения андроновцев. Природно-климатические условия степных районов и явились основной причиной возникновения и параллельного развития двух форм хозяйства — скотоводства и пойменного земледелия и сложения здесь трех центров расселения андроновских племен. По этой же причине андроновская культура не зародилась в близлежащих, но иных по природным условиям районах юга Казахстана и Киргизии.

Известные по литературе единичные памятники этой культуры на указанной территории не доказывают, что эти места были районами самостоятельного зарождения андроновской культуры и центрами ее развития — они были оставлены переселившимися племенами.

В результате массового переселения андроновцев и их потомков в новые районы расселения здесь стали развиваться скотоводство и земледелие, складываться два типа материальной культуры — кочевая и оседлая.

Так как Средняя Азия и юг Казахстана с их быстрыми, полноводными реками и высокогорными альпийскими лугами самой природой приспособлены для ирригационного земледелия и полукочевого скотоводства, то одной из причин движения андроновцев на юг было освоение новых земель, необходимых для содержания растущего поголовья. Не случайно, что начало этого движения совпадает с началом перехода от пастушеского к кочевому скотоводству.

Пришлые андроновские племена в первую очередь заселяют предгорные районы, возможно, вытеснив с них более ранних земледельцев. Именно этим Б. А. Куфтин объясняет опустение некоторых земледельческих поселений (Намазга-Тепе, Алтын-Тепе). Он считает, что это про-

---

[77] М. М. Дьяконов. Указ. работа, стр. 32.
[78] В. М. Массон. Джейтун и Кара-Депе. — СА, 1957, № 1, стр. 159—160.

изошло «в результате усиления борьбы за водные источники и пастбища, особенно в эпоху «ксеротермического» максимума (в конце II тысячелетия до н. э.), как между земледельческими родовыми общинами, так и с надвигающимися в предгорную зону кочевыми племенами»[79].

В. М. Массон, приводя ряд доводов, не соглашается с Б. А. Куфтиным, но нам кажется, что захват предгорных зон андроновцами или их потомками является основной причиной замирания «старых огромных поселений» предгорья Копет-Дага и начавшейся «колонизации дельты Мургаба»[80] земледельцами.

Второй этап движения северных племен на юг и юго-восток из тех же районов, как свидетельствуют археологические материалы, происходил, по-видимому, в X—VIII вв. до н. э.

К этому времени в центрах андроновской культуры происходят коренные изменения хозяйства, совершается переход от пастушеского к яйлажному и кочевому скотоводству, повлекший за собой и возникновение новой материальной культуры[81]. В результате этих изменений на базе достижений андроновской культуры в сибирском центре возникла культура карасукского типа[82], а в VIII—VII вв. до н. э. майэмирская[83] и тагарская[84], позднее — пазырыкская[85]; в казахстанском центре последовательно — дандыбай-бегазинская[86], раннекочевническая[87] (мы предлагаем назвать ее исседонской); наконец, в приуральском центре — замараевская[88], савроматская и сарматская[89] (в создании двух последних культур наряду с племенами срубной культуры сыграли большую роль андроновско-замараевские племена).

Происхождение этих археологических культур от одной общей основы — андроновской культуры явилось причиной их близости, бытования предметов сходных форм, существования близких им одинаковых обычаев и обрядов, а в прикладном искусстве — одного стиля — «звериного».

---

[79] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау.— Известия АН ТуркмССР, 1954, № 1, стр. 29.

[80] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 110.

[81] М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства..., стр. 24—28.

[82] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири.

[83] М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.

[84] С. В. Киселев. Указ. работа.

[85] С. И. Руденко Указ. работа, 1953.

[86] С. И. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда); К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат.

[87] М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.

[88] К. В. Сальников К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. «Первое Уральское археологическое совещание». Пермь, 1948.

[89] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Причинами сходства этих культур был также примерно одинаковый уровень социально-экономического развития, одинаковый образ жизни, обмен и другие экономические связи между племенами этих районов и соседних стран.

Таким образом, к началу второго этапа движения северных племен в центрах андроновской культуры зарождаются этнографически новые культуры, как следствие перехода хозяйства в качественно новую форму. Эти изменения отразились и в археологическом материале.

В районах Центрального Казахстана появляются такие памятники, как Дандыбай и Бегазы, характеризующие новую, но недолговременную культуру эпохи бронзы. Позднее возникает особый тип памятников — курганы «с усами» относящиеся к культуре исседонско-сакского типа. Такая же картина наблюдается и в других районах распространения андроновской культуры.

Датировка второго этапа массовой миграции северных кочевых племен в настоящее время получила хорошее документальное подтверждение. С. П. Толстов и М. А. Итина[90] в курганах могильника Тагискен на р. Инкар-Дарья вместе со станковой керамикой, изготовленной в одном из центров древнего земледелия, обнаружили типичную дандыбай-бегазинскую керамику Центрального Казахстана. Это говорит не только о вторжении северных племен в Приаралье, но и подтверждает приведенную дату начала второго этапа переселения[91]. По-видимому, они проникали и дальше на юг, в земледельческие оазисы Средней Азии. На территории Семиречья это уже подтвердили находки А. Н. Бернштама на стоянках Каинды и Джаильма[92].

Перемещение потомков андроновских племен продолжалось и в VII—V вв. до н. э. В это время произошло не передвижение отдельных племен, а массовое переселение андроновских по антропогенезису племен — носителей культуры сакского типа — на территорию Семиречья и юга Казахстана.

Сравнительно густо населенный племенами в андроновское время Центральный Казахстан «пустеет», поэтому памятников сако-усуньского времени здесь встречается мало; они сгруппированы в небольшие могильники по 5—15 курганов и расположены далеко друг от друга; нет больших скоплений памятников около зимовок, как это наблюдается в Семиречье и Южном Казахстане[93].

---

[90] С. П. Толстов. *По древним дельтам Окса и Яксарта.* М., 1962, стр. 85—87.

[91] В своих последних работах С. П. Толстов («Советская археология», 1962, № 4, стр. 134) и М. А. Итина («Советская этнография», 1962, № 3, стр. 109—120) также видят в культуре Тагискена два основных компонента: с одной стороны, традиции дандыбай-бегазинской культуры Центрального Казахстана, а с другой — древневосточных цивилизаций.

[92] См.: «МИА», 1950, № 14.

[93] «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

Мы считаем, что это является результатом переселения центрально-казахстанских исседонских племен с почти сформировавшейся культурой сакского типа на юг Казахстана и в Киргизию. Подобные передвижения кочевых племен происходили и в более позднее время, уже в первые века нашей эры. Путь переселения этих племен проходил и по Таласской долине, как показывает находка в этих местах особого типа памятников, распространенного только в Центральном Казахстане, — кургана «с усами»[94].

Переселившиеся племена принесли на территорию Средней Азии и юга Казахстана элементы своей культуры: бронзовые орудия так называемого андроновского типа — вислообушные топоры, пальставообразные тесла, бронзовые ножи, втульчатые лавролистной формы наконечники стрел, самая ранняя находка которых известна в андроновских памятниках; типы погребальных сооружений — курганы «с усами» и каменные ящики, устойчивую западную ориентировку погребенных, а также андроновский антропологический тип населения.

Таким образом, материальная культура Семиречья и Южного Казахстана, известная под названием сакской, создана племенами-пришельцами — потомками андроновцев Центрального Казахстана и Южной Сибири. Сакская культура зародилась еще на родине андроновцев, а окончательно сформировалась и оформилась на новых местах расселения.

Андроновские племена и их потомки сыграли значительную роль в истории и сложении культуры Среднеазиатского междуречья и, вероятно, всей Средней Азии античного периода. По крайней мере, антропологический материал свидетельствует о том, что «значительная часть населения Среднеазиатского междуречья в неометаллическую эпоху была здесь пришлой из более восточных и северных районов Средней Азии, т. е. с территории Семиречья и Казахстана»[95].

Анализ накопленного краниологического материала позволяет предположить, что в сложении и развитии антропологического типа Среднеазиатского междуречья основную роль сыграла «грацилизация андроновского типа»[96].

Очевидно, с передвижениями андроновцев и их потомков — саков связаны слой «эпохи варварской оккупации» (по Р. Пампелли) Анау и послехараппская культура Джхангара в Северной Индии[97]. Возможно, что в долину Инда вместе с среднеазиатскими племенами — носителями

---

[94] М. К. Кадырбаев. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области.— Вестник АН КазССР, 1959, № 7, стр. 89—97.

[95] В. В. Гинзбург. Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов..., стр. 32.

[96] Там же, стр. 33.

[97] Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, табл. XX.

культуры расписной керамики — вторглись и андроновцы. Может быть, это подтверждает расписная керамика культуры Джхукара, открытая в послехараппском слое холма Чанху-Даро и принадлежащая, как утверждает тот же Э. Маккей, «совершенно другому народу»[98].

В научной литературе теория о движении северных племен на юг, равно как и вопрос о нескольких этапах расселения, не новы.

А. Н. Бернштам высказал гипотезу об отождествлении андроновских племен Казахстана с легендарными ариями священной книги зороастрийской религии — Авесты[99]. Приведенные новые материалы, как нам кажется, подкрепляют это предположение. Возможно, что имя одного из сакских племен, локализуемых в Центральном Казахстане и на Алтае, — «аримаспы» — восходит к имени андроновцев — ариев Авесты.

Будущим исследователям принадлежит право принять предлагаемую в данной работе постановку вопросов или решить их по-иному.

---

[98] Там же, стр. 106.
[99] А. Н. Бернштам. Указ. работа, 1952, стр. 19.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КУЛЬТУРА УСУНЕЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ РЕКИ ИЛИ

(III в. до н. э.—III в. н. э.)

ВВЕДЕНИЕ

Культура древних усуней Семиречья, их политическая история и взаимоотношения с древними племенами и народностями Средней Азии, Алтая, Монголии и Китая до последних лет оставались мало изученными и слабо разработанными разделами древней истории Казахстана.

Сохранившиеся среди казахов бывшего Старшего жуза, киргизов Иссыккульской впадины, а отчасти узбеков названия «сары-уйсун», «уйшун» и другие[1] говорят об активной роли древних усуней в этногенезе этих народов.

В этой связи детальное изучение самобытной культуры усуней и их политической истории приобретает особое значение для понимания специфики общества и материальной культуры кочевых и полукочевых племен, их взаимосвязей и взаимовлияний с древними оседло-земледельческими племенами Средней Азии.

В данном разделе монографии дается характеристика памятникам культуры древних усуней правобережья р. Или.

Анализ археологических материалов, собранных за 5 лет (1954, 1957 — 1960 гг.), позволил автору проследить динамику развития культуры усуней, основное направление их хозяйства и соответствующие ему общественные отношения и религиозные представления, а также классифицировать памятники по трем хронологическим периодам: раннему — III—II в. до н. э.; переходному — I в. до н. э. — I в. н. э.; позднему — II—III в. н. э. Это хронологическое деление истории и матери-

---

[1] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., 1952, стр. 73; Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава. СПб., 1896; В. В. Востров. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 127, карта Верненского уезда.

альной культуры усуней не выходит за рамки существующей в литературе периодизации[2].

На основании большого фактического материала автором разработана классификация: а) инвентаря (сосуды, зеркала, ножи и пр.); б) типов конструктивных элементов насыпи (каменные кольца-оградки) и погребальных сооружений (могильные ямы и планировка могильников). Могильники классифицируются по типам планировки, соответствующим трем хронологическим периодам, а конструктивные элементы курганов и погребальные сооружения — по двум типам, соответствующим раннему и позднему периодам.

Памятники рубежа нашей эры можно отнести к переходному периоду, когда параллельно существовали два типа колец-оградок и могильных ям. Инвентарь погребений каждого периода своеобразен.

Анализ форм, размеров, технологии изготовления сосудов и орудий труда (зернотерок), наличие костей животных (овцы) в могильных ямах, учет своеобразия географической среды — рельефа местности и природно-климатических особенностей района расселения усуней, своеобразие топографии могильников на местности, а также изучение сведений, почерпнутых из китайских источников рубежа нашей эры, позволяют определить форму хозяйства усуней, проследить динамику его развития.

Хозяйство усуней на раннем этапе определяется как скотоводческое с преобладанием овцеводства, а на позднем этапе — как комплексное скотоводческо-земледельческое при сохранении господствующей роли скотоводства.

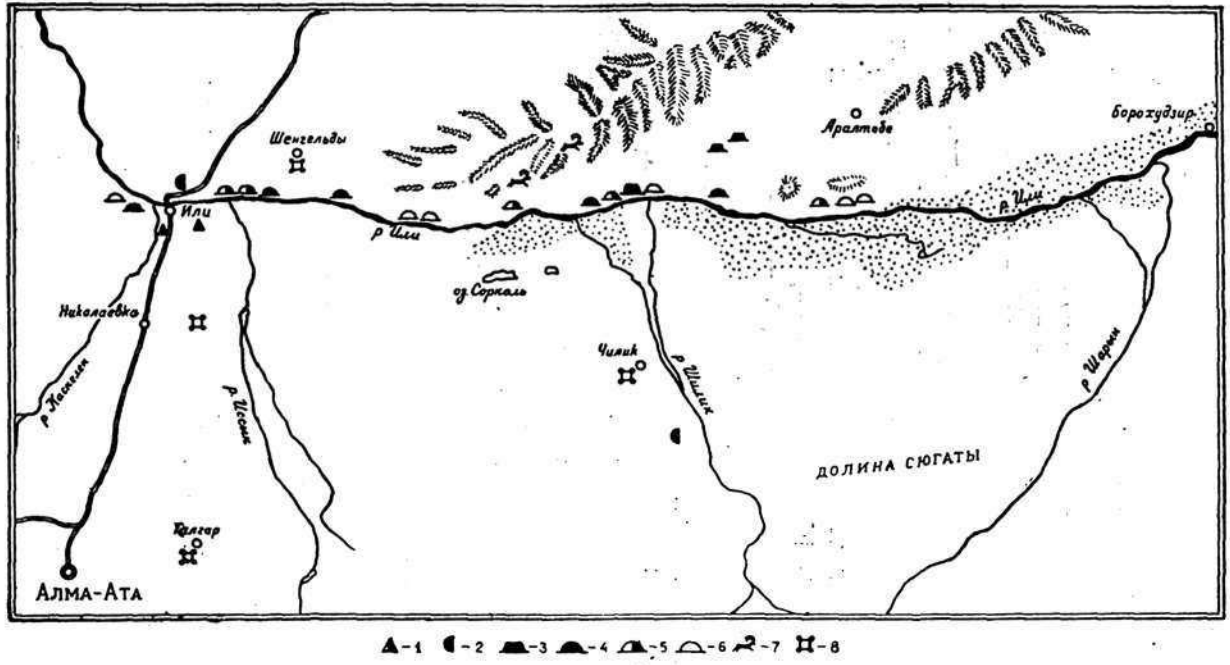
Хозяйство усуней было полукочевым, «вертикального» типа (сезонное движение с пустынных равнинных пастбищ на предгорные и горные и наоборот).

Анализ костных материалов из погребений (черепов) позволил констатировать этническую однородность усуней, а сравнение инвентаря, учет размеров и сложности конструкций надмогильных памятников позволяют заключить, что общество древних усуней было классовым, но в нем еще преобладали патриархально-родовые отношения.

Греческие и ираноязычные источники рубежа и начала нашей эры отмечают, что после разгрома Александром Македонским Персии, в результате нашествия греков на Среднюю Азию здесь произошли серьезные политические изменения. Как участвовавшие в завоевательных походах Александра Македонского греческие, а позже — римские исто-

---

[2] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР.— ВДИ, 1938, № 3—4, стр. 162—179; А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26, и другие работы.



Схематическая карта памятников правобережья р. Или: *1*—стоянки и случайные находки эпохи неолита; *2*— случайные находки эпохи бронзы; *3*— сакские могильники VI—IV вв. до н. э.; *4* — усуньские могильники III—II вв. до н. э.; *5* — усуньские могильники I в. до н. э. — I в. н. э.; *6*—усуньские могильники II—III вв. н. э.; *7* — наскальные изображения; *8* — средневековые городища.

рики, так и отправленные во II—I вв. до н. э. в Западный Край послы ханьского Китая оставили многочисленные описания племен и народностей, живших в этих районах. Сведения античных авторов — Геродота, Страбона, Птолемея, Аристея о сако-массагетских племенах и китайских хроник о юечжи и усунях лаконичны и фрагментарны. Несмотря на это, они позволяют довольно точно воспроизвести историческую географию Средней Азии и Казахстана и локализацию древних племен[3].

Страбон большую часть древнего населения этих районов именует скифами[4]. В той же «Географии» Страбона имеются названия отдельных племен, входивших в состав сакской «конфедерации». «Наиболее известные из кочевников те, — сообщает Страбон, — которые отняли у эллинов Бактриану, а именно асси-пассианы»[5].

Асси-пассиан в настоящее время отождествляют с усунями китайских источников[6], а последние локализуются в Семиречье[7].

По вопросу отождествления отдельных названий племен, встречающихся у античных авторов и в китайских хрониках, имеется большая литература, содержащая самые различные, иногда противоречащие друг другу, гипотезы[8].

Мы полностью согласны с точкой зрения А. Н. Бернштама об объединении их в понятие «сако-усуньская культура», рассматривая историю саков и усуней как две стадии единого историко-культурного процесса[9].

Наши материалы из узко локального района, каким является правобережье р. Или (100—125 *км* с запада на восток и 3—8 *км* с севера на юг, т. е. от р. Или до гор Чулак), не позволяют высказаться определенно обо всех усуньских памятниках.

Китайские источники полнее античных. В них имеются сведения не только по вопросам исторической географии, но и о хозяйстве древних племен, форме их общественной организации и т. д.

---

[3] В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1871; И. И. Умняков. Тохарская проблема.— ВДИ, 1940, № 3—4.

[4] Страбон. «География», Хрестоматия «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940, стр. 20.

[5] Там же.

[6] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 245; И. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 407.

[7] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 246.

[8] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 241—247. А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— СА, 1949, XI, стр. 79—91; его же. Историко-археологические очерки..., стр. 200—230; его же. Археологический очерк Северной Киргизии..., стр. 30, 33.

[9] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960, стр. 174—188; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 83—102; его же. Основные этапы..., стр. 356—360.

В древности, в период господства родоплеменных отношений, названия племенных объединений часто менялись вследствие упадка военной мощи одних и усиления других племен.

В III в. до н. э. саки теряют свое военно-политическое господство среди племен Семиречья, и племена, входившие в данный союз, с этого времени известны китайским источникам под именем усунь.

Появление в источниках в III в. до н. э. этнонима усунь вызван военно-экономическим усилением этих племен, приведшим к образованию усуньского племенного союза на территории, которую ранее занимали саки. В китайских летописях говорится, что «первоначально сия страна (Усунь. — *Г. К.*) принадлежала народу сэ (китайский этноним персидских саков, греческих скифов. — *Г. К.*), по сему-то между усуньцами находятся отрасли племен сэкского»[10].

Приведенные сведения подтверждают прямую преемственность этих племенных объединений.

Китайские летописи под наименованием усунь подразумевают ставку вождей племенного союза, а не территорию союза.

В китайских источниках написано, что «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани (около 1000 *км* от Ферганы. — *Г. К.*) на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место»[11]. Далее узнаем, что «народонаселение состоит из 120 000 кибиток (семей. — *Г. К.*), 630 000 душ; строевого войска 183 000 человек. Земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса[12].

Как известно, усуни населяли Семиречье и Северную Киргизию. Граница усуньского племенного союза на западе проходила по междуречью Чу — Талас, на востоке она ограничивалась отрогами Тянь-Шаня, на севере — оз. Балхаш и на юге — оз. Иссык-Куль. Как сообщают источники, «усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место»[13]. Стада овец и табуны лошадей были их основным богатством и средством ведения войны. Имущественное неравенство существовало и в усуньском племенном союзе. Это отмечает, например, китайский летописец: «В их (усуней. — *Г. К.*) владениях много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов»[14].

---

[10] Н. Я. Бичурин [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. 1950, стр. 190—191.
[11] Там же, стр. 150.
[12] Там же, стр. 190.
[13] Там же.
[14] Там же.

Особенно наглядно начавшееся расслоение усуньского общества и зарождение классов видно на материальной культуре: инвентаре, размере и устройстве, конструкции погребальных сооружений и т. п.

Несмотря на относительную полноту китайских хроник, сведения и китайских, и античных авторов скудны и отрывочны. Поэтому при разработке вопросов древней истории основным источником является археологический материал.

Еще в середине XIX в. памятники древних усуней привлекли внимание русских ученых. Одним из первых был В. В. Радлов, исследовавший курганы в районе поселка Тургень[15]. Позже им были изучены курганы в районе Семипалатинска и Павлодара. Результаты раскопок он обобщил в капитальном труде «Сибирские древности»[16].

Вслед за работами В. В. Радлова появляется сообщение Н. М. Ядринцева «Описание Сибирских курганов и древностей»[17], в котором автор проводит аналогию между семиреченскими курганами I тысячелетия до н. э. и погребениями в Кулундинской степи. Несмотря на сравнение, упоминание этих памятников содействовало их изучению.

Значительно больше археологические памятники Семиречья начали изучать после организации Туркестанского кружка любителей археологии. Кружок организовал регистрацию и охрану памятников старины, собирал предметы случайных находок и изредка проводил раскопки курганов. Активным членом этого кружка был Н. Н. Пантусов, собравший много сведений о курганных могильниках, городищах и других памятниках древности, расположенных в Семиреченской области, опубликовавший их в трудах Туркестанского кружка любителей археологии. Н. Н. Пантусов обследовал и частично описал наскальные изображения в Чулакских горах и в урочище Капчагай[18].

Из-за отсутствия подготовленных научных кадров и незаинтересованности царского правительства в выделении средств на исследования памятников археологические исследования в Илийской долине в дореволюционный период носили эпизодический характер. Исследователи занимались в основном сбором материалов и почти не анализировали их.

Подлинно научные и систематические исследования древностей Семиречья начались лишь в советское время.

В первое десятилетие Советской власти определилось основное на-

---

[15] Раскопки в Семиреченской области. «Отчет Археологической комиссии (ОАК) за 1869 год». СПб., 1871, стр. XVII—XIX.

[16] В. В. Радлов.— Сибирские древности, т. I, 1896, вып. 3 (Материалы по археологии России, вып. 15), стр. 146.

[17] Н. М. Ядринцев. «Древности» (Труды Московской археологической комиссии, 1883 год), т. 9, вып. 3, стр. 189.

[18] Н. Н. Пантусов. Тамгалы-Тас. Отд. оттиск. Верный, 1910.

правление советской археологии, она стала неотъемлемой частью исторической науки.

Теперь археологи не просто собирали материал, а проводили исследования целых комплексов, на основе анализа которых можно было решить вопросы истории развития производительных сил и производственных отношений определенного общества.

В 1928—1929 гг. были раскопаны могильники древних усуней в Северной Киргизии[19]. Несмотря на ограниченность добытых материалов, они позволили М. В. Воеводскому и М. П. Грязнову по-новому поставить вопросы хозяйства, общественной организации, материальной культуры древних усуней Семиречья.

Анализ материалов из могильников у башни Бурана, пос. Чильпек и Каракол дал возможность исследователям, хотя и в общих чертах, определить типы погребальных сооружений и датировать их.

Раскопки М. В. Воеводского и М. П. Грязнова явились началом организации планомерного изучения памятников сако-усуньской культуры.

С 30 — 40-х годов на территории Семиречья под руководством А. Н. Бернштама[20] ведутся экспедиционные исследования ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом АН СССР. Первые экспедиции А. Н. Бернштама носили рекогносцировочный характер. Им было выявлено много памятников, отнесенных к разным хронологическим периодам. Экспедиции А. Н. Бернштама изучали памятники культуры эпохи бронзы, древних саков, усуней и кангюй, ранние оседло-земледельческие поселения Западно-тюркского каганата, средневековые феодальные города, расположенные в бассейнах рек Талас, Чу и Или.

Эти исследования внесли много нового и интересного в изучение археологических памятников Казахстана и Северной Киргизии. Они явились прочным фундаментом, на котором в дальнейшем развивалась археологическая наука Казахстана. Обнаруженные в Кенкольском могильнике А. Н. Бернштамом одежда из шелковых тканей, предметы вооружения и украшения, но главным образом деформированные черепа погребенных позволили поставить на повестку дня археологических исследований гуннскую проблему[21].

Материал, найденный А. Н. Бернштамом в Берккаринском могильнике, помог выявить своеобразие сако-усуньской культуры, ее отличие от культуры древних кангюйцев и связь их с Китаем и Средней Азией.

---

[19] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР..., стр. 162—179.

[20] А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области.— Известия АН КазССР, серия археологическая. 1948, вып. 1, стр. 79—91.

[21] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1941; его же. Очерк истории гуннов. М.—Л., 1949, стр. 102—116.

Изучение древнего Тараза[22] дало возможность определить его место в средневековой истории, высказать предположение о взаимоотношениях кочевников с оседло-земледельческими племенами и роли древних городов юга Казахстана в истории казахского народа.

Многолетние исследования А. Н. Бернштама в Семиречье позволили решить вопрос о периодизации памятников сако-усуньской культуры, выявить закономерные особенности надмогильных памятников[23]. Однако локальная группа аналогичных памятников правобережья р. Или осталась неизученной и ждала своих исследователей. В период Великой Отечественной войны археологические исследования в Семиречье не велись и возобновились лишь в 50-х годах. С 1954 г. начинаются стационарные исследования памятников, благодаря чему накапливается раскопочный материал, позволивший решить многие вопросы древней истории Семиречья.

В 1954 г., в связи с проектированием Капчагайской ГЭС на р. Или, была организована археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии для обследования и изучения памятников старины в районе строительства, в зоне затопления и подтопления будущего водохранилища*.

Экспедиция выявила большое количество памятников на правобережье р. Или и отнесла их сооружение к VII—V вв. до н. э. — IV—VIII вв. н. э.[24]

В 1956 г. была организована Семиреченская археологическая экспедиция, которая исследовала на территории Алма-Атинской области 18 могильников и вскрыла 180 курганных погребений, послуживших основой для классификации памятников по типам погребальных сооружений[25].

---

[22] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

[23] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 26.

* В Илийской (с 1959 г.— Семиреченской) археологической экспедиции принимали участие: К. А. Акишев — начальник экспедиции (1954, 1957—1961 гг.), Г. А. Кушаев — начальник отряда (1954, 1957—1961 гг.), П. В. Агапов — художник-топограф. Помимо постоянных членов экспедиции, в ней работали: Е. И. Агеева, Ф. Х. Арсланова, Г. И. Пацевич, И. И. Копылов, Т. Н. Сенигова, О. М. Грязнов — художник-фотограф, Г. Б. Демченко — чертежник, художники-топографы; А. Г. Тартышников, М. Г. Урванцев, фотографы: О. В. Медведев, А. А. Попов, М. П. Павлов, студенты исторического факультета КазГУ Б. Нурмуханбетов, М. Туралин.

[24] К. А. Акишев. Отчет о работе ИАЭ, 1954 г. — Труды ИИАЭ АН КазССР. т. I, 1956, стр. 5—31.

[25] Е. И. Агеева. Новые данные по археологии Семиречья.— КС ИИМК, 1961, вып. 80; ее же. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 21—40; А. Г. Максимова. Усуньские курганы левобережья р. Или.— Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии, 1959, вып. 1(9), стр. 79—95.

В 1956 г. студентами КазПИ под руководством И. И. Копылова были раскопаны курганы могильников у с. Алексеевка[26] и Капчагай III.

В 1957 г. начатые работы были продолжены Илийской археологической экспедицией.

Читатель, ознакомившись с первым и вторым разделами данной работы, обнаружит некоторые различия в подаче материала. Это объясняется следующим.

Первый раздел, посвященный истории семиреченских саков и характеристике культуры на правобережье р. Или, основан на известных уже в археологической литературе сведениях о кладах и раскопках уникальных памятников-усыпальниц сакских вождей в могильнике Бесшатыр, т. е. на продатированных и знакомых широкому кругу археологов памятниках, а второй раздел — о культуре усуней правобережья — является первичной публикацией нового археологического материала.

Далее, материальная культура саков характеризуется уникальными и богатыми коллекциями: кладами бронзовых котлов, жертвенников и орудий труда, а также предметами вооружения из редчайших памятников архитектуры — усыпальниц могильника Бесшатыр, а материальную культуру усуней представляет лишь однообразный инвентарь из рядовых погребений, удивляющих примитивностью и однотипностью своих сооружений.

Как было отмечено, памятники усуней разделены на три периода, различающиеся по инвентарю, могильным сооружениям, кольцам у курганов и, наконец, по планировке могильников.

Ранняя группа памятников, отнесенных к III—II вв. до н. э., представлена могильниками: Капчагай III*, Утеген III, Кзыл-Эспе, Кзылауз III, Унгур-Кора I и Бесшатыр II.

К следующему (переходному) периоду — рубеж нашей эры — относятся могильники: Утеген I—II, Тайгак I, Кзылауз II, Калкан I, Алтын-Эмель I, III, IV.

Третью группу представляют памятники позднего периода — II—III вв. н. э. — могильники: Капчагай II, Чулак-Джигиде I—II, Унгур-Кора II, Калкан IV, Арал-Тобе I.

В нашей работе мы постарались дать положительный ответ только на те вопросы истории усуней, по которым располагали материалом. В дальнейшем вопросы миграции усуней, развития земледелия, форм социальной организации и другие будут объектом исследования автора.

---

[26] И. И. Копылов. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины.— Ученые записки КазПИ, серия общественно-политическая, 1958, т. XV, стр. 158—175. Несмотря на то, что раскопки велись в 1956 г., материалы могильника до сих пор не опубликованы.

* Названия могильникам правобережья даны по наименованию ущелий в горах Чулак.

Глава I

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ УСУНЕЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ Р. ИЛИ*

§ 1. Памятники III—II веков до нашей эры

Могильник Капчагай III

Могильник открыт в 1954 г., расположен в 5 *км* на запад от пос. Илийск, в 2 *км* на юг от р. Или, в урочище Уч-сай, справа от дороги в зерносовхоз «Илийский». Он вытянут с севера на юг на 300 *м*, а с запада на восток — на 400 *м* и состоит из 52 погребальных сооружений трех типов: а) курганы, б) курганы с кольцами в насыпи, в) плоские кольцевые оградки, выложенные на грунте 3—4 рядами камней. В отдельных оградках камни врыты на ребро. Насыпи курганов и кольцевые оградки могильника образуют небольшие цепочки, вытянутые с юга на север, по 5—6 сооружений в каждой. Диаметры их от 5 до 20 *м*, высота некоторых достигает 2 *м*. В 1956 г. могильник частично раскопал И. И. Копылов. Он вскрыл 10 погребений (7, 10, 14, 15, 23, 28, 29, 30, 32, 39) методом закладки в центре насыпи квадратных шурфов. В 1958 г. Илийская археологическая экспедиция раскопала в могильнике 30 погребальных сооружений: один курган (19); 10 курганов с кольцами (3, 4, 5, 11, 17, 20, 22, 24, 27, 40) и 19 колец-оградок (1, 2, 6, 8, 9, 12, 13, 16, 18, 21, 25, 26, 33, 34, 35, 38, 41, 42, 43).

Ограда 2, диаметр 4 *м*, в плане круглая. Под дерном выявилось кольцо из камней, ширина выкладки 0,45 *м*. В середине оградки находится могильная яма, ориентированная с северо-запада на юго-восток, длиной 1,85 *м*, шириной 1 *м*. На глубине 0,75 *м* от поверхности в ее северо-восточном углу найден обломок железного предмета. На глубине 0,95 *м* обнаружены кости ног и плечевая кость левой руки. Их расположение свидетельствует, что погребенный лежал головой на северо-восток, в вытянутом положении, на спине. В могильной яме найден обломок серьги в форме спирали из бронзовой проволоки.

* В данной главе для хронологической классификации памятников усуней использована часть материала из курганных погребений, описание остальных дано в приложении.

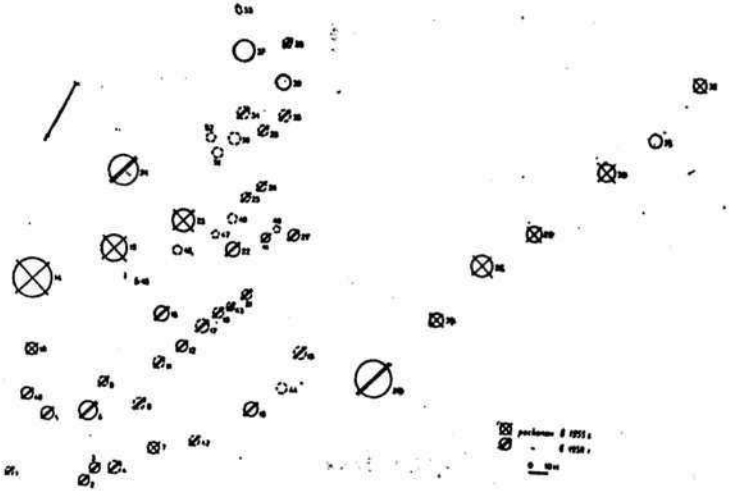


Рис. 1. План могильника Капчагай III.

Курган 5. Диаметр 6 *м,* высота 0,13 *м,* с кольцом из камней. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина 2,1 *м,* ширина 0,8 *м.* На глубине 0,8 *м* в яме найдены фрагмент сосуда ручной лепки, фаланги пальцев, зубы человека. На глубине 1,27 *м* лежал женский скелет, близкий к андроновскому типу, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Возле черепа справа обнаружена железная шпилька с круглой головкой, западнее, справа — глиняный сосуд с шаровидным туловом и выпуклым дном (табл. V, *11*). На левой половине тазовых костей найдено два обломка другого сосуда.

Курган 17. Диаметр 15 *м,* высота 0,2 *м.* На поверхности видны камни кольца шириной около 1 *м.* В середине находилась могильная яма, длиной 2,30 *м,* шириной 0,90 *м,* ориентированная с северо-запада на юго-восток. В засыпи ямы встречались обломки дерева. В ее северо-западной части найдены обломки нижней челюсти, черепа, позвонков человека, крестец овцы. На глубине 1,20 *м* обнаружены остальные кости погребенного, лежавшего в вытянутом положении. В северо-западном углу ямы найдены второй крестец барана и железный нож длиной 9,5 *см;* ширина рукоятки 10 *мм,* ширина лезвия 0,5 *см.* У предплечья правой руки лежал обломок венчика сосуда, сделанного из теста с большой примесью песка, обжиг неравномерный, венчик сосуда слегка отогнут наружу. На дне ямы найден фрагмент другого сосуда.

Ограда 18. Диаметр ограды 7 *м,* диаметр кольца 4,9 *м,* ширина 0,8 *м.* В середине кольца под выкладкой из камней длиной 2,2 *м,* шириной 2 *м* находилась могильная яма, ориентированная с северо-запада на

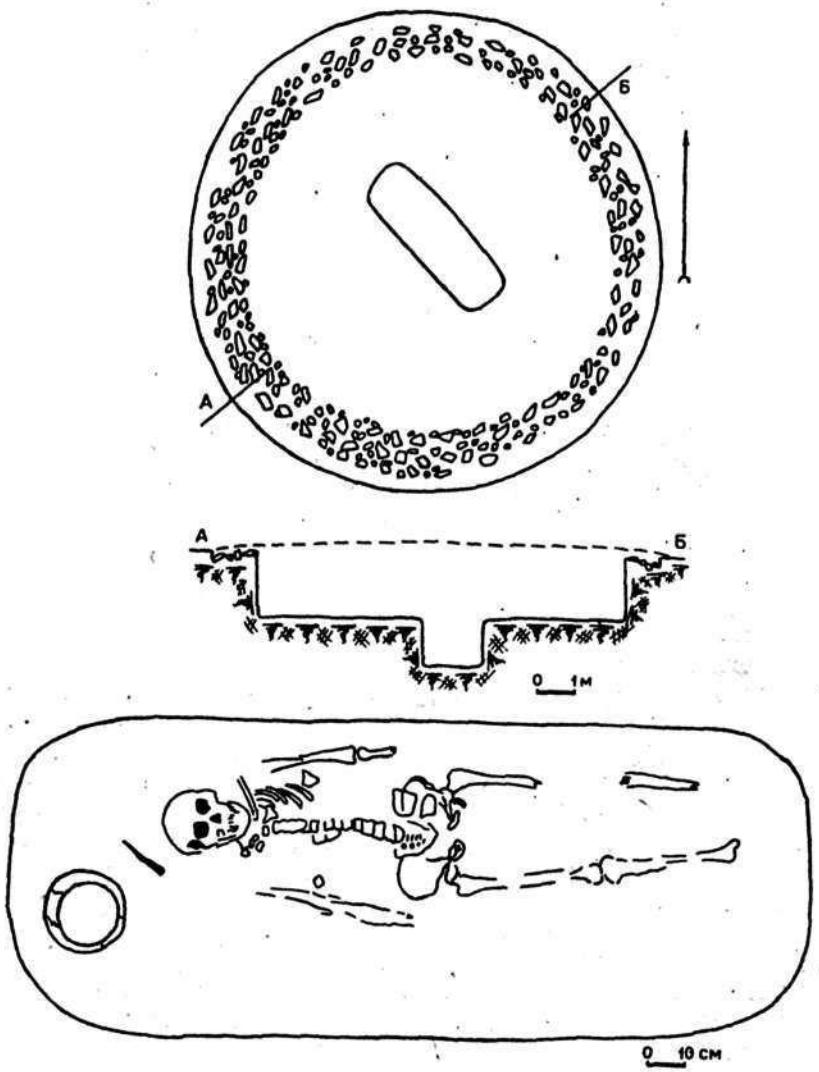


Рис. 2. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 5 могильника Капчагай III.

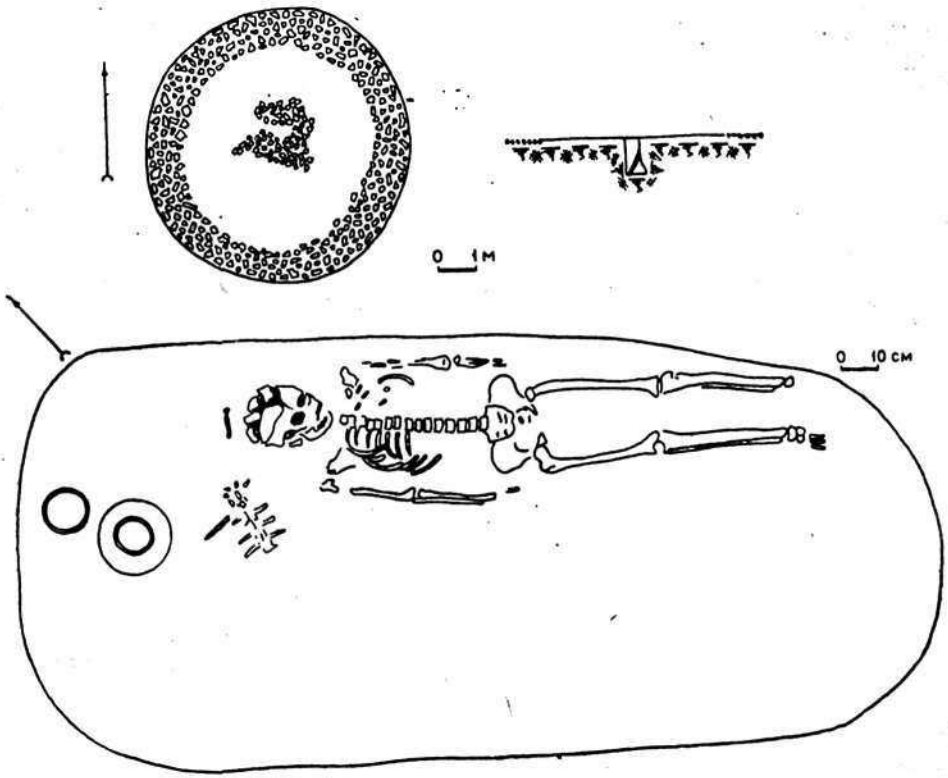


Рис. 3. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 18 могильника Капчагай III.

юго-восток. На глубине 1,5 *м* в яме у северной стены обнаружены остатки перекрытия из пяти бревен диаметром 20—25 *см*. Два других непотревоженных бревна перекрывали один конец ямы. На глубине 1,65 *м* от поверхности, у северной стены, лежал скелет женщины европеоидного типа*, длиной 1,45 *м*, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Справа от черепа обнаружены крестец овцы и сильно коррозированный железный нож, длина 11 *см*, ширина лезвия 7 *мм*, рукоятки — 10 *мм*. Западнее черепа найдена железная шпилька, вокруг которой располагались биконической формы пастовые светло-зеленые бусины (бисер). В западном же конце ямы, за черепом, стояло два сосуда. Кувшин с шаровидным туловом и округлым дном, высота 29 *см*, диаметр горловины 10 *см* (табл. VI, *2*), и чаша со слегка утолщенным

* Здесь (а также при описании скелета кургана 5) и далее нами использованы данные по антропологической характеристике усуней профессора В. В. Гинзбурга.

дном, высота 11,5 *см*, диаметр горловины 10,5 *см* (*табл. V, 4*). На шейных позвонках скелета найдены светло-зеленые бусы из стекловидной массы, покрытые голубой глазурью (*табл. III, 1*).

Ограда 21. Диаметр оградки 6 *м*, в плане круглая, ширина кольца 0,50—1 *м*, внутренний диаметр 4,10 *м*, выложена из гальки. На глубине 0,50 *м* в восточной части ограды имелась каменная выкладка четырехугольной формы, длина 1,20 *м*, ширина 0,80 *м*, ориентированная с севе-

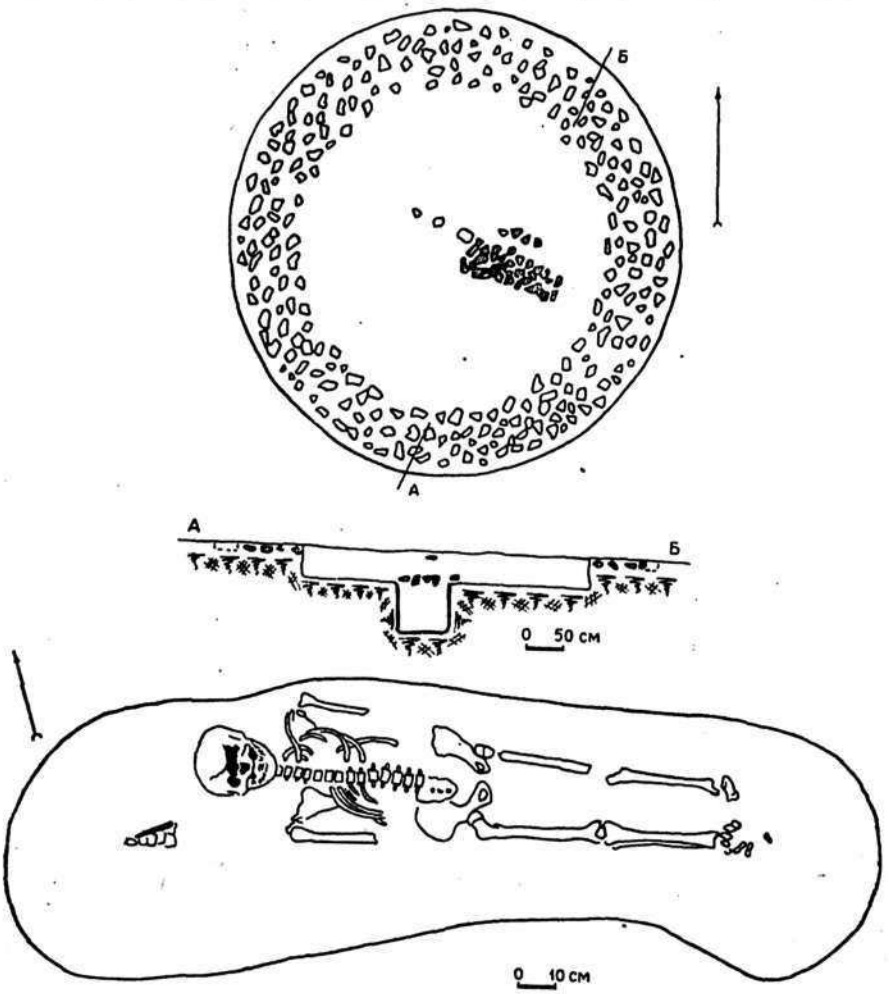


Рис. 4. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 21 могильника Канчагай III.

ро-запада на юго-восток. В северо-восточной части выкладки найдена трубчатая кость. На глубине 0,65 *м* от поверхности в восточном конце ямы лежали беспорядочно разбросанные ребра человека, а в западном — обломок железной шпильки длиной 4 *см*. На дне ямы, у северной стены, обнаружен скелет женщины европеоидного типа, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-запад. Кости рук сохранились до локтевого сустава. За черепом обнаружены крестец овцы и бронзовый нож, длина 12,5 *см*, ширина рукоятки 1 *см*, лезвия 0,7 *мм* (табл. II, *5*).

Курган 22. Диаметр 9 *м*, высота 0,18 *м*, на поверхности видны камни кольца диаметром 6 *м*. В центре кольца имелась выкладка из камней, длина 2 *м*, ширина 0,8 *м*, ориентированная с востока на запад. Могильная яма завалена камнями до глубины 0,8 *м*, ниже был лёссовый грунт. В восточном конце ямы найдены берцовая кость, в середине — половина тазовой, в западном конце — часть правой плечевой кости. Здесь же обнаружены разложившийся крестец овцы, обломок железного ножа длиной 8 *см* и два обломка железной шпильки с круглой головкой, длиной 5,5 *см*. Вокруг нее лежали мелкие пастовые круглые бусины (более 100). В северной стене ямы имелся подбой высотой 0,6 *м*, глубиной 0,45 *м*.

Курган 24. Диаметр 16 *м*, высота до 0,35 *м*. С западной стороны сохранилась часть кольца диаметром 8,5 *м*. Могильная яма ориентирована с юго-востока на северо-запад, длина 3,15 *м*, ширина 1,1 *м*. В северо-западном углу ямы лежали берцовые кости, а у южной стенки — два обломка тазовой. На глубине 0,96 *м* в разных местах ямы найдены кости мужчины — ребра, позвонки, фаланги пальцев и т. д. В юго-восточном углу лежала бронзовая подвеска с раздвоенным концом и отверстием в нижней части, противоположный конец ее имел цилиндрическую форму, длина подвески 6,8 *см*, в сечении 0,7 *мм* (табл. II, *15*). В северо-западном углу ямы найдена бронзовая, квадратной формы, обойма-пряжка, 3,7×3,7 *см*, с железным язычком длиной 1 *см* (табл. II, *12*). В западном конце ямы обнаружен брахикранный череп мужчины европеоидного типа.

Ограда 35. Диаметр 5 *м*, в виде кольца шириной 0,40—0,80 *м*. Могильная яма длиной 2,5 *м*, шириной 1,10 *м* ориентирована с юго-востока на северо-запад. В ее восточной части, у северной стены, на глубине 0,6 *м* обнаружены остатки четырех истлевших бревен от «заставки» (?). Скелет лежал на глубине 1,15 *м* у северной стены, на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Под нижней челюстью черепа найдено 7 сердоликовых, 35 пастовых и 45 из стекловидной массы белого и темно-синего цвета бусин ромбовидной и биконической формы. Справа от черепа лежали спиралевидной формы серьга из сплава меди с серебром (табл. I, *7—8*), бронзовое зеркало (табл. I, *15*) в форме плоского диска диаметром 11,5 *см* и с плоской ручкой шириной 3,5 *см*. Западнее

черепа найден железный сильно коррозированный нож (длина 20,5 *см*, ширина рукоятки 2 *см*, лезвия — 1 *см*), крестец барана, железная шпилька с круглой головкой (табл. I, *2*) и каменная поделка длиной 8 *см*.

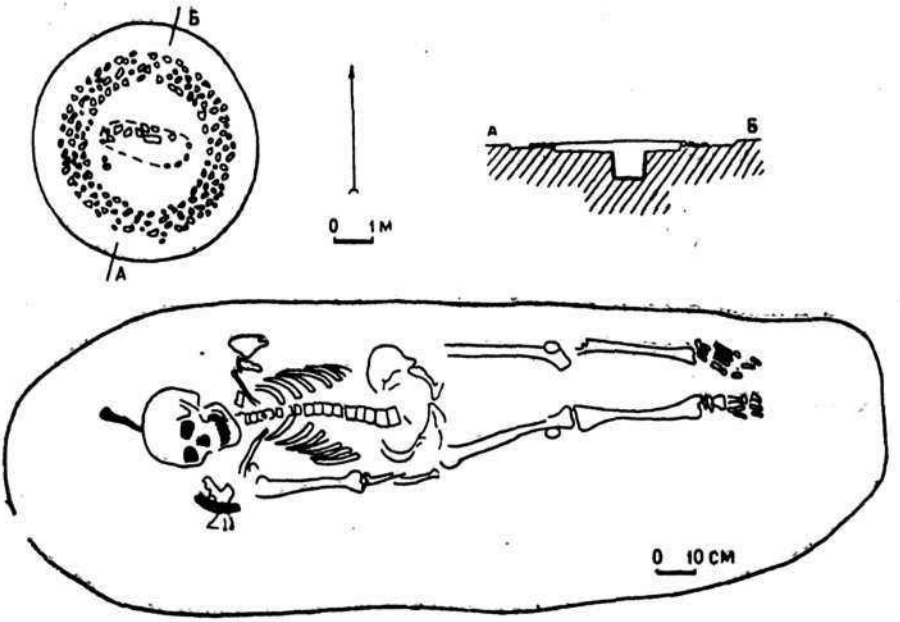


Рис. 5. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 41 могильника. Капчагай III.

Ограда 41. Диаметр 4,5 *м*, диаметр кольца 3,8 *м*, ширина 0,3 *м*. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,5 *м*, ширина 0,8 *м*, заполнена камнями до глубины 0,6 *м*. В яме найдены обломки дерева, в середине ее сохранились вертикально поставленные жерди диаметром 10—12 *см*. На глубине 0,7 *м* обнаружен скелет женщины, покоящийся на спине, головой на запад, кости левой руки сохранились не все. Скелет близок к андроновскому типу. Западнее черепа лежали серповидной формы железный нож длиной 10,5 *см*, шириной 2 *см* и шпилька с круглой головкой и острым концом, длиной 17,5 *см* (табл. I, *4*), справа находился крестец овцы. У нижней челюсти скелета найдена крупная шестигранная, цилиндрической формы бусина со следами окраски золотистой массой.

Могильник Утеген III

Могильник расположен на правом берегу р. Или, в 19 *км* от пос. Илийска, вверх по течению, на верхней террасе северной протоки. Состоит из 101 кургана, разделенных на три самостоятельные группы.

Первая группа насчитывает 68 курганов, северо-западнее расположена вторая группа — 25 курганов; на северо-восток от первой группы, в 80 *м*, находится третья группа в виде цепочки из 8 насыпей. Курганы могильника чаще всего образуют цепочки из 5—6 и более насыпей. Особенно хорошо видны цепочки в северной половине могильника, где находятся большие курганы четко выраженной формы. Они расположены компактнее по сравнению с курганами южной половины. Большинство их имеет ясно выраженные кольца из камней, выложенные по насыпи на небольшом расстоянии от центра.

В южной половине могильника курганы меньших размеров и сильно оплывшей формы. В 1958 г. в могильнике было раскопано восемь, а в 1961 г. — три погребения.

Курган 16. Диаметр 6 *м*, высота 14 *см*. Могильная яма овальной формы, ориентирована с востока на запад, длина 1,85 *м*, ширина 0,7 *м*. На глубине 1,70 *м* находились кости погребенного, положенного на спине, в вытянутом положении, головой на запад, длина его 1,70 *м*. Скелет принадлежал мужчине андроновского типа с мезокранным черепом. В северо-западном углу ямы стоял низкий, полусферической формы глиняный сосуд (табл. V, 7) высотой 9,5 *см*, диаметром 13,5 *см*. У затылочной части черепа найдена бронзовая серьга, а на тазовых костях — железная обойма от пояса.

Курган 27. Диаметр 6 *м*, высота 0,1 *м*. Под насыпью выявились две могильные ямы, ориентированные с востока на запад. Южная — длиной 2,25 *м*, шириной 1,30 *м*, северная — длиной 1,7 *м*, шириной — 0,7 *м*.

В южной яме на глубине 1,35 *м* лежали кости скелета. Судя по ним, покойник был захоронен на спине, головой на северо-запад, руки слегка согнуты в локтях, фаланги пальцев правой руки покоились на тазобедренном суставе, ноги вытянуты. Скелет принадлежал мужчине европеоидного, близкого к андроновскому, типа. Череп брахикранный. Около него обнаружены два сосуда. Один — в форме низкой широкой миски, диаметр 19,5 *см*, высота 10 *см*, в нем найден крестец овцы; другой — круглодонный горшок, высотой 10 *см*, диаметр у закраины 10 *см* (табл. V, *3*).

В северной яме на глубине 1,05 *м* от поверхности обнаружен детский скелет длиной 1 *м*, который лежал на спине в вытянутом положе-

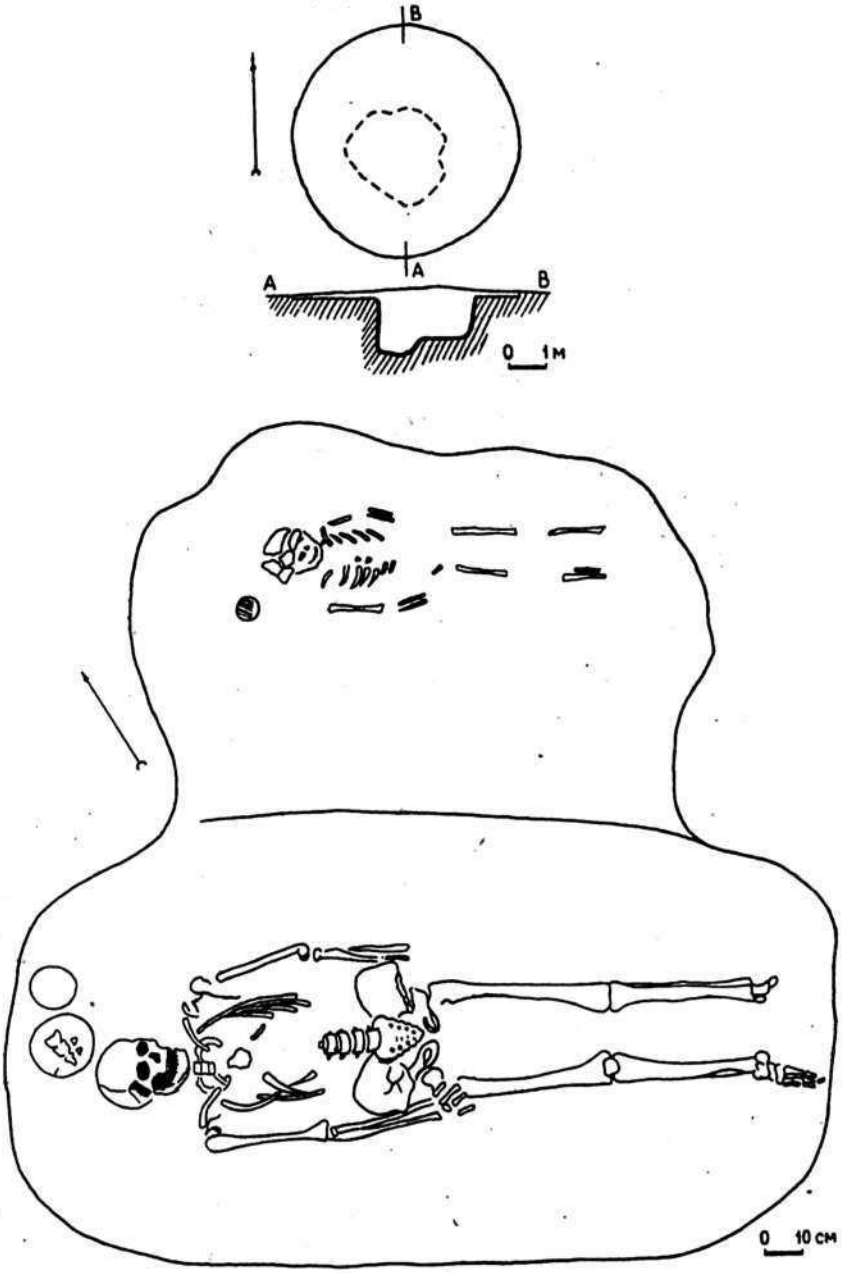


Рис. 6. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 27 могильника Утеген III.

нии, кости рук слегка согнуты в локтях, ноги вытянуты. У черепа стоял глиняный сосуд в форме кубка, диаметр у венчика 6 *см*, высота 5,7 *см*.

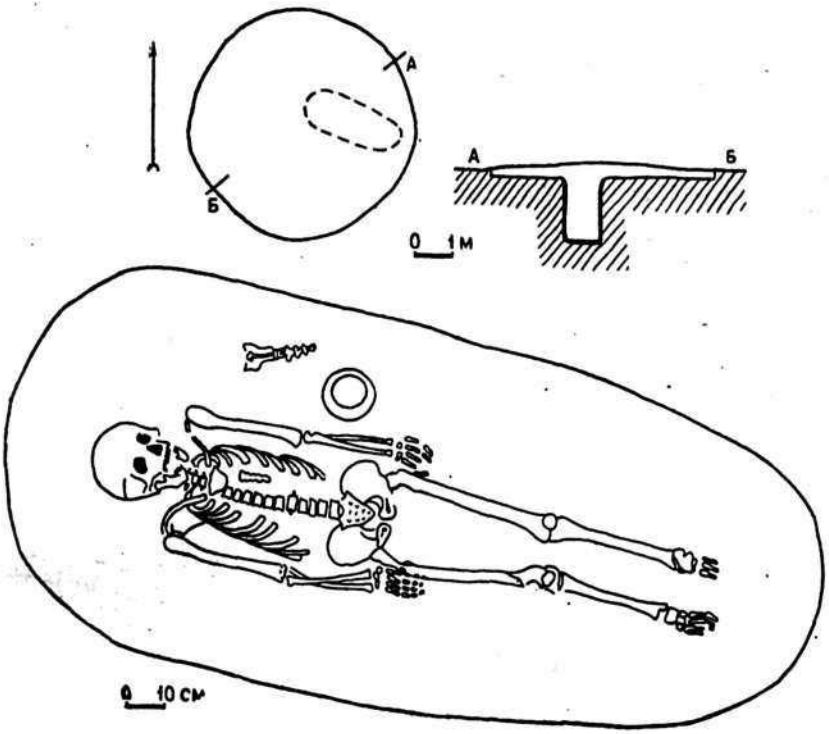


Рис. 7. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 28 могильника Утеген III.

Курган 28. Диаметр 6 *м*, высота 0,13 *м*, сильно оплывшей формы. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина 2,4 *м*, ширина 1,2 *м*. На глубине 1,6 *м* от поверхности обнаружены остатки четырех истлевших бревен диаметром 10—15 *см*. Над бревнами сохранились остатки слоя камыша. Погребенный лежал на спине, ориентирован головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, длина скелета 1,65 *м*. Скелет принадлежал мужчине европеоидного типа с мезокранным черепом. Слева, у плеча, найден крестец барана, у локтевого сустава стоял полусферической формы глиняный сосуд высотой 11,5 *см*, диаметр у горловины — 10 *см*.

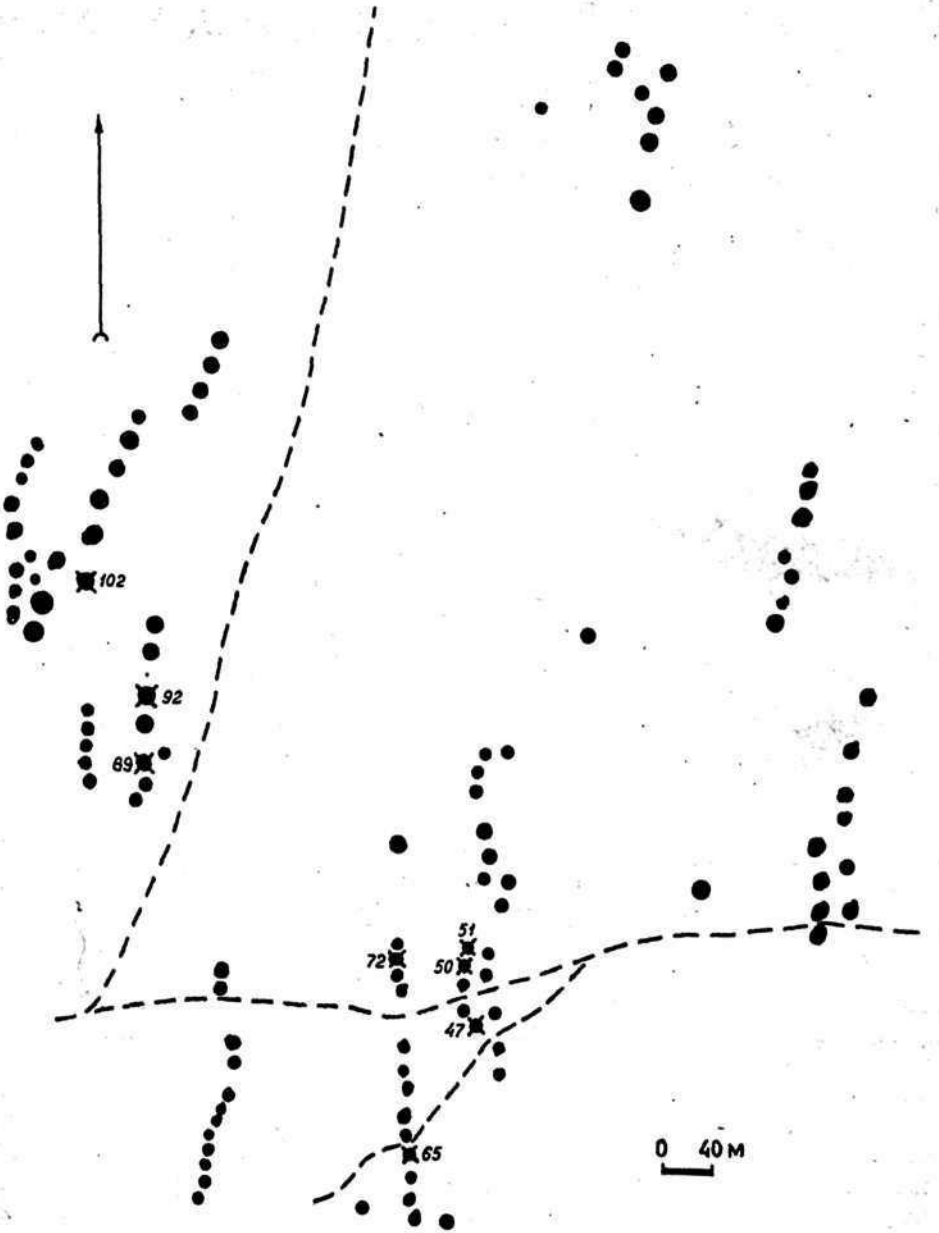


Рис. 8. План южной части могильника Кзыл-Эспе.

В публикации[1] известен под № 12. В могильнике исследовано 8 древних погребений (50, 51, 65, 72, 77, 89, 97, 102).

Курган 50. Диаметр 12 *м*, высота 0,45 *м*. На насыпи видны камни, образующие кольцо диаметром 7,50 *м*. В середине кольца имеется выкладка из камней длиной 1,20 *м*, шириной 0,6 *м*, ориентированная с востока на запад. Под камнями обнаружена могильная яма, ориентированная с востока на запад, длиной 2,70 *м*, шириной 0,7—0,9 *м*. На глубине 2,10 *м* лежал скелет в анатомическом порядке, в вытянутом положении, на спине, головой на запад, его длина 1,70 *м*. В северо-западном углу ямы около черепа стояла глиняная чаша высотой 11,5 *см*, диаметр венчика 12 *см*, тулова — 14,5 *см*. Дно сосуда уплощенное, диаметром 7,5 *см*. В юго-западном углу, южнее черепа на 0,20 *м*, найдены позвонки овцы и железный нож, длиной 13,5 *см*, шириной 1,2 и 0,6 *см*, толщина «спинки» 0,5 *см*. Нож был воткнут в крестец.

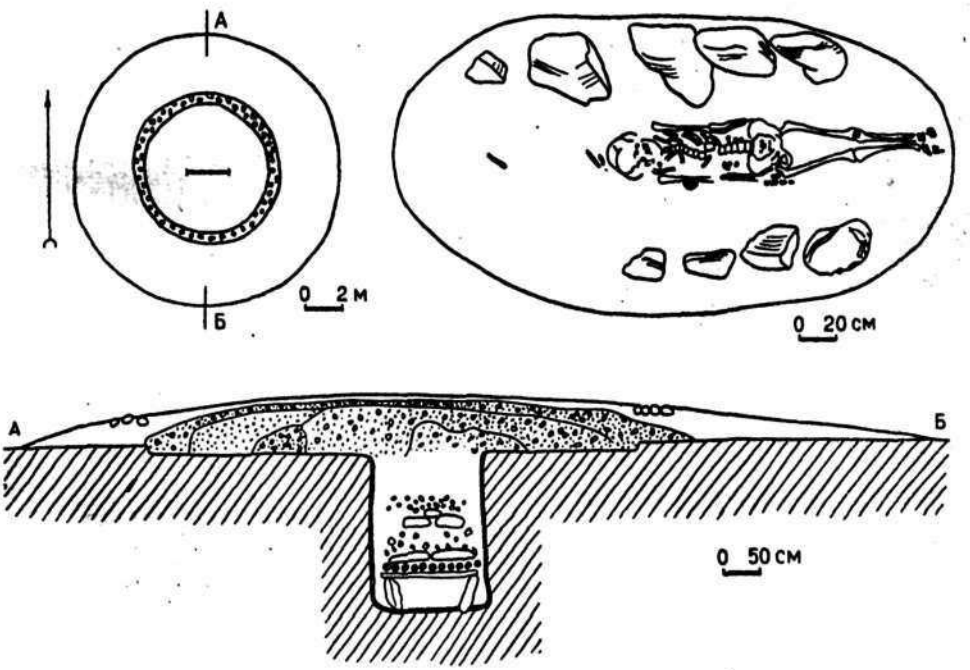


Рис. 9. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 89 могильника Кзыл-Эспе.

[1] К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции, 1954 г.... Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 9—10.

Курган 89. Диаметр 14 *м*, высота 0,67 *м*, в разрере насыпь сфероидная, с камнями на вершине. На насыпи выложено кольцо, диаметр 6,5 *м*, ширина 0,8—1,1 *м*. В середине кольца обнаружена могильная яма длиной 3 *м*, шириной 1,5 *м*, ориентированная с востока на запад. Яма завалена камнями до глубины 1,7 *м*. Ниже находилось перекрытие из продольно положенных бревен. Под деревянным перекрытием в восточной части могильной ямы найден скелет человека, лежащий вытянуто, головой на запад. Справа у плечевого сустава было бронзовое зеркало (табл. I, *14*) в форме плоского диска, в футляре из ткани и войлока, положенное на небольшой кусок дерева. На зеркале лежали две деревянные заостренные палочки длиной 3—4 *см*, возможно — уховертки (табл. I, *11*). Западнее черепа обнаружены две железные шпильки, одна тоненькая, сохранилось два ее обломка, общей длиной 7,5 *см*; другая — длиной 10 *см* (табл. I, *3*). Около шпилек найдены мелкие бусины типа бисера. В западном конце ямы находился железный нож, лежавший на хвостовых позвонках овцы.

Курган 97. Диаметр 12 *м*, высота 0,4 *м*, в разрезе насыпь сфероидная, на ней кольцо диаметром 5,5 *м*. На поверхности в северо-восточной

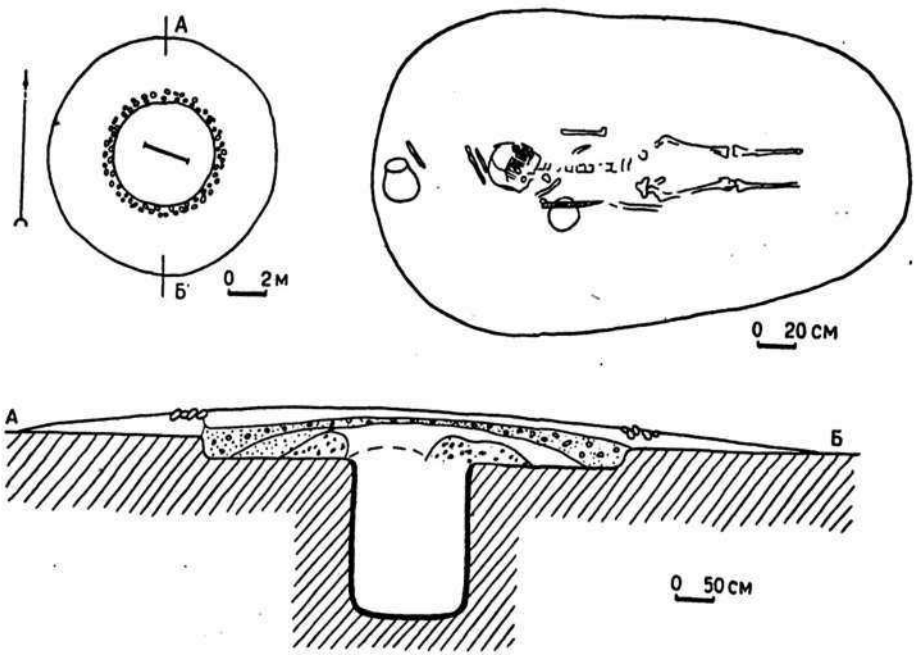


Рис. 10. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 97 могильника Кзыл-Эспе.

и юго-восточной частях кургана обнаружены остатки кострищ — древесные угли. Могильная яма в форме удлиненного прямоугольника с закругленными углами длиной 2,8 *м*, шириной 1,6 *м*, ориентирована с востока на запад. Под деревянным перекрытием, на глубине 1,85 *м*, лежал скелет. В западном конце ямы стоял грушевидной формы сосуд с округлым дном (табл. VI, *7*), около него лежал крестец овцы и железный нож длиной 13,5 *см*, шириной 2 *см*. Возле черепа обнаружена железная шпилька длиной 17 *см*. Погребенный положен на спину, вытянуто, головой на запад. Справа от черепа найдены серьга из тонкой бронзовой проволоки в форме незамкнутой спирали и пастовая бусина цилиндрической формы. Справа у кисти руки находилось бронзовое зеркало (табл. I, *17*) в форме диска диаметром 9,5 *см* с тремя отверстиями у края. Под зеркалом лежала каменная, цилиндрической формы, длиной 7,2 *см*, поделка, приспособленная для сурьмления бровей (сурьма-таш).

Могильник Кзылауз III

В публикациях известен под № 29В. В могильнике исследовано 14 курганных погребений.

Курган 9. Диаметр 6 *м*, высота 0,80 *м*. В насыпи встречены истлевшие обломки дерева, в северной части под насыпью обнаружено зольное пятно, а в восточной — обломок лопатки человека и железный серповидной формы нож длиной 10,5 *см*, шириной 3 *см*. Под насыпью оказались две могильные ямы в форме удлиненных овалов, ориентированные с востока на запад. Южная яма — длина 2,10 *м*. ширина — 0,70 *м*. Севернее на 1,5 *м* располагалась другая яма длиной 2 *м*, шириной 0,70 *м*.

Северная яма. В западном конце, в завале камней, обнаружен обломок челюсти овцы. На глубине 1,20 *м* лежал скелет (1,65 *м*) женщины на спине, головой на запад, лицом на север. Возле черепа стоял сосуд баночной формы, ручной лепки, высотой 10,5 *см*, венчик прямой, его диаметр 12 *см* (табл. VII, *4*). Слева от костяка, выше локтевого сустава, обнаружены хвостовые позвонки овцы, на них лежали обломки железного ножа.

Южная яма. В восточном конце ямы у северной стены найдены мелкие обломки ребер и трубчатых костей рук человека, а также обломки истлевшего дерева. На глубине 1 *м*, в середине ямы, стоял кубковидной формы сосуд ручной лепки с прямым венчиком и круглой петлевидной ручкой. Высота сосуда 13 *см*, диаметр венчика 10 *см*, тулова — 12,5 *см*, дно округлое (табл. X, *15*). Возле сосуда лежали обломки черепа. Среди костей имелась костяная поделка с обломленными концами и отшлифованной поверхностью, длиной 7,8 *см*, диаметром 0,5 *см*.

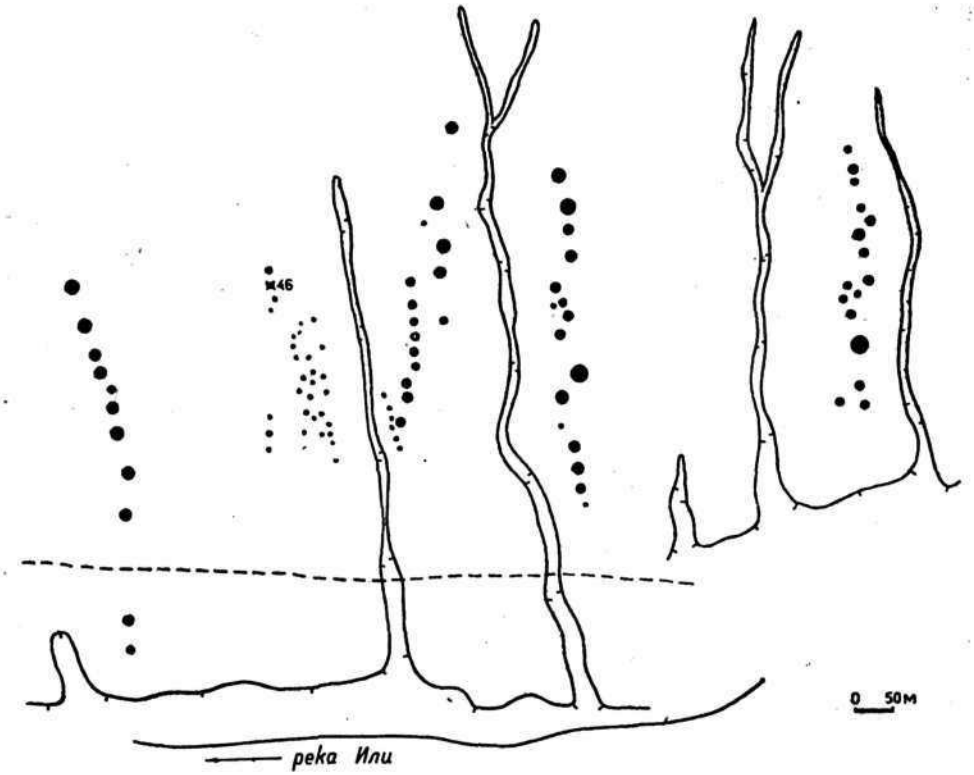


Рис. 11. План могильника Кзылауз III.

Курган 11. Диаметр 7 *м,* высота 0,36 *м,* в разрезе сфероидный, оплывший. У основания выложено кольцо из камней. На уровне поверхности обнаружены остатки истлевших бревен. Под ними оказались две могильные ямы, ориентированные с востока на запад. Южная яма — длина 2,38 *м,* ширина 0,70 *м,* северная — длина 2,24 *м,* ширина 1 *м.*

Южная яма. На глубине 0,90 *м* в западном конце стояло два сосуда. Один в форме низкой миски, диаметр 29 *см,* высота 11 *см,* дно 19 *см,* ручной лепки. У венчика с внешней стороны сделана каннелюра. Второй сосуд в виде небольшого горшка, диаметр венчика 10 *см.* Сосуды располагались справа от скелета, лежавшего на спине, головой на запад. Череп раздавлен, правая рука слегка согнута в локте. На костях левой ноги имеются следы перелома, зарубцевавшегося еще при жизни. Скелет принадлежал мужчине.

Северная яма. В западном конце обнаружено два сосуда — один в форме низкой миски, диаметр 21 *см*, раздавлен, внутри него были позвонки барана. Западнее первого стоял второй сосуд в виде кубка, диаметром 10 *см*, сделан из рыхлого теста с примесью песка (табл. VII, *2*). Оба сосуда ручной лепки. В яме в анатомическом порядке лежали лишь кости ног скелета, остальные были разбросаны. Скелет ориентирован головой на запад.

Курган 23. Диаметр 16,5 *м*, высота 1,66 *м*, в разрезе сфероидный. На насыпи выступали камни кольца диаметром 9 *м*. На глубине 1,50 *м* в середине кольца найдены обломок рога животного и камни, образующие надмогильную прямоугольную выкладку. На северной стороне ее обнаружены два фрагмента керамики из грубого с дресвой теста, красного цвета в изломе. Сосуд в виде кубка, с прямыми стенками. Под выкладкой встречены остатки истлевших бревен, перекрывавших могильную яму поперек с севера на юг. Длина ямы 3,30 *м*, ширина 1,50 *м*, ориентирована длинными сторонами с востока на запад.

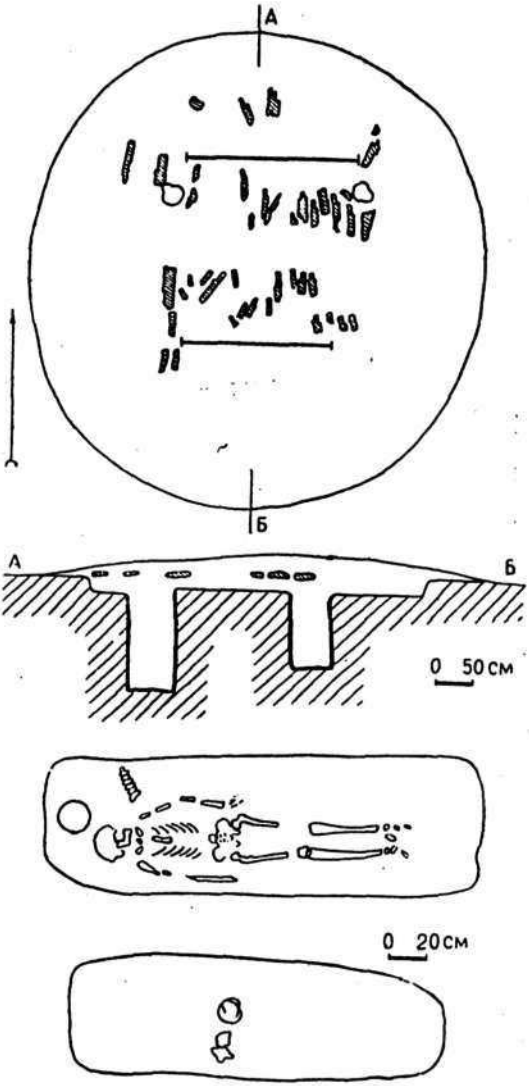


Рис. 12. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 9 могильника Кзылауз III.

В концах ямы по продольной оси стояло по одному врытому в дно ямы бревну, на которых покоились бревна, поддерживающие поперечное перекрытие. В западном конце ямы найдены хвостовые позвонки

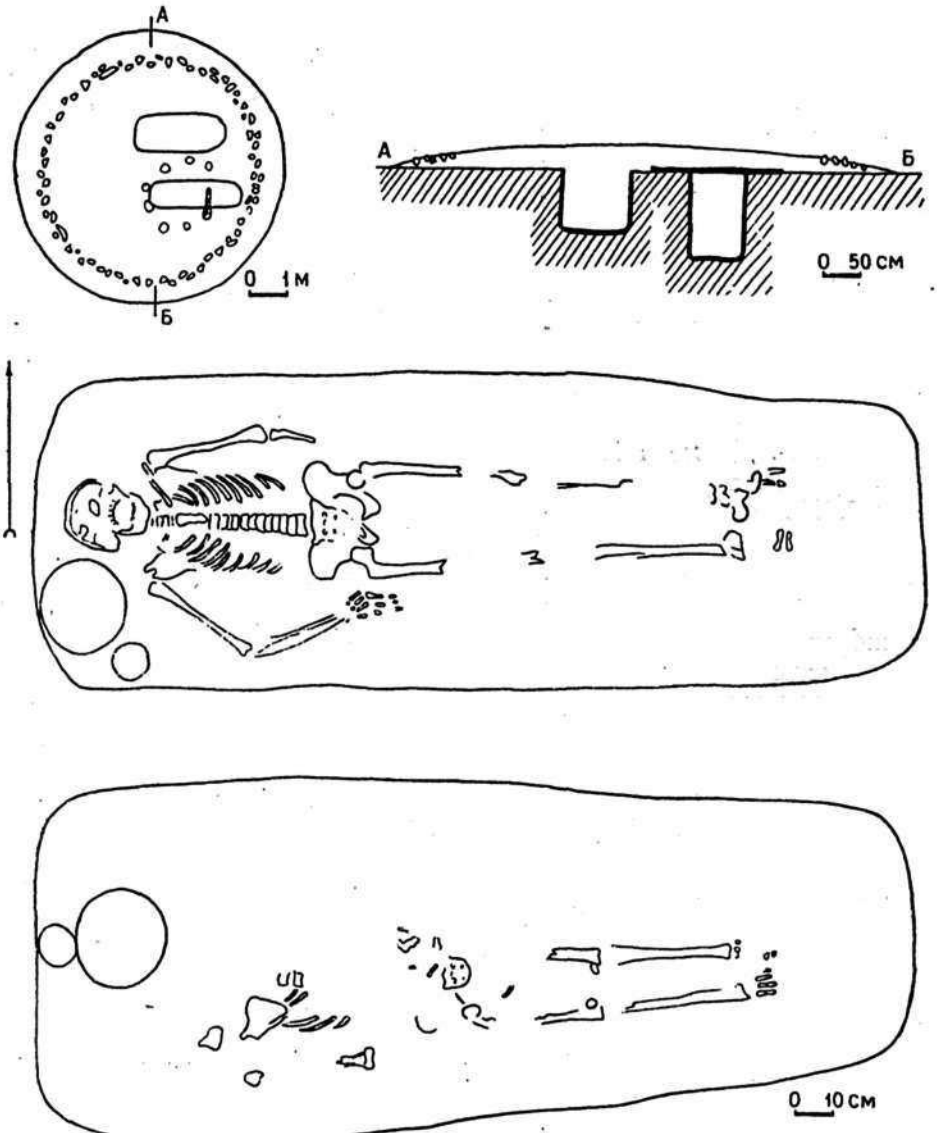


Рис. 13. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 11 могильника Кзылауз III.

овцы и обломок сильно коррозированного железного ножа. Скелет мужчины лежал на спине, головой на запад, руки и ноги вытянуты.

Курган 79. Диаметр 6 *м,* высота 0,38 *м,* в разрезе сфероидный. У основания имелось каменное кольцо, а на вершине — камни. Могильная яма длиной 1,85 *м,* шириной 0,70 *м* ориентирована с востока на запад. Севернее первой обнаружена вторая могильная яма длиной 1,60 *м,* шириной 0,6 *м,* также ориентированная с востока на запад.

Северная яма. В яме сохранились обломки истлевших бревен, лежавших параллельно северной стене. На глубине 1 *м* в западном конце находился череп, а рядом с ним крестец овцы из 9 позвонков, на котором найден железный нож длиной 10,3 *см.* Длина крестца 16 *см.* Скелет лежал на спине, головой на запад.

Южная яма. В западном конце обнаружены истлевшие бревна. На глубине 1,3 *м* найден крестец барана, на котором был железный нож длиной 10,5 *см,* шириной 1,5 *см.* Скелет лежал на спине, головой на запад, правая рука согнута в локте, кисть у таза. Справа и слева от костяка у бедра найдены бронзовые подвески. Длина их 6 *см.* Вероятно, они украшали пояс (табл. II, *14*).

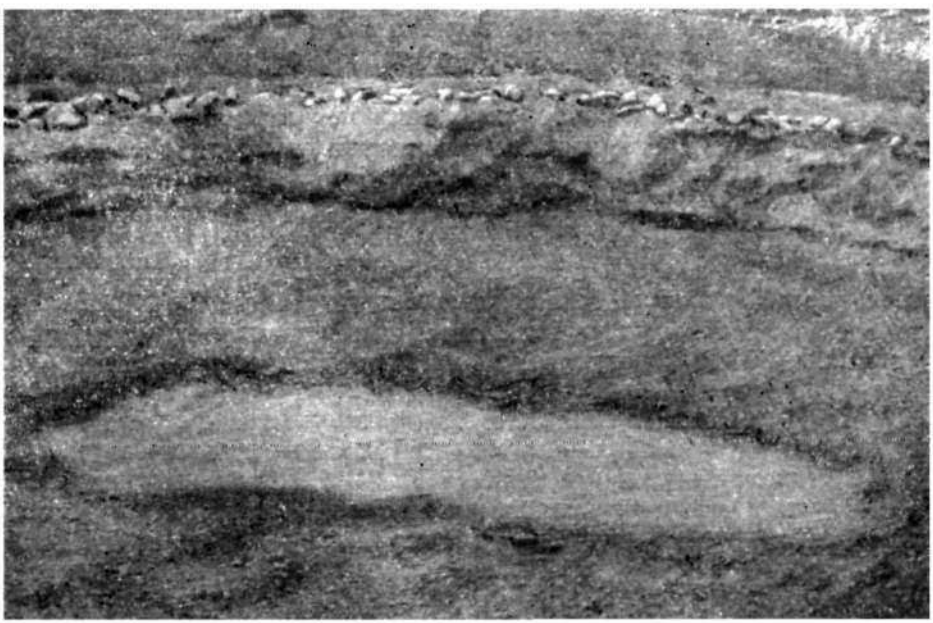


Рис. 14. Могильник Кзылауз III, курган 41, могильное пятно и кольцо-оградка на насыпи кургана.

Курган 82. Диаметр 8 *м*, высота 0,71 *м*, в разрезе сфероидный. В южной части насыпи в 2,5 *м* от основания расположено полукольцо из камней шириной 0,3 *м*. На глубине 0,45 *м* в восточной половине насыпи найдены обломки ребер, черепа, шейных позвонков, а в западной — истлевших бревен. В середине полукольца обнаружены две могильные ямы — северная и южная, ориентированные с востока на запад.

Северная яма длиной 1,5 *м*, шириной 0,60 *м*. В ней найдены остатки трех бревен от перекрытия. На глубине 1,1 *м*, в западном конце стояло два сосуда. Один — в форме широкой миски (табл. IV, *4*), диаметром 22,5 *см*, высотой 8,5 *см*. В нем находились крестец барана и железный нож. Второй сосуд имеет форму высокого кувшина с узкой горловиной (табл. IV, *4*), высота 11,5 *см*, диаметр венчика 6 *см*, тулова — 10 *см*. Рядом с сосудами лежали обломки черепа и кости скелета. В восточной половине ямы обнаружены часть таза, кости нижних конечностей. Судя по сохранившимся in situ костям, скелет лежал головой на запад. Железный нож плохой сохранности, с притупленной спинкой, длина его 10 *см*.

Южная яма. Длина 1,6 *м*, ширина 0,6 *м*, в западном конце ее найдено несколько ребер, обломки черепа, плечевой кости и ключицы скелета. На глубине 1,15 *м* обнаружены кости скелета и остатки пяти истлевших бревен, лежавших поперек ямы. В западном конце найден бронзовый предмет в виде усеченного конуса диаметром широкой части 2,7 *см*, узкой — 1 *см*. По сохранившимся в восточном конце ямы костям ног можно предположить, что скелет лежал головой на запад.

Могильник Унгур-Кора I

Он находится в 83 *км* от пос. Илийска, вверх по течению реки, на верхней надпойменной террасе правого берега, выявлен в 1954 г. Состоит из трех самостоятельных групп «А», «Б», «В», расположенных друг от друга в 200—300 *м* и разделенных широкими оврагами — промоинами. Центральной частью является группа «А».

Группа «А». Насчитывает 32 кургана, тянущихся с севера на юг на 350 *м*, а с запада на восток — на 100—120 *м*. Они расположены компактно. Хорошо видны отдельные цепочки по 3—4 кургана в каждой. В северной и южной частях комплекса находятся небольшие курганы, а в середине — крупные. Диаметры их от 2 до 12 *м*, высота — от 0,05 до 1 *м*. Насыпи состоят из лёсса с примесью щебенки. Большинство курганов имеет кольца из камней. В 1957 г. раскопано девять погребений, расположенных в северной части группы.

Группа «Б». Расположена восточнее предшествующей на 250 *м* и состоит из трех цепочек по 5—6 курганов в каждой, разбросанных на

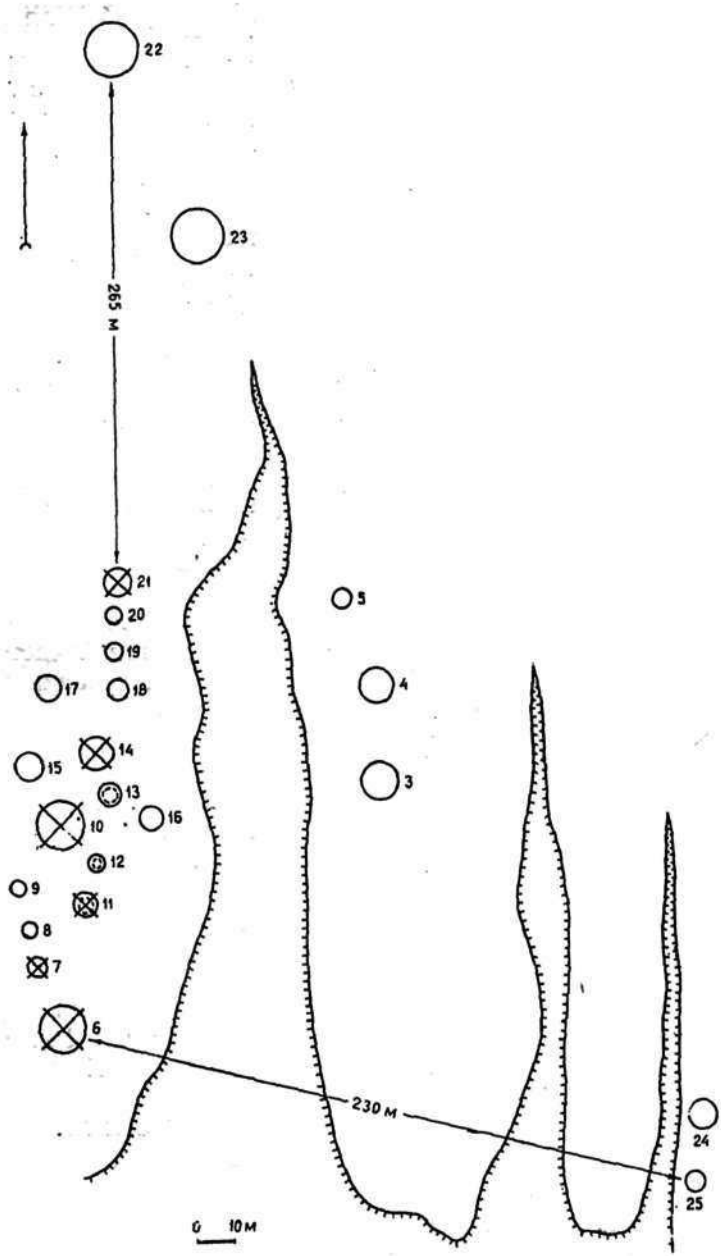


Рис. 15. План могильника Унгур-Кора I, группа «Б».

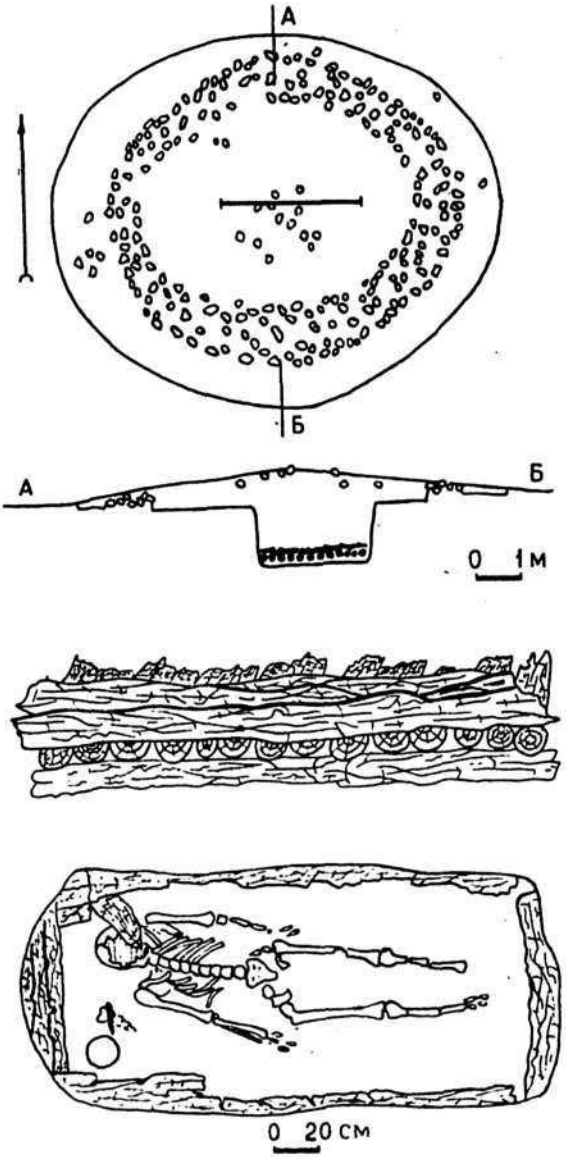


Рис. 16. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 21 могильника Унгур-Кора 1.

площади с севера на юг на 700 *м*, с запада на восток — до 200 *м*. Все цепочки ориентированы с юга на север. В группе насчитывается 21 курган, диаметром от 3 до 14 *м*, высотой от 10 *см* до 1 *м*. В юго-западной и южной частях группы расположены небольшие курганы, в северной части — крупные, высотой 1 *м*, диаметром 14 *м*. Насыпь из лёсса и щебенки. В 1957 г. в группе раскопано три погребения.

Группа «В» расположена в 500 *м* западнее группы «А», состоит из 22 курганов, занимающих площадь с севера на юг 300 *м* и с запада на восток — 150 *м*. В юго-западной части выявлено 16 погребальных сооружений, отличающихся компактностью, остальные курганы группируются по 2—3. В 1957 г. раскопано четыре погребения в разных местах. Центральная часть группы представлена двумя цепочками по 4 кургана в каждой. Остальные курганы — 8 — резко отличаются размером и планировкой. В могильнике Унгур-Кора I раскопано 17 курганных погребений.

Курган 21. Диаметр с запада на восток 10 *м*, с севера на юг — 8 *м*, высота 0,63 *м*, в плане овальный, в разрезе сфероидный. На

вершине, имелось скопление камней. На насыпи проступало кольцо из камней диаметром с востока на запад 6 *м*, а с севера на юг—4,3 *м*, шириной 1,1 *м*. Могильная яма длиной 2,4 *м*, шириной 1 *м*, в форме удлиненного прямоугольника, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,9 *м* обнаружены остатки 7 истлевших бревен длиной до 2,2 *м*, диаметром 10—15 *см*, положенных вдоль. Под ними находился ряд поперечно положенных бревен длиной до 1 *м*, диаметром в 10 *см*, плотно уложенных друг к другу. Под бревнами наката лежал мужской скелет на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. У южной стены ямы на одной линии с черепом стоял сосуд в форме кувшина со слегка отогнутым наружу венчиком и выпуклым дном (табл. VI, *6*). Между кувшином и черепом скелета располагались хвостовые позвонки овцы, на которых находился небольшой железный нож. Скелет и инвентарь лежали в раме из бревен в один венец, перекрытой накатом из коротких бревен, положенных поперек; сверху по длине ямы были уложены продольные бревна.

Курган 22. Диаметр 7 *м*, высота 0,53 *м*, форма округлая, слегка оплывшая. В насыпи на глубине 0,2 *м* найдены три фрагмента тулова сосуда со следами копоти на внешней поверхности. Тесто сосуда в изломе красного цвета с примесью мелкого песка. У основания кургана имелось кольцо из камней шириной до 0,3 *м*, в середине его обнаружены остатки истлевших бревен, лежавших с севера на юг. Бревна перекрывали могильную яму, ориентированную с востока на запад.

Могила длиной 2,9 *м*, шириной 0,9 *м*. В яме сохранились обломки бревен, вместе с ними встречаются фаланги кисти руки и плюсны ног, обнаружен также небольшой обломок сосуда. На глубине 1,6 *м* лежал скелет женщины, погребенной на спине, вытянуто, головой на запад. Западнее черепа найден прямоугольной формы кусок мела (вероятно, косметического назначения, табл. I, *16*). Рядом стояло два сосуда. Один в форме миски (табл. IV, *1*), другой — круглодонный кувшин (табл. VI, *8*). Последний обожжен неравномерно и сделан из теста с большой примесью песка. Высота его 15 *см*, диаметр тулова 13 *см*, диаметр венчика 10 *см*. Миска из теста плохого промеса с примесью песка, диаметр 24 *см*, высота 9 *см*. В миске лежали позвонки барана и железный нож длиной 9 *см*, шириной 13 *мм*. Справа от черепа найдены обломки железной шпильки с круглой головкой.

Курган 23. Диаметр 7,5 *м*, высота 0,5 *м*. По основанию выступали мелкие камни, образующие кольцо. Могильная яма ориентирована с востока на запад, овальной формы, длиной 3 *м*, шириной 0,85 *м*. На глубине 0,56 *м* сохранились четыре истлевших бревна, положенных вдоль. Под ними обнаружены еще два, лежавших на двух поперечно положенных бревнах: одно в западном, другое — в восточном конце ямы. В западном конце стоял сосуд в форме кувшина, высотой 14,5 *см*,

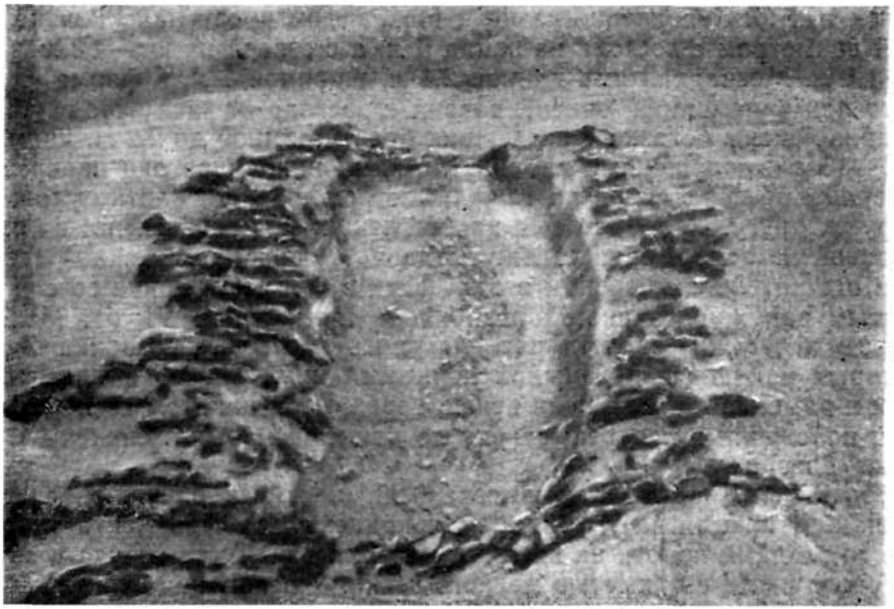


Рис. 17. Могильник Унгур-Кора I, перекрытие могильной ямы в кургане 22.

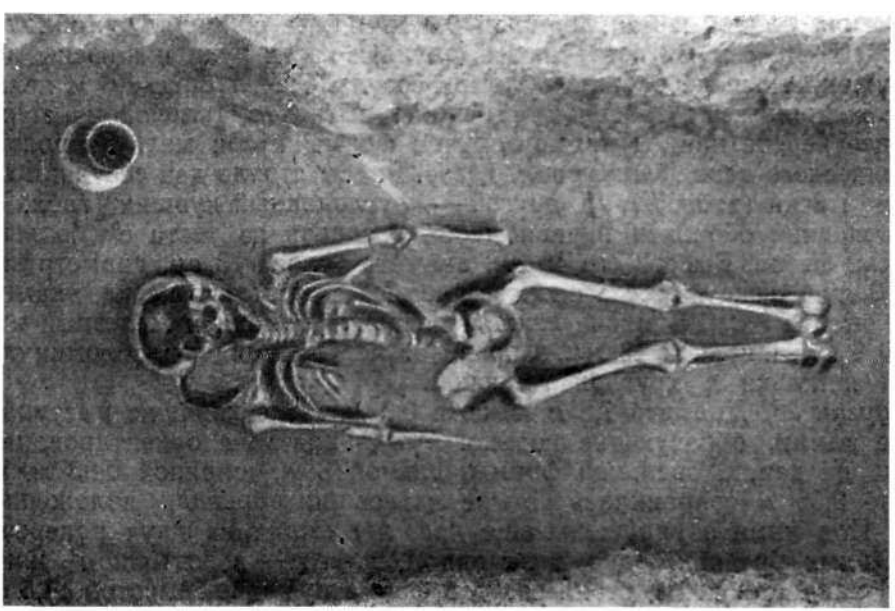


Рис. 18. Могильник Унгур-Кора I, скелет в кургане 13.

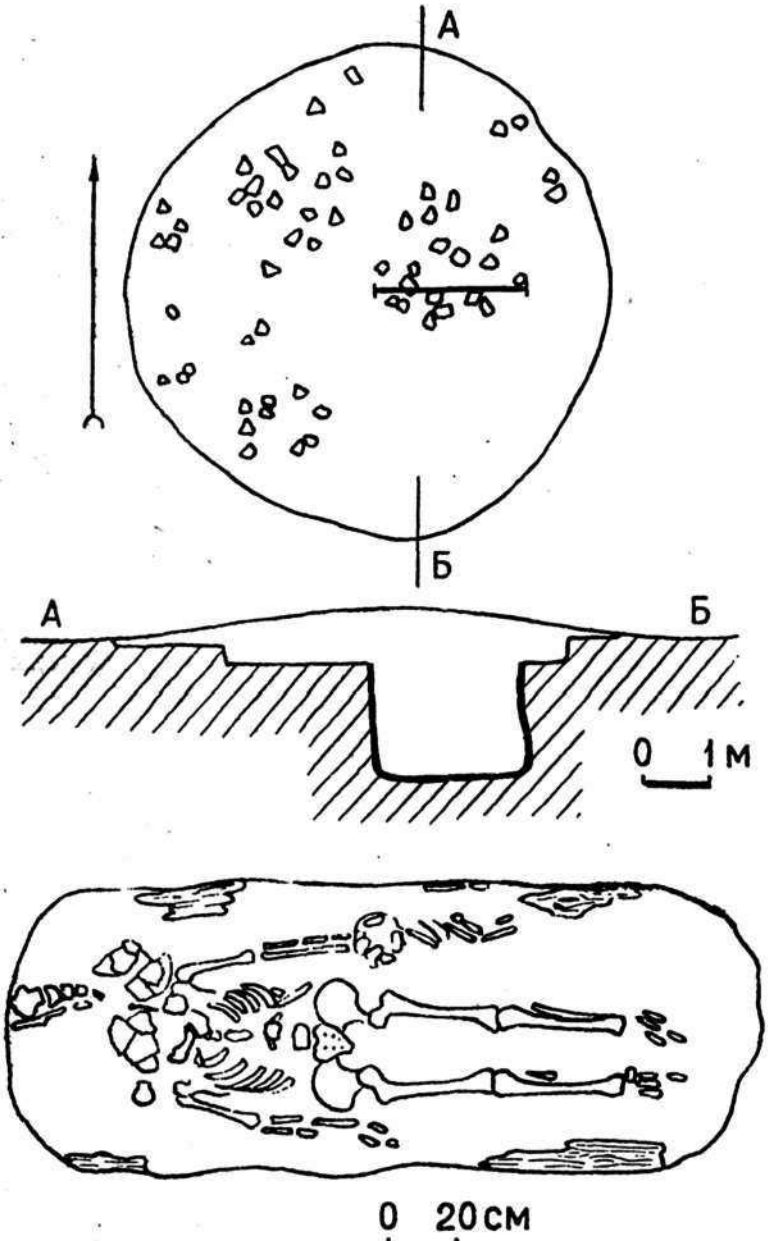


Рис. 19. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 28 могильника Унгур-Кора I.

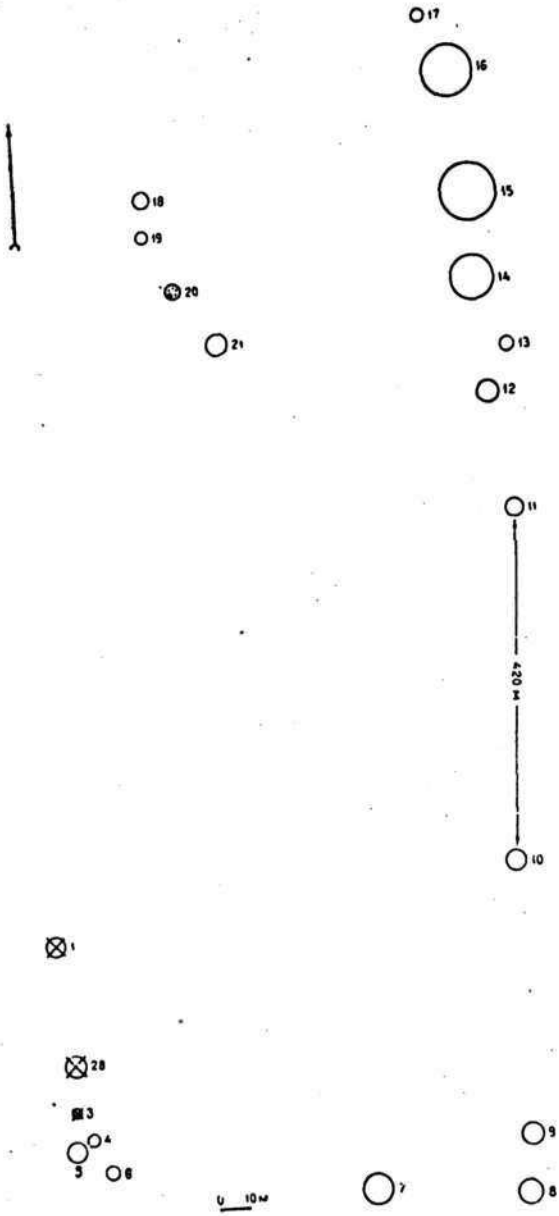


Рис. 20. План могильника Унгур-Кора I, группа «В».

диаметр венчика 8,5 *см*, тулова — 12 *см* (табл. VI, *3*). На глубине 1,1 *м* в яме лежал скелет мужчины на спине, головой на запад, кости рук вытянуты вдоль туловища.

Курган 28. Диаметр 7 *м*, высота 0,40 *м*. По основанию — кольцо. Яма ориентирована с востока на запад, длина 2,2 *м*, ширина 0,80 *м*. На глубине 1,36 *м* вдоль ямы положены два бревна длиной 2,2 *м*, диаметром 15—20 *см*. На глубине 2 *м* лежал скелет женщины на спине, головой на запад, с раздавленным черепом. Рядом с ним был скелет ребенка, положенный на правый бок. Слева от черепа женщины найдены железный нож и крестец овцы, раздавленный кувшин с орнаментом в виде волнистых линий (табл. VI, *1*), нанесенных черной краской сверху вниз (ко дну). Между сосудом и черепом обнаружены железная шпилька, железная обойма, кольцо и бронзовая серьга спиралевидной формы. Между левым плечом скелета и черепом лежало бронзовое зеркало в форме круглого плоского диска с трапециевидной ручкой и прямоугольным отверстием в ней (табл. I, *13*). Справа от черепа найден маленький косметический сосудик с засох-

щей краской (табл. I, *12*), а у правого виска—вторая бронзовая серьга (табл. I, *6*). На шее оказались различные бусы (табл. III, *3, 6*): мелкий, пастовый бисер (112 шт.), пастовые бусины средней величины (13 шт.); мелкие сердоликовые бусины (18 шт.); плоская, покрытая глазурью бусина; сердоликовые бочковидной формы бусины (2 шт.); цилиндрические сердоликовые бусины (6 шт.).

Курган 33. Диаметр 6 *м*, высота 0,35 *м*. В насыпи найдены фрагменты раздавленного сосуда. Могильная яма длиной 2,1 *м*, шириной 0,8 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,8 *м* лежал скелет женщины на спине, головой на запад. Слева от черепа стояло два сосуда — один в форме кубка, высота 9 *см*, диаметр 15 *см*, дно округлое, другой — в виде низкой широкой миски (табл. IV, *2*), высота 9 *см*, диаметр венчика 24 *см*. В миске находились хвостовые позвонки овцы, а на них лежал железный нож. Под черепом найдена часть серьги в виде спирали с бусиной из пасты.

Могильник Бесшатыр II

Могильник выявлен в 1954 г., расположен в 101 *км* вверх по течению р. Или, на верхней надпойменной террасе, на 3 *км* юго-восточнее Большого Бесшатырского могильника. Могильник состоит из трех самостоятельных групп («А», «Б», «В»), отделенных друг от друга на 150—300 *м* промоинами и оврагами, образованными паводковыми талыми водами. Все курганы имеют сфероидную форму и сооружены из лёсса и щебенки.

Группа «А». Самая западная в могильнике и состоит из 14 курганов, расположенных цепочкой с севера на юг. Общая протяженность группы с севера на юг до 200 *м*, а с запада на восток — 100 *м*. Диаметр насыпей 6—12 *м*, высота 0,3—0,7 *м*. В 1957 г. в группе раскопано 4 погребения: два в северном конце и два в средней части. Два из них имеют кольца у основания.

Группа «Б» расположена в 150 *м* восточнее группы «А» и тянется цепочкой с севера на юг на 400 *м*, с запада на восток — до 80 *м*. В группе 20 курганов, диаметр их от 7 до 20 *м*, высота 0,3—1 *м*. У каждого кургана имеется каменное кольцо, выложенное в 3—4 *м* вокруг основания насыпи. В 1957 г. в группе раскопано 4 погребения, расположенных в центре цепочки.

Курган 3. Диаметр 8 *м*, высота 0,5 *м*. На древнем горизонте обнаружены истлевшие остатки деревянных жердей диаметром 6—12 *см*. Могильная яма имеет форму удлиненного овала, ориентирована с востока на запад, длиной 2,5 *м*, шириной 0,5 *м*. На глубине 0,7 *м* в западном конце стоял глиняный сосуд ручной лепки, баночной формы, высо-

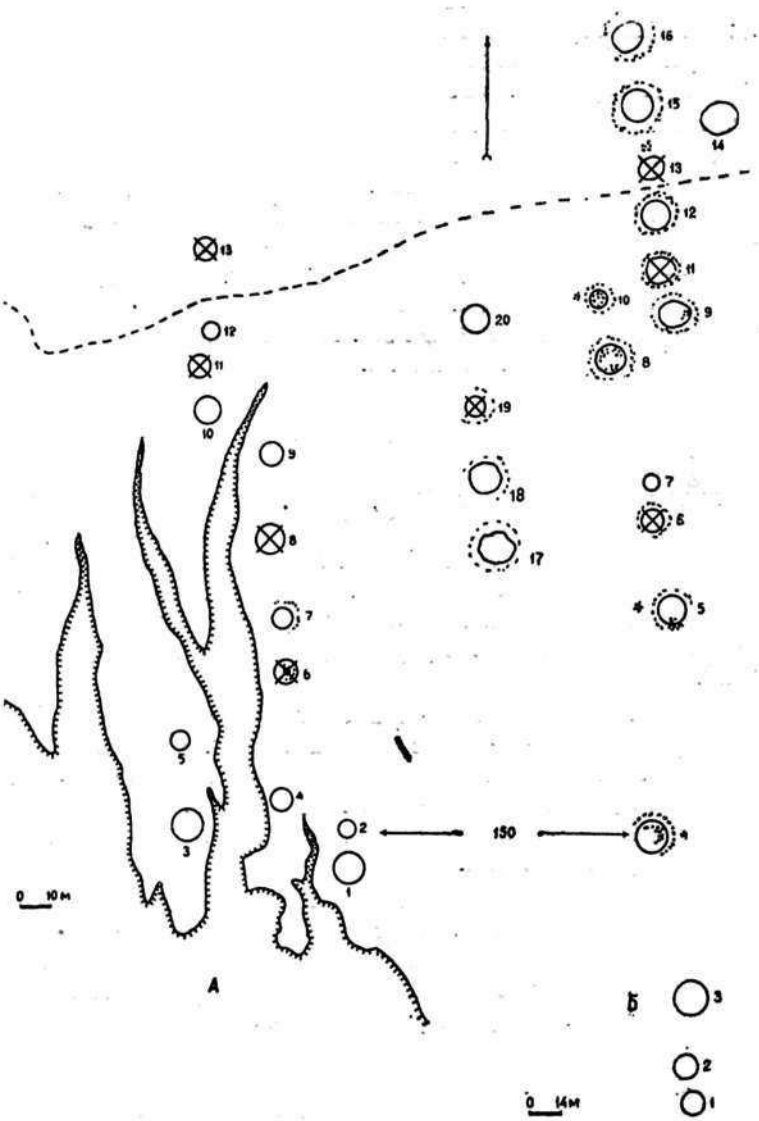


Рис. 21. План могильника Бесшатыр II, группы «А», «Б».

той 10 *см*, диаметр венчика 10 *см*, тулова — 12,5 *см*. Череп раздавлен, в восточном конце ямы in situ находились кости ступней ног. В западном конце ямы найдены два обломка бронзовой иглы.

Курган 6. Диаметр 9 *м*, высота 0,72 *м*, на насыпи имеется один ряд камней. Могильная яма овальной формы, в ней обнаружен фрагмент толстостенного сосуда. На глубине 1,55 *м* найден в беспорядке скелет человека; в куче лежали отдельные позвонки, обломки черепа. В середине ямы остались позвонки, раздавленный таз, в восточной половине in situ сохранились лишь кости ног. В западном конце ямы среди костей обнаружены обломки оснований бронзовых бляшек с небольшими штырьками для закрепления на одежде или ремнях.

Курган 11. Диаметр 7 *м*, высота 0,55 *м*. Могильная яма в виде удлиненного овала, длиной 2,45 *м*, шириной 1 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,9 *м*, в восточном конце, найдены два обломка бедренных костей человека и рог животного. Здесь же стоял сосуд в форме низкой миски диаметром 22 *см* (табл. IV, *3*). В нем находился железный нож плохой сохранности, длиной 14,5 *см*. Скелет человека лежал в анатомическом порядке. Погребенный захоронен на спине, вытянуто, головой на запад. Справа и слева от черепа и на груди найдены сердоликовые и агатовые бусины (17 шт.) различной формы, образующие оригинальное ожерелье (табл. III, *5*). Собрано 8 агатовых и 9 сердоликовых бусин разной формы: квадратной, цилиндрической, в виде трехгранного наконечника стрелы и 8 круглых пастовых бусин. Пастовые бусины были обнаружены также у запястья кисти правой руки.

Все погребения описанных могильников, как показывает инвентарь, характер и типы погребальных сооружений, конструктивные особенности надмогильных памятников — насыпи и, наконец, своеобразная планировка курганов цепочками, очень близки между собой.

Например, 9 курганов могильника Капчагай III сближает следующее: все сооружения имеют у основания или на насыпи кольца из камней; все грунтовые могильные ямы ориентированы с юго-востока на северо-запад, скелеты положены вытянуто, на спине, головой на северо-запад.

Но основное сходство у них в инвентаре. Оно обнаруживается и при сравнении с инвентарем погребений из Южной Сибири, Алтая и Казахстана. Найденный в кургане 18 глиняный кувшин с шаровидным туловом и высокой узкой горловиной почти аналогичен сосуду, обнаруженному в кургане 2 могильника у устья р. Арагола на Алтае, датируемого С. И. Руденко III—I вв. до н. э.[2]

Бронзовый нож из ограды 21 и железные ножи из других погребе-

---

[2] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время..., стр. 15, табл. XVII, рис. 1.

ний могильника Капчагай III отличаются притупленной спинкой клинка, незаметно переходящего в рукоять. Эта особенность присуща бронзовым ножам и более раннего периода. Они повторяют формы, бытовавшие в конце IV в. до н. э.[3]

Более широкую аналогию имеют бронзовые спиральные серьги, обнаруженные в курганах 2, 24, 35. Серьги подобной формы встречены в памятниках Южной Сибири, Алтая и других районов. Сережки спиральной формы из бронзовой проволоки широко распространены в погребениях конца первого тысячелетия до нашей эры. По форме — полтора оборота, они, по-видимому, восходят к более ранним формам и близки к височным подвескам эпохи бронзы.

Наиболее ранним прототипом наших серег является золотая серьга из южного кургана у озера Б. Чебачье[4], относимого к IV в. до н. э. Наиболее близки по форме, технике изготовления и размерам илийским бронзовым серьгам серьги из Каракольского кургана у с. Туэкты, датируемого III—II вв. до н. э.[5] Подобные серьги с различными подвесками широко представлены и в памятниках первых веков нашей эры[6].

Сопоставляя типы золотых и бронзовых сережек с сопредельных территорий с типами из нашей коллекции, можно сказать, что спиралевидные серьги в Илийской долине бытуют со второй половины первого тысячелетия до нашей эры.

Железные шпильки из могильника Капчагай I имеют аморфную форму. Несмотря на это, все они повторяют форму шпилек-булавок из более ранних памятников. Очень близка нашим шпилькам костяная шпилька-булавка из кургана 2 могильника Айдабуль II, датируемого серединой I тысячелетия до н. э.[7] Прямой аналогией нашим железным шпилькам является бронзовая шпилька из кургана 12 могильника 29Б, датируемого IV в. до н. э.[8]

Бронзовая пряжка-обойма с железным язычком из кургана 24 аналогична поясной обойме, но только без язычка, из кургана 6 могильника у с. Туэкты на Алтае.

Бронзовые зеркала, как из кургана 35, встречены во многих памят-

---

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, 1949, № 9, стр. 175, рис. 12.

[4] М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КС ИИМК, 1956, вып. 61, стр. 10.

[5] С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 19Г, табл. XXXII, рис. 9.

[6] Л. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник.— Известия АН КазССР, серия археологическая, 1950, вып. 2, стр. 120; Г. Г. Бабанская. Беккаринский могильник.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 203.

[7] К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Археология, 1959, стр. 21.

[8] «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, табл. III, рис. 66; К. Акишев. Саки Семиречья.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, табл. IV.

никах (в виде плоского диска с длинной ручкой). Наиболее ранним типом их было зеркало, найденное в Сукулуке и относимое к середине II тысячелетия до н. э.[9] Следующими по времени являются зеркала с ручкой из-под Кокчетава[10] и из второго Пазырыкского кургана[11], датируемые V в. до н. э. Одинаково с нашим зеркалом и наиболее близко в территориальном отношении зеркало из кургана 18 могильника Кула-Журга, датируемого III—II в. до н. э.[12], а также зеркало из кургана 7 могильника Кара-Швак (V—III вв. до н. э.)[13].

Полусферической формы чаша, обнаруженная в кургане 5, и костяной наконечник стрелы с расчлененным черенком из кургана 20 имеют аналогии в памятниках последней трети I тысячелетия до н. э.[14]

Эти сопоставления инвентаря из могильника Капчагай III с инвентарем памятников более раннего периода данной территории и из сопредельных районов позволяют датировать его началом III в. до н. э. — не позднее II в. до н. э., что подтверждает, по нашему мнению, преемственность материальной культуры саков и усуней. Об этом говорят также, как мы увидим в главе II, типы погребальных сооружений и обряд погребения.

Исследованные в могильнике Утеген III 8 курганов близки по инвентарю, по господству простых грунтовых могильных ям, ориентированных, как и скелеты, с востока на запад, по использованию дерева для перекрытия захоронения (курган 28) и, наконец, по планировке курганов в могильнике в целом. Эти особенности могильника Утеген III сближают его с Капчагаем III.

В четырех могильных ямах были найдены пять сосудов, бронзовая серьга спиралевидной формы, бронзовая пряжка-обойма от поясного ремня, в двух случаях — хвостовые позвонки баранов (крестцы). Четыре сосуда, исключая пятый из детского погребения, полусферической формы, т. е. с выпуклым дном, плавно переходящим в закругленное тулово с вогнутым венчиком. Три сосуда — чаши, один относится к типу низких широких мисок; все ручной лепки, выполнены ленточной техникой, один на матерчатом шаблоне. Полусферические чаши из курганов 16 и 27 аналогичны по форме, тесту сосудам с 24 участка Большого Ферганского канала, датируемым второй половиной I тысячелетия до

---

[9] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии..., табл. I.

[10] М. П. Грязнов. Указ. работа, стр. 9, рис. 1 *(3, 8)*.

[11] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М., 1953, табл. XXIX, рис. 4.

[12] С. С. Черников. Отчет о работе ВКАЭ, 1948 г. — Известия АН КазССР, серия археологическая, 1951, вып. 3, табл. VIII, рис. 5—6.

[13] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, рис. 42.

[14] С. И. Руденко. Указ. соч., табл. XXXV, рис. 2.

н. э.[15] Две другие чаши подобны керамике усуньского времени (III—I вв. до н. э.) из Берккаринского могильника[16]. Таким образом, эти погребения по полусферическим чашам можно отнести к III—II вв. до н. э. Не противоречат этой датировке и обнаруженные в кургане 16 обломки бронзовой серьги спиралевидной формы. Такие серьги, как мы уже указывали, начинают бытовать в IV—III вв. до н. э.

Широкая низкая миска из кургана 27 по форме, профилю закраины и тесту, как и полусферическая чаша из кургана 28, шаровидной формой и вогнутым венчиком повторяет форму сосудов из памятников более раннего периода. Миску из кургана 27 можно сопоставить с лепной керамикой из первой могилы кургана 17 Кунгайского могильника Ферганы[17]. В памятниках Средней Азии рубежа и начала нашей эры подобной формы сосуды почти не встречаются, очень редки они и в семиреченских курганах этого времени. Они попадаются обычно в памятниках более раннего периода. Так, по форме округлого дна, вогнутости венчика и тесту — отощитель мелкозернистый песок — чаша из кургана 28 является полной аналогией обломку сосуда из сруба кургана 6 могильника Бесшатыр[18].

Подобной формы полусферические чаши найдены в Актамском[19] и Кунгайском[20] могильниках. Например, горшочек с вертикальными ручками из могилы 7 кургана 7 могильника Кунгай полностью воспроизводит форму илийской полусферической чаши и отличается лишь отсутствием ручки. Сосуды подобной формы, встреченные в памятниках Илийской долины, отнесены к середине и второй половине I тысячелетия до н. э. Обнаруженный в кургане 6 железный нож повторяет форму более ранних бронзовых ножей. Он на конце ручки расширяется и как бы имитирует встречающиеся кольца на бронзовых ножах ранних памятников Алтая[21] и Южной Сибири. Если учесть, что этот нож полностью повторяет форму кольчатых бронзовых ножей, датируемых серединой I тысячелетия до н. э., а ножи более поздних погребений не имеют этой особенности, то его можно отнести к началу III в. до н. э.

Таким образом, приведенные аналогии сосудов, серег, железного

---

[15] В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве БФК.— Труды ИИА АН УзССР, т. IV, 1951, табл. II.

[16] Г. Г. Бабанская. Указ. работа, стр. 200, табл. VI.

[17] Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. «Археологический сборник». Л., вып. 3, 1961, стр. 177, рис. 5(7).

[18] К. Акишев. Полевой дневник САЭ, 1959 г. Архив ИИАЭ АН КазССР, Рукописный фонд.

[19] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-тамский могильник.— КС ИИМК. 1957, вып. 69, стр. 78—90.

[20] Н. Г. Горбунова. Указ. работа, стр. 184.

[21] С. И. Руденко. Указ. соч., табл. XXIII, рис. 56.

ножа позволяют датировать могильник Утеген III началом III—II вв. до н. э.

Курганные погребения из могильника Кзыл-Эспе, как видно из описания, содержали характерный для скифо-сарматского времени инвентарь и в то же время имели аналогичный двум предшествующим могильникам тип захоронения с устойчивой планировкой курганов в могильнике. Типичен и инвентарь из этого могильника.

В курганах 72 и 97 обнаружено по одному кувшину грушевидной формы с округлым дном и расширяющейся горловиной, завершающейся закругленной закраиной. Они изготовлены ручной лепкой на матерчатом шаблоне. Подобной формы сосуды широко распространены в погребениях второй половины I тысячелетия до н. э. и очень часто встречаются в памятниках Семиречья и Северной Киргизии.

Ближайшим их аналогом по форме и фактуре теста являются сосуды из второй могилы кургана I Каракольской группы, датируемой III—I вв. до н. э. Эту датировку курганов подтверждает и другой инвентарь: железные наконечники стрел, имитирующие форму скифских бронзовых стрел, известных уже в начале IV в. до н. э.[22] Мы также можем датировать наши погребения по сосудам и типу сооружений III — II вв. до н. э. Не противоречат этой датировке и аналогичные сосуды, несколько меньших размеров, из Чуйской долины, отнесенные А. Н. Бернштамом к III—II вв. до н. э.[23]

Бронзовые зеркала из курганов 89 и 97 представляют собой плоские диски. Зеркало из кургана 89 имеет ручку в виде прямоугольного выступа с закругленными углами и полуовальным отверстием в середине, а из кургана 97 без нее, но с краю есть три отверстия, в которых, несомненно, закреплялась деревянная ручка. Наиболее близким к зеркалу из кургана 97 является зеркало с ручкой из 13 кургана Караобинского могильника в Западном Казахстане, датируемого скифо-сарматским временем[24].

Второе зеркало аналогично зеркалам из курганов 4 и 9 того же Караобинского комплекса.

Спиралевидные бронзовые серьги (курган 97) встречаются в наших памятниках с середины I тысячелетия до н. э. Кстати, в кургане 9 могильника Кара-Оба у черепа погребенного были обнаружены подобные бронзовые серьги[25]. Это позволяет отнести илийские погребения к тому же периоду.

---

[22] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР..., стр. 174, рис. 41.

[23] А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., табл. XII, рис. 8.

[24] И. В. Синицин. Археологические исследования в Западном Казахстане.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Археология, 1956, стр. 138, рис. 13.

[25] Там же, стр. 125, табл. X; стр. 129, табл. XII.

Железные ножи с притупленной спинкой повторяют форму бронзовых ножей и не противоречат нашей датировке. Найденные в погребениях железные шпильки, бусы-бисер, уховертки, палочки для сурьмления бровей также позволяют датировать эти курганы тем же временем.

Исследованные в могильнике Қзылауз III погребения, как видно из аналогии, не выходят за пределы датировки первых трех могильников. Погребениям этого могильника присущи те же конструкции насыпи, т. е. каменные кольца, аналогичный тип могильных ям, одинаковая ориентировка как ям, так и скелетов, но главное сходство, даже синхронность, наблюдается в инвентаре.

Все сосуды этого могильника (6) близки по форме, профилировке закраин и выпуклости дна. Они изготовлены из теста с примесью мелкого песка и дресвы, обожжены на костре неравномерно, в изломе бледно-красного цвета, на внешних стенках следы копоти. Эти сосуды аналогичны сосудам из сопредельных территорий. Сосуд баночной формы с едва заметным уплощением дна из кургана 9 (северная яма) подобен сосудам из Қоштепинского могильника в районе Большого Ферганского канала[26], датируемого III—II вв. до н. э. Два низких кубка с петлевидными ручками на тулове из нашего кургана 9 (южная яма) и кургана 11 (северная яма) аналогичны по форме, размеру и материалу изготовления кубкам могильника 29Б, датируемого IV в. до н. э.[27]

Другой, полусферической формы, сосуд из южной ямы кургана 11 со слегка отогнутой закраиной схож по форме, технике лепки и фактуре теста с чашей из кургана 1 могильника Харгуш, датируемого III—II вв. до н. э.

Сосуды из кургана 82 (северная яма) — низкая широкая миска со сферическим дном, моделированной закраиной и узкогорлый, грушевидной формы кувшин с округлым дном и слегка развернутым устьем — не отличаются от сосудов подобной формы раннекангюйского времени из Хорезма. Аналогичная миска найдена на городище Қалалы-Гыр[28], другая подобная красноангобированная миска происходит из античного дома у Анган-Қалы[29].

Таким образом, приведенные аналогии позволяют датировать курганы и могильник Қзылауз III периодом III—II вв. до н. э.

Курганные погребения, исследованные в могильнике Унгур-Қора I, по типу могильных сооружений, по структуре насыпей и планировке в могильнике, но главным образом по характеру инвентаря относятся к культуре усуней того же периода, что и другие описанные могильники.

---

[26] В. Д. Жуков. Указ. работа, табл. VIII.

[27] К. А. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 214, табл. V, рис. 5.

[28] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода.— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959, т. IV, стр .92 рис. 9 *(14)*.

[29] Там же, стр. 108, рис. 17 *(26)*.

Сосуды из курганов 21, 22, 23 в виде высоких кувшинов с округлым дном и узкой суживающейся горловиной имеют близкие аналогии с сосудами из погребений сопредельных территорий Семиречья и Чуйской долины. Так, трем нашим сосудам подобен высокий кувшин из Чуйской долины, датируемый А. Н. Бернштамом III—II вв. до н. э.[30]

Четвертый кувшин подобной формы, найденный в кургане 28, отличается от первых трех орнаментом в виде извилистых линий, нанесенных черной краской от венчика по горловине к тулову. Ближайшей аналогией его является сосуд из Буранинской группы в Северной Киргизии, датируемый III—I вв. до н. э.[31] Не противоречит этой датировке и обнаруженное в данном кургане бронзовое зеркало в форме плоского круглого диска с трапециевидной выступающей ручкой. Подобные зеркала, как мы видели, бытуют в Семиречье в III — II вв. до н. э. Широкая миска, полусферическая чаша, также найденные здесь, подтверждают предлагаемую датировку. Обнаруженные в курганах 28 и 33 бронзовые спиралевидные серьги, железные ножи и шпильки из других погребений также позволяют отнести могильник к началу III — II вв. до н. э.

В отличие от описанных могильников курганные погребения могильника Бесшатыр II содержали гораздо меньше инвентаря. Поэтому за основу его датировки мы берем аналогичность планировки, типов могильных сооружений и конструкций насыпей с другими памятниками.

В четырех курганах этого могильника выявлены кольца. Обряд погребения обычно совершался в простых грунтовых ямах, перекрытых деревом. В них обнаружено 6 глиняных сосудов, в двух случаях — крестцы барана, один железный нож и оригинальный набор — ожерелье из разноцветных каменных и пастовых бус.

Керамические изделия погребений представлены в основном сосудами — низкими широкими мисками полусферической формы с вогнутым венчиком и моделированной закраиной, украшенной каннелюрами с внешней стороны, полусферическими чашами небольших размеров и кубками с петлевидными ручками, аналогичными найденным в могильниках Утеген III, Кзылауз III и Унгур-Кора I.

На основе этого могильник Бесшатыр II можно датировать III—II вв. до н. э.

Итак, особенности описанных могильников можно свести к следующим.

1. Строгая планировка цепочками с севера на юг по 5—6 курганов в каждой.

2. Сфероидной формы насыпи с камнями на вершине и каменными кольцами на ней и частично вокруг нее.

[30] А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., табл. X, рис. 1, 2.
[31] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 179.

3. Погребальные сооружения в основном — простая грунтовая яма, ориентированная с востока на запад, а также ямы, перекрытые бревнами, положенными вдоль и поперек, часто с надмогильной выкладкой из камней над ними.

4. Большинство сосудов с округлым дном. Тесто с примесью мелко-и крупнозернистого песка (дресва), т. е. примитивного домашнего производства.

5. Формы сосудов: узкогорлые кувшины, низкие широкие миски и полусферические чаши с вогнутыми венчиками, реже горшки ручной лепки, выполненные ленточной техникой на матерчатом шаблоне. Изредка встречаются сосуды с петлевидной ручкой и орнаментом.

6. По сравнению с сакским периодом в погребениях больше железных изделий, чем бронзовых. Но железные предметы еще сохраняют форму бронзовых. В большинстве погребений найдены кости барана (84%).

§ 2. Памятники I века до нашей эры — I века нашей эры

Могильник Утеген I, II

В публикации[32] известен под № 2, в могильнике исследовано 20 курганов, в некоторых из них обнаружен датирующий погребальный инвентарь. В 1954 г. были начаты раскопки одного большого кургана, однако ввиду сильного разграбления его и окончания срока полевых работ исследования прекратились. В нем были найдены обломки железного котла и кусочки железного обоюдоострого меча. В пяти курганах этого могильника обнаружен инвентарь.

Курган 3. Диаметр 12 *м*, высота 0,2 *м*, по краю выложено кольцо из камней, шириной 1,8 м. Могильная яма ориентирована с юго-востока на северо-запад, длина 2,40 *м*. Яма завалена камнями на 1,55 *м*, под ними обнаружены остатки камышового перекрытия. В подбое, сделанном под северной стеной, находился скелет мужчины, близкий к андроновскому типу, с брахикранным черепом. Скелет лежал на спине, головой на северо-запад, кости рук вытянуты вдоль туловища, череп разрушен. Слева от него найдены 4 астрагала овцы и крестец с бронзовым ножом (таб. II, *3*). Справа стоял глиняный сосуд с сосцевидным налепом (ручка), уплощенным дном, высотой 8,5 *см*, диаметром 11 *см*. Бронзовый нож — однолезвийный, длина 18 *см*, ширина 1—1,3 *см*. Подбой в северной стене начинался на глубине 1,40 *м*, его высота и ширина 0,5 *м*.

Курган 4. Диаметр 12 *м*, высота 0,18 *м*. Под дерновым слоем находилась каменная выкладка. Могильная яма длиной 2,95 *м*, шириной

[32] К. Акишев. Отчет о работе ИАЭ, 1954 г., стр. 8.

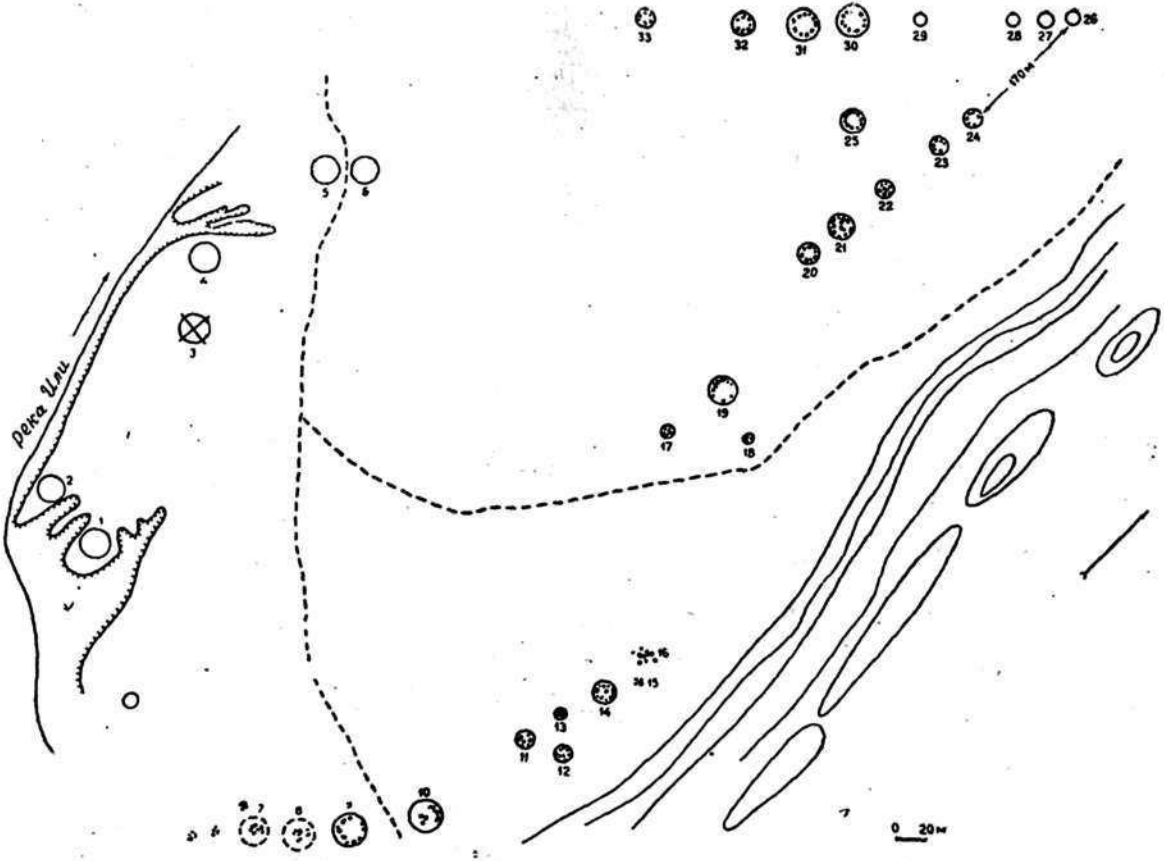


Рис. 22. План могильника Утеген I.

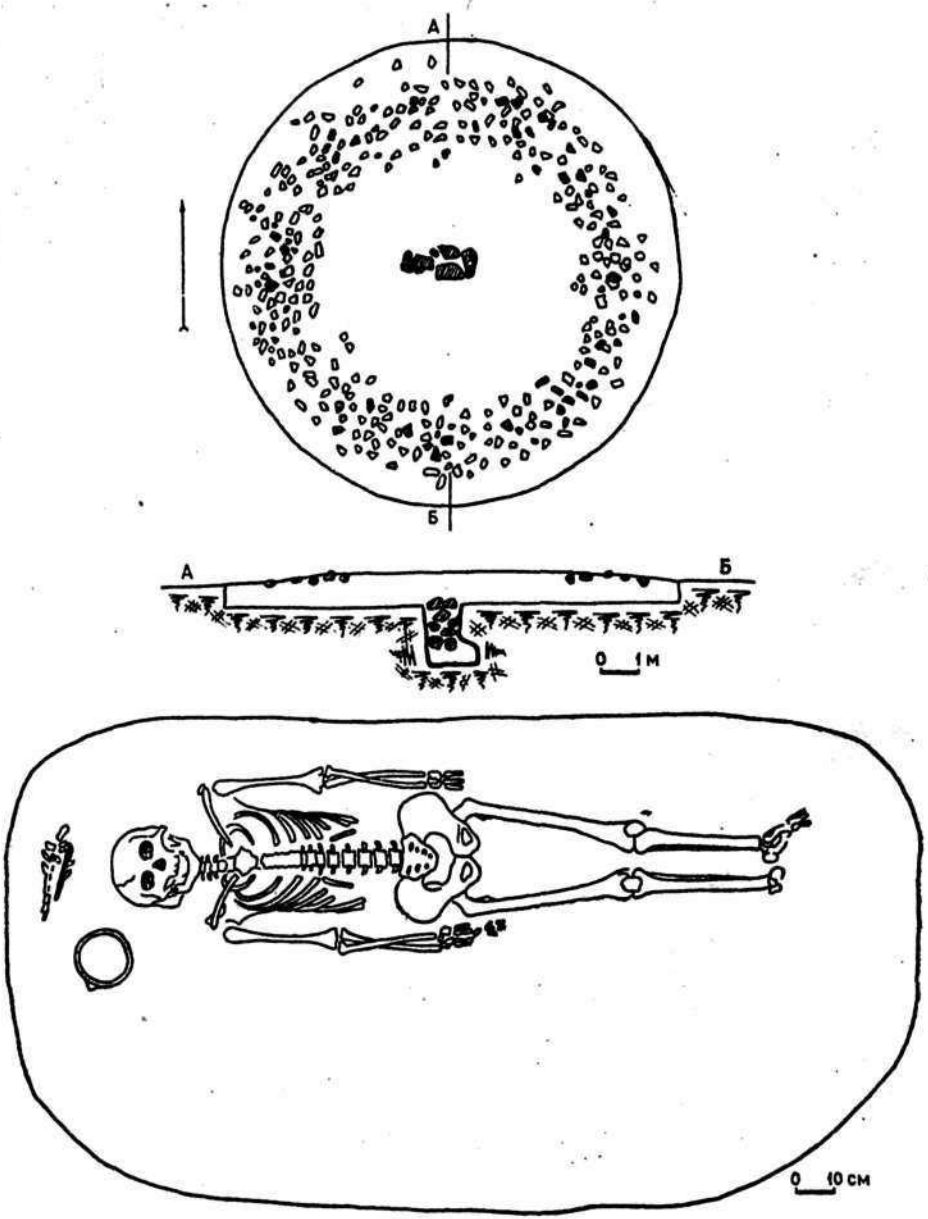


Рис. 23. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 3 могильника Утеген I.

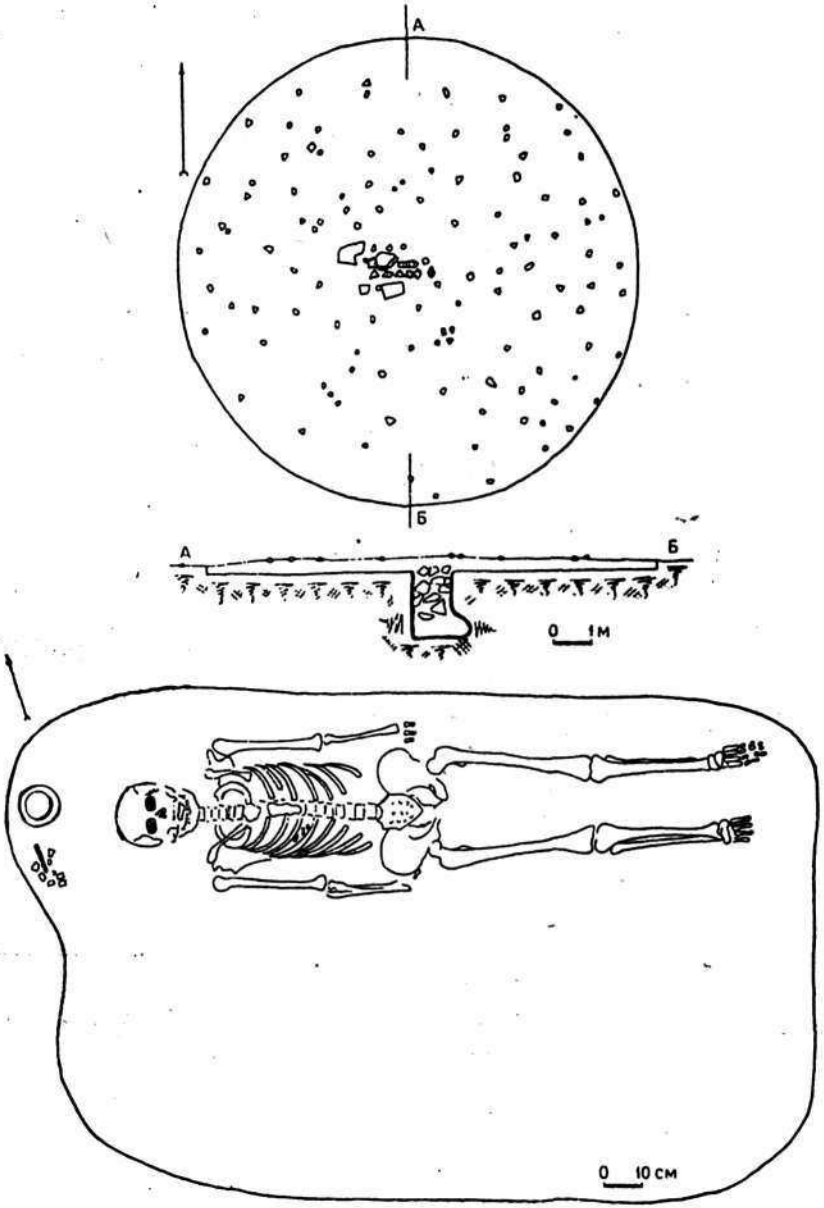


Рис. 24. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 4 могильника Утеген I.

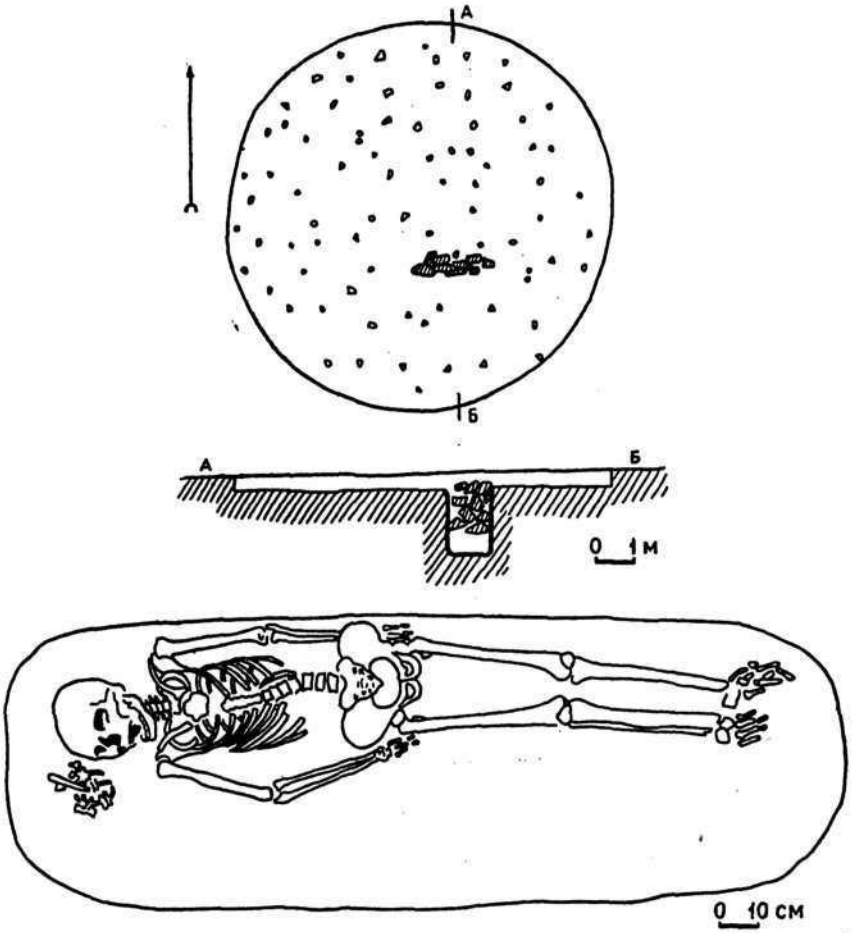


Рис. 25. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 5 могильника Утеген I.

1,30 *м*, ориентирована с юго-востока на северо-запад. На глубине 1,20 *м* в северной стене ямы сделан подбой, в нем найден скелет мужчины андроновского типа с мезокранным черепом. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад, длина скелета 1,70 *м*. Слева от черепа стоял сосуд в форме кувшина с плоским поддоном (табл. VI, *10*). Высота его 15 *см*, диаметр горловины 7,5 *см*, поддона 7 *см*. Рядом с сосудом обнаружен крестец овцы, на котором лежал железный нож (табл. II, *2*) длиной 14,5 *см*, шириной 1,5 *см*. Здесь же найдено 6 астрагалов.

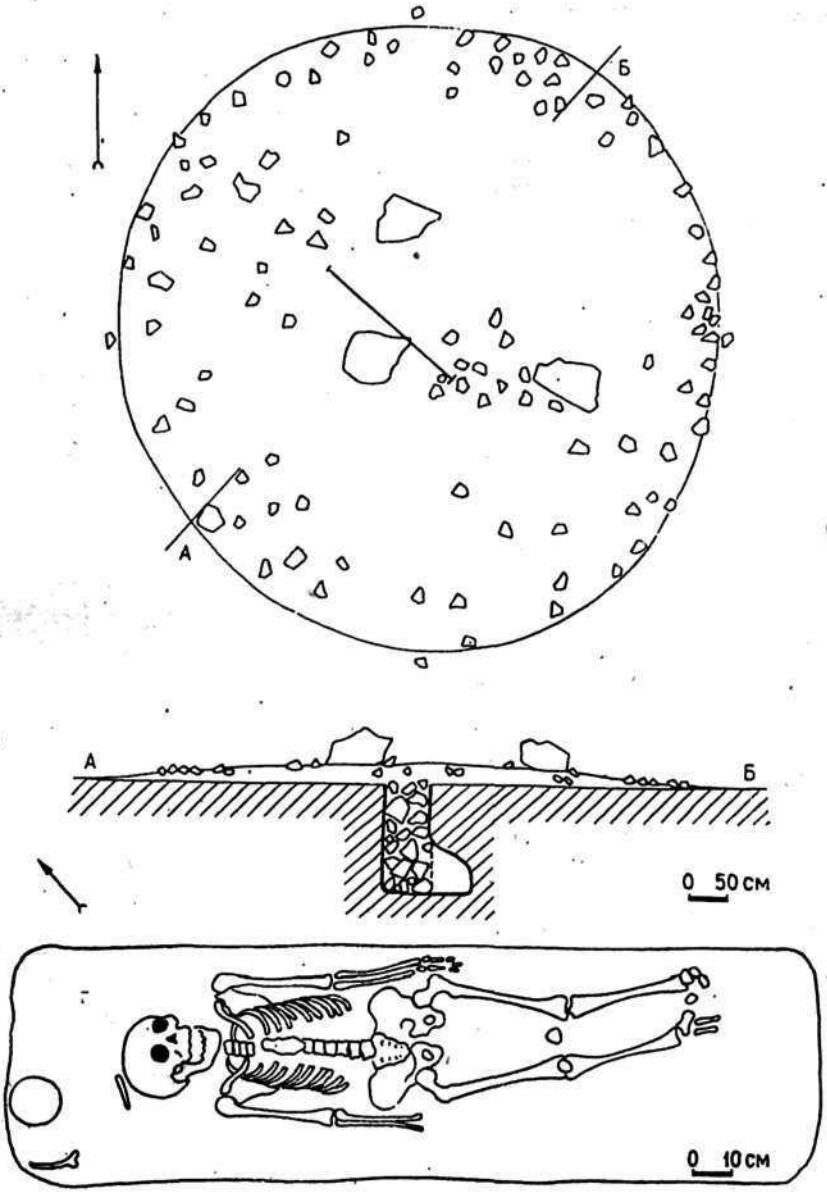


Рис. 26. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 67 могильника Утеген II.

Курган 5. Диаметр 10,5 *м,* высота 0,15 *м.* На поверхности обнаружена выкладка, ориентированная с запада на восток. Под выкладкой находилась могильная яма прямоугольной, с закругленными углами, формы, длиной 2,40 *м,* шириной 1 *м.* На глубине 1,88 *м* найдены кости скелета мужчины, положенного на спину, вытянуто, головой на запад. Череп повернут лицом на юг, правая рука согнута, кисть находится у бедра, длина скелета 1,70 *м.* Рядом с черепом, в западном углу, лежал крестец барана, а на нем — железный нож.

Курган 67. Диаметр 8 *м,* высота 0,27 *м.* По основанию насыпи выступают камни кольца. Могильная яма длиной 2,15 *м,* шириной 0,65 *м,* ориентирована с юго-востока на северо-запад. В северной стене ямы имелся подбой, дромос до глубины 1,25 *м* завален крупными камнями. В западном конце ямы стоял сосуд в форме кубка с уплощенным дном, сосцевидным налепом — ручкой — в верхней части тулова (табл. VII, *11*). Высота его 9 *см,* диаметр венчика 12,5 *см,* тулова 15 *см,* дна 8 *см.* В подбое лежал скелет женщины смешанного физического типа, близкого к андроновскому, с брахикранным черепом, на спине, вытянуто вдоль ямы, головой на северо-запад. Череп слегка повернут на север, длина скелета 1,40 *м.* Западнее черепа найден крестец барана, а на нем обломки железного ножа. Возле черепа обнаружено 18 круглых цилиндрических сердоликовых бусин и темно-оранжевая бусина в форме треугольной призмы, длиной 0,5 *см.* Под черепом найдена железная шпилька длиной 10,4 *см.*

Могильник Тайгак I

В публикациях[33] известен под № 25, выявлен в 1954 г., расположен в 64 *км* от пос. Илийск, вверх по течению реки, на верхней надпойменной террасе. Могильное поле вытянуто широкой полосой с северо-запада на юго-восток на 2,5 *км,* а с юго-запада на северо-восток — на 1 *км.* Могильник состоит из 25 лёссовых курганов с выкладками из камней. Размер надмогильных сооружений различный, диаметр также — от 6 до 30 и более метров, высота от 0,2 до 3,5 *м.*

Курганы имеют сфероидную и трапециевидную форму и размещены небольшими цепочками. В северо-западной части могильника цепочки насчитывают 5 курганов, ориентированных с севера на юг и растянутых на 900 *м* с разрывами между каждым в 150—300 *м.* Другая цепочка из 5 курганов, расположенных в 70—150 *м* друг от друга, находится в юго-восточной части могильника. Остальные большие курганы могильника расположены более компактно. Вокруг больших курганов в юго-восточной части имеются курганы меньших размеров, они расположены

---

[33] Там же, стр. 17—19.

бессистемно. На малых курганах на насыпи есть каменный «панцирь»— «рубашка», т. е. наброска. Часть курганов с каменными кольцами на насыпи шириной от 0,3 до 2 *м*.

В 1954 г. в юго-восточной части могильника раскопано 4 кургана. В 1958 г. работы продолжены. Всего в могильнике вскрыто 16 погребений. В 1959 г. был раскопан «большой» курган 12, диаметром 30 *м*, высотой 3,5 *м*. Чтобы ускорить процесс, в кургане с востока на запад была проложена траншея в 10 *м*. Остальные курганы (1А, 2Б, 4А, 15В, 16Б, 1, 3, 4, 5, 6, 4Б, 7, 6А, 17, 19) исследованы путем полного сноса насыпи.

Курган 1А. Диаметр 6 *м*, высота 0,5 *м*, в разрезе уплощенный. На насыпи обнаружен фрагмент толстостенного сосуда, а в насыпи несколько подобных обломков. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,80 *м*, ширина 0,75 *м*. В яме найдены два фрагмента керамики и обломок истлевшего дерева. На глубине 0,90 *м* лежал скелет, на спине, головой на запад.

Справа от черепа стоял горшок, высота 9 *см*, диаметр венчика 9,3 *см*, тулова — 12,5 *см*, дно округлое. Западнее черепа находился крестец овцы, в него был воткнут железный нож длиной 11 *см*. Под черепом найдены два обломка железной шпильки длиной 5,5 *см*, бронзовая проволочка длиной 14 *мм*, диаметром 1,5 *мм*. У шеи скелета обнаружены две бронзовые серьги в форме спирали. Слева в 15 *см* от черепа, лежал бесформенный кусок железного предмета. Между костями таза и ребрами найден обломок железа длиной 4,2 *см*, толщиной 5 *мм*.

Курган 15. Диаметр 8 *м*, высота 0,35 *м*. В насыпи обнаружены фрагменты чайникообразного сосуда с носиком и вогнутым поддоном, тесто рыхлое, с большой примесью песка. На поверхности в середине кольца расположена могильная яма; по краям ее встречаются остатки истлевшего дерева. Яма длиной 2 *м*, шириной 0,6 *м*, ориентирована с юго-востока на северо-запад. В ней обнаружены остатки истлевших жердей диаметром до 10 *см*, в середине найден обломок венчика сосуда, две бусины бирюзового цвета, цилиндрической формы.

В северной стене имелся подбой глубиной 20 *см*, а у южной, на дне ямы, был выступ шириной и высотой 15 *см*. В подбое лежал скелет женщины типа Среднеазиатского междуречья с брахикранным черепом, положенный на спину, вытянуто, головой на северо-запад. Череп повернут на север. Справа от него стоял разбитый глиняный сосуд с ручкой в виде сосцевидного выступа — налепа (табл. VII, *9*). Западнее черепа лежали хвостовые позвонки овцы, а рядом железный нож, длина 7 *см*, ширина в рукоятке 1,2 *см*, лезвия 0,5 *см*. Нож имел четко выраженный насадочный черенок, квадратный в сечении. Под шейными позвонками найдены 4 пастовые бусины, одна уплощенная, эллипсоидная.

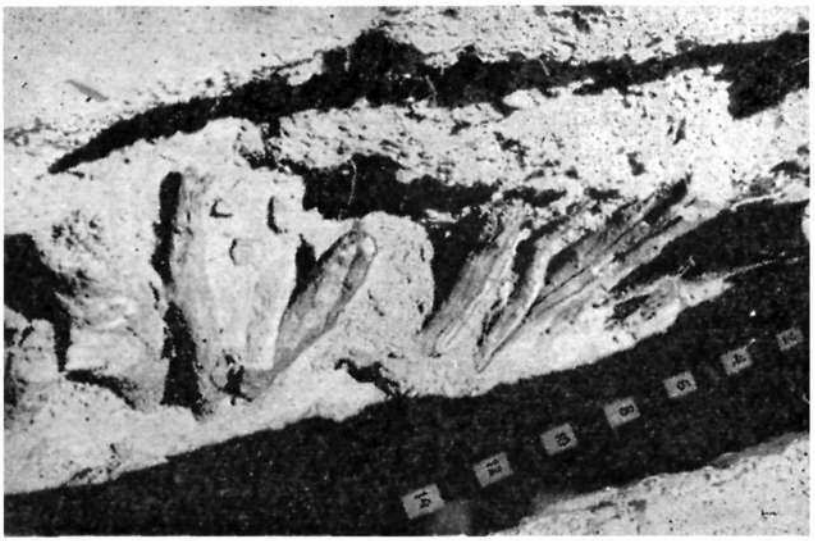


Рис. 27. Могильник Тайгак I, заставка подбоя кургана 15.

Курган 2Б. Диаметр 9 *м,* высота 0,60 *м,* сильно оплывший. Могильная яма длиной 2,60 *м,* шириной 0,9 *м,* в плане, прямоугольной формы, ориентирована с востока на запад. Она завалена крупными валунами. Вдоль северной стены ямы сохранились истлевшие бревна, поставленные наклонно. Под «заставкой» лежал скелет женщины типа Средне-азиатского междуречья с брахикранным черепом, захороненной на спине, вытянуто, головой на запад. Справа от черепа стоял сосуд с носиком. Внутри сосуда находились крестец барана, железный нож. Рядом стояла деревянная миска даиметром 18—20 *см,* высотой 7—9 *см.* У черепа найдено три типа бус — из камня, пасты и естественной породы, шаровидной формы, по цвету беловато-синие. Слева у черепа лежали железная шпилька и две бронзовые серьги в виде спирали.

Курган 4. Диаметр 6 *м,* высота 12 *см.* В насыпи обнаружены три фрагмента керамики. На уровне поверхности грунта выявлены могильные ямы — южная и северная.

Южная яма длиной 2,60 *м,* шириной 0,65 *м,* ориентирована с востока на запад. На глубине 0,76 *м* находились скелет и два сосуда. Скелет мужчины смешанного физического типа, с долихокранным черепом лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Один сосуд стоял между черепом и северной стеной ямы, внутри него были хвостовые позвонки овцы (табл. IV, 7). Второй, меньший сосуд (табл. V, *14*), лежал рядом.

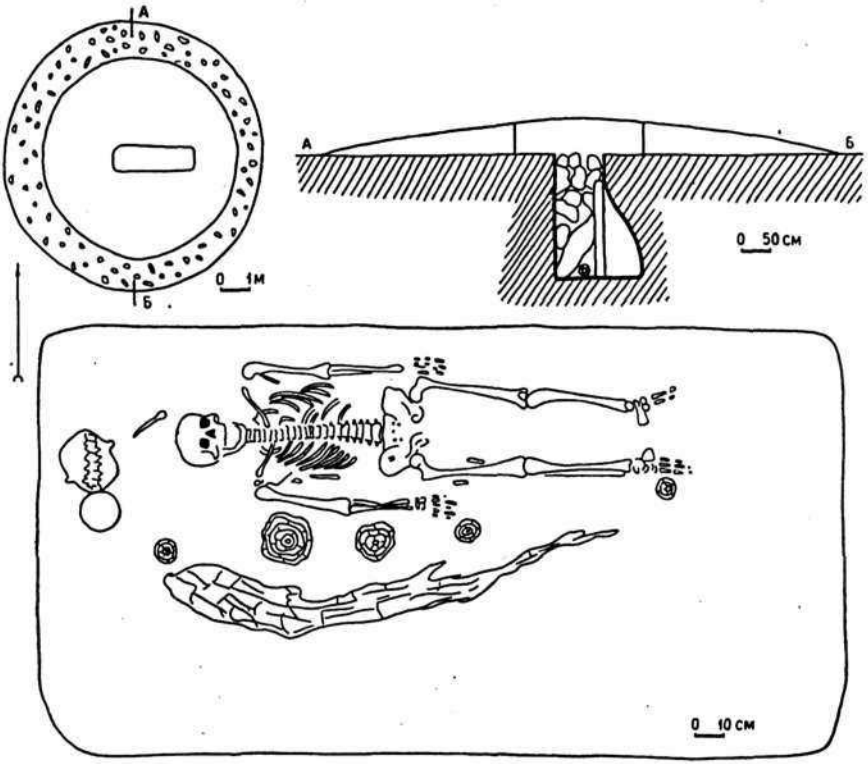


Рис. 28. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 2Б могильника Тайгак I.

Северная яма длиной 1,80 *м*, шириной 0,60 *м* ориентирована с востока на запад. На глубине 0,93 *м* обнаружены скелет и два сосуда. Скелет мужчины европеоидного типа, близкого к андроновскому, лежал на спине, головой на запад. Слева от черепа стояли два сосуда (табл. V, *17*); один из них — низкая миска, в ней были позвонки и крестец овцы (табл. IV, *8*).

Курган 3А. Диаметр 10 *м*, высота 0,4 *м*. С западной стороны на насыпи прослеживалось кольцо из камней. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2 *м*, ширина 1,1 *м*. Вокруг ямы сохранились остатки кострищ. Скелет находился в подбое северной стены, in situ лежали лишь кости ног, остальные были разбросаны грабителями. В яме была захоронена женщина типа Среднеазиатского междуречья.

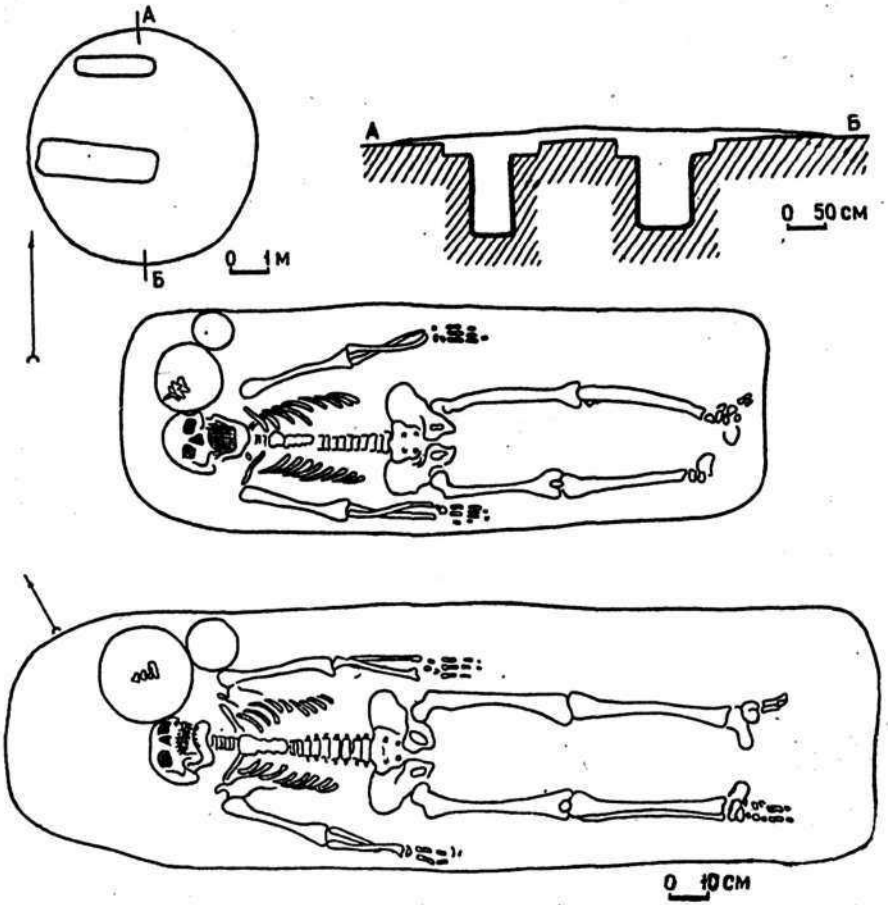


Рис. 29. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 4 могильника Тайгак I.

Среди навала костей найдены три обломка железной шпильки и раздавленный глиняный сосуд кубковидной формы с сосцевидной ручкой (табл. VII, *5*). На дне ямы среди костей обнаружена круглой формы бусина из сердолика.

Курган 17. Диаметр 12 *м*, высота 0,55 *м*, на насыпи выступали камни кольца диаметром 8 *м*. На поверхности были остатки истлевших бревен, под ними находилась могильная яма длиной 2,7 *м*, шириной 1 *м*, ориентированная с юго-востока на северо-запад. По краям ее сохрани-

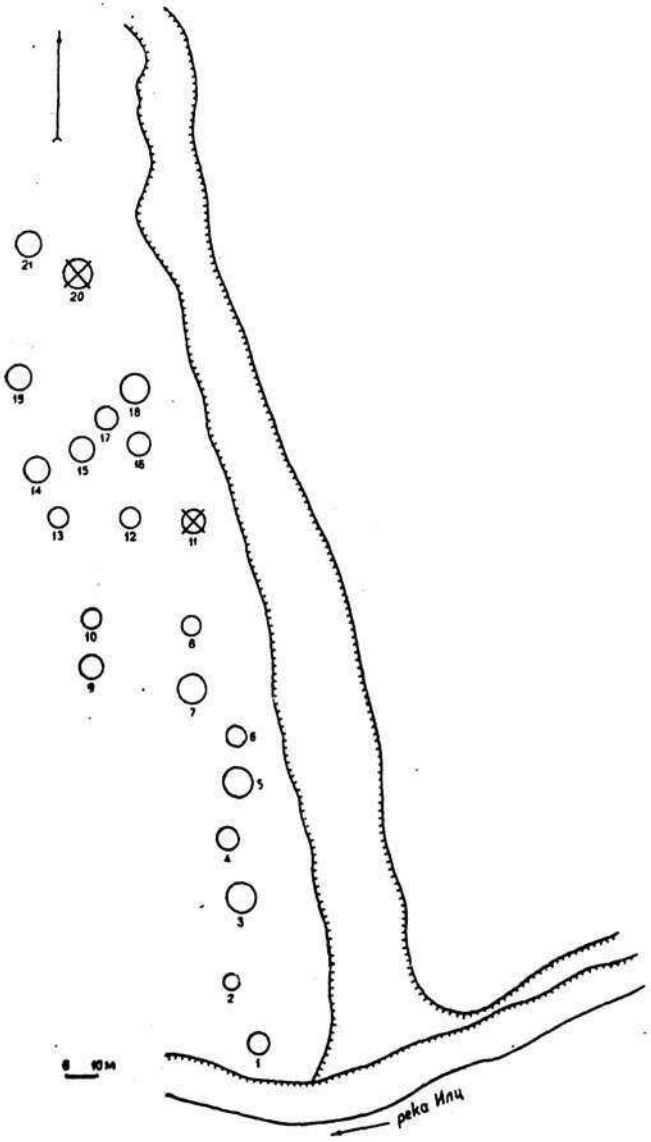


Рис. 30. План могильника Қзылауз II.

лись обломки истлевшего дерева. В середине ямы лежали обломки костей бедра, предплечья, лопатки, позвонков и другие.

В юго-западном углу ямы найдена золотая бляшка-нашивка. В разных частях ямы на разной глубине собраны бусины (171 шт.) из пасты и камня (табл. III, *2*). Скелета в яме нет.

Могильник Кзылауз II

В публикациях известен под № 29А, в могильнике раскопано 4 кургана[34].

Курган 15. Диаметр 8 *м*, высота 0,63 *м*. Под насыпью сохранились остатки истлевшего дерева, перекрывавшего могильную яму. Она длиной 2,10 *м*, шириной 0,7 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1,25 *м* в западном конце ямы найден разбитый глиняный сосуд, рядом с ним — второй, здесь же обнаружены обломки черепа и ребро человека. В восточном конце ямы лежали обломки плечевых костей со следами ударов рубящим орудием.

Раздавленный сосуд был в виде высокого кубка со следами сверления для скрепления (табл. VIII, *6*). Высота его 15,5 *см*, диаметр у закраины 8,5 *см*, тулова 15,5 *см*, дно слегка уплощено, на тулове имеется петлевидная ручка. Второй сосуд с округлым дном и четко выраженной закраиной, диаметр венчика 9,5 *см*.

Курган 20. Диаметр 8 *м*, высота 0,48 *м*. На древней поверхности сохранились остатки истлевших бревен, положенные в форме прямоугольника, под которыми находилась могильная яма длиной 2,27 *м*, шириной 0,70 *м*, ориентированная с востока на запад. Бревна диаметром 10—16 *см* перекрывали яму поперек — с севера на юг. На глубине 0,58 *м*, в западном конце ямы, стоял кувшин с высокой и широкой горловиной, диаметром 10 *см*, высотой 16 *см*; тулово округлое, диаметр 16 *см*, дно плоское, диаметр 8 *см* (табл. VIII, *5*). У перехода тулова в горловину расположена небольшая петлевидная ручка. Возле сосуда найден обломок бронзовой серьги. В яме обнаружены разбросанные обломки костей скелета, перемещенные грабителями.

Могильник Калкан I

Могильник выявлен в 1954 г., расположен на правом берегу р. Или, на верхней древней террасе, 2 *км* юго-восточнее «Поющего песчаного бархана», в створе ущелья между горами Большой и Малый Калкан. Он занимает более 2 *км*^{2} и тянется с юга на север 600 *м*, а с запада на восток — около 400 *м*. Могильное поле начинается у берега реки и

[34] Там же, стр. 21.

широкой полосой простирается на север. Могильник состоит из 118 различных форм и конструкций погребальных сооружений. Основную массу надмогильных памятников составляют курганы с каменными насыпями, которые располагаются небольшими группами — цепочками по 3—4 насыпи в каждой, в целом они образуют мощную широкую, тянующуюся с юга на север, цепочку. В южной части могильника имеется группа небольших курганов, сложенных из мелких камней и лёсса, диаметром от 5 до 15 *м*, высотой от 0,1 до 0,4 *м*; разбросанные, они нарушают планировку могильника.

В южной части вокруг курганов имеются кольца из камней — в 3—4 *м* от насыпей. Севернее группы расположены курганы с каменной насыпью диаметром 4—16 *м* и более, высотой 0,2—1 *м*, с овальными выкладками из камней с западной стороны насыпей. Выкладки находятся в створе своеобразных входов, образованных вертикально врытыми камнями. Входы обычно устраивались в западной части каменного кольца. Подобные «входы» были у некоторых курганов и с восточной стороны.

Диаметр выкладок 3×4,5 *м*, они ориентированы длинной осью с севера на юг и расположены в 4—7 *м* западнее насыпи. В северной части могильника имеется группа из пяти курганов с каменной насыпью овальной формы, один из них с квадратной оградкой вокруг насыпи. Немного севернее, за дорогой, находятся курганы с насыпями из песка и щебенки с небольшими камнями. С их западной стороны, в 4—5 *м* от основания насыпей, расположены овальные выкладки, ориентированные длинной осью с востока на запад.

Конструкция и планировка могильника, а также сами погребения свидетельствуют о наличии здесь захоронений разных хронологических периодов — ранних в южной и более поздних — в северной части. В 1958—1959 гг. в северной части могильника раскопано 14 погребальных сооружений и 8 овальных выкладок.

Курган 17. Диаметр 11 *м*, высота 0,4 *м*. В западной части насыпи на глубине 0,1 *м* найдены фрагмент сосуда с уплощенным дном, изготовленного из теста с большой примесью крупного зернистого песка, а также фрагмент и венчик второго сосуда с округлым дном. Могильная яма длиной 2,3 *м*, шириной 0,7 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,6 *м* обнаружены остатки скелета, ориентированного головой на запад. В яме сохранились ребра, кости таза и часть правой бедренной кости. Скелет принадлежал женщине типа Среднеазиатского междуречья. Слева от черепа стоял сосуд баночной формы, ручной лепки. Справа лежало бронзовое шило длиной 21 *см* (табл. II, *10, 11*).

Курган 37. Диаметр 11 *м*, высота 0,6 *м*. На дневной поверхности была выявлена надмогильная выкладка из крупных камней подквадратной формы, со сторонами длиной с востока на запад 3,2 *м*, с севера на

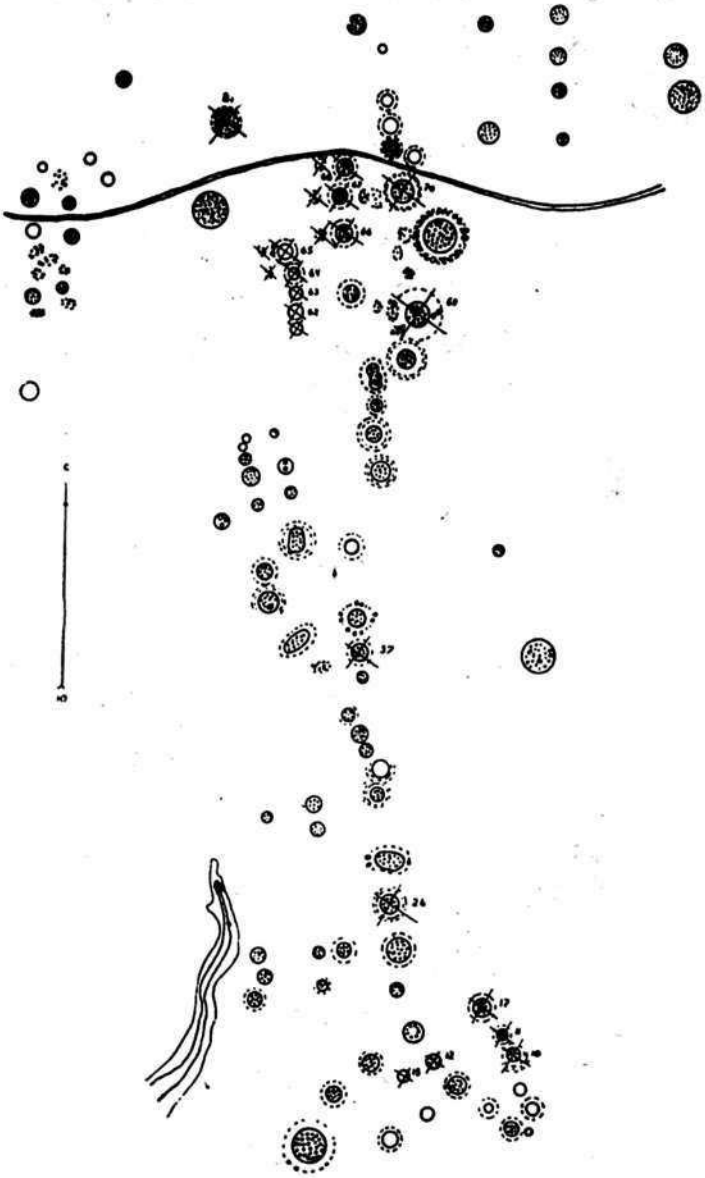


Рис. 31. План могильника Қалкан I.

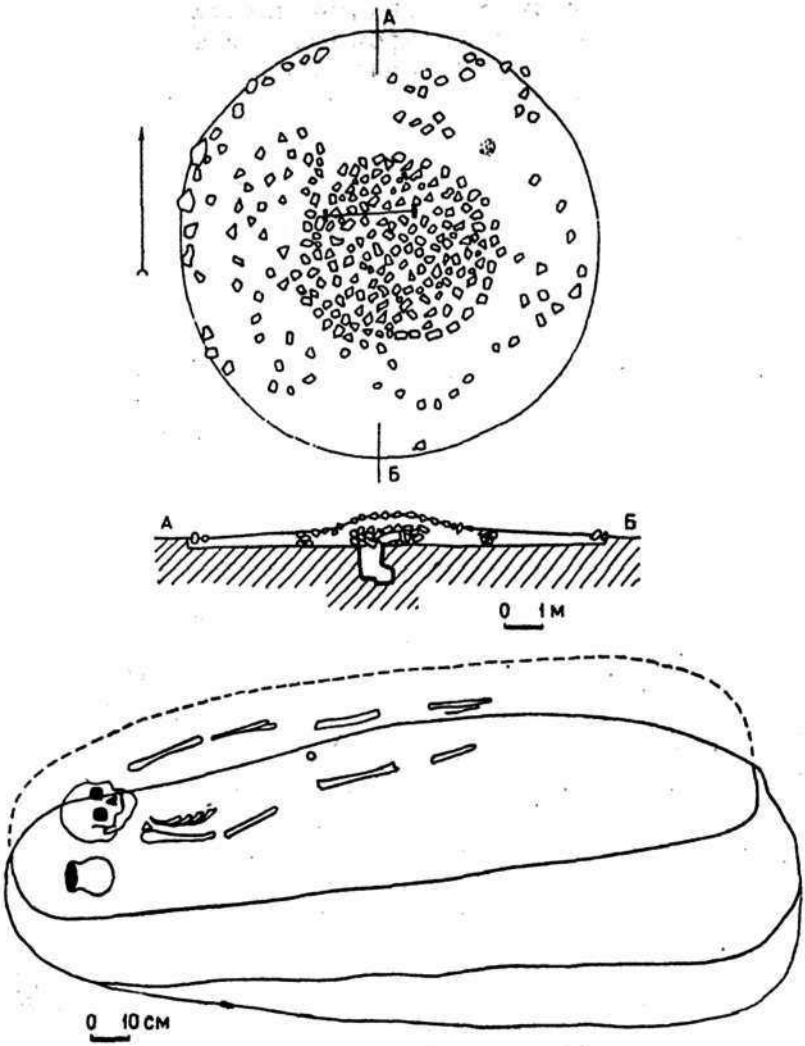


Рис. 32. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 37 могильника Калкан I.

юг —2,8 *м*, высотой 0,60 *м*. Могильная яма длиной 1,9 *м*, шириной в западном конце 0,45 *м*, в восточном —0,8 *м*. На глубине 1,05 *м* в северной стене ямы начинался подбой шириной 0,45 *м*, высотой 0,4 *м*. В западном конце ямы, справа от черепа, стоял высокий сосуд (табл. VI, *11*) с ши-

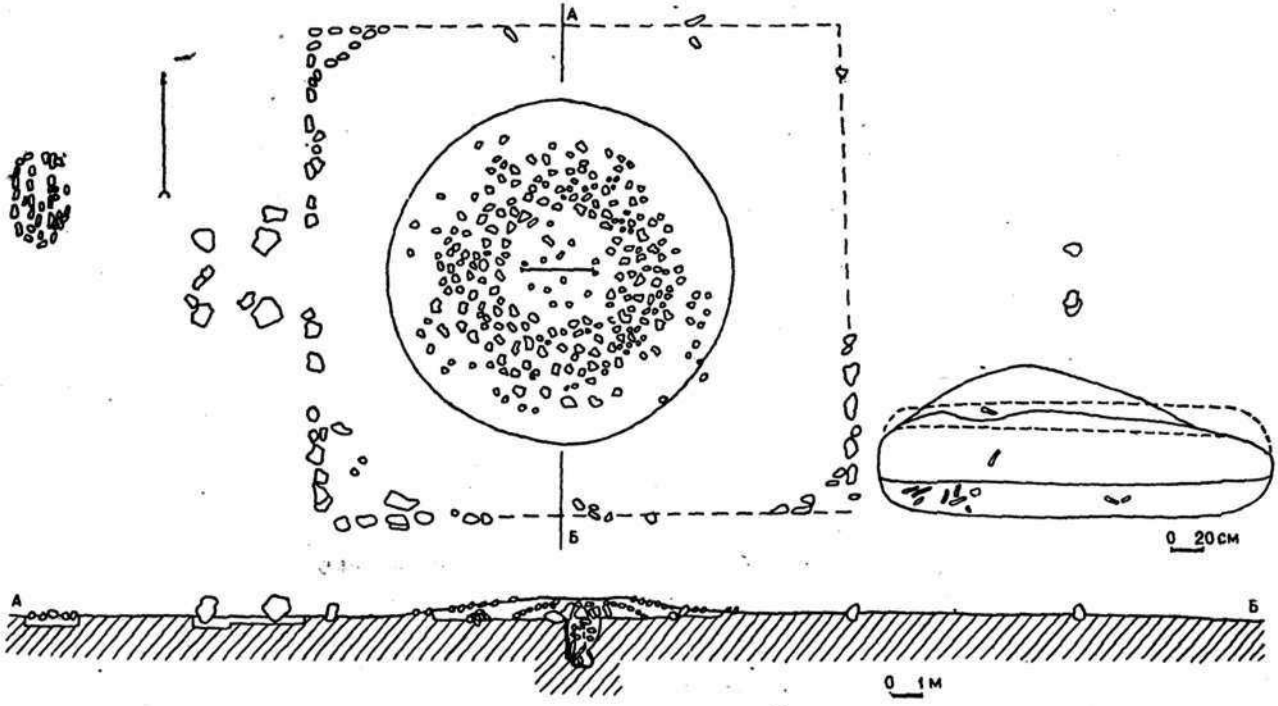


Рис. 33. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 60 могильника Қалкан I.

рокой горловиной и слегка отогнутым наружу венчиком. Дно сосуда выпуклое, с отпечатками ткани на внутренней поверхности.

Скелет женщины типа Среднеазиатского междуречья с брахикранным черепом лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Западнее черепа найден обломок железного ножа длиной 7 *см*, шириной 2 *см*, а рядом — две золотые плоские круглые нашивки-бляшки. На внешней поверхности бляшек имеется орнамент в виде двойных спиральных линий, выдавленных, по-видимому, штампом. Между костями ног, у коленных суставов, обнаружена сердоликовая круглая бусина и кусок мела в форме усеченного конуса со сквозным отверстием посредине.

Курган 60. Диаметр 11 *м*, высота 0,5 *м*. В 7 *м* от насыпи находится квадратной формы оградка из камней, ориентированная сторонами, равными 16,7 *м*, по странам света.

С западной и восточной сторон оградки врыты вертикально камни высотой до 0,4 *м*, обозначавшие «вход» в сооружение. В 4 *м* от оградки расположена овальной формы выкладка длиной 3 *м*, шириной 2 *м*, ориентированная длинной осью с юга на север. На древней поверхности под насыпью выложено кольцо из камней, диаметром 6 *м*, шириной 1,7 *м*, высотой 0,5 *м*. В середине была могильная яма длиной 2,5 *м*, шириной до 0,55 *м*, с подбоем. В подбое лежали разрозненные кости скелета человека. В восточном конце ямы найдены сердоликовая бусина в форме наконечника стрелы и четырехгранная призматическая бусина с продольным сверлением. Кроме того, в яме находились мелкие обломки железного предмета и кусочки хвостовых позвонков овцы, половина бронзовой серьги с петелькой.

При расчистке квадратной оградки у «входа», на глубине 0,2 *м*, под юго-западным валуном, обнаружено зольное пятно диаметром 0,3 *м*.

В выкладке овальной формы, в юго-восточном углу, с внешней стороны камней стоял сосуд с выпуклым дном, почти прямым, слегка вытянутым туловом. Высота сохранившейся целой части сосуда равна 28 *см*, диаметр тулова 30 *см*, венчик прямой, отогнут наружу, с едва заметным валиком.

Курган 61. Диаметр 5 *м*, высота 0,15 *м*. Могильная яма в виде удлиненного прямоугольника с закругленными углами, ориентирована с востока на запад, длина 2 *м*, ширина 0,5 *м*. До глубины 0,6 *м* она засыпана песком и мелким камнем. На глубине 0,6 *м* найдены набольшие обломки истлевшего дерева, под которыми лежали кости скелета женщины, положенной на спину в вытянутом положении.

Справа от черепа стоял сосуд с уплощенным дном и невысоким грушевидным туловом, переходящим в широкую горловину, и прямой венчик (табл. X, *5*). Высота сосуда 12,5 *см*, диаметр венчика 2,5 *см*, тулова 13,5 *см*. У левого коленного сустава скелета лежал кусок мела диаметром 3,5 *см*.

Курган 62. Диаметр 9 *м*, высота 0,3 *м*. Под насыпью выявлено кольцо из камней, диаметр 4,8 *м*, в середине его остались следы от четырех кострищ. Могильная яма в виде удлиненного овала ориентирована с востока на запад, длина 2 *м*, ширина 0,5 *м*. На глубине 1,75 *м* в западном конце ее обнаружен сосуд. Скелет женщины лежал на спине, в вытянутом положении. Слева от черепа стоял сосуд грушевидной формы, с уплощенным дном, сосцевидной ручкой и прямым венчиком, плавно переходящим к тулову. Высота сосуда 11,5 *см*, диаметр венчика 10,9 *см*, тулова 15 *см*. Справа от черепа лежал сильно коррозированный железный нож длиной 11 *см*, шириной 2 *см*. На запястье правой руки обнаружен бронзовый браслет, круглый в поперечном сечении, с незамкнутыми концами (табл. I, *10*), а у пальцев левой руки — кусок мела.

Курган 63. Диаметр 5 *м*, высота 0,2 *м*, с кольцом из камней, диаметр 4,3 *м*, ширина 0,35 *м*. Могильная яма длиной 1,75 *м*, шириной 0,4 *м*, ориентирована с востока на запад. Она завалена песком и мелкими камнями, среди которых были найдены отдельные угольки саксаула. На глубине 1,55 *м* в подбое северной стены лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на запад. Справа от черепа, у выступа южной стены, стоял баночной формы глиняный сосуд с уплощенным дном (табл. X, *7*). Справа и слева у места ушных раковин черепа найдены две спиральной формы серьги из тонкой бронзовой проволоки.

В выкладке прямоугольной формы размером 3×2 *м*, в юго-восточном углу, с внешней стороны камней стоял сосуд в форме кувшина с удлиненным, грушевидным туловом, широкой горловиной и слегка отогнутым наружу венчиком (табл. VI, *9*).

Курган 67. Диаметр 6 *м*, высота 0,25 *м*, у основания кое-где встречались камни, образующие кольцо; в 3 *м* от него находилось второе кольцо, затем еще через 3 *м* на запад располагалась овальной формы выкладка из камней с размером сторон с севера на юг 2 *м*, с запада на восток — 1 *м*. Могильная яма длиной 2 *м*, шириной 0,55 *м* ориентирована с востока на запад. На глубине 1,25 *м* в подбое северной стены лежал скелет мужчины, на спине, головой на запад. Справа от черепа стоял сосуд высотой 16 *см*, диаметр венчика 8—9 *см*, горловины —6—7 *см*, тулова — 13—14 *см* (табл. VII, *8*). Между сосудом и черепом обнаружены крестец и железный нож длиной 11 *см*, шириной 2 *см*. В выкладке на глубине 0,3 *м* с внешней стороны камней в юго-восточном углу найден раздавленный сосуд (табл. X, *8*), диаметр тулова 24 *см*. Сосуд имел высокую прямую горловину и слабо расширяющееся тулово с уплощенным дном.

Курган 70. Диаметр 12 *м*, высота 0,8 *м*, на вершине много камней. Вокруг насыпи, на расстоянии 4,5 *м* от основания, располагалось кольцо из камней, диаметр его 21 *м*, ширина 1,2 *м*. С западной стороны в кольце на линии диаметра запад — восток имелся «вход» из врытых камней высотой до 0,4 *м*. Напротив «входа» к кольцу примыкала ограда из пяти

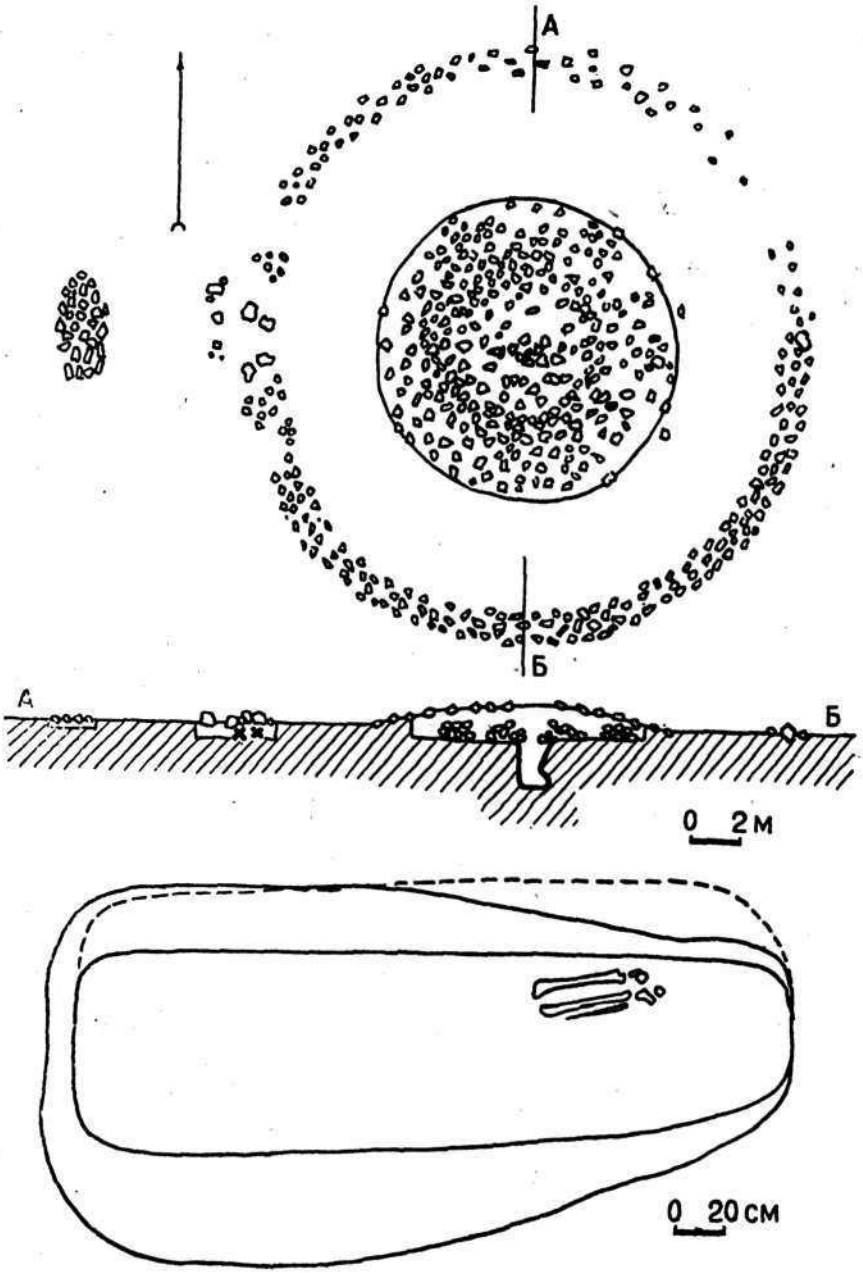


Рис. 34. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 70 могильника Калкан I.

больших валунов, размером 3×3 *м*. В 4 *м* к западу от этих камней находилась прямоугольной формы выкладка размером 4×2 *м*, ориентированная длинными сторонами с юга на север. Под насыпью выявилось кольцо из камней диаметром 8,5 *м*, шириной 1 *м*. В середине его обнаружены камни надмогильной выкладки, ориентированной с востока на запад, длиной 3 *м*, шириной 1,9 *м*. Могильная яма длиной 2,8 *м* до глубины 0,8 *м* завалена камнями, среди которых найдены мелкие обломки древесных углей, череп мужчины без нижней челюсти, кости рук, позвонки и другие мелкие обломки. Здесь же встречены 3 обломка бронзового зеркала, хвостовые позвонки овцы. В восточном конце ямы, в подбое северной стены, обнаружены кости голени.

При расчистке оградки из пяти валунов на глубине 0,1 *м* в северной половине ее обнаружены остатки семи костров, расположенных в два ряда по линии с юга на север.

В выкладке на глубине 5 *см*, в юго-восточном углу, с внешней стороны камней найдены обломки сосуда с выпуклым дном и прямым венчиком. Сохранившаяся часть сосуда высотой 20 *см*, диаметр у излома тулова 22—23 *см*. Вероятно, сосуд был высотой 35—40 *см*.

Могильник Алтын-Эмель I, III, IV

Выявлен Илийской археологической экспедицией в 1957 г. Он расположен на плоскогорье у подножья гор Моинты, с восточной стороны горного перевала Алтын-Эмель, в 67 *км* от станции Сары-Озек, севернее дороги в г. Панфилов. Могильник можно разделить на западную и восточную половины. В первой курганы расположены цепочкой, а во второй — бессистемно.

Могильник вытянут с востока на запад на 300 *м*, с юга на север — на 250 *м* и насчитывает 36 надмогильных памятников, образующих четыре небольшие самостоятельные группы. Насыпи курганов состоят из щебенки с каменной наброской, диаметр их 6—8 *м*, высота незначительная. Некоторые курганы опоясаны кольцами из камней и имеют небольшие овальные выкладки, подобные могильнику Калкан I. В могильнике отдельно встречаются и каменные кольцевые оградки, выложенные на поверхности грунта.

Рядом с этим могильником расположен другой, названный нами Кзыл-сай. По планировке и характеру насыпей он похож на соседний могильник. В 1959 г. в этих двух могильниках исследовано 19 курганных погребений, кольцевых оградок и каменных выкладок. Из них 9 курганов и кольцевых оградок оказались полностью разграбленными, и в них найдены лишь мелкие обломки костей.

В пяти погребениях обнаружены потревоженные кости скелетов без сопровождающего инвентаря. Лишь в трех из 19 раскопанных курганов зафиксированы непотревоженные скелеты, причем около двух из них

оказались глиняные сосуды и хвостовые позвонки овец, возле одного лежал железный нож. В остальных двух курганах могильные ямы не обнаружены. Ниже дается описание двух курганов из могильника Алтын-Эмель и Кзыл-сай, инвентарь и погребальный обряд которых позволяют датировать этот комплекс.

Курган 2 (могильник Алтын-Эмель IV). Диаметр 6 *м*, высота 0,2 *м*. На поверхности грунта под насыпью имелось кольцо из камней, диаметр 6 *м*, в середине его находилась надмогильная выкладка из плашмя положенных камней, ориентированная с северо-востока на юго-запад. Могильная яма длиной 1,9 *м*, шириной 0,9 *м* заполнена камнями. В северной стене ямы обнаружен подбой, перекрытый наклонно поставленными жердями. В подбое лежал скелет женщины типа Среднеазиатского междуречья, положенной на спину, вытянуто, головой на юго-запад. Справа от скелета стоял глиняный сосуд грушевидной формы, высота 17 *см*, диаметр тулова 13 *см* (табл. X, *1*). Дно сосуда слегка уплощенное, внешние стенки покрыты красным ангобом. Сосуд ручной лепки, тонкостенный, тесто плотное, обжиг хороший.

Курган 2 (могильник Кзыл-сай). Диаметр 8 *м*, высота 0,4 *м*. В 4,5 *м* от основания имелось кольцо из камней, диаметр которого 14 *м*. С западной стороны насыпи за кольцом расположена выкладка из камней, диаметром 3,2 *м*, ориентированная с северо-востока на юго-запад.

Могильная яма овальной формы, длина 3 *м*, ширина 1 *м*, ориентирована с северо-востока на юго-запад. Она завалена крупными камнями до глубины 0,4 *м*, под которыми обнаружен каменный ящик, сооруженный из небольших плит. Длина ящика 2,7 *м*, ширина 0,8 *м*.

В каменном ящике лежал скелет, вытянуто, на спине, головой на юго-запад. Возле черепа в конце ямы найден железный нож, у стыка южной и западной стенок ящика стояли две миски с округлым дном. Высота одной 6 *см*, диаметр 10 *см*, другой соответственно 7 и 13 *см*. Изготовлены они из плотного теста, хорошо обожжены, с тонкими стенками, внешние стенки мисок покрыты красной краской. В выкладке, находящейся с юго-западной стороны кургана, никакого инвентаря не обнаружено.

Описанные могильники имеют много общего в характере инвентаря, в особенностях насыпей курганов, в типах погребальных сооружений и т. д.

В курганах могильников Утеген I и II найдены четыре глиняных сосуда, четыре ножа (один — бронзовый, остальные — железные), железные шпильки, сердоликовые бусины, кости барана. Три сосуда — низкие кубки с уплощенным дном и сосцевидной формы налепными ручками, один — кувшин с четко выраженным сплошным поддоном, не характерным для керамики усуней. Все сосуды изготовлены ручной лепкой на матерчатом шаблоне. Сплошной поддон у кувшина и сосце-

видные налепы — ручки — у низких кубков отличают их от сосудов, обнаруженных в могильниках предшествующего периода.

А. Н. Бернштам, анализируя материалы из Северной Киргизии, убедительно доказал, что ручки-выступы (мы называем налепы.— *Г. К.*) у сосудов появляются на рубеже нашей эры. Такие сосуды начинают господствовать уже в тюркское время. Учитывая конструкцию насыпи, обряд погребения и форму сосудов, мы склонны датировать эти погребения по аналогии с материалом кургана 1 могильника Джергес[35] I в. до н. э.—I в. н. э. Обнаруженные в могильнике Джергес глиняные сосуды по технике лепки, посадке ручки-выступа подобны нашим и различаются лишь размером. Найденный в кургане 4 кувшин с поддоном по технике лепки, фактуре теста, форме аналогичен кувшинам с подрезанным дном из кургана 5 могильника Соколовка[36]. Несомненно, что сплошной поддон в нашем кувшине и подрезанный в соколовском сделан для большей устойчивости сосуда. В приемах подрезки и налепа дна заметно, по нашему мнению, влияние станкового производства плоскодонных сосудов Средней Азии. Бронзовый нож из кургана 3 не противоречит нашей датировке. Он имеет четко выраженную ручку, которая, как известно, в тюркское время у железных ножей преобразуется в черешок для насадки на деревянную рукоять[37], не характерный для ножей усуньского времени.

Аналогичность инвентаря погребений из могильника Утеген I—II позволяет датировать его рубежом нашей эры, т. е. I в. до н. э.—I в. н. э.

Подобный инвентарь обнаружен в курганах могильника Тайгак I. По конструкции насыпи, господствующему в погребениях типу могильных сооружений он аналогичен предшествующему могильнику. Из 16 раскопанных курганов 10 были с каменными кольцами, расположенными в четырех случаях в середине насыпи, в шести — у подошвы. В восьми курганах из 16 имеются подбойные ямы и «заставка», в шести — грунтовые ямы, в одном — яма перекрыта деревом. Из сопоставления видно, что в основном они сближаются по двум признакам: каменному кольцу в насыпи и обряду погребения в подбоях.

Инвентарь погребений не богат и состоит из 9 глиняных сосудов, 3 железных ножей. В двух погребениях найдены серьги в форме спирали, пастовые и сердоликовые бусы и обломки железного предмета. Основным датирующим материалом являются глиняные сосуды. Четыре сосуда — низкие кубки с уплощенным дном и скошенной внутрь или отогнутой наружу закраиной венчика, иногда с ручками-налепами в верхней части тулова; три — по форме низкие миски с уплощенным

---

[35] А. Н. Бернштам. Указ. работа, стр. 55—60, рис. 27 (*4*).

[36] Там же, стр. 50, рис. 23 (*10*).

[37] Л. П. Зяблин. Археологические работы на Иссык-Куле.— КС ИИМК, 1957, вып. 69, рис. 4.

дном, одна из них деревянная, остальные два сосуда чайникообразные, с носиками.

Низкие кубки из кургана 1 (южная и северная ямы) по форме и фактуре теста подобны сосудам из кургана 104 могильника Аламышик, датируемого II в. до н. э.—II в. н. э.[38] Керамику аналогичного типа А. Н. Бернштам датирует большим периодом. В семиреченских ранних погребениях (III—II вв. до н. э.), как мы видели, она отсутствует, поэтому мы относим ее к рубежу нашей эры. Эту датировку подтверждает и миска из кургана 4 (южная яма) с заметно уплощенным дном и не характерной для ранних форм отогнутой наружу закраиной венчика. Подобного типа миску из кургана 2 могильника Джергес А. Н. Бернштам продатировал I в. н. э.[39]

Особый интерес для датировки этого могильника представляют фрагменты сосуда, найденные в кургане 15, и сосуд из кургана 2Б. Общее для них — носик-слив и плоское дно.

Эти особенности сближают их с чайникообразными сосудами из ранних памятников Семиречья[40]. Они отличаются друг от друга лишь местоположением носика и формой дна. Сравнение формы и фактуры сосудов из курганов 15 и 2Б показывает, что они не характерны памятникам предшествующего периода и больше тяготеют к сосудам из Ташкентского оазиса. В этом отношении мы полностью соглашаемся с мнением А. И. Тереножкина, что у сосудов позднего этапа Бургулюкских погребений[41] у закраины венчика появляется слив. Исходя из этого мы считаем возможным погребение кургана 15 и весь могильник датировать рубежом нашей эры, т. е. I в. до н. э.—I в. н. э.

Бронзовая серьга из кургана 1А повторяет уже известную нам форму спирали. Она имеет сложную подвеску, которая широко распространяется в первых веках нашей эры[42] и не противоречит нашей датировке. Приведенные аналогии позволяют датировать Тайгак I рубежом нашей эры, т. е. I в. до н. э.—I в. н. э.

Могильник Кзылауз II, как свидетельствует инвентарь погребений, также относится к I в. до н. э.—I в. н. э. Всего в курганах могильника обнаружено 9 сосудов, 4 имели плоское дно, один уплощенное, пять из них были с петлевидными ручками. Все они близки сосудам из памятников сопредельных территорий. Например, сосуд из кургана 15 по форме, фактуре теста, профилировке закраины, своеобразной насадке

---

[38] А. Н. Бернштам. Указ. работа, стр. 53, рис. 26 (*11, 12*).

[39] Там же, стр. 58—60, рис. 27 (*6*).

[40] К. А. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 212, табл. III и стр. 214, табл. V (*1, 2*).

[41] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.— Известия УзФАН СССР, 1940, № 9, стр. 33.

[42] Г. Г. Бабанская. Указ. работа, стр. 203.

ручки и технике изготовления аналогичен сосудам кургана 5 могильника Соколовка на Иссык-Куле[43].

Сравнение других сосудов из этого могильника с инвентарем датированных памятников из других районов, как и сопоставление типа погребальных сооружений, планировки курганов, обряда, позволяют отнести могильник Кзылауз II к рубежу нашей эры, т. е. I в. до н. э.—I в. н. э.

Сравнивая инвентарь из могильника Калкан I с материалом из сопредельных территорий и памятников правобережья, можно выделить такие общие признаки. Большинство курганов без колец в насыпи, а если и встречаются, то кольцо обычно располагается под насыпью, на уровне древнего горизонта. В погребальном обряде преобладают подбойные могильные ямы с уступами вдоль южной стены. Около многих курганов имеются дополнительные ритуальные выкладки с сосудами в юго-восточном углу на уровне древнего горизонта. Все это позволяет отнести могильник Калкан I к одному хронологическому периоду.

Сосуды из курганов 17, 61, 67, 68 по форме, слегка отогнутому венчику и, наконец, подрезанной плоской закраине близки между собой. Обнаруженные в выкладках курганов 63 и 67 глиняные сосуды в форме высоких грушевидных кувшинов со слегка уплощенным дном также аналогичны инвентарю погребения. Эти кувшины по форме полностью повторяют сосуд более ранних памятников Семиречья (III—II вв. до н. э.), но отличаются от них уплощенным дном, лучшим качеством теста и отогнутым полуваликом венчика. Эти особенности сосудов позволяют продатировать могильник Калкан I не ранее I в. до н. э.

Особый интерес для датировки данного могильника представляет сосуд из кургана 37 с высоким цилиндрическим туловом, сужающимся к середине и расширяющимся к венчику. В памятниках раннего периода исследуемого района подобные формы не встречаются.

Ближайшей аналогией этого сосуда является сосуд из кургана 2 могильника Джергес. А Н. Бернштам джергесские курганы относит к рубежу нашей эры (I в. н. э.)[44]. Наш сосуд, полностью повторяя иссыккульскую форму, отличается от него отсутствием ручки в середине перехваченного тулова. Сосуды из курганов 17 и 67 повторяют форму сосудов из пятого соколовского и 104 джергесского курганов, датируемых не ранее I в. до н. э.—II в. н. э.[45]

Сосуд из кургана 61, имевший ручку — выступ-налеп, как и сосуды из выкладок и погребальных камер, в основном с уплощенным дном и может быть сопоставлен с кувшинами с подрезным дном и слегка отогнутым наружу венчиком из кургана 5 могильника Соколовка.

Таким образом, керамические изделия наших курганов находят бли-

---

[43] А. Н. Бернштам. Указ. работа, стр. 50—52, рис. 23 (*8*).
[44] Там же, стр. 58—60, рис. 28.
[45] Там же, рис. 23 (*2*); рис. 26 (*12*).

жайшую аналогию в памятниках рубежа нашей эры Иссыккульской котловины.

Эту же датировку подтверждает обнаруженный в кургане 62 браслет в виде незамкнутого кольца из круглой в сечении бронзовой проволоки. Наш браслет повторяет форму браслетов из кургана 14 и 12 могильника 29Б[46], но отличается от них простотой и отсутствием стилизованных изображений хищных зверей. Вероятно, браслет позднего происхождения —I в. до н. э.—I в. н. э. О такой же датировке (начало нашей эры) свидетельствует аналогичный бронзовый браслет из кургана в Наманганской области[47].

Все это позволяет могильник Калкан I датировать I в. до н. э.—I в. н. э.

Из описания видно, что курганы могильника Алтын-Эмель также относятся к одному времени. Им присущи каменные выкладки и кольца у насыпей курганов, одинаковый тип погребальных сооружений и обряд захоронений, много общего в инвентаре. Эти признаки по аналогии с погребениями из соседних территорий позволяют продатировать данный могильник I в. до н. э.—I в. н. э.

Проанализировав описанную группу могильников, можно выделить ряд общих и характерных для них признаков:

1. Все они состоят из курганов, разбросанных бессистемно и группирующихся цепочками по 3—4 насыпи.

2. Большинство из них без каменных колец на насыпи, изредка встречаются насыпи с кольцом в середине или под насыпью, на уровне древнего горизонта.

3. Погребальные сооружения в основном имеют подбойные могильные ямы с уступом вдоль южной стенки, число простых грунтовых ям, имеющих перекрытие из дерева, резко сокращается.

4. Большинство исследуемых сосудов с уплощенным дном, в отличие от круглодонных предшествующего периода, и со скошенной внутрь закраиной венчика (причем в это время венчик все более отгибают наружу, иногда в виде полувалика). Характерно наличие ручек в виде выступов-налепов. Тесто сосудов плотное, стенки тонкие, обжиг хороший. Это говорит о более высоком уровне домашнего производства, хотя техника лепки остается прежней.

5. Среди инвентаря больше железных предметов, чем бронзовых.

6. Реже встречаются в погребениях кости барана.

---

[46] К. А. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 213, табл. IV; Г. Кушаев. Два типа курганных погребений правобережья р. Или.— Труды ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. I, стр. 209, табл. I, рис. 4.

[47] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— Труды музея истории УзССР, 1954, вып. II, стр. 63, рис. 13.

Эти отличительные черты позволяют отнести описанные могильники к I в. до н. э.—I в. н. э.

Материалы памятников, свидетельствуя о дальнейшем прогрессивном развитии усуньского общества, все же сохраняют некоторые черты, присущие предшествующему периоду.

§ 3. Памятники II—III веков нашей эры

Могильник Капчагай II

В публикациях[48] известен под № 2. В могильнике исследовано три курганных погребения.

Курган 2. Диаметр 8 *м*, высота 0,4 *м*. Под насыпью обнаружена выкладка из камней, под которой находилась могильная яма длиной 1,7 *м*, шириной 0,80 *м*, ориентированная с востока на запад. На глубине 0,10 *м* в яме лежали беспорядочно разбросанные кости человека — часть нижней челюсти, бедренная кость, фаланги пальцев. Курган разграблен, инвентаря нет.

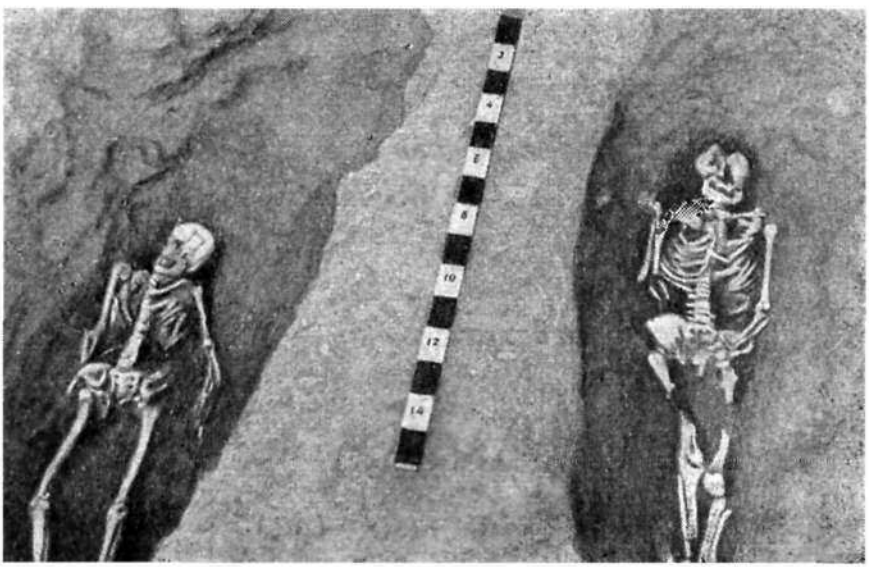


Рис. 35. Могильник Капчагай II, курган 3. Скелеты в расчищенных могильных ямах.

[48] К. А. Акишев. Указ. соч., стр. 7.

Курган 3. Диаметр 7,5 *м,* высота 0,4 *м.* В насыпи кургана найдены фрагменты четырех сосудов. Под насыпью обнаружены две могильные ямы, ориентированные с востока на запад, длиной 2 *м,* шириной 0,9 *м.*

Южная яма завалена камнями до глубины 0,70 *м.* Скелет мужчины лежал на спине, головой на запад, череп раздавлен, кости левой руки вытянуты вдоль туловища. Правая рука согнута в локте так, что кисть ее находится на линии плеча.

На бедренных костях сохранились остатки какой-то плетеной повязки. Возле правого плеча стоял истлевший деревянный сосуд, а рядом лежал крестец овцы.

Северная яма. До глубины 0,20 *м* завалена камнями, в западном конце ее найдены фрагменты боковины и венчика сосуда.

На глубине 0,85 *м* обнаружен скелет женщины на спине, головой на запад, кости рук вытянуты вдоль туловища, кости ног — вдоль ямы. правая нога слегка согнута в колене. У левой руки найдены пастовая бусина светло-зеленого цвета и еще четыре подобных у шейных позвонков. У левого виска находилась бронзовая серьга спиралевидной формы. На костях левого плеча сохранился обломок железного предмета, под черепом найдено еще девять пастовых бусин.

Курган 4. Диаметр 6 *м,* высота 0,33 *м.* В середине выявлена овальной формы могильная яма, ориентированная с востока на запад. По

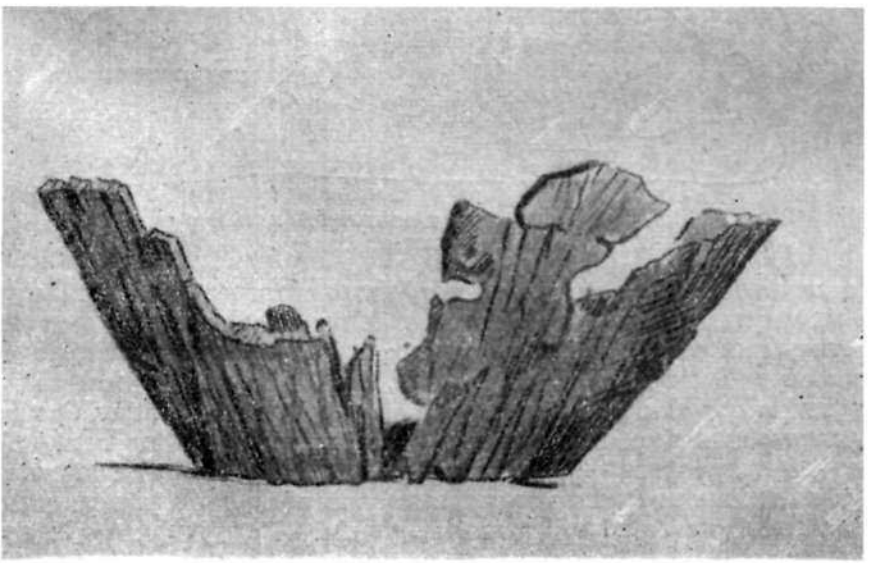


Рис. 36. Могильник Капчагай II, курган 3. Деревянный реставрированный сосуд из северной ямы.

краям ямы сохранился истлевший хворост, положенный поперек. На глубине 0,60 *м* лежали отдельные обломки костей скелета. Курган разграблен, инвентарь отсутствует.

Могильник Чулак-Джигиде I

В публикации[49] известен под № 17. В могильнике исследовано 7 курганов.

Курган 31. Диаметр 10 *м*, высота 0,48 *м*. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,35 *м*, ширина 0,60 *м*. На глубине 0,4 *м* в яме обнаружены наклонно стоявшие истлевшие жерди диаметром 4—7 *см*. В северо-западном углу найден клык хищника, а в восточном — бронзовая шпилька с обломленным концом, диаметром 0,4 *см* и круглой головкой.

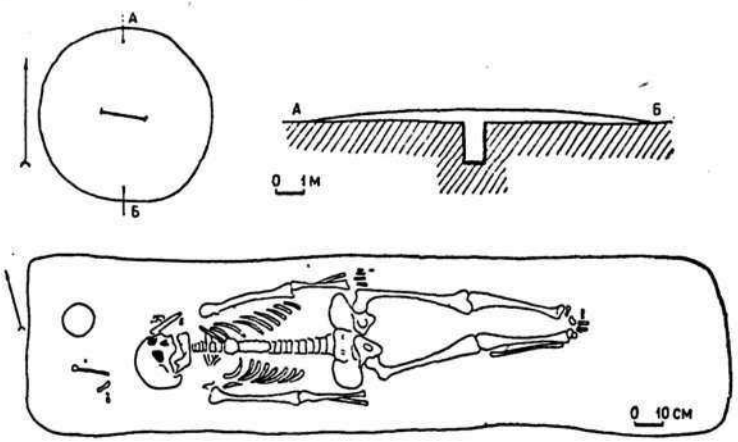


Рис. 37. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 40 могильника Чулак-Джигиде I

На глубине 1,35 *м* лежал скелет, ориентированный головой на запад, в вытянутом положении, череп повернут на север. Слева от черепа стоял глиняный сосуд в форме чаши с округлым дном (табл. V, *15*). Высота сосуда 9 *см*, диаметр венчика 10 *см*. Рядом лежал железный нож, завернутый в остатки ткани, а справа от черепа найдены два бронзовых шила, заостренных на одном конце и утолщенных на другом. Длина первого 4,5 *см*, второго —3,7 *см*, диаметр 0,4 *см*. У плеча обнаружен кусочек мела, ниже коленного сустава правой ноги лежала эллипсоидной формы зернотерка из серого гранита, длиной 20 *см*, шириной 13 *см*, высотой 4 *см*.

---

[49] К. А. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 11.

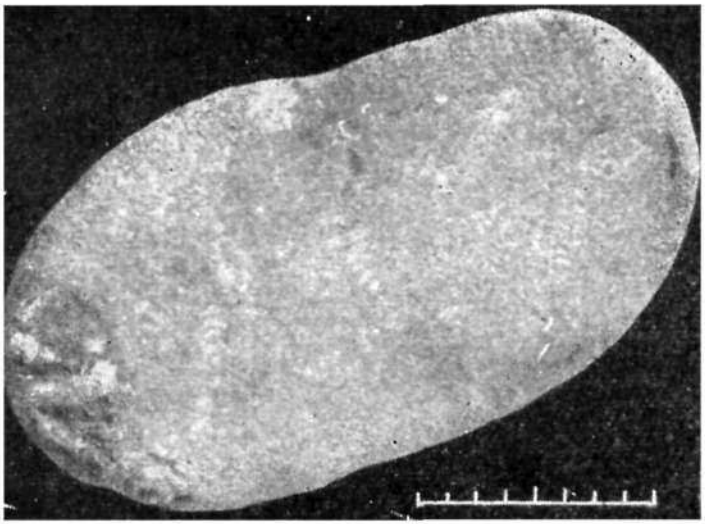


Рис. 38. Зернотерка из кургана 31 могильника Чулак-Джигиде I.

Курган 40. Диаметр 12 *м,* высота 0,41 *м.* Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,60 *м,* ширина 0,70 *м.* На глубине 0,10 *м,* в восточном конце ямы, найден обломок воткнутого железного ножа. В западном конце ямы, на глубине 1,35 *м,* стояла чаша с округлым дном (табл. V, *18)* и следами копоти на внешних стенках. Высота сосуда 13 *см,* диаметр венчика 11,5 *см,* тулова 14 *см,* толщина стенок 7 *мм.* Возле сосуда обнаружена железная шпилька длиной 13,5 *см,* диаметр головки 2,5 *см.* Скелет женщины типа Среднеазиатского междуречья лежал вытянуто на спине, головой на запад, череп повернут на север. Слева от него на крестце (5 позвонков) найден железный нож, длина его 12,2 *см,* ширина рукоятки 2,5 *см.*

Курган 45. Диаметр 6 *м,* высота 0,18 *м.* Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,70 *м,* ширина 0,70 *м.* На глубине 1,10 *м* в западном конце ямы стоял сосуд в форме кувшина с шаровидным туловом (табл. VI, *14*). На горловине его имеется орнамент в виде двух параллельных линий, между которыми помещены (основанием к венчику) треугольники высотой 4,5 *см* с точками внутри. Высота сосуда 15 *см,* диаметр венчика 7,2 *см,* горловины 5,8 *см,* тулова 11 *см.*

Скелет юноши европеоидного типа лежал головой на запад, ногами на восток, череп повернут на север, ноги вытянуты вдоль ямы, длина скелета 1,50 *м.* Захоронение совершено в подбое. У локтевого сустава находился железный нож длиной 16 *см,* рядом лежал крестец

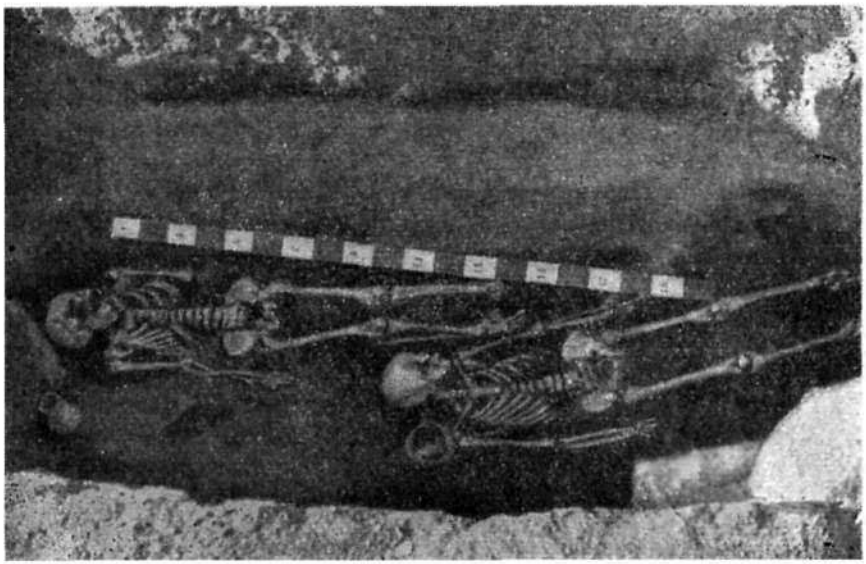


Рис. 39. Могильная яма с парным захоронением в кургане 45 могильника Чулак-Джигиде I.

барана, у правой ноги найден череп второго скелета. Он также лежал вытянуто на спине и принадлежал молодой женщине типа Среднеазиатского междуречья. У правого предплечья скелета стоял шаровидной формы сосуд с отогнутым наружу венчиком и широким устьем, переходящим в шаровидное тулово. На внешних стенках сосуда сохранились следы копоти. Высота его 9 *см*, диаметр у венчика 12 *см*. Слева от черепа обнаружены разбросанные кости крестца овцы.

Курган 55. Диаметр 10 *м*, высота 0,60 *м*, в разрезе сфероидный. В насыпи найден обломок боковины сосуда. Под насыпью оказались две могильные ямы, ориентированные с востока на запад. Одна яма — большая, длиной 2 *м*, шириной 0,65 *м*, вторая — малая, детская; длиной 1,35 *м*, шириной 0,45 *м*.

Малая яма. На глубине 0,4 *м* встречены обломки истлевших жердей диаметром до 5 *см*. На глубине 1,05 *м* лежали кости детского скелета, на спине, головой на северо-запад.

Справа от черепа стоял кубковидной формы сосуд с обломанной ручкой. Диаметр венчика 9 *см*, тулова 10 *см*, высота 9 *см*, дно уплощенное, диаметр 6 *см* (табл. VII, *13*).

Большая яма. Обнаружены остатки дерева на дне. Они упирались в основание южной стенки. На глубине 1,30 *м* найден скелет мужчины европеоидного типа, близкий к андроновскому. Он лежал вытянуто, на

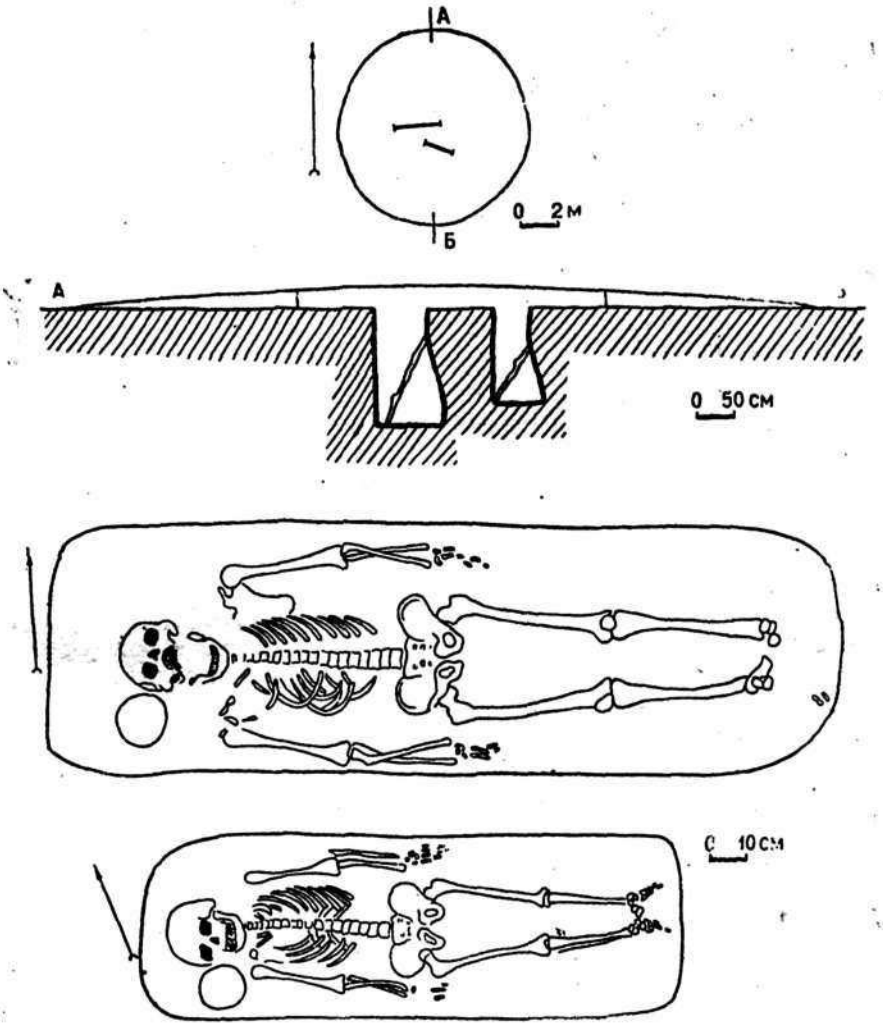


Рис. 40. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 55 могильника Чулак-Джигиде I.

спине, головой на запад. Справа у черепа стояла низкая чаша диаметром по венчику 13,5 *см*, высотой 10,5 *см*, дно уплощенное; диаметр 8,5 *см* (табл. V, *16*). На верхней части тулова нанесены неглубокие орнаментальные каннелюры, выдавленные пальцами. Южнее сосуда обнаружены два позвонка овцы.

Могильник Чулак-Джигиде II

В публикации[50] известен под № 19, в могильнике исследовано два погребения — курганы 42 и 46.

Курган 42. Диаметр 6 *м*, высота 0,18 *м*. В насыпи найдены угольки. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина 2,15 *м*, ширина 0,52 *м*. В северной стене ямы имелся подбой. В подбое лежал скелет женщины европеоидного типа, на спине; череп раздавлен, кости рук вытянуты вдоль туловища, правая немного отведена в сторону, левая прижата. На глубине 1,10 *м* в западном конце ямы обнаружен раздавленный сосуд в виде массивной кружки с петлевидной ручкой. Дно округлое, диаметр венчика 12 *см*, тулова 15 *см*, высота 11,5 *см* (табл. VII, *12*). Возле сосуда лежали хвостовые позвонки овцы. Под черепом найдены обломки железной шпильки с круглой головкой, длина ее 15 *см*. У голени правой ноги находилась каменная поделка из речной гальки, по-видимому, напрясло.

Могильник Унгур-Кора II

Могильник выявлен в 1954 г., расположен в 85 *км* от пос. Илийск, вверх по течению, на правом берегу р. Или. Он состоит из 39 курганов, в основном разбросанных бессистемно. Лишь на востоке от основной группы выделяется цепочка из шести насыпей, строго ориентированных с юга на север. Могильник тянется с севера на юг на 150 *м*, а с запада на восток — 200 *м*. Диаметры насыпей варьируют от 8 до 12 *м*, высота — от 0,3 до 1,3 *м*. Все курганы сфероидные, лишь некоторые из них уплощены. Грунт насыпей из лёсса со щебенкой.

Прежде могильник имел больше курганов: река в этом месте подмывает берег и разрушает памятник. В 1957 г. раскопано 14 погребений.

Курган 4. Диаметр 6 *м*, высота 0,2 *м*. Могильная яма в виде удлиненного прямоугольника с закругленными углами, длиной 2 *м*, шириной 0,75 *м*, ориентирована с востока на запад.

В яме встречены обломки истлевшего дерева. На глубине 0,70 *м* у западного конца ямы стоял плоскодонный сосуд с шаровидным рифленым туловом, широкой горловиной и отогнутым наружу венчиком (табл. VI, *15*). Скелет лежал на глубине 1,05 *м*, на спине, головой на северо-запад, череп повернут на север. Правая рука отведена за спину. Фаланги пальцев согнуты на уровне пояса, локоть левой руки находится на грудной клетке.

---

[50] К. А. Акишев. Указ. работа, стр. 15.

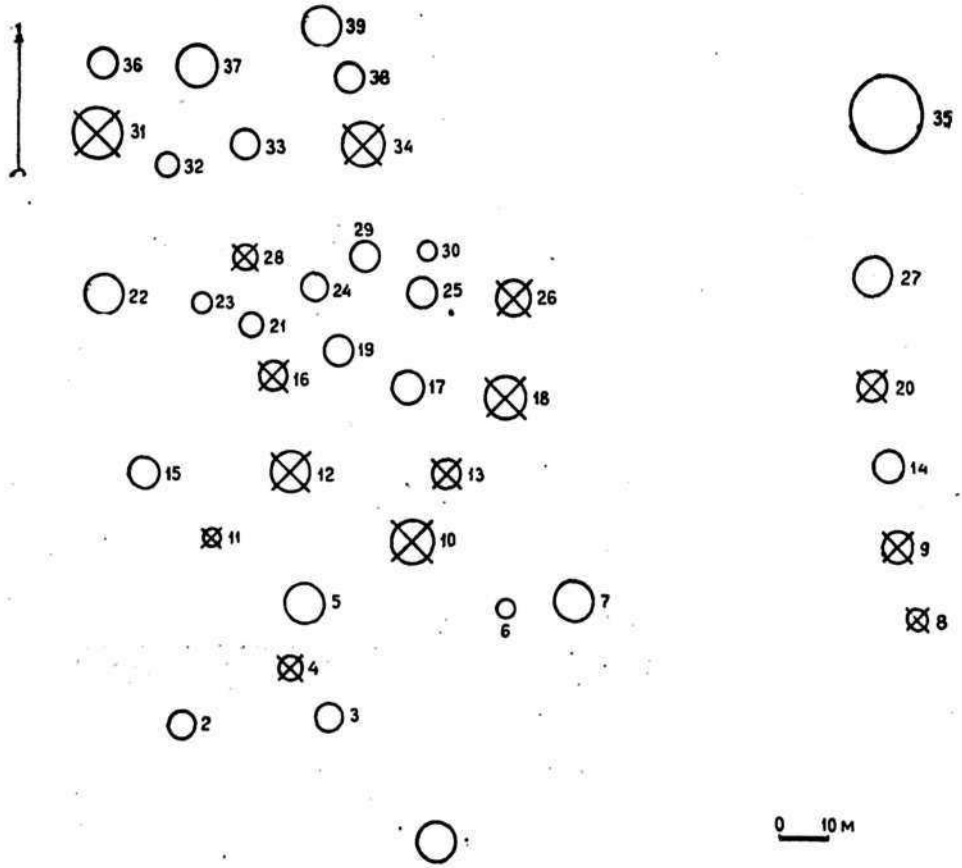


Рис. 41. План могильника Унгур-Кора II.

Курган 10. Диаметр 8 *м,* высота 0,35 *м.* Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,4 *м,* ширина 0,8 *м.* На глубине 0,55 *м* в яме находился скелет. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Западнее черепа найден раздавленный сосуд в виде кружки, высотой 21 *см,* с петлевидной ручкой в верхней половине тулова (табл. VIII, *4*). Севернее сосуда обнаружен каменный пест из речной окатанной гальки овальной формы, длиной 12 *см,* шириной 5,5 *см.* Под сосудом лежали два хвостовых позвонка овцы.

Курган 13. Диаметр 6 *м,* высота 0,40 *м,* в разрезе сфероидный, слег-

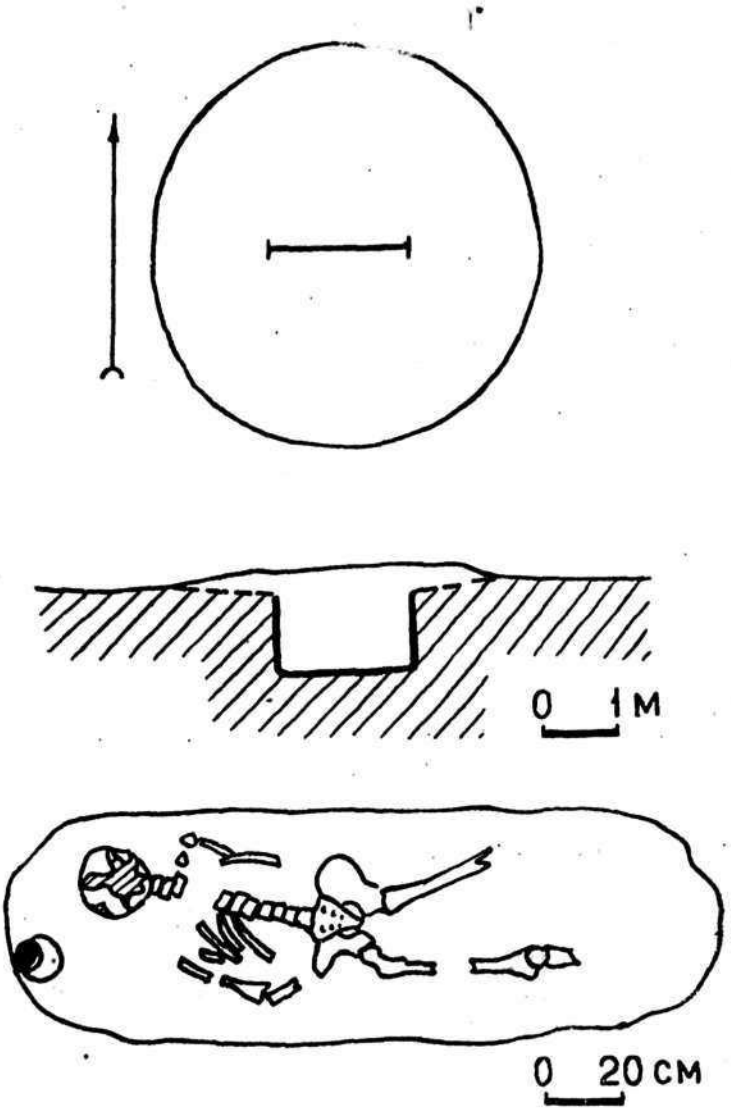


Рис. 42. План, разрез насыпи и могильной ямы кургана 4 могильника Унгур-Кора II.

ка уплощен. Под насыпью оказались две могильные ямы — южная и северная, ориентированные с востока на запад.

Южная яма длиной 2,2 *м*, шириной 0,7 *м*. На глубине 0,72 *м* в юго-западном углу стоял сосуд типа кувшина грушевидной формы, с обломанной ручкой, дно выпуклое с заметным уплощением, диаметр венчика 10 *см* (табл. X, *6*). Рядом находился второй сосуд в форме миски (табл. IV, *12*), диаметр венчика 20 *см*, высота 10 *см*, дно выпуклое. В нем лежали хвостовые позвонки овцы. Здесь же найден фрагмент сосуда с четко выраженным поддоном (табл. X, *16*). В яме обнаружен скелет мужчины европеоидного типа с долихокранным черепом, ориентирован головой на запад.

Северная яма. На глубине 0,68 *м* лежал скелет головой на запад. Кости потревожены, инвентаря не найдено.

Курган 28. Диаметр 5 *м*, высота 0,16 *м*. Могильная яма длиной 1,4 *м*, шириной 0,5 *м*, ориентирована с востока на запад. В яме на глубине 0,6 *м* обнаружен детский костяк, который лежал на спине, головой на запад. Слева от скелета в углу ямы обнаружены кусок известняка и напрясло (табл. II, *7*). Под черепом на дне ямы найдены мелкие обломки серьги из бронзовой проволоки в виде спирали с петелькой на одном конце.

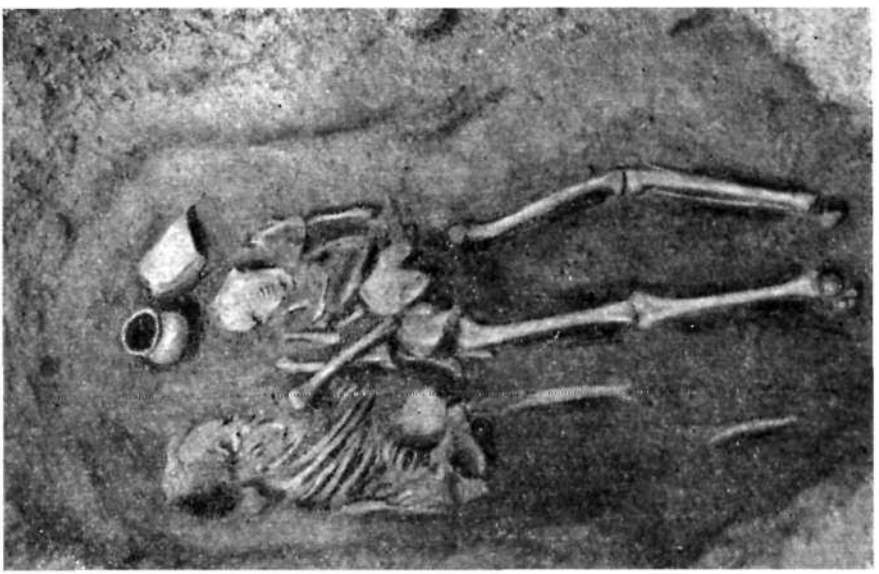


Рис. 43. Могильная яма кургана 26 могильника Унгур-Кора II с погребенными.

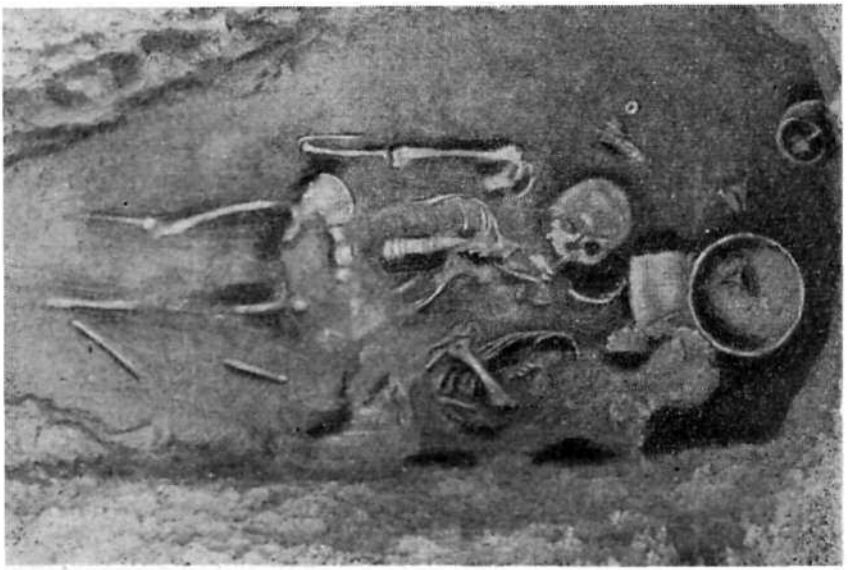


Рис. 44. Могильная яма кургана 31 могильника Унгур-Кора II с погребенными.

Курган 31. Диаметр 8 *м*, высота 0,85 *м*. На уровне древнего горизонта находилось кольцо из камней, диаметром 5,2 *м*. Могильная яма прямоугольной, с закругленными углами, формы, длиной 2,2 *м*, шириной 0,9 *м*, ориентирована с востока на запад. Скелет женщины типа Среднеазиатского междуречья, с долихокранным черепом, лежал вытянуто на спине, головой на запад. Рядом с ним у северной стены ямы найдены разрозненные кости другого скелета. От него in situ в восточном конце сохранились кости пяток, а в западном — грудная клетка и позвонки. Остальные кости свалены в кучу.

В северо-западном углу ямы на глубине 0,95 *м* стоял сосуд в форме миски (табл. IV, *11*), диаметр венчика 23 *см*, высота 8,5 *см*, дно выпуклое. В юго-западном углу находился второй сосуд с узким горлом, отогнутым наружу венчиком и широким туловом, на котором сделан полувалик, на нем сохранились следы от ручки. Дно сосуда уплощенное, высота 11 *см*, диаметр по венчику 9,5 *см* (табл. IX, *7*). Между этими сосудами стоял третий, высокий, кубковидной формы, с петлевидной ручкой в середине тулова. Высота сосуда 17 *см*, диаметр 10,5 *см*, дно уплощенное (табл. VIII, *2*).

Справа от черепа первого скелета лежали крестцовые позвонки овцы, а рядом — напрясло, изготовленное из фрагмента керамики, диа-

метр его 3 *см*, толщина 0,5 *см* (табл. II, *а, б, в*). Справа под черепом второго скелета найдена бронзовая серьга в виде кольца с петелькой.

Могильник Калкан IV

Он выявлен в 1954 г. Расположен в 142 *км* от пос. Илийск, вверх по течению, на надпойменной террасе правого берега р. Или, в 3 *км* восточнее могильника Калкан I. Его курганы занимают площадь около 1000 $м^2$, т. е. с севера на юг они вытянуты на 200 *м*, а с запада на восток — на 47 *м*. Группа состоит из 14 погребальных сооружений, образующих цепочку, ориентированную с юга на северо-восток. Насыпи сложены из камня; 7 курганов, расположенных в центральной и северной частях могильника, в 4—5 *м* ст основания опоясаны кольцом, один курган (10) имел квадратной формы оградку, выложенную из камня на поверхности грунта. По линии диаметра запад — восток у большинства колец отчетливо обозначены «входы» из врытых каменных столбиков высотой до 0,5 *м*. В 3—4 *м* западнее их около некоторых курганов имелись овальной формы выкладки из камней, ориентированные длинной осью с востока на запад. В 1958—1959 гг. в этой группе раскопано 6 погребений и 3 выкладки.

Курган 4. Диаметр 9 *м*, высота 0,5 *м*. На древнем горизонте выявлено кольцо диаметром 3,5 *м*. В середине располагалась могильная яма длиной 2,2 *м*, шириной 0,5 *м*, ориентированная с востока на запад. В подбое северной стены лежал скелет мужчины андроновского типа, на спине, головой на запад, в вытянутом положении. Справа от черепа стоял раздавленный сосуд (табл. X, *2*), рядом с которым найдены разложившийся железный нож и крестец барана. Справа от скелета вдоль южной стены ямы лежали обломки трех жердей длиной 1,4 *м*, диаметром до 10 *см*.

Курган 10. Насыпь в плане квадратная, со сторонами с востока на запад 6 *м*, с севера на юг 5 *м*, высотой 0,57 *м*. Она опоясана квадратной формы оградкой, размером 12×12 *м*, из камней, диаметром от 0,10 до 0,30 *м*. Ее углы с внутренней стороны заполнены камнем, как бы закруглены. С запада в оградке имеется «вход», обозначенный двумя врытыми на торец камнями высотой до 0,40 *м*. В 4,5 *м* западнее его расположена прямоугольной формы выкладка из плашмя положенных плит, в середине ее параллельно в два ряда выложены камни. Длина выкладки с востока на запад 2,5 *м*, ширина 1,5 *м*. Могильная яма в форме удлиненного овала, длина 2,8 *м*, ширина 0,65 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1,2 *м* в восточном конце ямы, в подбое северной стены, обнаружены обломки ребер, позвонков, тазовых и бедренных костей. Погребение разграблено.

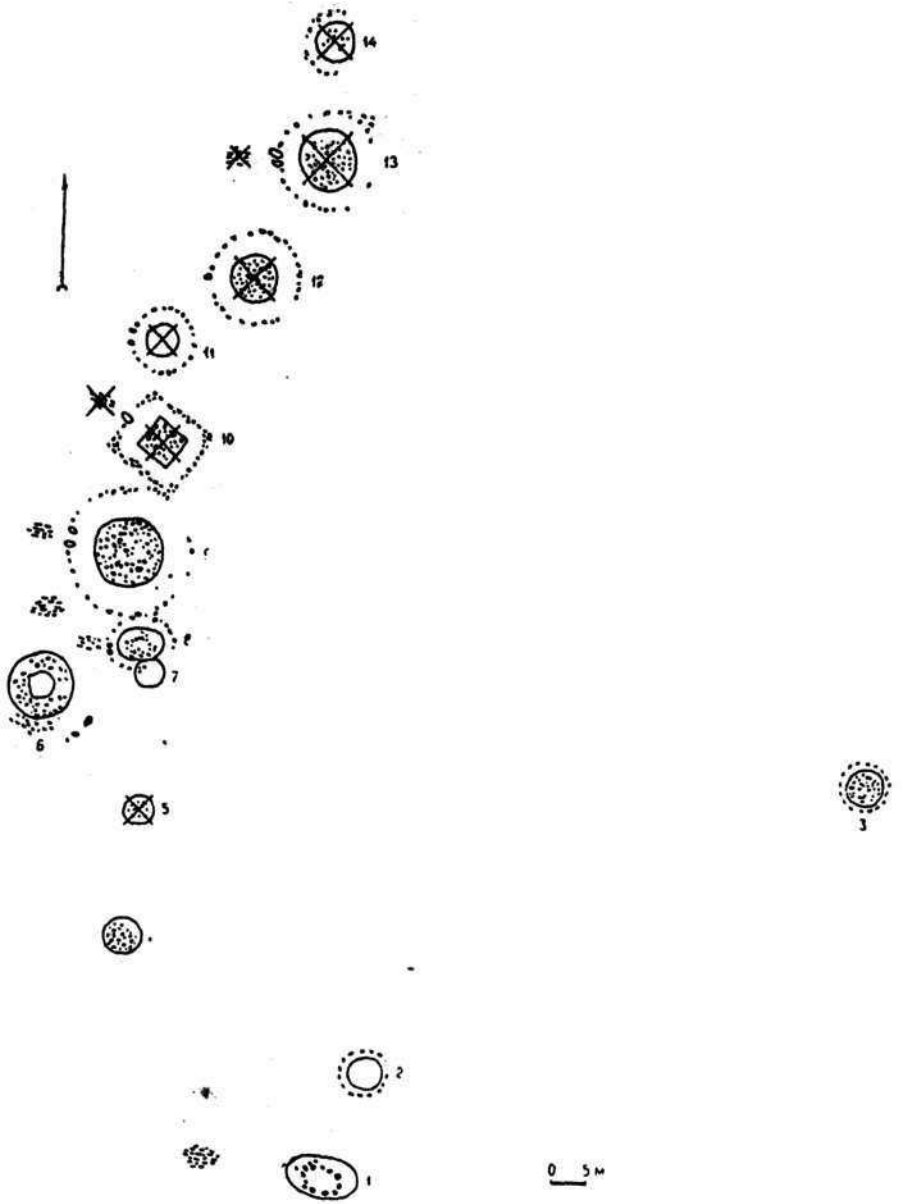


Рис. 45. План могильника Калкан IV.

При расчистке выкладки на глубине 0,1 *м* в юго-западном углу, с внешней стороны камней, найден перевернутый вверх дном сосуд, диаметр тулова 26,5 *см*, высота сохранившейся части 10 *см*.

Курган 11. Диаметр 7,5 *м*, высота 0,55 *м*. Могильная яма длиной 2,5 *м*, шириной 0,9 *м* ориентирована с востока на запад. До глубины 0,9 *м* она завалена крупными камнями. В ней обнаружен скелет мужчины на спине, ориентированный головой на запад, руки и ноги вытянуты. Справа от черепа стоял высокий, цилиндрической формы, сосуд с уплощенным дном, высота его 16 *см*, диаметр венчика 8,5 *см*, тулова 9,5 *см*. Слева у черепа лежал обломок железного ножа длиной 5 *см*, шириной 1,6 *см*.

Могильник Арал-Тобе I

Он выявлен в 1954 г., расположен на правом берегу р. Или, у основания горы Большой Калкан. Насыпи состояли из мелких камней и лёссового грунта. Курганы разбросаны бессистемно с запада на восток на 250 *м* и с юга на север — на 300 *м*. Могильник насчитывает 27 курганов. В основном они расположены группами по 2—3 насыпи, находящимися как у самого берега реки, так и далеко от него. Диаметр насыпей от 4 до 14 *м*, высота от 0,2 до 1,2 *м*.

В 1958 г. в могильнике исследовано 7 курганных погребений, расположенных: четыре в южной, два — в восточной, одно — в северной частях могильника.

Все раскопанные погребения имели небольшие, близкие по размерам насыпи с каменной наброской. Исследованные курганы оказались разграбленными в древности. Из-за отсутствия инвентаря могильник может быть продатирован только условно, с учетом его планировки, особенностей надмогильных сооружений и погребального обряда.

По планировке, характеру и структуре насыпей он аналогичен могильнику Тайган II, поэтому может быть отнесен к II в. н. э.

* * *

Курганы описанной серии могильников имеют ряд характерных черт, отличающих их от памятников двух предшествующих периодов. Например, три раскопанных кургана могильника Капчагай II близки между собой по характеру насыпи, обряду погребения. Инвентарь беден и состоит в основном из одного деревянного сосуда, железного ножа, бронзовых сережек и светло-зеленых пастовых бусин. Сосуд из северной ямы кургана 3 представлен отдельными фрагментами, поэтому он не может служить датирующим материалом.

Эти курганы датируются по бронзовым серьгам в форме спирали с петелькой для подвески. Мы уже приводили им аналоги из памятни-

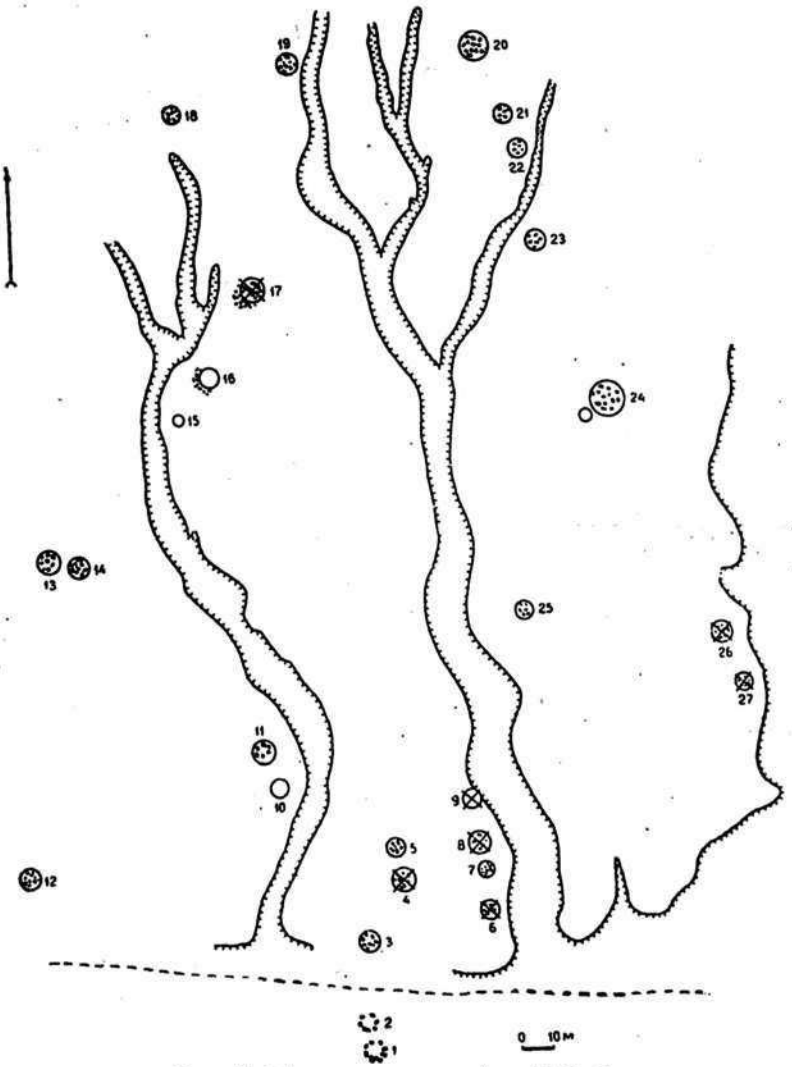


Рис. 46. План могильника Арал-Тобе I.

ков юга Казахстана, которые позволили отнести эти погребения ко времени не ранее II в. н. э.

Могильники Чулак-Джигиде I и II, датируемые нами II—III вв. до н. э., имеют общие характерные признаки. Все исследованные курганы— без каменных колец в насыпи, им присущи однотипные могильные

ямы — подбойные и заставка, аналогичен инвентарь. В них обнаружено: десять глиняных сосудов, два железных ножа, зернотерка, кусок мела; в пяти погребениях найдены крестцы барана. Глиняные сосуды из курганов 6, 31, 42, 55 с уплощенным и плоским дном по своей форме, фактуре теста, окраске снаружи красным ангобом подобны сосудам из памятников сопредельных территорий.

Сосуды из кургана 6 представляют собой низкой формы горшки с широким устьем и плоским дном, покрытые на внешней поверхности красным ангобом. По этим признакам они близки сосудам станковой лепки из кургана 2 Кую-Мазарского могильника, датируемого II—IV в. н. э.[51] Своей окраской наши сосуды повторяют позднекангюйскую кушанскую керамику II—IV в. н. э. в виде красного и коричневого лощения[52].

Сосуды из курганов 45 (скелет 2,) и 55 (большая яма) отличаются характерной для того периода формой горшков с широким устьем и плоским или уплощенным дном. Они имеют отогнутые наружу венчики и срезанные внутрь закраины, у сосуда из кургана 55 ниже венчика нанесены едва заметные орнаментальные каннелюры, напоминающие прочерченный орнамент, широко распространенный в керамике кушанского времени в Средней Азии[53]. Не противоречит данной датировке и обнаруженная в кургане 42 каменная поделка прямоугольной формы со сквозным отверстием в центре. Она повторяет форму квадратных пряслиц из Кенкольского могильника[54], датируемого II—IV в. н. э. (по С. С. Сорокину)[55].

Грушевидной формы кувшин из кургана 45 с орнаментом в виде равнобедренных, с точками внутри, треугольников, ограниченных сверху и снизу двумя прорезанными параллельными линиями, близок по орнаменту керамике ранних памятников Ферганы, и, в частности, сосудам Ак-тамского могильника[56]. Если у ферганских сосудов орнамент занимает большую часть их поверхности, то у наших — это лишь узкий поясок на тулове. Отличаются они и формой. В Фергане это полусферические чаши, у нас — кувшины. Подобная керамика широко бытовала и в позднекангюйское время[57] (I в. до н. э.—I в. н. э.) в Хорезме. Из сравнения керамических изделий из оседло-земледельческих районов Сред-

---

[51] О. В. Обельченко. Курганы I века нашей эры и кенотафы Кую-Мазарского могильника.— Труды САГУ, т. IV, Археология Средней Азии, 1957, стр. 109—131, рис. 2.

[52] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода..., стр. 149—150.

[53] Там же, стр. 150—151.

[54] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник..., стр. 7, табл. XXXV.

[55] С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— КС ИИМК, 1956, вып. 64, стр. 14.

[56] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-тамский могильник..., стр. 78—90

[57] М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 140—141; рис. 42.

ней Азии с керамикой соседних скотоводческих районов юга Казахстана виден низкий уровень и консерватизм гончарного производства в последнем.

Курганы могильника Унгур-Кора II, как свидетельствует описание, близки между собой по конструкции насыпей, отсутствию каменных колец и обряду погребения в грунтовых ямах. В них обнаружено семь глиняных сосудов, две бронзовые серьги, напрясло, каменный пест, зернотерка.

Несмотря на бедность найденного инвентаря, глиняные сосуды могильника резко выделяются своими формами из круга усуньских памятников. Особо интересен из этой серии сосудов кувшин из кургана 4. Он имел плоское дно, шаровидное тулово, покрытое рифленым орнаментом из параллельных линий, переходящее в низкую горловину с широким устьем, завершающуюся отогнутым наружу венчиком. Внешняя поверхность его покрыта красновато-коричневым ангобом. Сосуд сделан на ручном круге, тесто хорошего промеса, плотное, обжиг высокий. Высота его 15,7 *см*, диаметры: венчика —9 *см*, горловины —7 *см*, тулова —14,5 *см*, дна —8 *см*. По форме и технике лепки он не повторяет известную усуньскую керамику и, по-видимому, является результатом западного влияния. По орнаменту, красно-коричневой раскраске и, наконец, станковой технике сосуд сильно тяготеет к раннекушанской керамике Хорезма. В памятниках Хорезма подобные сосуды датируются I—II вв. н. э.[58] Правда, они отличаются от нашего размером, назначением и представлены формами типа хумчи или низкими широкими мисками.

Другой наш сосуд, свидетельствующий о влиянии запада,— это биконической формы горшок из кургана 31. Он изготовлен ручной лепкой и имеет очень своеобразную форму и раскраску серого цвета. Тесто по своему составу — местной усуньской фактуры. Хотя тип его не характерен для усуней, он может быть сопоставлен с поздними кушанскими светлоангобированными горшками из Хорезма, датируемыми исследователями III—IV вв. н. э.[59]

Низкая широкая миска из кургана 12 с плоским дном, прямыми стенками и скошенной внутрь закраиной покрыта светлым ангобом и изготовлена на ручном гончарном круге. Она повторяет форму хорезмских блюд, орнаментированных полуваликами, бытовавших в раннее кушанское время и датируемых I—II вв. н. э.[60] Наша миска отличается от хорезмской размером и назначением сосуда. Аналогична ей миска из кургана 16 могильника Жуантобе II, изготовленная на гончарном

---

[58] Там же, стр. 162; рис. 35 (*5*), рис. 37 (*9*).
[59] Там же, стр. 161; рис. 35 (*31*).
[60] Там же, стр. 149; рис. 32 (*32*).

круге и датируемая I в. н. э.[61] Эта миска найдена в комплексе с обломком другого сосуда, имевшего четко выраженный поддон, говорящий о позднем времени данного погребения.

Из анализа керамики данного и других могильников правобережья видно, что сосудов с вогнутым, четко выраженным поддоном в наших коллекциях нет, т. е. они не характерны для усуньской керамики. Поэтому погребение, сопровожденное низкой миской и обломком сосуда с поддоном, следует отнести к периоду не ранее II в. н. э., так же как и миску из кургана 13, а миску из кургана 31, имевшую аналогию в раннекушанских красноангобированных мисках Хорезма, датировать II в. н. э.[62]

И, наконец, последняя форма сосудов из этого могильника — высокие, цилиндрической формы, кубки с плоским дном, узким устьем и расширяющимся туловом. На средней части тулова имеется петлевидная ручка. Сосуды сделаны ручной лепкой, тонкостенные, тесто плотное, хорошо отмученное, обжиг неравномерный, в изломе бледно-красный. Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена до легкого лощения и покрыта бледно-красной краской. Эта форма сосудов также не характерна для усуньской керамики Семиречья. Аналогичные высокие сосуды известны в более поздний период. Нашим кубкам близки сосуды из Кызатского могильника (курган 10), относимого А. Н. Бернштамом к гуннскому времени (I—IV вв. н. э.)[63]. При полном подобии они отличаются лишь расположением ручек. У наших сосудов они на тулове, а у сосудов из кургана 10 — у закраины. Эти сосуды сближаются и с позднекушанской посудой Хорезма[64].

Приведенные аналогии позволяют отнести описанные погребения ко времени не ранее II—III вв. н. э. Не противоречат этой датировке и обнаруженные в курганах 28 и 31 бронзовые серьги с петелькой для сложной подвески, которые встречаются в илийских погребениях в более позднее время.

Погребения могильника Калкан IV сближаются между собой по характеру конструкции насыпи, наличию колец на древней поверхности, типу могильных ям и инвентарю. Их глиняные сосуды подобны по форме керамике из могильника Калкан I, что свидетельствует об их близости по времени. Сосуды из курганов 4 и 11 повторяют уже известные аналогии, приведенные для датировки могильника Калкан I, что позволяет отнести наш могильник ко времени не ранее II в. н. э.

---

[61] А. Г. Максимова. Усуньские курганы левобережья р. Или..., стр. 81—83, табл. I, рис. 20.

[62] М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 151; рис. 34 (*8*, *11*).

[63] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 63—67, рис. 36 (*6*).

[64] М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 195—197.

Суммируя данные поздней группы могильников, следует сказать, что им присущи сближающие их характерные признаки.

1. Все могильники разбросаны бессистемно, в них не обнаружены цепочки курганов.

2. Они близки по погребальному обряду, типу могильного сооружения и размерам. Курганы, как правило, без каменных колец, изредка встречаются с кольцами под насыпью, т. е. на древнем горизонте. Основным типом могил являются грунтовые ямы, широко распространены и подбойные и совершенно отсутствуют перекрытые деревом.

3. Погребения близки по характеру инвентаря. В них преобладают предметы из железа и встречаются каменные зернотерки, сосуды с уплощенным и плоским дном. Большинство сосудов тонкостенные, высокой техники отделки, иногда с применением ручного гончарного круга. Тесто хорошо отмученное, плотное, с малым содержанием отощителей. Для этой керамики характерна окраска внешней поверхности сосудов в красный и коричневый цвета.

Перечисленные признаки и приведенные аналогии позволяют продатировать эту группу могильников не ранее чем II—III вв. н. э.

Анализ памятников правобережья р. Или, относимых в целом к усуньскому периоду, показывает, что здесь сосредоточены памятники трех хронологических периодов, различающихся, как мы указывали, по планировке; по конструкции насыпи и колец в ней; по ведущему типу могильной ямы; по характеру сопровождающих предметов материальной культуры (изделий из бронзы, железа, камня) и своеобразию форм керамики.

Анализ фактического материала из могильников, отражающих три периода истории материальной культуры усуней правобережья р. Или, позволяет охарактеризовать формы их хозяйства, общественные отношения и религиозные представления, о чем будет сказано в следующих главах.

Глава II

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

§ 1. Топография памятников

Из данных археологической карты юго-востока Казахстана[1] видно, что здесь преобладают памятники ранних кочевников и большинство их располагается по югу Илийской долины, непосредственно в предгорьях Заилийского и Джунгарского Алатау.

В археологической литературе неоднократно высказывалось мнение, что районы сосредоточения локальных могильников следует рассматривать как места зимовок[2], где кочевники проводили холодное время года и постоянно погребали всех умерших членов рода, племени. Этой точки зрения придерживался и А. Н. Бернштам. Он писал: «Могильники складывались в непосредственной близости от населенного пункта, стоянок (зимовок) кочевников»[3].

Из этой оценки места расположения могильников впоследствии исследователи сделали серьезные выводы о форме хозяйства древних племен и насыщенности памятниками исследуемых районов. Придавая большое значение исторической топографии памятников, мы начинаем характеристику именно с этого.

О сосредоточении в исследуемом районе локальных курганных могильников раннекочевнического времени неоднократно говорилось в литературе. А. Н. Бернштам, сравнивая количественное соотношение могильников в предгорьях Заилийского Алатау и синхронных памятников Тянь-Шаня, указывал, что «... на 55 *км* предгорий Заилийского Алатау... зафиксировали 11 больших могильников, а именно: Узунагачскую, Каргалинскую I и II, Чемолганскую, Каскеленскую I и II, Малоалматинскую

---

[1] «Археологическая карта Казахстана»..., стр. 280—344; также см. листы (карта) 37—89.

[2] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР..., стр. 177; «История Казахской ССР», изд. 3, т. I, 1957, стр. 43, 189.

[3] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 24—26.

I и II, не говоря о ряде малых групп. Все эти могильники, как правило, имели сотни курганов»[4]. Исходя из сопоставления, А. Н. Бернштам сделал вывод, что количественное преимущество могильников в Семиречье является доказательством большой плотности населения в то время.

Е. И. Агеева[5], изучая материалы 1956 г. из восточной половины Илийской долины, пришла к тому же мнению, что и А. Н. Бернштам, и также отметила насыщенность долин рек Талгар, Иссык, Тургень, Чилик, Чарын, а также реки Кегень могильниками усуньского времени. Разбирая топографию могильников, она пишет, что «они как бы замыкают входы на сезонные пастбища — летовки (джайляу), располагаясь в местах весенних и осенних выпасов. Здесь наиболее долог и обилен травостой, самые удобные подходы к свежей горной воде. Большинство урочищ защищено от зимних буранов и снегопадов»[6]. Действительно, расположение могильников около больших и малых рек, вытекающих из широких горных ущелий, являющихся хорошими и легко доступными пастбищами, свидетельствует о принадлежности этих памятников племенам, основу хозяйства которых составляло скотоводство. В данном случае мы не ставим своей задачей определить форму скотоводства, а лишь констатируем, что район расположения могильников (местность) по своим особенностям больше пригоден для скотоводства, чем для земледелия. Природные условия в подобных локальных районах определили не только форму хозяйства, но и плотность населения, что подтверждает наличие здесь большого количества памятников.

А. Н. Бернштам, а вслед за ним Е. И. Агеева считают, что родоплеменные могильники сооружались в районе зимовок. Действительно ли это так?

Если рассматривать с этой точки зрения памятники в предгорьях Заилийского Алатау, то невольно возникает вопрос, почему именно здесь воздвигали могильники?

В физико-географическом отношении исследуемый район — правобережье р. Или и предгорья Заилийского Алатау — за последние три тысячи лет особых изменений не претерпел. Геоморфологическими исследованиями, проведенными за последнее десятилетие, установлено, что «в верхнечетвертичное время (15 тыс. лет назад.— *Г. К.*) окончательно сформировались долины (Илийской впадины.— *Г. К.*) современной ориентировки»[7].

---

[4] Там же, стр. 26.

[5] Е. И. Агеева. Новые данные по археологии Семиречья. стр. 66; А. Г. Максимова. Усуньские курганы левобережья р. Или.

[6] Е. И. Агеева. Новые данные..., стр. 66.

[7] Л. И. Платонова. Геоморфологическое строение и четвертичные отложения западной части Илийской впадины. Алма-Ата, 1962. [Рукопись на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук, стр. 158].

А. Н. Бернштам, прекрасно знавший не только памятники, но и естественно-исторические особенности и природные условия Семиречья, писал, что они «стабильны по крайней мере уже две с половиной тысячи лет»[8].

Следовательно, в Семиречье и Илийской долине до настоящего времени существуют природные условия, аналогичные древним. В результате этого в какой-то степени должно было сохраниться и своеобразие форм ведения скотоводческого хозяйства, сложившегося на основе многовекового опыта. Это подтверждает данные полевых исследований этнографов ИИАЭ АН КазССР, собранные в 1959—1960 гг. в Алма-Атинской области.

Сведения, собранные экспедицией, свидетельствуют, что казахи бывшего Старшего жуза использовали предгорья и горные ущелья лишь в летнее время, как джайляу, а на зиму спускались на равнины и в пески, где находились зимние кочевья[9].

В настоящее время при высокоразвитой сельскохозяйственной технике, массовом сенокошении и заготовке кормов большинство колхозов юга Илийской долины, т. е. предгорий Заилийского Алатау, в конце октября — в ноябре начинают массовый перегон скота в равнинные районы — пески Таукум, «Поющий бархан», саксаульники и камышовые заросли рек Или, Каратала и их притоков, где расположены зимние пастбища[10]. Так, на участок левобережья р. Или, от реки Кур-Чилика до границы Чиликского района, т. е. на 50 *км*, три колхоза Чиликского района перегоняют на зимовку от 30 до 60 тысяч голов скота, главным образом овец, лошадей, иногда крупный рогатый скот. Здесь также находятся зимовки колхоза им. Калинина из с. Каратурук и двух колхозов из пос. Чилик. На правый берег р. Или, в район прибрежных песков у гор Кату и Актау, из Первомайского мясосовхоза (с. Басчи) ежегодно перегоняется до 50—60 тысяч овец, или 75—80 процентов поголовья. Скот здесь содержится с ноября до марта — апреля следующего года[11].

Доказательством использования поймы р. Или в качестве района зимовок являются сохранившиеся здесь старые казахские зимники, десятки и сотни современных новых зимовок колхозов. В предгорьях Заилийского Алатау их нет. Следует добавить, что даже дикие животные — козы, бараны и другие с выпадением в предгорьях Заилийского Алатау

---

[8] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 26.

[9] В. В. Востров. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области..., стр. 124.

[10] К. Б. Ахметова. География животноводства Алма-Атинской области. Алма-Ата, 1962, стр. 92.

[11] Данные получены автором путем опроса колхозников-чабанов, живущих на зимовках у р. Или (Н Михайлова из Чилика, С. Кмарина из с. Первомайки).

первого снега, по мере продвижения зимних холодов с севера на юг, перекочевывают, наоборот, с юга на север, т. е. из горных районов в равнинные. Если человек перегоняет скот в пески и саксаульники на зимние месяцы сознательно, то дикие животные это делают бессознательно, приспосабливаясь к природным условиям. Эти факты показывают, что предгорья Заилийского Алатау в зимние месяцы непригодны для содержания скота на подножном корму из-за толстого снежного покрова, поэтому они не могут быть районом зимовок.

Из архивных источников и трудов русских исследователей известно, что Семиречье в основном входило в состав Старшего жуза. Основными казахскими родоплеменными объединениями, населявшими Семиречье, были дулатовцы, кочевавшие по югу Илийской долины, джалаиры — севернее р. Или и атбановцы, жившие в восточной половине долины[12]. Н. А. Абрамов, характеризуя локальные районы расселения казахов в начале XIX в., указывал: «В окрестностях Алматов кочуют киргизы Большой орды из дулатов. Всех киргизов племени дулат считается 6672 кибитки (т. е. около 25—30 тыс. человек.—*Г. К.*). Весь род сейкалы имеет кочевки зимние и летние в горах Алатау (следует понимать: юг Илийской котловины.—*Г. К.*) в ущельях р. Тургеня, Иссыка, Талгара, Кутурбулака, Алматов, Каскелена, Каргалов, Чемолгана, Узун-агача, Кара-Кастека и далее»[13],

Н. А. Абрамов не разделяет места кочевок на зимние и летние, а говорит в целом о районе кочевий. Однако, описывая кочевки другого племени, он указывает, что «по реке Караталу и впадающим речкам и их притокам и далее кочуют киргизы Большой орды племени джалаиров с разными родами и отделениями. Зимние кочевки на Аркалыке и на обеих Каму. На летние кочевки все киргизы племени джалаиров, избегая мух, мошек и комаров, беспокоящих людей и скот, *переходят с начала лета в предгорья Алатау* (подчеркнуто нами. — *Г. К.*) по некоторым речкам Каратальской системы, вдоль которых растет сочная трава. В августе джалаиры начинают спускаться с предгорий в долины, где расположены их пашни. Приблизительное число всех джалаиров 25 тыс. душ, а официально известное число кибиток 8410 и султанских 40»[14].

В этом исследовании Н. А. Абрамова имеется много сведений о районах расселения казахских родов, причем автор всегда различает их зимние и летние кочевья.

Из сообщений Н. А. Абрамова видно, что казахи летом уходили

---

[12] П. Пичугин. Военное вторжение кокандцев в Алатавский округ в 1860 г.— Военный сборник, 1874, № 5, стр. 6.

[13] Н. А. Абрамов. Алматы, или укрепление Верное, с его окрестностями. «Записки РГО». По общей географии, 1867, т. I, стр. 267—268.

[14] Н. А. Абрамов. Река Каратал с ее окрестностями. «Записки РГО». По общей географии, 1867, т. I, стр. 272—273.

на предгорные и горные пастбища, а осенью спускались на равнины и в поймы рек, богатые камышом и саксаульником.

Большой знаток истории и этнографии казахов Ч. Ч. Валиханов в статье «О кочевках киргиз» писал, что «для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод. Для летних кочевок, напротив,— места открытые, привольные и обильные текущими водами и озерами»[15].

В этой же статье, говоря об основном направлении скотоводства бывшей Акмолинской области, Ч. Ч. Валиханов отмечает: «Табуноводство уже уступает место овцеводству и разведению верблюдов, ибо песчаные и солончаковые равнины производят растения, употребляемые исключительно овцами и верблюдами. Летние кочевки по Нуре и Баканасу, а уютные зимовки в лесистых горах и в камышистых прибрежьях Балхаша»[16].

Марко Поло, посетивший ставку монгольских ханов и оставивший описание племен и народностей Азии, так характеризует образ жизни монголов: «Зимою татары живут в равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом — в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища»[17].

Описания условий кочевания как в ранних источниках (XIII в.— Марко Поло), так и в поздних (XIX в.— Ч. Валиханов, Н. А. Абрамов) свидетельствуют о том, что за шесть веков в пастбищно-кочевой системе скотоводческого хозяйства кочевых народов особых изменений не произошло.

Это позволяет на основании ретроспективного анализа рассматривать предгорья Заилийского Алатау районом летних пастбищ (джайляу), а курганные могильники — родовыми кладбищами, воздвигнутыми в этих местах.

Кочевые народы строго не придерживались обычая погребать своих родичей только на зимовках или летовках. Об этом говорят этнографические данные о погребальном обряде. Наиболее ранним сообщением о погребальном обряде кочевых народов являются записи Плано Карпини о монголах, который отмечает: «Когда же он (человек.—*Г. К.*) умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им (знати.—*Г. К.*) будет угодно»[18]. Далее он пишет: «В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое (кладбище.—

---

[15] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 531—532.
[16] Там же, стр. 533.
[17] «Книга Марко Поло». М., 1956, стр. 88.
[18] Джиовани дель Плано Карпини. История монголов. М., 1957, стр. 31.

Г. К.) — то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие»[19], т. е. рядовые воины.

Казахский просветитель И. Алтынсарин, разбирая свадебные и погребальные обряды казахов, отмечал, что «могила приготовляется на самом высоком в окрестности аула месте, ...при выборе места для погребения усопшего соблюдается еще и то, чтобы могила были вблизи воды...»[20]. Другой автор сообщает: «Когда умирает киргиз, киргизы стараются хоронить своих покойников ближе к могилам своих предков и на возвышенных местах... В старину надмогильному памятнику давали вид киргизской кибитки (юрты-кургана.—*Г. К.*)»[21].

В этом источнике не указано, где находились могилы предков. «Если смерть застигла кого-либо в пути и он выразил желание быть похороненным на родине,— сообщает Р. Карутц,— тело кладут на верблюда и совершают часто в течение многих дней долгий обратный путь..., или предание тела земле совершается где-нибудь на каком-либо определенном кладбище»[22].

Интересен документ, повествующий о значении летних кочевий в жизни скотоводческих народов. В нем говорится: «Кумыс и молоко здесь, на джайляу в Семиречье — в изобилии, нет недостатка и в мясе. То там, то здесь в горах вы видите дымки костров — это «той». На богатых тоях приготовления занимают несколько дней; съезжаются сотни родственников, которые и пируют чуть не неделями. Вообще, *к джайляу приурочиваются «тои», связанные со свадьбами, и «ас», связанные с поминками»*[23]. (Курсив наш.—*Г. К.*).

Таким образом, этнографические материалы не дают конкретных сведений, где находились места погребений кочевников: на зимовках или летовках.

Как известно из источников, могилы в основном сооружали на возвышенном месте вблизи аулов. Если учесть, что казахи-кочевники как на зимовках, так и на летовках стояли аулами, то всякая специфика погребального обряда исчезает. Сведения более позднего периода, т. е. развитых классовых отношений, свидетельствуют о том, что баи-феодалы, преследуя свои имущественные интересы, обычно завещали хоронить их на зимовках. Этого не могло быть в условиях древнего общества в Казахстане.

Суммируя данные этнографии и учитывая специфику ведения коче-

---

[19] Там же, стр. 33.

[20] И. Алтынсарин. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 300.

[21] И. Ибрагимов. Этнографический очерк киргизского народа. Сб.: «Русский Туркестан», вып. II, 1872, стр. 150—152.

[22] Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 119.

[23] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Лепсинский уезд». СПб., 1911, стр. 335.

вого скотоводческого хозяйства в Семиречье, *могильники в предгорьях Заилийского и Джунгарского Алатау следует рассматривать как погребения древних кочевых племен, сооруженные на летних кочевьях — джайляу.*

Каковы же географические условия правобережья р. Или?

В физико-географическом и природно-климатическом отношениях правобережье р. Или резко отличается от предгорий Джунгарского и Заилийского Алатау. В отличие от прекрасных широких предгорных равнин и горных альпийских пастбищ Алатау правобережье р. Или представляет собой узкую равнинную полосу, пересеченную сотнями оврагов и саев и покрытую щебнем и мелкой галькой с многовековым пустынным загаром. Эта узкая предгорная равнина имеет пустынную растительность, оживающую лишь ранней весной и поздней осенью. Могильники правобережья, как правило, располагаются вдали от горных ущелий, непосредственно в пойме реки, в местах с удобными подходами к воде, с обильными камышовыми и тугаевыми зарослями. В зимнее время здесь выпадает очень мало осадков, снег почти не лежит, сильный ветер под названием «чилик», дующий вдоль Чулакских гор, обнажает скудную растительность. Район правобережья имеет камышовые заросли и небольшие саксаульники, являющиеся удобным подножным кормом для скота. Поэтому не случайно пойма р. Или, в частности в районе среднего и нижнего течения, до настоящего времени используется многими сельскохозяйственными артелями Алма-Атинской области как место зимовки скота.

Из результатов наблюдений за расположением могильников мы пришли к выводу, что *погребения правобережья р. Или сооружены в районе зимних кочевий.*

Собранный нами материал и ознакомление с кочевым образом жизни здешних племен позволили утверждать, что *синхронные памятники* в предгорьях Заилийского Алатау и среднего течения р. Или *являются крайними точками кочевания древних усуней.*

§ 2. Типы сооружений и обряд погребений памятников правобережья реки Или

Исследованные могильники усуньского времени имеют в основном те же общие характерные признаки (планировка, обряд погребения, конструктивные особенности надмогильных сооружений и погребальных камер, инвентарь), что и широко известные памятники усуньского времени в предгорьях Заилийского Алатау. Данные раскопок в Семиречье за последние 8 лет показали, насколько был прав А. Н. Бернштам, предложивший хронологически разграничить могильники Иссыккульской

котловины, исследованные М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в 1929 г.[24] А. Н. Бернштам аргументировал свое мнение тем, что открытые ими могильники дали несколько другой инвентарь и имели иную планировку[25]. В своих последующих работах он обосновал хронологическую классификацию памятников Центрального Тянь-Шаня и Памира[26].

В настоящее время археологические исследования в Бесшатырском[27], Жуантобинском[28] и Чиликтинском[29] могильниках юго-востока и востока Казахстана позволили выделить два этапа культуры кочевых племен Семиречья — сакский и усуньский — и сформулировать отличительные особенности памятников каждого периода. Для памятников сакского этапа характерно преобладание в инвентаре предметов из бронзы (котлы, светильники, ножи, наконечники стрел), украшений из золота, широкое распространение в прикладном искусстве так называемого сибирского «звериного» стиля. Особенно типично для них наличие предметов вооружения и иногда сложных конструкций — колец и менгирных оградок вокруг насыпи[30]. Подобного в памятниках второго усуньского этапа культуры не встречается, хотя внешне они не отличаются от первых. В усуньских погребениях мало инвентаря, больше железных изделий и почти нет предметов вооружения, хотя усуни генетически продолжают культуру саков.

Илийские могильники расположены меридионально, т. е. по линии водоразделов, идущих от отрогов гор. Эта ориентировка север — юг в памятниках Семиречья не случайна. Она оправдана рельефом местности, с учетом которой древние племена выбирали места для погребений. Она характерна лишь памятникам Семиречья, в основном в Илийской долине. Вполне возможно, что в смежных районах обнаружат памятники этого же периода и курганы, как и в наших могильниках, будут вытянуты цепочками, но, вероятно, с другой ориентировкой, т. е. применительно к рельефу местности. Расположение курганов цепочками исследователи усуньских памятников Северной Киргизии[31] приняли за показатель, позволяющий отнести их к захоронениям знати. Это положение материалами правобережья р. Или не подтвердилось.

---

[24] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Указ. работа.
[25] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии..., стр. 39—40.
[26] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 22—27.
[27] К. А. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 205—210.
[28] А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. — КС ИИМК, 1960, вып. 80, стр. 60—64.
[29] С. С. Черников. Отчет о работах ВКАЭ, 1960 г. Архив Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Рукописный фонд.
[30] К. А. Акишев. Указ. работа, стр. 205.
[31] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Указ. работа, стр. 177—178.

Поэтому ориентировку могильников цепочкой с юга на север мы не считаем признаком, разрешающим предварительно продатировать памятники, а тем более определить социальную категорию погребенных.

На основании анализа инвентаря погребений, конструктивных особенностей курганов и их планировки памятники правобережья р. Или можно разделить на три типа могильников, соответствующих определенным хронологическим периодам, следовательно—и определенным этапам развития усуньского общества.

Рис. 47. Цепочка лёссовых курганов в могильнике Унгур-Ḳора I.

Первый тип — могильники III—II вв. до н. э. Обычно этот тип представлен одной большой цепочкой или несколькими параллельными цепочками, строго идущими с севера на юг (рис. 47), внутри которых располагается по 5—6 курганов в группе. Размер насыпей различен. Курганам присущи каменные кольца на насыпи и вокруг нее. К первому типу относятся могильники:*

Утеген III	101/7	Ḳзылауз III	54/15—13
Ḳапчагай III	53/30—28	Унгур-Ḳора I	78/17—4
Ḳзыл-Эспе	153/8—8	Бесшатыр II	32/10—11

* Дробные числа означают: числитель — количество курганов в могильнике, знаменатель — количество раскопанных курганов, а следующая цифра — количество колец, обнаруженных в раскопанных курганах.

Второй тип — могильники I в. до н. э.—I в. н. э. Для них характерно сочетание цепочек курганов из 3—4 насыпей и курганов, разбросанных бессистемно, группами, т. е. смешанной планировки. Как правило, курганы в цепочках размером больше, чем разбросанные бессистемно. Постепенно цепочки насыпей сменяют бессистемно разбросанные курганы и наоборот.

Могильники второго типа:

Утеген I	33	Калкан I	130/14—12
Утеген II	103/11—5	Тайгак I	50/16—10
Кзылауз II	21/4	Алтын-Эмель I, III, IV	36/13—17

В этой группе кольца обнаружены лишь у четырех могильников.

Третий тип — могильники II—III вв. н. э. Строгой планировки в расположении курганов нет. Большинство из них одинакового размера, бессистемно разбросаны, изредка встречаются каменные кольца под насыпью. Могильники вытянуты широкой полосой с юга на север. Третий тип могильников:

Капчагай II	5/3	Тайгак II	11/6—5
Чулак-Джигиде I	60/7	Унгур-Кора II	39/14—2
Чулак-Джигиде II	80/2	Арал-Тюбе I	27/6—4
Калкан IV	14/6—8.		

Все типы могильников насчитывают различное количество курганов — от 10 до 100 и более. Насыпи сфероидной формы, состоят из лёссового и щебеночно-галечного грунта с характерными для того времени каменными кольцами. По размерам курганы можно разделить на три категории: малые, средние, большие.

Малые курганы — диаметр от 4 до 7 *м* и высотой 0,2—0,4 *м*. Они встречаются в основном по периферии.

Средние курганы — диаметр от 10 до 15 *м*, высота 0,4—0,8 *м*. Они составляют основную массу исследованных курганов и располагаются в центре всех могильников.

Большие курганы — диаметр от 18 до 35 *м*, высота 1—3,5 *м*. Из них в основном состоит могильник Тайгак I, в других они попадаются лишь изредка (рис. 48—50). За время работы экспедиции исследовано 195 малых, средних и больших курганов.

А. Н. Бернштам, многие годы исследовавший древности Тянь-Шаня, Памира и Алая, на основании анализа внешних признаков памятников, пришел к мнению, что «концентрические круги из камней в курганных насыпях — *первый и довольно твердый признак* (подчеркнуто нами.—

Рис. 48. Курган 12 могильника Тайгак I до раскопок.

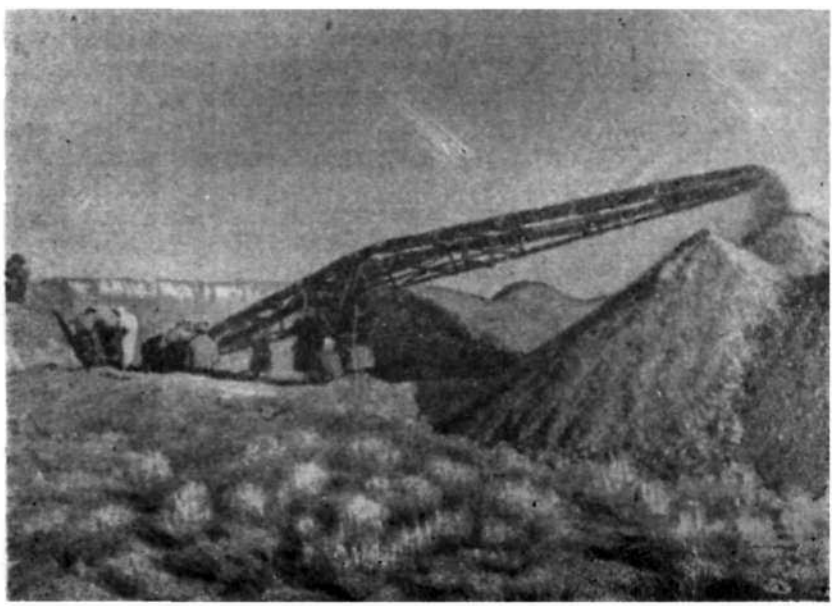


Рис. 49. Применение транспортера при раскопках.

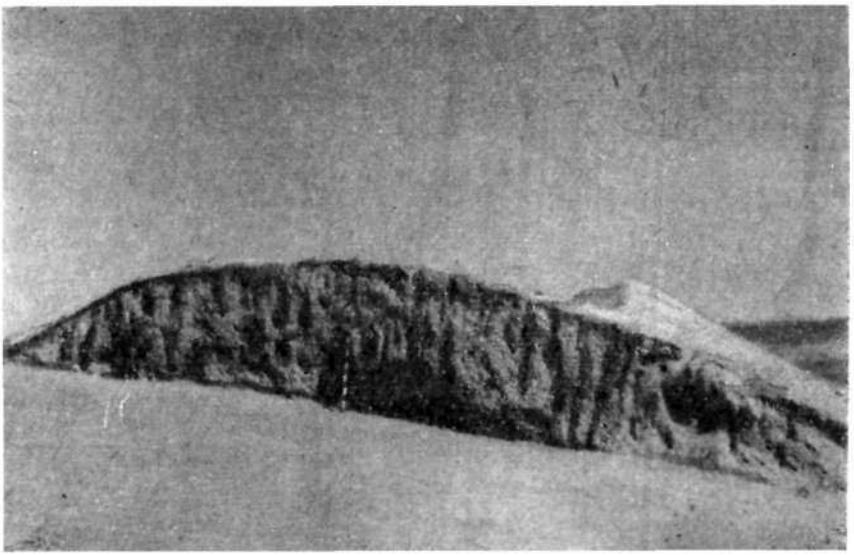


Рис. 50. Разрез насыпи по линии запад — восток.

Г. К.) для отнесения погребения к сако-усуньскому периоду»[32]. Но из-за ограниченности данных 40—50-х годов он не смог показать своеобразие каменных колец на памятниках различных периодов сако-усуньской культуры, охватывающей 1000-летний период. В могильниках усуньского времени на правобережье р. Или каменные кольца являются признаками, определяющими их культурную и хронологическую принадлежность.

Результаты исследования курганов показали, что каменные кольца в насыпях располагаются по-разному. У 18 курганов они находились в 3—4 *м* от основания. Диаметр их, как правило, на 6—8 *м* больше диаметра самой насыпи. Курганы с подобными кольцами имеются в основном в могильниках Кзылауз III, Калкан I, II и IV. В последних трех могильниках каменные кольца были со своеобразными «входами», обозначенными с западной стороны насыпи врытыми на торец длинными камнями.

Курганы с кольцами, сооруженными в какой-то части насыпи, могут быть разделены на два типа: к первому надо отнести курганы, у которых при осмотре памятника кольцо видимо, а ко второму — у которого оно обнаруживается лишь при раскопке кургана. Первый тип в свою очередь может иметь: а) кольца, опоясывающие насыпь по основанию (41 курган), диаметр их обычно равен диаметру насыпи (рис. 51); б) кольца

[32] См.: «МИА», 1952. № 26, стр. 25.

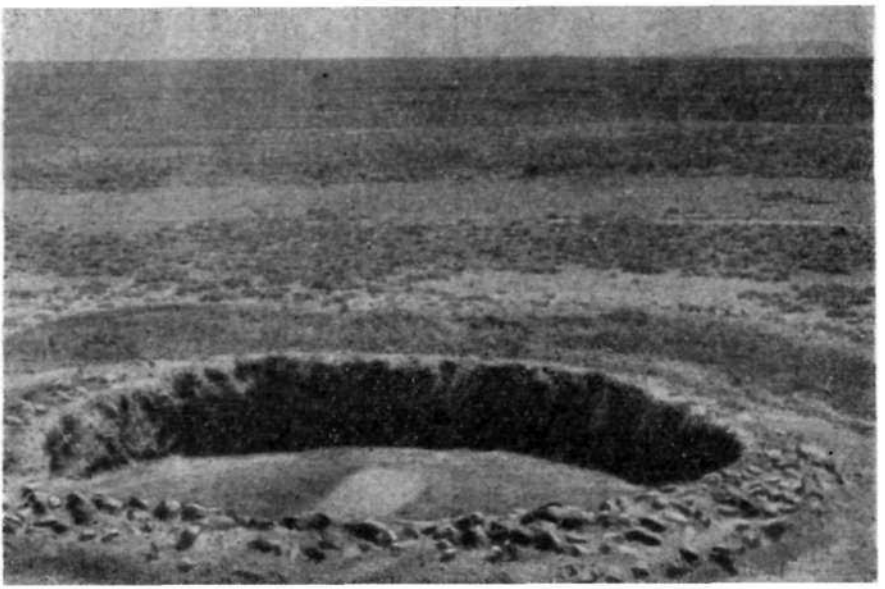


Рис. 51. Кольцо, опоясывающее насыпь по основанию кургана 36 могильника Кзылауз III.

на насыпи (18 курганов), диаметр их меньше на 3—4 *м* диаметра насыпи (рис. 52—53).

Второй тип (рис. 54—56) также с двумя вариантами: а) с кольцами на глубине 0,20—0,30 *м* от поверхности, в середине насыпи (14 курганов), они обнаруживаются при снятии первых двух слоев насыпи; б) с кольцами «под насыпью», т. е. на древней поверхности грунта (35 курганов), они выявляются при полном сносе насыпи. Диаметр их всегда на 3—4 *м* меньше диаметра насыпи.

Все кольца обычно сложены из 1—2 или 3—4 рядов некрупных камней, уложенных в один слой. Ширина их зависит от диаметра насыпи и бывает от 0,5 до 2 *м*.

В могильнике Тайгак I в трех курганах встречены еще каменные кольца в форме полумесяца, широкая часть которых находилась на западной, а узкая — на восточной стороне. Одно из них имело двухъярусное строение, т. е. внешние камни, образующие его, располагались выше внутреннего ряда камней.

В могильниках Калкан I, IV два кургана имели квадратной формы оградки в 3 и 4 *м* от основания насыпи (рис. 57—58), с четко обозначенным с западной стороны «входом», образованным из вертикально врытых камней высотой до 0,60 *м*.

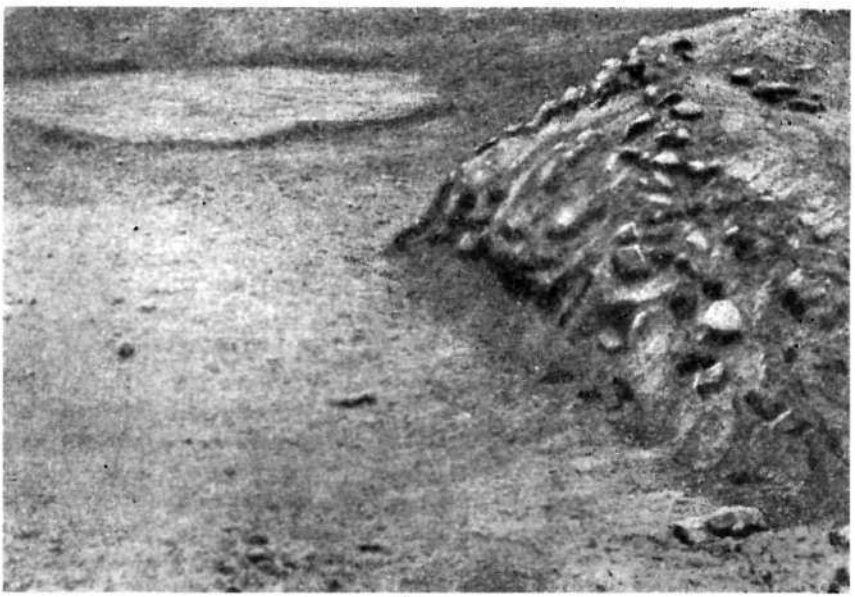


Рис. 52. Кольцо на насыпи кургана 16 могильника Унгур-Кора I (I тип).

Всего на правобережье р. Или нами исследовано 126 курганов с каменными кольцами. Это позволило сделать вывод, что различия в расположении каменных колец относительно насыпи кургана возникли в результате изменений, происшедших в религиозных и космогонических представлениях усуней, вызванных, в свою очередь, серьезными социально-экономическими изменениями, отразившимися и на памятниках.

Курганы первого типа преобладали в могильниках раннего периода, а второго — в памятниках рубежа и первых веков нашей эры (см. схему) Если курганы с кольцами вокруг насыпи встречаются во все периоды, то курганы первого типа, обнаруженные в памятниках раннего периода, к рубежу нашей эры начинают исчезать, на смену им приходит второй тип. Нам кажется, что курганы с кольцами по основанию насыпи в результате каких-то причин сменяются курганами с кольцами под насыпью, а курганы с кольцами на насыпи с рубежа нашей эры заменяются курганами с кольцами внутри насыпи, на глубине 25—30 *см* от ее поверхности.

По сведениям, сообщенным А. А. Марущенко, подобное отличие курганов с каменными кольцами по хронологическим периодам намечается и в памятниках Туркмении. Например, курганы раннего периода из районов Прикаспия, как правило, сопровождаются кольцами, расположенными на насыпи. Диаметр их на $^2/_3$ меньше диаметра кургана, как

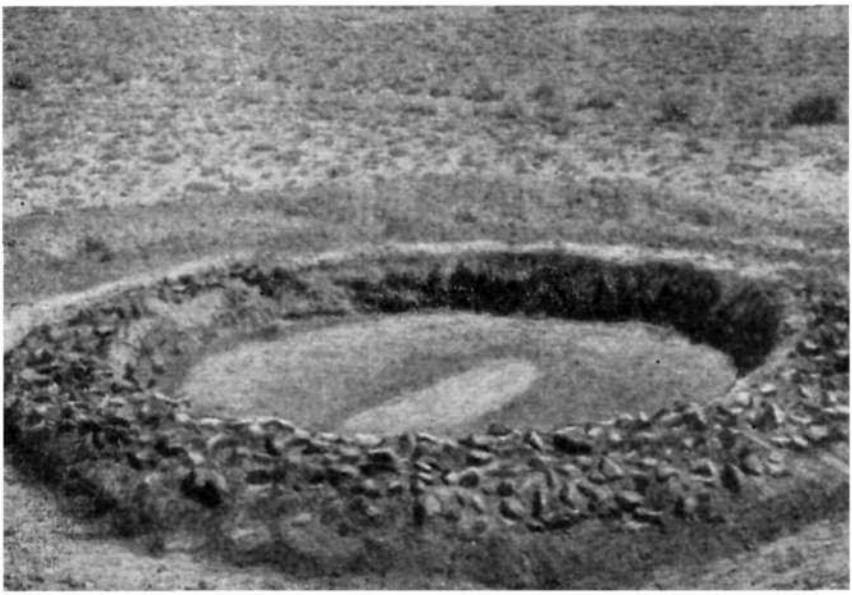


Рис. 53. Кольцо на насыпи кургана 43 могильника Кзылауз III (I тип).

Рис. 54. Кольцо под насыпью кургана 62 могильника Калкан I (II тип).

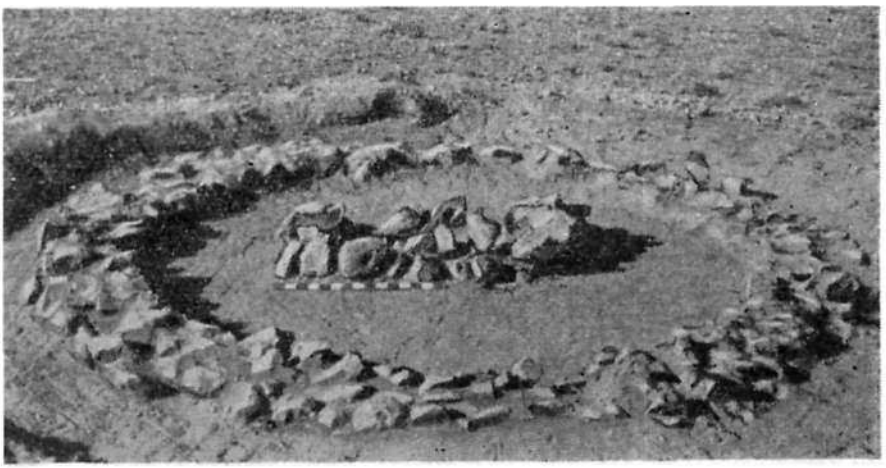


Рис. 55. Кольцо с надмогильной выкладкой под насыпью кургана 63 могильника Калкан I (II тип).

Рис. 56. Два кольца под насыпью кургана 70 могильника Калкан I (II тип).

Рис. 57 Курган 70 могильника Калкан I с каменной наброской.

Рис. 58. Курган 10 могильника Калкан IV с каменной наброской и квадратной оградкой.

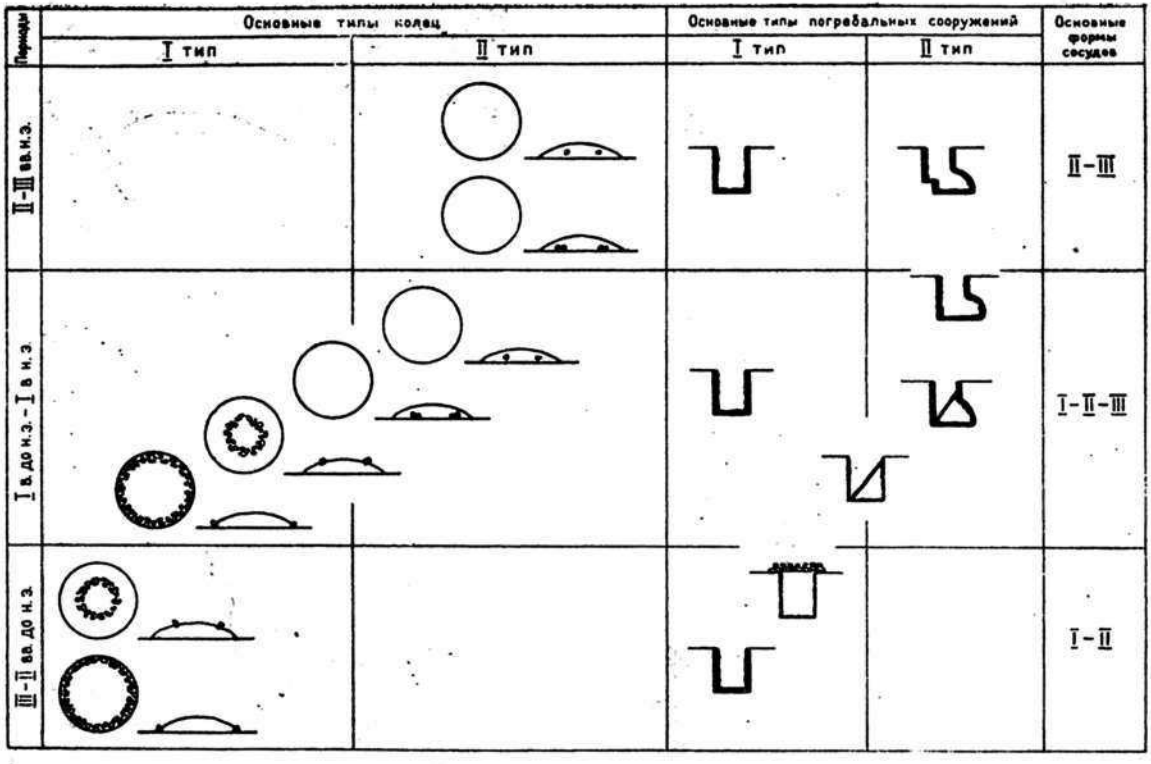


Схема эволюции типов погребальных сооружений, каменных колец (оградок) и форм сосудов в курганах правобережья р. Или.

и в наших курганах, а в памятниках Восточной Туркмении, относящихся к более позднему периоду, каменные кольца располагаются иначе.

В могильниках Калкан I, IV, Алтын-Эмель I, III, IV, отнесенных к рубежу нашей эры, наряду с каменными кольцами как основным конструктивным элементом насыпи появляется дополнительный элемент — выкладка. Она представляет собой овальной или подпрямоугольной

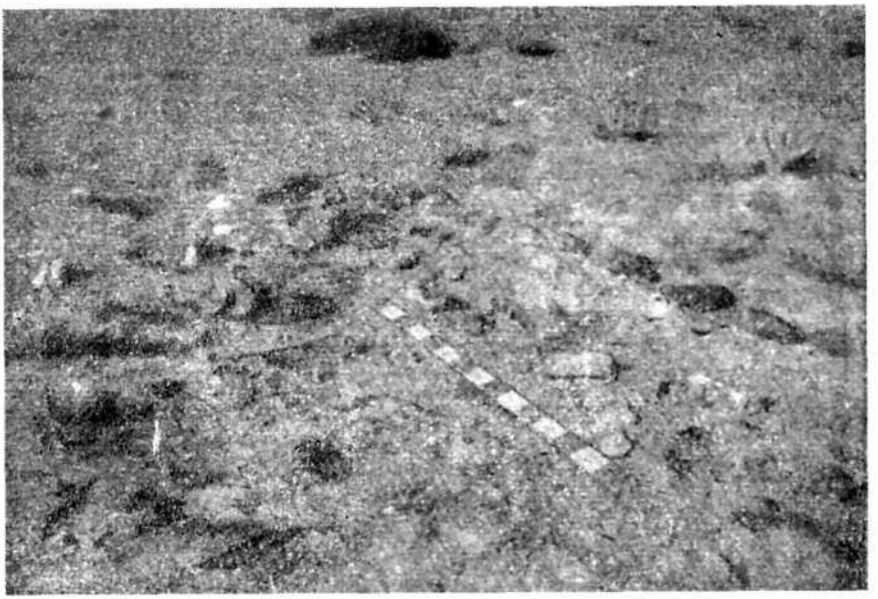


Рис. 59. Выкладка у кургана 60 могильника Калкан I до расчистки.

формы вымостку из камней на поверхности грунта (рис. 59). В могильниках правобережья р. Или она обычно располагается с западной стороны, за кольцом, в 6—7 *м* от кургана, в створе могильной ямы и «входа». Выкладки, как правило, имеют длину 3—5 *м*, ширину 2—3 *м*. Обычно они ориентированы длиной с востока на запад или с юга на север. Как показали исследования, выкладки являются ритуальными сооружениями. В них всегда находят глиняные сосуды, стоящие на уровне древнего горизонта, с юго-восточной либо с юго-западной стороны, около крайних внешних камней (рис. 60, 61).

Сравнение формы, техники лепки и качества сосудов из выкладок и могильных ям показывает, что сосуды из выкладок больше размером и по качеству намного лучше сосудов из могильной ямы. У двух курганов —60 и 70 (Калкан I) между выкладками и кольцом вокруг насыпи

Рис. 60. Выкладка у кургана 60 могильника Калкан I после расчистки.

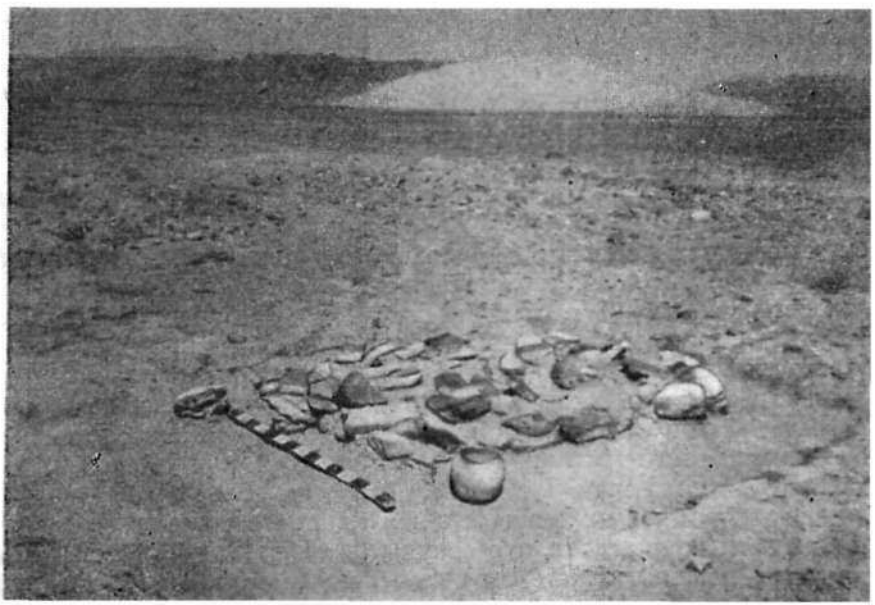


Рис. 61. Выкладка у кургана 70 могильника Калкан I после расчистки.

были найдены угольки — остатки от кострищ, располагавшихся поперек обозначенного «входа».

В могильниках правобережья были обнаружены могильные ямы в форме удлиненного прямоугольника с закругленными углами или удлиненного овала. Обычно длина могильной ямы 1,6—3 *м* (исключая детские погребения), ширина 0,6—1,5 *м*, глубина 0,8—2 *м*.

Для могильников усуньского времени как правобережья р. Или, так и предгорий Заилийского Алатау характерна стабильная ориентировка могильной ямы с востока на запад. В 122 курганах, составлявших 66 проц. всех исследованных, была именно такая ориентировка, в 52 погребениях (22 проц.) — с небольшим отклонением на северо-запад и изредка — на юго-запад.

По устройству могилы в основном представляют собой однотипные грунтовые ямы с отвесными стенами. В зависимости от местных условий они имеют дополняющие сооружения в виде перекрытий, заставок, закладок и т. д., предохраняющие захоронения и инвентарь от разрушения и хищников.

Для усуньских памятников правобережья характерен обряд погребения — трупоположение вытянутое, на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги — вдоль могильной ямы. Встречаются отдельные погребения со скелетом, у которого слегка согнута в локте правая или левая рука, иногда руки лежат на костях таза или под ними.

Инвентарь погребений, как правило, помещен в западном конце ямы, т. е. у головы, и очень беден. Обычно скелет сопровождается одним глиняным сосудом. В ранних могилах обязательно встречаются позвонки овец, в поздних — гораздо реже. В погребениях находили также железные ножи, шпильки, бусы, серьги, зеркала, различного рода поделки из кости, керамики, напрясла, грузила и т. д.

Инвентарь погребений из 140 могил в 66 ямах, составлявших 47,5 проц., находился справа от скелета; в 41 (29 проц.) — слева. В остальных случаях он обнаружен в западном конце могильной ямы, за черепом. Таким образом, преобладает обряд, при котором инвентарь помещали справа от скелета.

В результате ознакомления с антропологическим определением В. В. Гинзбурга и инвентарем можно сделать вывод, что в погребениях правобережья р. Или преобладают мужские захоронения. В мужских погребениях, как правило, всегда находят сосуды и ножи, а в женских — сосуды и бронзовые или железные шпильки, бусины, серьги и другие предметы женского туалета. Очень редко в женских погребениях встречаются железные ножи.

В публикациях археологических материалов часто придают значение

положению черепа, т. е. тому, как он повернут — направо или налево, или же лежит лицом вверх.

Илийские материалы в этом отношении показывают такую картину. Из 109 скелетов, на которых можно проследить положение черепа, лицом налево (север) лежало 47, т. е. 43 проц., лицом вверх —49, или 45 проц. и 13 (12 проц.) — лицом на юг. Как видно из анализа, никакой закономерности в положении черепа нет, и повлиять на датировку памятника, во всяком случае в наших материалах, это не может.

В коллекциях с правобережья имеется 123 сосуда, 67 железных ножей (большая часть из них — это мелкие обломки, не передающие формы), 34 железных шпильки с шаровидной головкой и заостренным концом (большая часть также разрушена, иногда встречаются целые). Плохая сохранность железных предметов объясняется плохим их качеством в результате низкой техники изготовления путем ковки.

В наших коллекциях хранятся еще 4 бронзовых зеркала, 19 спиральных сережек (значительная часть их также разрушена) и бусы (пастовые, каменные и из каких-то смол, черного цвета) из 18 погребений. Датирующего материала мало, но он своеобразен.

Одной из характерных особенностей погребений правобережья р. Или является полное отсутствие в них предметов вооружения, характерных для усуньского времени[33], за исключением кургана 20 могильника Капчагай III, в котором был обнаружен костяной шестигранный наконечник стрелы.

На правом берегу р. Или за 5 полевых сезонов в 195 курганах вскрыта 201 могильная яма, из них 34 оказались без сосудов, а 74 — грабленые. Во всех ямах определен тип погребального сооружения, который классифицируется по двум основным признакам.

Первый основной и господствующий тип — простая грунтовая яма. Она обнаружена во всех могильниках правобережья р. Или, относимых нами к трем различным периодам культуры усуней. Такие могилы были в 113 курганах, составляющих 56,2 проц. исследованных погребений. Этому типу могильной ямы в ранний период сопутствуют дополнительные сооружения (см. схему, I тип). Ими являются часто встречающиеся перекрытия из дерева сверху ямы, на древней поверхности, или же над скелетом. Подобные погребения обнаружены в 40 курганах (20,5 проц.). По характеру деревянного перекрытия могилы делятся на закрытые поперечно положенными бревнами (17 курганов) и продольно положенными (23 кургана). Эти могильные ямы фактически различаются лишь способом устройства перекрытия. Поэтому их можно объединить в один подтип.

---

[33] Л. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник..., стр. 119.

Этот подтип древних погребений характерен для ранних памятников (III—II вв. до н. э.). Наряду с господствующим типом — грунтовой ямой и сопутствующим ей подтипом — на правобережье встречаются и так называемые подбойные могилы. *Это второй основной тип погребального сооружения.*

Подбойные могильные ямы в памятниках усуньского времени на правобережье обнаружены в 38 курганах, т. е. в 19 проц. от общего количества исследованных. Они были широко распространены с I в. до н. э. по III—IV вв. н. э. Подбойные могилы состоят из грунтовой ямы — дромоса и подбоя — ниши. Ниша в подбойных могилах правобережья, как и в Семиречье, имеет стабильное расположение — под северной стеной дромоса на уровне его дна. Подбойные могилы разделяются на имеющие перекрытие из бревен (17 курганов), поставленных наклонно от северной к основанию южной стены, т. е. закрывающих «вход» в нишу, где лежит скелет, и уступ-ступеньку вдоль южной стены ямы, высотой до 0,20 *м*, шириной до 0,4 *м* (21 курган). У последних дно ямы, т. е. ниша, всегда ниже дна дромоса на высоту уступа (см. схему, II тип).

Могильная яма с уступом имеет много общего с типом могильного сооружения, бытующим среди мусульманского населения Средней Азии и юга Казахстана. Уступ в подобных могилах усуней аналогичен лахату мусульманских могил. Погребения древних усуней отличаются от мусульманских сриентировкой могильных ям и погребенных, а также наличием инвентаря.

Наряду с описанными типами устройств могильных ям в 8 курганах правобережья р. Или обнаружен еще один —«заставка». Она представляет собой обычную простую грунтовую яму, перегороженную поставленными наклонно от северной стены к основанию южной жердями и бревнами. «Заставка» является промежуточным подтипом между грунтовой ямой, с одной стороны, и подбойной — с другой. Такое устройство сближает ямы с «заставками» с подбойными могилами, перекрытыми бревнами. Их промежуточное положение, на наш взгляд, свидетельствует об эволюции от простых грунтовых могильных ям к подбойным, т. е. от первого основного типа ям нашей классификации ко второму.

Сопоставление типов погребальных сооружений (ям) и расположение каменных колец, как основного конструктивного элемента насыпи кургана в памятниках правобережья р. Или, показывает, что они взаимно обусловлены. Например, большинство ранних памятников (III—I вв. до н. э.) с могильными ямами первого типа, т. е. грунтовые, как правило, имело видимые каменные кольца. Иная картина наблюдается в поздних памятниках (I—III вв. н. э.). При одновременном бытовании ям первого и второго типов каменные кольца в насыпях, как правило, оказывались невидимыми. Анализ надмогильных памятников и особенностей

погребальных сооружений убеждает нас в существовании у древних усуней двух основных типов погребальных сооружений.

Однако в археологической литературе существует другая точка зрения. В одной из своих работ Е. И. Агеева высказала мнение о бытовании в усуньское время на территории Семиречья[34] восьми различных типов древних погребений.

В другой работе на основании анализа устройства древних погребений она разделила могильные ямы усуней Алма-Атинской области на 12 типов[35].

Становится непонятно, почему для памятников такой обширной территории, как Семиречье, включающей восточную половину Джамбулской и современную Алма-Атинскую область, автор предлагает 8 типов древних погребений, а для одной Алма-Атинской области, являющейся частью Семиречья,—12. Это нелогично.

По мнению другого исследователя, на территории древнего Семиречья существовало всего два основных типа могил — простая яма и подбой[36]. Мы разделяем эту точку зрения.

В курганах усуньского времени вскрыто 370 могильных ям, из них 293 погребения (80 проц.) относятся к первому типу нашей классификации, 62 (17 проц.) — ко второму, прочие составляют 3 проц. Сравнение усуньского типа погребальных камер, перекрытых деревом, с сакскими говорит о генетической связи культуры саков и усуней.

Это подтверждает следующий материал.

В 1957 г. Илийская археологическая экспедиция исследовала в сакском могильнике Бесшатыр курган 25, в котором могильная яма была перекрыта поперек, с севера на юг, плотно положенными на уровне древнего горизонта стволами джиды. Это погребение продатировано V—IV вв. до н. э.[37] на основе бронзовых наконечников стрел и железного акинака. Аналогичное устройство у курганов 12, 15 в могильнике Қзылауз I[38].

В 1959 г. Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция в Чиликтинской долине раскопала один курган, а в 1960 г.— еще три кургана, которые, подобно бесшатырскому, имели поперечный накат из еловых бревен. Чиликтинские курганы[39] отнесены к VI—IV вв. до н. э.

---

[34] Е. И. Агеева. Некоторые данные по археологии Семиречья..., стр. 65—67.

[35] Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области, стр. 33—40.

[36] К. А. Акишев. Некоторые научные итоги полевых работ 1960 г.— Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии, 1961, вып. 2 (16), стр. 87.

[37] К. А. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 204—213.

[38] См.: К. А. Акишев. Настоящая работа, стр... 69, 71, 73.

[39] С. С. Черников. Отчеты о раскопках ВКАЭ за 1949 г., 1960 г. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукописный фонд.

по предметам скифского времени — наконечникам стрел и украшениям из золота в виде фигур животных, рыб и т. п.

В 1956 г. А. Г. Максимовой в составе Семиреченской археологической экспедиции в Жуантобинском могильнике был раскопан курган 12, могильная яма которого также была перекрыта поперек положенными стволами деревьев. По инвентарю погребение датируется VII—VI вв. до н. э.[40] И, наконец, исследованные А. Н. Бернштамом в могильнике Аламышик погребения, перекрытые каменными плитами, по инвентарю принадлежат V—IV вв. до н. э.[41]

Во всех приведенных в качестве примеров курганах исследователи отмечали ряд общих характерных признаков: одну ориентировку могильных ям с востока на запад, наличие перекрытия из поперечно положенных стволов деревьев и своеобразную планировку могильников.

Усуньские погребения правобережья р. Или, перекрытые деревом, подтверждают преемственность обычаев и традиций планировки могильников, погребального обряда, характерных сакскому периоду древней культуры Семиречья.

Поэтому вполне закономерно на раннем этапе параллельное существование с господствующим типом — грунтовой ямой — могильных ям, перекрытых накатом из дерева, как свидетельство пережитков сакских традиций в усуньской среде.

Как уже отмечалось, часто встречающимся типом могильных ям на правобережье р. Или являются подбойные погребения. На первый взгляд они имеют много общего с подбойными погребениями из Ташкентского оазиса[42], Ферганы[43], Тянь-Шаня[44], Таджикистана[45], Бухарского оазиса[46], Поволжья[47], Келесской степи[48], Ошской области Киргизской ССР[49] и из других районов.

На наш взгляд, общим для подобных ям из Семиречья и сопредельных районов является лишь название — подбойные могилы. Семиречен-

---

[40] А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе.

[41] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 27—34.

[42] В. Ф. Гайдукевич. Могильники близ Ширин-сая в Узбекистане.— СА, 1952, XVI.

[43] Б. А. Латынин, Г. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы.— КС ИИМК, 1959, вып. 76.

[44] А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 190.

[45] А. Мандельштам. Археологические работы в 1956 г. в Бишкенской долине. Сб.: «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», вып. IV, 1959, стр. 67—70.

[46] О. В. Обельченко. Курганные погребения..., стр. 205—227.

[47] И. В. Синицин. Древние памятники в низовьях Еруслана (по материалам раскопок 1954—1955 гг.).— МИА, 1960, № 78.

[48] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении.— Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, вып. 1, стр. 47—78.

[49] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области.

ские подбойные могилы коренным образом отличаются от подбойных погребений из других территорий следующими особенностями.

1. Семиреченские погребения вообще, а илийские в частности, имеют ориентировку могильных ям с востока на запад, а подбойные погребения из соседних территорий — с юга на север.

2. В семиреченских погребениях подбойные ниши всегда устраиваются вдоль северной стены ямы, а в памятниках Средней Азии и Поволжья они встречаются как вдоль западной, так и восточной стен.

3. В семиреченских подбоях скелет всегда лежит головой на запад, ногами на восток, а в среднеазиатских различно: на юг, юго-запад, север, северо-восток.

4. Инвентарь в семиреченских погребениях, как правило, находится вблизи головы, в западном конце ямы, в среднеазиатских памятниках он располагается в самых различных частях могильной ямы — у головы, туловища, в середине ямы, в ногах. Аналогичная картина наблюдается в памятниках Поволжья.

Несмотря на такие ярко выраженные различия подбойных погребений, исследователи памятников сопредельных территорий всегда ссылаются на семиреченские, как на аналогичные, а казахстанские ученые — наоборот.

Существуют две точки зрения о принадлежности и генезисе подбойных погребений Средней Азии и Казахстана. Одни исследователи объясняют этот тип погребений как результат влияния иной культуры, как результат миграции древних племен[50]. Другие считают их, как нам кажется, правильно, погребениями местного автохтонного населения[51].

Анализ фактического материала из раскопок на правобережье р. Или убедил нас в том, что инвентарь (сосуды и другие вещи) из подбойных могил ничем не отличается от инвентаря синхронных погребений, но другого типа — грунтовых погребений, т. е. сравнение говорит не о культурной «экспансии», а наоборот, указывает на унаследование более поздней культурой элементов более ранней.

Анализ структуры и основных элементов насыпи показал, что курганы как с подбоями, так и с грунтовыми ямами не различаются между собой, т. е. однотипны. Одинаковы они и по планировке в могильнике, т. е. могут находиться в различных частях комплекса.

Антропологический материал последних лет из раскопок в Семире-

---

[50] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 32; его же. Очерки истории гуннов. М.—Л., 1951, стр. 101 и след.: Ю. А. Заднепровский. Указ. работа, стр. 128—139; Е. И. Агеева. К вопросу о типах..:, стр. 38.

[51] С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры.— СА, 1956, XXVI, стр. 117; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов I века нашей эры возле ст. Вревская в 1947 г.— Труды музея истории Узбекистана, вып. II, 1951, стр. 43—73.

чье свидетельствует о том, что в подбойных могилах погребены представители различных физических типов. Так, в 29 курганах Семиречья, из которых взяты черепа для определения, в 13 подбойных ямах оказались представители физического типа Среднеазиатского междуречья, в 7— европеоиды с брахикранными черепами, т. е. местный семиреченский тип; в 6— андроновский тип, в 2— смешанный монголоидный тип[52].

Учитывая физические типы погребенных, распространение подбойных могил в более ранних памятниках Казахстана[53], а также то, что подбойные погребения правобережья по характеру сопровождающего инвентаря, конструктивным особенностям насыпи, планировке в могильнике аналогичны другим типам местных синхронных погребений, мы пришли к выводу, что *подбойные могилы* правобережья р. Или *являются захоронениями аборигенов*. Этот тип могил возник в результате развития религиозных представлений древних усуней, в свою очередь явившихся следствием серьезных социально-экономических изменений, происшедших на рубеже нашей эры, т. е. в I в. до н. э.—III в. н. э.

Поэтому неубедительно утверждение о занесении типа подбойных могил в Среднюю Азию и Казахстан пришельцами. Подобное объяснение изменений в религиозных и идеологических представлениях древних племен, являющихся результатом дальнейшего развития способа производства, приводит, хотят того исследователи или нет, к неправильному пониманию развития человеческого общества, к отрицанию диалектической закономерности возникновения в недрах старого способа производства элементов нового. Изменения в экономике привели к изменениям и в религиозных воззрениях древних племен, что в свою очередь породило новое в погребальном обряде. Иначе говоря, ответ на все изменения типа древних погребений следует искать в особенностях способа производства.

Таким образом, на основе анализа большого фактического материала мы выделили три самостоятельных периода, каждый из которых имеет характерные особенности — своеобразную планировку могильника, своеобразные элементы надмогильных памятников, особый тип древних погребений и характерный сопровождающий инвентарь. Наряду с особенностями, присущими лишь тому или иному периоду древней истории усуней, выявлен ряд черт (см. табл. 1), общих для всех трех периодов.

---

[52] В. В. Гинзбург. Краткая характеристика материалов из раскопок ИАЭ 1954, 1955 гг. Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукописный фонд; его же. Материалы к антропологии древнего населения юго-востока Казахстана.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 266—269; О. Исмагулов. Антропологическая характеристика усуней Семиречья.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 16, 1963, стр. 170—192.

[53] К. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 19—21.

Таблица 1

Характеристика памятников культуры усуней правобережья р. Или

Датировка	Могильники	Раскопано курганов	Курганы с кольцами						Могильные ямы					Ямы с сосудами					Сосуды с дном				Ямы	
			всего	вокруг насыпи	по основанию насыпи	на верху насыпи	в насыпи	под насыпью	раскопано	грунтовая	с перекрытием	заставка	подбойная	всего	одним	двумя	тремя	грабленые	всего	округлым	уплощенным	плоским	с костями овцы	с зернотерками
II—III вв. н. э.	Капчагай II	3	—	—	—	—	—	—	3	1	2	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	1	1	—
	Чулак-Джигиде I	7	—	—	—	—	—	—	10	1	—	6	3	9	8	1	—	—	10	3	4	3	6	1
	Чулак-Джигиде II	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2	1	1	—	—	—	1	—	1	—	2	—
	Тайгак II	6	5	—	—	—	—	5	6	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Унгур-Кора II	14	2	—	—	—	—	2	15	14	1	—	—	9	3	1	2	3	14	6	3	5	6	2
	Калкан IV	6	8	4	—	—	—	4	6	1	—	—	5	3	3	—	—	—	3	2	1	—	3	—
	Арал-тобе	6	4	—	—	—	—	4	6 а	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
	Всего	44	19	4	—	—	—	15	48	28	3	6	10	23	16	2	2	3	29	11	9	9	19	3
I в. до н. э.— I в. н. э.	Утеген I—II	11	5	—	—	—	5	—	6	2	—	—	4	4	4	—	—	—	4	3	—	1	4	—
	Тайгак I	16	10	—	—	—	4	6	16[а]	6	1	—	8	9	5	3	—	1	12	8	2	2	8	—
	Кзылауз II	4	—	—	—	—	—	—	4	—	4	—	—	4	1	1	2	—	9	4	4	1	1	—
	Калкан I	14	12	6	—	—	—	6	14	7	—	—	7	8	7	—	—	1	13[б]	5	6	2	3	—
	Алтын-Эмель	19	17	2	2	—	5	8	18	14	—	—	4	2	2	—	—	—	2	—	2	—	2	—
	Всего	64	44	8	2	—	14	20	58	29	5	—	23	27	19	4	2	2	40	20	14	6	18	—
Начало III—II вв. до н. э.	Капчагай III	30	28	—	28	—	—	—	30	23	—	2	5	3	2	1	—	—	4	3	—	1	11	—
	Утеген III	7	—	—	—	—	—	—	8	8	—	—	—	8	7	1	—	—	9	7	2	—	8	—
	Кзыл-Эспе	8	8	—	1	7	—	—	9	4	5	—	—	7	6	—	—	1	7	4	1	2	3	—
	Кзылауз III	15	13	1	8	4	—	—	20	8	12	—	—	10	7	2	—	1	12	8	3	1	11	—
	Унгур-Кора I	17	4	—	1	3	—	—	17	8	9	—	—	9	5	4	—	—	13	12	1	—	18	—
	Бесшатыр II	10	11	5	1	4	—	—	11	5	6	—	—	6	4	1	1	—	9	7	2	—	6	—
	Всего	87	63	6	39	18	—	—	95	56	32	2	5	43	31	9	1	2	54	41	9	4	57	—
	Итого	195	126 / 64,6%	18	41	18	14	35	201	113 / 56%	40	8	38 / 19%	93 / 46,4%	66 / 71%	15	5	7 / 7,5%	123	72 / 58,5%	32 / 26%	19 / 15,4%	94	3

Примечание: *а*) тип одной ямы не установлен; *б*) в число сосудов вошли пять сосудов из выкладок.

Признаками, общими для культуры усуней всех периодов, являются: 1) меридиональная направленность могильников с севера на юг, т. е. расположение их по линии водоразделов; 2) наличие каменных колец вокруг насыпи кургана в 3—4 *м* от основания (14,4 проц.); 3) господство простой грунтовой могильной ямы (56,2 проц.); 4) преобладание среди инвентаря сосудов с круглым дном (58,5 проц.) и костей животных.

Закономерности, характерные для отдельных периодов, проявляются в планировке могильника, в особенности конструкции надмогильного памятника, в характере перекрытия могильной ямы, наконец, в изменении формы дна сосудов от округлого до уплощенного и плоского.

Например, для памятников раннего периода, т. е. III—II вв. до н. э., истории древних усуней правобережья р. Или характерно следующее: а) планировка курганов в могильнике цепочками, вытянутыми с юга на север; б) большинство курганов с каменными кольцами в виде поднимающейся вверх от основания оградки или сооруженными на небольшом расстоянии от центра; в) наряду с грунтовыми могильными ямами встречаются могильные ямы, перекрытые накатом из дерева, иногда перекрытие лежит на скелетах; г) инвентарь состоит в основном из сосудов с округлым дном и предметов обихода из бронзы; д) наличие костей овцы в насыпи и яме (66 проц.).

Иная картина наблюдается в памятниках рубежа нашей эры: а) цепочки курганов постепенно переходят в бессистемно расположенные; б) сокращается количество курганов с кольцами на насыпи и возрастает с кольцами в насыпи; в) уменьшается число могильных ям, перекрытых деревом, и увеличивается с подбоем; г) уменьшается количество сосудов с округлым дном и увеличивается — с уплощенным и плоским; д) кости овцы реже встречаются в яме (19 проц.).

Если второй период содержит еще черты первого, то третий коренным образом отличается от первого, но сохраняет черты, характерные для второго. Третий период отличает: а) бессистемная планировка курганов в могильнике; б) полная замена курганов с кольцами на насыпи курганами с кольцами под насыпью; в) параллельное бытование грунтовой и подбойной могильных ям; г) господство сосудов с уплощенным и плоским дном; д) процент костей животных в ямах такой же, как и во втором периоде, но уже встречаются каменные зернотерки.

Таким образом, каждый период культуры усуней ярко отражает изменения, происшедшие в хозяйстве, в общественном строе и в религиозных представлениях.

Глава III

ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ УСУНЕЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ РЕКИ ИЛИ

§ 1. Хозяйство

Знакомство с хозяйством древних усуней из-за малочисленности и неточности сведений письменных источников приходится начинать с изучения материалов археологических раскопок, в частности господствующих форм глиняных сосудов, наличия в инвентаре костей домашних животных и орудий труда земледелия, учитывая при этом естественноисторические и физико-географические особенности исследуемого района. В этом отношении наши материалы довольно ограниченны, к тому же они происходят из замкнутого узкого района, что затрудняет составление объективной оценки хозяйства древних усуней.

Наиболее полное определение характера хозяйства древних усуней дают китайские источники. В них говорится, что усуни «не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде»[1]. Эти утверждения в 30-х годах были поставлены под сомнение. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, исследовавшие памятники Северной Киргизии[2] (могильники Буранинской, Каракольской и Чильпекской групп), пришли к выводу, что хозяйство у усуней было комплексным. Ведущее направление занимало скотоводство, земледелие имело подсобное значение. Авторы аргументировали свою точку зрения о наличии и роли земледелия в хозяйстве усуней ссылкой на найденное в курганах большое количество хрупкой глиняной посуды, обугленные зерна и зернотерки[3]. Эта характеристика формы хозяйства усуней была принята авторами I тома «Истории Казахской ССР»[4].

---

[1] Н. Я. Бичурин. [Иакинф]. Собрание сведений о народах..., стр. 190.

[2] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР..., стр. 162—179.

[3] Там же, стр. 178.

[4] «История Казахской ССР», т. 1..., стр. 41—43.

Однако еще в начале 40-х годов А. Н. Бернштам на основании анализа материалов памятников Северной Киргизии и Илийской долины отверг утверждения М. В. Воеводского и М. П. Грязнова о наличии земледелия в хозяйстве усуней[5].

Среди большей части археологов утвердилось мнение о комплексной форме хозяйства древних усуней. В настоящее время уровень знания материальной культуры усуней значительно выше, чем в 30—40-х годах, а накопленные материалы более многочисленны. Они внесли много нового в понимание истории усуней и их связи с соседями. Поэтому сейчас больше возможностей глубже изучить их форму хозяйства и показать влияние на нее Китая и Средней Азии, при этом постоянно надо учитывать и географическую среду.

Из естественноисторической и геоморфологической характеристики Илийской долины известно, что она представляет собой высокогорную котловину[6], условия в которой благоприятны для ведения скотоводческого хозяйства. Это подтверждают данные о почвах и растительности южной части Алма-Атинского округа[7].

Соотношение всех пастбищных угодий к пахотным выражается здесь в пропорции 2 : 1. Характерно, что сам автор в категорию пригодных для земледелия земель отнес не только существующие распашки, но и все те площади, которые в настоящее время хотя и не тронуты плугом, но пригодны для распашки и со временем, несомненно, будут освоены для земледелия (т. е. потенциальная пашня). Общий процент пахотноспособных земель подразделен на земли, безусловно требующие орошения, на полубогарные и богарные. В категорию «полубогарных попадают земли, которые, безусловно, желательно оросить, но орошение которых невозможно либо по условиям рельефа, либо в силу недостатка воды. При известных способах обработки их можно использовать как «необеспеченную» или «неустойчивую» богару»[8].

В категорию «абсолютных пастбищ» включена только та земельная площадь, которая совершенно не может быть использована для земледелия. Этому препятствуют в одних случаях климатические условия (недостаток тепла, осадков), в других — трудность орошения, характер рельефа, свойства почвы и т. д. Таким образом, процент «абсолютных пастбищ» взят гораздо ниже, чем фактически существующих. Автором,

---

[5] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии..., стр. 37—38.

[6] В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Россия, т. 19, Туркестанский край. СПб., 1913.

[7] Р. И. Аболин. Южная часть Алма-Атинского округа Казахской ССР в естественно-историческом отношении.— Труды Института почвоведения и геоботаники САГУ, казахстанская серия, вып. 1, 1929, стр. 58.

[8] Р. И. Аболин. Указ. соч., стр. 57.

кроме того, отдельно показан процент исключительно сезонных пастбищ, доступных для использования лишь сезонно — зимой или летом.

Таким образом, из двух типов угодий абсолютное большинство составляют пастбища.

Исходя из того, что природные условия Илийской долины за последние два тысячелетия не претерпели существенных изменений, вполне возможно, что такое соотношение земель существовало и в древнеусуньское время. Поэтому усуньским племенам, населявшим эту территорию в III в. до н. э.—III в. н. э. и имевшим низкий уровень развития производительных сил, было целесообразнее и выгоднее использовать условия объективной географической среды и развивать свое хозяйство применительно к ней, чем строить сложные оросительные сооружения и заниматься земледелием, которое им было и не под силу. Кстати заметим, до настоящего времени в Алма-Атинской области не обнаружено следов древней оросительной системы усуньского времени.

Итак, соотношение двух ведущих типов угодий позволяет заключить, что географическая среда, в которой жили древние усуни, больше благоприятствовала развитию скотоводческого хозяйства. Об этом свидетельствуют и местные могильники. Расположение их в непосредственной близости от широких ущелий, в районах предгорных и горных пастбищ, неоднократно отмеченное исследователями, также говорит о том, что это погребения древних скотоводов.

Археологический материал из курганов на правобережье р. Или весьма своеобразен и типичен. Большую часть его составляет инвентарь, который в основном состоит из сосудов и костей овцы. Так, из 201 раскопанной могильной ямы в 93 обнаружены глиняные сосуды. Большинство из них близко к шаровидным формам при преобладании округлого (72 сосуда), реже — уплощенного (32) и еще меньше — плоского (19) дна. Из этого количества 104 сосуда (84,5 проц.) имели округлое и приближающееся к нему уплощенное дно.

Наряду с глиняными сосудами характерных для усуньского времени форм в могильных ямах 94 курганов найдены позвонки и крестцы овцы курдючной породы. Эти кости знакомят нас с составом и характером стада древних усуней. Наличие среди сопровождающего инвентаря круглодонной керамики ручной лепки и позвонков крестца (наиболее жирной части овцы) как загробной пищи, по нашему мнению, подтверждает сведения китайских источников о том, что усуни — кочевники-скотоводы. Таким образом, физико-географические условия и своеобразие основного сопровождающего инвентаря курганов позволяют отнести памятники исследуемого района к погребениям племен, экономическую основу хозяйства которых составляло скотоводство. Нам кажется, что еще одним показателем, подтверждающим наше определение хозяйства

древних племен, может быть количество сосудов, обнаруживаемых в курганах.

Известно, что сосуды и другой инвентарь погребений являются косвенными показателями типа хозяйства древних племен, на базе которого развивались их религиозные представления, в частности вера в загробную жизнь; изменение форм керамических сосудов косвенным образом отражает образ жизни древних племен, и, наконец, инвентарь может быть показателем степени социально-экономической дифференциации в среде древних племен. Если рассматривать инвентарь усуньских погребений правобережья р. Или и юга Илийской долины с этой точки зрения, то обнаруживается следующая закономерность: покойника хоронят только с одним сосудом. Из 93 курганов, давших погребения с сосудами, 73 сказались с одним сосудом и только 20— с двумя и более.

Аналогичная картина наблюдается и в памятниках юга Илийской долины, где 43 кургана были с одним сосудом и 24— с двумя и более[9]. Всего в Илийской долине встречено 116 курганов, или 72,5 проц. погребений, с одним сосудом и лишь 44, или 27,5 проц., с двумя и более. Из данных видно, что количество сосудов в усуньских погребениях в редких случаях отклоняется от этой закономерности. Мы считаем, что в этой особенности илийских погребений проявились, с одной стороны, консерватизм основного направления хозяйства, а с другой — своеобразие керамики усуней, развившейся на базе скотоводческого хозяйства.

В материалах с правобережья р. Или обнаруживается прямая связь между количеством поставленных в яму сосудов и антропологическим типом погребенного. В 20 курганах правобережья, где были обнаружены погребения местных аборигенов, как правило, имелось по одному сосуду, и наоборот, из 10 захоронений, в которых были найдены и определены черепа, в пяти оказались погребенными европеоиды типа Среднеазиатского междуречья, около них стояло по 2—3 и более сосудов.

То же можно увидеть в памятниках юга Илийской долины. Из 24 погребений, давших по два и более сосудов, были определены черепа только четырех покойников, три из них оказались типа Среднеазиатского междуречья. Около них было от двух до пяти сосудов. Несмотря на ограниченность фактических данных о соотношении количества сосудов и физических типов погребенных, нам кажется, намечается некоторая закономерность. Как правило, погребения аборигенов сопровождаются одним сосудом, а представителей типа Среднеазиатского междуречья как смешанного, так и монголоидного, т. е. пришлого,— двумя и более сосудами. Объяснять это явление лишь своеобразием погребального обряда нельзя. С одной стороны, это может быть хронологическая особен-

---

[9] «Материалы полевых исследований САЭ, 1956 г». Архив ИИАЭ АН КазССР. Рукописный фонд.

ность исследуемых памятников, а с другой — результат развития домашних промыслов у усуней, в частности гончарного.

В материалах правобережья р. Или наблюдается такая хронологическая зависимость количества сосудов в погребениях. В могильниках раннего периода, относимых к III—II вв. до н. э., встречаются погребения с двумя и более сосудами. Например, нами выявлено девять погребений, имевших два сосуда в яме, все они оказались круглодонными или со слегка уплощенным дном.

Значительно больше сосудов в погребениях I в. до н. э. — I в. н. э., и особенно II—III вв. н. э. В 10 захоронениях обнаружено по два и более сосудов, большинство из них с плоским и уплощенным дном. Мы считаем, что в росте количества сосудов в погребении и в изменении форм дна, т. е. увеличении плоскодонности, проявились серьезные изменения, происшедшие в хозяйстве древних усуней на рубеже и в начале нашей эры.

В этом отношении интересно сравнить могильники правобережья р. Или с синхронными памятниками из древних оседло-земледельческих районов Северной Киргизии[10] и Ташкентского оазиса[11]. В восьми могильниках Иссыккульской котловины обнаружено от 2 до 15 сосудов в каждом погребении, и лишь в одном могильнике два погребения были с одним сосудом[12].

Аналогичная картина наблюдается и в Средней Азии. В могильнике у ст. Вревская[13], под Ташкентом, в четырех из шести исследованных курганов найдено в среднем по 2—4 сосуда и лишь в двух — по одному сосуду. Еще большая контрастность с погребениями Наманганской области[14], где 14 захоронений дали в среднем по 5 сосудов. Подобное отмечали и в ферганских памятниках.

Таким образом, сосудов в инвентаре среднеазиатских и иссыккульских погребений намного больше, чем в илийских.

При сходстве отдельных форм сосудов из этих двух районов — правобережья, с одной стороны, и Северной Киргизии и Средней Азии — с другой, они все же сильно отличаются по качеству, технике изготовле-

---

[10] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 50—55; М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 164—176.

[11] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории, археологии и музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг., стр. 59; его же. Отчет археологической экспедиции музея истории АН УзССР о раскопках курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревская..., стр. 47—61; Ю. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области.

[12] А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 37—55. (См. могильники Кырчин, Аламышик, Джергес, Соколовка, Ача-Тобе и другие); М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Указ. работа, стр. 166—174.

[13] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции..., стр. 60.

[14] Его же. Археологические исследования..., стр. 61.

ния и наличию орнамента. Если в илийских погребениях преобладают неорнаментированные сосуды низких шаровидных форм, сделанные ручной лепкой на матерчатом шаблоне, то в среднеазиатских в основном встречаются керамические изделия гончарного изготовления, зачастую орнаментированные, различных форм и обязательно плоскодонные.

В этих могильниках Средней Азии и Северной Киргизии в погребениях с 2—3 и более сосудами, как правило, были захоронены представители местного памиро-ферганского физического типа. Следовательно, для могильников этих территорий закономерно, что погребения автохтонного населения сопровождаются несколькими сосудами.

Приведенные сопоставления доказывают, что в памятниках раннекочевнического времени Илийской долины и Средней Азии намечаются различия, которые отражают разные формы хозяйства у древних племен этих районов.

Выясняя особенности развития основного направления хозяйства усуней подобным методом, мы исходим из того, что форма хозяйства древних племен проявляется в инвентаре погребения не прямо, а косвенно, через развитие ремесла. Известно, что ремесло выделяется из земледелия (второе крупное разделение труда) вследствие большей производительности труда в нем и меньшей затраты рабочего времени[15]. Такое условие раньше возникло в земледельческом хозяйстве, чем в скотоводческом. Инвентарь погребений как илийских, так и сравниваемых районов в основном представлен глиняными сосудами, являвшимися предметами обихода и продуктами домашнего промысла, которые и сопровождали покойника в «потусторонний мир». Много сосудов в могильной яме, по нашему мнению, могло быть лишь в том случае, если производство их не требовало большой затраты времени и было настолько усовершенствовано, что изготовление керамических изделий — сосудов — стало ремесленным производством.

В этом отношении земледельческое направление хозяйства древних племен Средней Азии способствовало интенсивному развитию производства керамических изделий еще в глубокой древности в оседло-земледельческих центрах[16], что проявилось и наложило отпечаток и на религиозные представления — сопровождение покойника большим количеством сосудов, т. е. предметами повседневного обихода. Наоборот, скотоводческое хозяйство части племен Семиречья тормозило развитие производства керамики, которое и осталось на уровне домашнего промысла, что также нашло отражение в погребальном обряде, т. е. покойника хоронили с одним сосудом.

---

[15] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1950, стр. 47.

[16] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации..., стр. 93, 96, 117, 118 и 119; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода..., стр. 84—145.

Что касается илийских погребений, имевших два и более сосудов, то объяснение этому надо искать в форме сосудов, т. е. в увеличении плоскодонности, являющейся доказательством оседания части усуней и роста роли земледелия в их хозяйстве, которое позволило развить домашние промыслы, в частности гончарное производство. Возможно, что на этот процесс оказало влияние и проникновение на рубеже нашей эры в усуньскую кочевую скотоводческую среду отдельных групп — выходцев из оседло-земледельческих районов, которые и принесли с собой существовавшие на «родине» традиции погребального обряда — наделять покойника несколькими сосудами.

Таким образом, скотоводство было главным направлением развития хозяйства усуней, которое определило специфику этого общества. Но не исключено, что на территории расселения древних усуней обнаружат памятники оседло-земледельческого характера. Как видно из приведенного материала раскопок на правобережье р. Или, в памятниках начала нашей эры наблюдается рост количества плоскодонных сосудов, что свидетельствует о начале процесса оседания части усуней.

В последние годы наши сведения о характере хозяйства усуней пополнились новыми данными из китайских источников. В них говорится, что ханьский Китай в середине I в. до н. э. создавал вдоль своих границ военные поселения, жители которых занимались земледелием[17]. Если учесть, что эти поселения находились на усуньской земле, то часть усуней-скотоводов могла перенять земледельческий опыт у китайцев и перейти к оседлому образу жизни.

Утверждая, что археологический материал начала нашей эры говорит о росте роли земледелия в хозяйстве усуней, мы не думаем, что это только результат влияния Китая. Правильнее — это следствие развития местных производительных сил, а земледельческий опыт военных поселений был лишь наглядным примером, способствовавшим и ускорившим его развитие.

Оседлые районы Средней Азии также оказали влияние на развитие земледелия у усуней. Оно выразилось в проникновении в Семиречье групп насельников Средней Азии, в распространении форм и приемов отделки керамики, в установлении экономических связей между племенами.

Нам кажется, что хозяйство усуней развивалось следующим образом.

На раннем этапе (III—I вв. до н. э.) скотоводство было ведущей формой хозяйства, оно определяло специфику общества. Об этом говорят археологические данные: форма и размер глиняных сосудов, наличие

---

[17] «Ханьшу». Пекин, 1958, стр. 2068.

в большинстве погребений костей животных — овцы, отсутствие каких-либо предметов, хотя бы отдаленно связанных с земледелием.

В начале нашей эры в хозяйстве усуней происходят серьезные изменения. В результате дальнейшего развития производительных сил, усиления политического влияния Китая[18] и экономических связей со Средней Азией начинается процесс оседания усуней в районах с благоприятными условиями для земледелия, что полностью подтверждает археологический материал — зернотерки, сосуды (Чулак-Джигиде I, Унгур-Кора II и др.).

Скотоводство, даже при переходе части древних усуней к оседлому образу жизни, на позднем этапе по-прежнему играет первенствующую роль.

Скотоводство у усуней как основное направление хозяйства, по нашему мнению, коренным образом отличалось от широко распространенного в то время скотоводства в центральноказахстанских степях. Особенность его как в древности, так и в последующие века заключалась в том, что кочевание происходило на небольшой территории, на близко расположенных друг от друга пастбищах. Оно носило характер вертикально-полукочевой формы и предполагало переход с весенне-летних на осенне-зимние пастбища, т. е. с горных на равнинные, и наоборот. Причем илийские скотоводы длительное время проводили на зимних пастбищах, расположенных в надпойменных и на равнинных участках, а в весенние и летние месяцы использовали пастбища в горах и предгорьях.

Охота

Охота в жизни усуней, по-видимому, играла незначительную роль и вряд ли была подсобным промыслом. В 300 раскопанных курганах обнаружено только 5 рогов диких коз — джейранов (Кзылауз III, Бесшатыр II), которые, вероятно, и были основной охотничьей дичью.

Многочисленные наскальные изображения в ущельях гор Чулак подтверждают, что древние усуни занимались охотой главным образом на горных козлов[19].

Данных о рыболовстве в наших археологических материалах нет. Правда, среди инвентаря в могильниках Чулак-Джигиде II, курганах 46 и Унгур-Кора II, кургане 31 позднего периода найдено 3 глиняных и каменных поделки, которые из-за малого размера могли быть напряслами, а возможно, грузилами для рыбной ловли.

---

[18] В. Моржанов. Новые данные о взаимоотношениях Китая с усунями.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 15, 1962, стр. 123—127.

[19] П. И. Мариковский. О наскальных изображениях в горах Чулак.— Вестник АН КазССР, 1950, № 6, стр. 73—79; его же. О памятниках древности Чулакских гор.— Вестник АН КазССР, 1951, № 6, стр. 95—100.

Домашние промыслы

В натуральном хозяйстве илийских усуней развились и домашние промыслы. Усуни умели изготовлять путем многократной ковки различной формы ножи, шпильки и т. п. Они делали из бронзы серьги, ножи, браслеты, зеркала. В небольшом количестве найдены золотые и серебряные вещи. Все предметы изготовлены из местного рудного сырья[20] и очень просты по приемам и технике обработки по сравнению с литейными изделиями сакского времени, хотя в материалах видна отчетливая преемственность культур.

Наряду с металлолитейным промыслом практиковалась и резьба по дереву, главным образом в изготовлении сосудов (Капчагай I, курган 3, и Тайгак I, курган 15, и др.). Высокого уровня у усуней достигло ткачество. Об этом наглядно свидетельствуют отпечатки на стенках глиняных сосудов двух видов ткани: «полотняной», т. е. плетения крест-накрест и «диагональной», т. е. репсового плетения.

Керамика

Относительно высокого уровня развития в усуньский период достигает гончарный промысел. Керамика этого периода, как и сакская, представлена открытыми шаровидными формами. Благодаря постоянному совершенствованию, вызванному изменениями в хозяйстве, она имеет законченные формы, качество ее хорошее. В отличие от сакской, усуньская керамика симметрична. В технике производства сосудов особых изменений не произошло. Если для сакской керамики характерна ручная лепка, а тесто с отощителем дресвой (крупнозернистый песок), то и усуньская керамика той же лепки, но с применением матерчатого шаблона для вылепки дна, который придает ей симметричность, а в качестве отощителя использовали мелкозернистый песок, позволяющий улучшить качество сосуда. Керамику позднего периода, т. е. начала нашей эры, покрывают с внешней поверхности светло-коричневой и бледно-красной краской, иногда встречаются сосуды с грубым лощением и изготовленные на ручном гончарном круге.

Техника лепки усуньских сосудов следующая. Из кома глины путем нанесения ее на матерчатый шаблон, наполненный песком, вылепливали дно сосуда, поэтому на внутренних стенках дна всегда оставались отпечатки ткани, и оно приобретало симметричную округлую форму. Таким образом, дно всегда делали отдельно. После этого на него налепливали стенки сосуда, изготовленные из отдельных глиняных полос — лент шириной до 4 *см*. Таким же способом наращивали горловину и венчик.

После получения нужной формы швы лент, как и всю внутреннюю и

---

[20] В. Вебер. Полезные ископаемые Туркестана. СПб., 1913, стр. 65—75, 169—174.

внешнюю поверхность, заглаживали, нанося сверху тонкий слой жидкой глины. Особенно тщательно отделывали внешнюю поверхность сосуда. Тесто в изломе в большинстве случаев бледно-красного цвета, очень редко двух-, трехслойное.

Для усуньской керамики, как и для сакской, не характерен орнамент, лишь на позднем этапе появляются элементы упрощенного среднеазиатского типа в виде прочерченной линии в верхней половине сосуда. Ручки в усуньских сосудах прикреплены очень своеобразно. В стенке сосуда делались сквозные отверстия, в которые вставляли круглые в сечении жгутики из глины. Выступающие с внутренней стороны концы обычно разглаживали по стенке, а с внешней подлепливали глину, чтобы сгладить место перехода ручки в стенку сосуда.

Керамика из погребений правобережья р. Или во многом повторяет формы сосудов, обнаруженных в Семиречье. Анализ ее показывает, что она, как и вся семиреченская, коренным образом отличается от керамики Средней Азии и Поволжья. У нас преобладают сосуды открытых форм, в основном без ручек и других выступающих частей. А самое главное в том, что здесь долго господствовали и бытовали сосуды округлых форм, изготовленные ручной лепкой. Они небольшие по высоте и диаметру тулова. В наших коллекциях имеется всего три сосуда, сделанные на гончарном круге (могильник Унгур-Кора II), и семь — ручной лепки, изготовленные без применения шаблона (могильники Капчагай III, Бесшатыр II).

Анализ керамического материала из погребений на правобережье р. Или позволил выделить четыре наиболее часто встречающиеся формы сосудов (табл. 2).

I. *Миски и чаши.* а) Миски большого размера, имеют округлое, сферическое дно, вогнутый венчик. В коллекции находятся экземпляры с прямым венчиком и подрезанной закраиной (обычно в таких мисках на костях барана лежал железный нож) и четыре миски с моделированным венчиком, представляющим собой широкую площадку-закраину, под которой на внешней стороне проходит широкая канеллюра.

Для большинства мисок характерно соотношение высоты и диаметра тулова как 1 : 2, т. е. при высоте 9 *см* диаметр колеблется от 18 до 22 *см* (табл. IV).

Сосуды этой формы встречены в могильниках: Утеген III—1/27*, Тайгак I—2/4, 4а; Кзылауз II—1/11; Кзылауз III—2/1, 41; Унгур-Кора I—3/21, 22, 27; Унгур-Кора II—2/12, 13; Бесшатыр II—3/3, 10, 11.

Из 23 мисок 14 имели подрезанную закраину, 9— закругленную (из них 4 моделированы); 16 мисок были с круглым дном, 4— с уплощенным,

---

* Дробное число после названия могильника означает: числитель — количество обнаруженных сосудов, знаменатель — номер кургана.

Таблица 2

Характеристика сосудов из курганов правобережья р. Или

Датировка	Могильники	Всего сосудов	Основные формы: полусферическая: миски	полусферическая: чаши	кувшины: с раструбом	кувшины: узкие	кубки: низкие	кубки: высокие	горшки	прочие	Дно: округлое	Дно: уплощенное	Дно: плоское	Закраина: округлая	Закраина: подрезанная	Закраина: скошенная	Ручка на: тулове	Ручка на: горловине	Ручка на: закраине	Ручка на: выступ-налеп	Сосудов станковых
II—III вв. н. э.	Капчагай II	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	Чулак-Джигиде I	10	—	1	1	1	1	1	5	—	3	4	3	6	3	1	—	1	2	—	—
	Чулак-Джигиде II	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—
	Тайгак II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Унгур-Кора II	14	3	—	1	—	4	4	2	—	6	3	5	9	2	3	2	5	2	—	2
	Калкан IV	3	—	—	—	1	1	—	1	—	2	1	—	—	2	1	—	—	—	—	—
	Арал-Тобе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Всего	29	4	1	2	2	6	6	8	—	11	9	9	15	8	5	2	7	4	—	2
I в. до н. э. — I в. н. э.	Утеген I—II	4	—	—	—	1	3	—	—	—	3	—	1	2	1	—	—	—	—	3	—
	Тайгак I	12	2	1	—	—	4	—	2	3	8	2	2	3	7	2	3	—	—	2	—
	Кзылауз II	9	1	—	—	2	—	5	—	1	4	4	1	2	3	3	1	2	1	—	—
	Калкан I	13	—	—	2	6	1	—	1	3	5	6	2	2	6	5	—	—	—	2	—
	Алтын-Эмель	2	—	—	—	1	—	—	1	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	Всего	40	3	1	2	10	8	5	4	7	20	14	6	9	18	10	4	2	1	7	—
III—II вв. до н. э.	Капчагай III	4	—	—	—	1	3	—	—	—	3	—	1	3	1	—	—	—	—	—	—
	Утеген III	9	1	5	—	—	2	—	1	—	7	2	—	3	3	1	—	—	—	1	—
	Кзыл-Эспе	7	—	—	—	3	—	—	4	—	4	1	2	5	1	1	—	—	—	—	—
	Кзылауз III	12	2	—	1	1	5	—	2	1	8	3	1	5	5	2	5	—	—	—	—
	Унгур-Кора I	13	5	3	2	2	1	—	—	—	12	1	—	7	5	1	1	—	—	—	—
	Бесшатыр II	9	4	1	—	—	—	1	2	1	7	2	—	6	2	1	—	—	1	—	—
	Всего	54	12	9	3	7	11	1	9	2	41	9	4	29	17	6	6	—	1	1	—
	Итого	123	19	11	7	19	25	12	21	9	72	32	19	53	43	21	12	9	6	8	2

три — с плоским. Две миски имели вертикальные стенки, одна из них изготовлена на гончарном круге (Унгур-Кора II, курган 12).

б) Чаши. Большинство их с узким устьем, округлым дном и лишь отдельные экземпляры с уплощенным. Они ручной лепки, сделаны на матерчатом шаблоне, по размерам небольшие, обычно разницы между высотой и диаметром тулова нет (табл. V). Эти сосуды обнаружены в могильниках: Капчагай III—1/5; Утеген III—4/6, 16, 27, 28; Чулак-Джигиде I—1/31; Тайгак I—1/15; Унгур-Кора I—4/11, 14, 22, 27; Бесшатыр II—1/19.

Из этой формы 10 сосудов имели округлое дно, пять — уплощенное; четыре — с подрезанной закраиной, 11 — с закругленной.

II. *Кувшины.* При общей грушевидной форме эти сосуды различаются по горловине: а) раструбом и б) узкой.

а) Кувшины с раструбом изготовлены ручной лепкой на матерчатом шаблоне. Разница между высотой и диаметром тулова не больше 1—2 *см,* а тулова и венчика —2—3 *см.* Дно у всех округлое. Один кувшин с валиком у закраины, у остальных закраины подрезаны или закруглены (табл. VI).

Один кувшин был с орнаментом в виде равнобедренных треугольников, расположенных между двумя параллельными линиями по горловине. Кувшины такой формы выявлены в могильниках: Кзыл-Эспе — 2/6, 72; Чулак-Джигиде I—1/45; Кзылауз III—1/45; Унгур-Кора I—2/21, 23; Калкан I—6/64, 67, 68 и в их выкладках; Калкан IV—1/11.

б) Кувшины с суживающейся к венчику высокой горловиной, иногда с ручкой; они изготовлены ручной лепкой на матерчатом шаблоне. Высота намного больше диаметра тулова, такое же соотношение между диаметром тулова и венчика. У двух сосудов ручки были посажены на горловине, выше тулова, а один сосуд имел сплошной поддон. У пяти сосудов закраина подрезана, у четырех закруглена, у одного отогнута валиком наружу. Шесть сосудов с округлым дном, два с уплощенным. Такие кувшины обнаружены в могильниках: Капчагай III—1/18; Утеген II—1/4; Чулак-Джигиде I —1/36; Кзылауз III—1/46; Унгур-Кора I—2/1, 13; Унгур-Кора II—1/13; Калкан I — 2/63; Калкан IV—1/4; Алтын-Эмель — 1/2.

III. *Кубки.* а) В наших коллекциях преобладают низкие кубки — это сосуды приземистых форм, в основном с полусферическим дном, изготовлены ручной лепкой на матерчатом шаблоне (табл. VII).

Высота сосуда и диаметр тулова одинаковы, диаметр венчика небольшой. Кубки обычно с ручками — петлевидными или в виде выступа-налепа. Эти кубки найдены в могильниках: Утеген II—2/3, 72; Утеген III—1/4; Чулак-Джигиде I—1/55; Чулак-Джигиде II—1/42; Тайгак I—4/3, 4, 15, 16Б; Кзылауз III—4/4, 9, 11, 16; Унгур-Кора I —1/21; Унгур-Кора II—4/11, 12, 26, 31; Бесшатыр II—1/10; Калкан I—1/66.

Округлое дно имели 15 сосудов, уплощенное 6 и лишь один — плоское. Петлевидные ручки у 10 сосудов посажены на среднюю часть тулова, у четырех — ближе к закраине; у семи они в виде выступов-налепов, прикрепленных у закраины.

б) Кубки высокие с петлевидной ручкой, закрепленной в середине тулова (7 сосудов), выше (1) и у закраины (3) (табл. VIII). Высота кубка обычно больше диаметра тулова. Из 11 сосудов подрезанную закраину имел один, закругленную — девять, отогнутую — один. Этой формы сосуды встречены в могильниках: Кзылауз II—4/10, 11, 15, 20; Унгур-Кора II—3/10, 20.

IV. *Горшки.* Они имеют узкое или широкое устье, в зависимости от размера сосуда (табл. IX). Для них характерно уплощенное дно, а иногда скошенная внутрь закраина. Большинство горшков в нашей коллекции с подрезанной закраиной и округлым дном. Высота их, как правило, меньше диаметра венчика, а диаметр тулова больше этих двух измерений в отдельности. Эта форма сосудов обнаружена в могильниках: Капчагай III—1/8; Утеген III—2/8, 15; Кзыл-Эспе —4/14, 50, 51; Чулак-Джигиде I—5/6, 40, 45, 55; Тайгак I— 2/4, 1; Кзылауз III—2/1. 68; Унгур-Кора II—2/11; Бесшатыр II—2/3, 13; Калкан I—1/61; Калкан IV—1/14.

Сосудов этой формы у нас больше всех — их 21.

Наряду с этими господствующими формами усуньской керамики в нашей коллекции имеются сосуды, которые, сохраняя основные формы, отличаются своеобразием отдельных элементов. Они, как правило, представлены единичными экземплярами. К ним можно отнести чайникообразной формы сосуды с ручкой и носиком. По технике изготовления, фактуре теста и форме они не выходят за пределы закономерностей, характерных для усуньской керамики. Подобные сосуды найдены в могильнике Тайгак I—2/15, 2Б.

Другая встреченная в коллекциях форма сосудов — цилиндрическая банка с широким и прямым горлом, изготовленная ручной лепкой на матерчатом шаблоне. Диаметр тулова почти такой же, как и высота, при переходе к устью диаметр венчика немного уменьшается. Сосуды этой формы — с округлым и уплощенным дном, в двух случаях с подрезанными закраинами. Подобные сосуды выявлены в могильниках: Тайгак I—1/4 А; Кзылауз III—2/9, 56; Бесшатыр II—1/3; Калкан I—3/17, 63, 65.

В коллекции керамики с правобережья р. Или у глиняных сосудов преобладают две формы закраины венчика: закругленная (овальная) — 53 сосуда и подрезанная (плоская) — 43 сосуда; остальные — со срезанной внутрь.

Вся посуда на внешней поверхности не имела следов действия огня. Это говорит о том, что она в основном предназначалась для приема

пищи, т. е. была столовой. В наших погребениях не найдено ни одного экземпляра кухонной посуды, которая, несомненно, имелась, но по каким-то причинам не использовалась в качестве погребального инвентаря. Кухонная посуда у усуней, исходя из генетической связи с сакской культурой, была аналогичной сакским толстостенным котлам, фрагменты которых обнаружены в могильнике Бесшатыр и в 14-й менгирной оградке[21].

Названия сосудов сами говорят о их назначении. Миски низких форм, как видно из материалов раскопок, в основном использовали для подачи мяса, а полусферические чаши, низкие кубки — для приема жидкой пищи (бульона, молочных продуктов, кумыса, айрана и пр.). Иное назначение имели сосуды грушевидных форм — кувшины, в которых, вероятно, переносили и хранили жидкие продукты. Обнаруженные в погребениях реставрированные сосуды (со сверлением на стенках) показывают, что усуни под пищу для покойника брали посуду, которой он пользовался при жизни.

Из анализа особенностей сосудов видно, что господствующими в количественном отношении формами во все периоды истории усуней были большие полусферические миски и малые чаши, представленные 31 экземпляром (I форма); горшки (21 экз.) с шаровидным, сужающимся к венчику и дну туловом (IV форма); малые и большие кубки (37 экз.) с характерными петлевидными ручками на тулове (III форма); грушевидные кувшины (25 экз.) с сужающейся и широкой горловиной (II форма).

Эти формы сосудов в памятниках разных хронологических периодов правобережья р. Или распределяются следующим образом. В могильниках раннего периода, т. е. начала III—II вв. до н. э., преобладают сосуды I и II форм, чаще с округлым дном.

В памятниках, относимых к рубежу нашей эры, т. е. I в. до н. э.— I в. н. э., господствуют сосуды I, II, III форм. Характерно, что количество сосудов с округлым дном, уплощенным и плоским дном почти одинаковое. В этот период наряду с господствующими формами встречаются сосуды с носиком-сливом (могильник Тайгак I) и баночной цилиндрической формы.

Совершенно иная картина наблюдается в памятниках II—III веков нашей эры. В этот период преобладают сосуды II—III форм с уплощенным и плоским дном, количество сосудов с округлым дном уменьшается на $^2/_3$.

Таким образом, подтверждается положение, высказанное А. И. Тереножкиным, что «глиняная посуда усуней отличается от бургулюкской лишь большим разнообразием форм и приближается в этом отношении

---

[21] К. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 207, табл. V, *10*.

к керамическим изделиям Ташкентской области I в. н. э.»[22]. Одновременно наши миски близки по формам и профилировке венчика сосудам из памятников Тянь-Шаня и Ферганы. С. С. Сорокин, анализируя керамику катакомбных могил Ферганы, констатировал, что в ранних погребениях Тянь-Шаня имеются миски без перелома на корпусе, с краями, загнутыми внутрь (в поздних перелом расположен на середине тулова)[23].

Отмеченная С. С. Сорокиным особенность характерна и для большей части мисок правобережья р. Или. В его работе также говорится о бытовании во II в. до н. э. кувшинов, подобных нашим. Илийские банки с круглым дном и низкие, широкие миски находят параллели в погребениях могильника Кырчин на северном Иссык-Куле[24]. Полусферические чаши имеют аналогии в памятниках Ташкента — Бургулюк[25], в курганах Ферганы, датируемых IV—I вв. до н. э.[26] Известно, что сосуды со сливом обычно встречаются в памятниках середины I тысячелетия до н. э. Но расположение слива на закраине, как отмечает А. И. Тереножкин, по материалам позднего этапа бургулюкских погребений, характерно для керамики I в. н. э.[27] Если учесть, что у наших сосудов этой формы из могильника Тайгак I имеется четко выраженный поддон, а ручка расположена у закраины, то эти погребения можно отнести к I в. н. э.

Для керамики начала нашей эры характерен красный ангоб[28] и своеобразный перелом на тулове горшков и сферических чаш[29]. Вероятно, эту особенность можно распространить на все формы сосудов.

§ 2. Общественный строй

Общественный строй древних усуней является совершенно неразработанным разделом истории. Решить его только на археологическом материале невозможно: он может лишь помочь правильно объяснить историю развития общества в целом. Поэтому понятно, почему археологи при анализе вопросов общественных отношений обращаются к письменным источникам. Накопленный фактический материал по Семиречью позволяет в комплексе с имеющимися сведениями письменных источников начать изучение общественных отношений усуней.

---

[22] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале..., стр. 33.

[23] С. С. Сорокин. Происхождение катакомбных и подбойных могил Ферганы.— СА, 1954, XX, стр. 145.

[24] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 30—32.

[25] А. И. Тереножкин. Указ. работа.

[26] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-тамский могильник..., стр. 84.

[27] А. И. Тереножкин. Указ. работа, стр. 33 и след.

[28] А. И. Тереножкин. Указ. работа.

[29] С. С. Сорокин. Указ. работа, стр. 145; О. В. Обельченко. Курганные погребения и кенотафы Куюу-Мазарского могильника..., стр. 109—131.

Не повторяя общеизвестных сообщений китайских источников, характеризующих общественный строй усуней как классовый, обратимся к нашему материалу. Из анализа могильников правобережья известно, что они имеют три типа планировки. В данном случае нас интересуют первый и второй.

В археологической литературе принято считать могильники древних племен, вытянутые цепочкой, погребениями рода, в котором еще господствуют патриархальные семейные отношения, а различия в инвентаре и размере надмогильных памятников — показателями имущественной дифференциации этого общества[30]. Сравнение размеров надмогильных сооружений и характера инвентаря двух типов наших могильников говорит об имущественной дифференциации среди усуньских племен Семиречья, а расположение насыпей цепочками свидетельствует о сильных патриархальных семейных традициях.

У усуней на раннем этапе их истории еще продолжался процесс выделения отдельной семьи из родового общества, что подтверждает число могильных ям, обнаруженных под насыпью одного кургана[31]. Например, в могильниках раннего периода (Утеген III, Кзылауз III, Кзыл-Эспе и Бесшатыр II) встречено 8 курганов, имевших по две могильные ямы под одной насыпью, и не было ни одного кургана с парным погребением в одной яме. Иная картина наблюдается в могильниках позднего периода (табл. 3).

Таблица 3

Периоды	Могильники	Курганы	
		с двумя ямами	с парным погребением
I в. до н. э.	Тайгак I	1	—
I в. н. э.	Кзылауз II	—	1
II—III вв. н. э.	Чулак-Джигиде I	3	1
»	Унгур-Кора II	1	2
»	Капчагай II	1	—

Как видно из данных таблицы, в памятниках рубежа нашей эры сохраняется обычай сооружения под насыпью двух ям как продолжение ранних традиций. Но наряду с этим распространяется погребение мужчины и женщины в одной яме, т. е. парное захоронение. Вероятно, в этом проявился обычай, по которому жена должна была сопровождать мужа в потусторонний мир.

Это, по нашему мнению, явилось результатом завершения в начале

[30] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 178; К. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 208:

[31] К. Акишев. Саки Семиречья..., стр. 207.

нашей эры процесса выделения из рода отдельной семьи как самостоятельной хозяйственной единицы и изменения положения женщины в семье вследствие социальных изменений в обществе.

О серьезных социальных изменениях свидетельствуют размеры и характер инвентаря «больших» курганов, с одной стороны, и малых курганов и грунтовых погребений — с другой.

Рис. 62. Место находки погребения — строительная площадка дома на северной окраине г. Алма-Аты, у рощи Баума.

Мы уже указывали, что на правобережье р. Или исследовано 9 «больших» курганов, 110 малых. Кроме того, в 1959—1960 гг. нами были раскопаны 8 малоизвестных грунтовых захоронений. Три из них находились в юго-западном районе города Алма-Аты, на стройплощадке СМУ-15, у дома отдыха «Каргалинка», и пять — западнее рощи Баума, севернее города, на стройплощадке Казгосгорстройпроекта (рис. 62). Сравнивая материал из наших курганов и грунтовых погребений, удалось уточнить некоторые вопросы классового расслоения у усуней.

В 20 кургане (могильник Капчагай III), в 12 (могильник Тайгак I) и в одном из курганов могильника Утеген I среди инвентаря были предметы вооружения: костяной наконечник — в первом, обломок однолезвийного меча — во втором и обоюдоострого меча — в третьем. Эти курганы близки по размерам, по обряду и найденным в них предметам вооружения.

Совсем иначе выглядели малые курганы правобережья р. Или и раскопанные грунтовые погребения. Ни в одном из них не обнаружено предметов вооружения. Если малые курганы правобережья р. Или имели незначительную насыпь, резко отличающуюся от больших, то грунтовые погребения в районе города были почти без внешних признаков, если не считать двух-трех плашмя положенных в два ряда на поверхности грунта камней (рис. 63).

При раскопке погребений на стройплощадке Казгосгорстройпроекта под камнями выявлены грунтовые ямы длиной до 2 *м*, шириной до 0,8 *м*,

Рис. 63. Грунтовое захоронение после расчистки.

ориентированные с востока на запад, т. е. как на правобережье. В них на глубине 0,9 *м* лежали кости скелета, на спине, головой на запад, кости рук вытянуты вдоль туловища, ног — вдоль ямы. Справа или слева от черепа стоял сосуд, аналогичный по форме, качеству теста и другим элементам сосудам с правобережья р. Или. Эти сосуды были единственным инвентарем захоронений (рис. 64). Ни в одном из погребений не обнаружены кости барана или железные ножи. Материал этих захоронений свидетельствует не только об экономическом, но и о социальном расслоении усуньского общества.

Рис. 64. Сосуд из погребения.

Различия в размерах насыпи, конструкции могильных сооружений и, главным образом, в характере сопровождающего инвентаря «больших» курганов правобережья р. Или от «малых», являющихся основными памятниками в этом районе, по нашему

мнению, говорят о принадлежности их к погребениям усуней с различным имущественным положением. Иначе говоря, «большие» курганы, давшие в составе инвентаря украшения из золота и предметы вооружения, принадлежат знати, а малые — рядовым скотоводам-усуням. Например, обнаруженные в разграбленном кургане 17 могильника Тайгак I ожерелье и украшения из золота говорят о том, что это погребение знати. Подтверждает наше мнение и его размер. Особенно наглядно проявляются различия в конструкции насыпи и в устройстве могильной ямы. В этом отношении характерен курган 12 из могильника Тайгак I, который имел большую насыпь, завал из камней над могильной ямой, а под ним перекрытие из наката бревен, положенных в три ряда, диаметром до 35 *см*, лежавших на стойках-упорах, врытых вдоль стены. Подобной конструкции ямы, несомненно, могли принадлежать лишь богатым усуням.

Таким образом, можно заключить, что общество древних усуней в своем развитии достигло высокой степени имущественного и социального расслоения и выступало, как свидетельствуют археологический материал и китайские источники, как классовое общество.

Самой мелкой ячейкой в структуре усуньского общества была семья, несколько родственных патриархальных семей образовывали отдельный род, а группа родов составляла племя, входившее в большой племенной союз усуней, в недрах которого зарождались раннефеодальные отношения, базировавшиеся на скотоводческом хозяйстве.

Китайские источники эпохи восточного и западного Хань повествуют, что Усунь — это классовое общество, во главе которого стоит гуньмо с правом наследственной власти в своем владении. Далее говорится, что наиболее богатые из них имеют 4—5 тысяч голов лошадей. Иначе говоря, усуни в истории ханьского Китая выступают как большое военно-политическое объединение, способное противостоять могучим гуннам. Поэтому не случайно, что Китай для обеспечения своих торговых путей в Западном крае устанавливает с усунями добрососедские отношения, выдавая замуж за гуньмо китайских царевен.

Усуньский племенной союз, как видно из распространения памятников материальной культуры в Семиречье и Северной Киргизии, занимал огромную территорию и представлял собой мощное объединение этнически родственных племен. Он сыграл важную роль в экономической и военно-политической жизни соседних племен — уге (Восточный Казахстан), гуннов (Северный Китай и Внутренняя Монголия), кангюев (Хорезм) и кушанов (Памир и Северная Индия).

§ 3. Физический тип и религиозные представления усуней

В китайских источниках усуней характеризуют как голубоглазый народ, более подробного описания их физического типа нет. Этот пробел

китайских источников в настоящее время успешно заполняет палеоантропологический материал из курганных погребений. Палеоантропологическая характеристика черепов, добытых в памятниках правобережья р. Или, показывает, что древнее население исследуемого района представляло собой довольно однородную этническую группу, сохранившую в своем физическом типе черты населения более ранних периодов (эпохи бронзы и саков). Ее составлял андроновский тип большой европеоидной расы. Это, кстати сказать, лишний раз подтверждает генетическую преемственность не только культуры усуней и саков, но и их антропологическую близость. Из 50 черепов, взятых из наших могильников, 44, или 88 проц., имели четко выраженные европеоидные черты и лишь 5, или 10 проц.,— смешанные, возможно, с монголоидной примесью.

Незначительным оказался и удельный вес населения, представленного европеоидами типа Среднеазиатского междуречья. Черепа этого типа составляют всего 32 проц. от общего количества определенных черепов. К тому же они в основном из могильников второго периода, т. е. с рубежа нашей эры. Это подтверждают данные таблицы 4.

Таблица 4

Антропологические типы	Памятники			Всего
	III—II вв. до н. э.	I в. до н. э.— I в. н. э.	II—III вв. н. э.	
Андроновский	7	5	4	16
Европеойдный брахикранный	3	2	4	9
Североевропеойдный	1	1	1	3
Среднеазиатского междуречья	1	12	3	16
Смешанный	—	2	3	5

Антропологический анализ черепов древнего населения Илийской долины Семиречья показал, как указывает В. В. Гинзбург, что в местных черепах появляются отдельные монголоидные черты при абсолютном господстве европеоидных. Известно, что брахикранность черепной коробки характерна для большой монголоидной расы. Эта особенность черепов обнаруживается и у усуньских экземпляров, но резкое выступание носа отличает их от монголоидов и приближает к европеоидам[32].

[32] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения юго-восточного Казахстана..., стр. 267.

Сравнение данных определения черепов показывает, что при широком распространении в Илийской долине представителей европеоидной расы типа Среднеазиатского междуречья они все же не оказали серьезного влияния на население правобережья, представленное андроновцами и брахикранными европеоидами.

В настоящее время из памятников усуней Илийской долины происходят 74 черепа, из которых 61, или 82,5 проц., относятся к большой европеоидной расе, и лишь 13 черепов, или 17,5 проц., оказались с монголоидными признаками. Черепа типа Среднеазиатского междуречья происходят из 28 погребений и составляют 37 проц. общего количества.

Таким образом, *основными типами населения* Илийской долины в усуньское время *являются представители большой европеоидной расы* — андроновцы и тип Среднеазиатского междуречья.

Вопрос о религиозных представлениях усуней Илийской долины является наиболее слабо изученным и неразработанным в древней истории Казахстана. Религия и связанные с ней представления племен могут быть объектом самостоятельного исследования. Мы не ставим перед собой подобной задачи, так как на материалах из узколокального района трудно решить этот сложный вопрос. Для этого требуется обобщение археолого-этнографических данных, отразивших религиозные представления древних племен.

В многочисленных сообщениях античных авторов имеются самые общие замечания о племенах Средней Азии и Казахстана и их верованиях.[33]

Аналогичные данные содержат и китайские хроники, но в отличие от античных авторов китайские летописи Танской эпохи приводят названия мелких племенных объединений и более полно раскрывают обычаи погребального обряда, отражающего религиозные представления. Но и эти источники, как и античные, неполны. Несмотря на это, они более точны и конкретны в вопросах верований племен Западного края.

В описании обычаев и нравов босов (персов.—*Г. К.*) говорится: «Поклоняются духу огня и духу неба... Умерших более бросают в горах, а траур носят один месяц, есть (у босов.—*Г. К.*) сословие людей, живущих отдельно. Они занимаются погребением умерших и считаются нечистыми. Ежегодно во второй день первой луны приносят жертвы своим предкам»[34]. Знакомя с обычаями и нравами одного из эфталитских племен (иеда.—*Г. К.*), китайский летописец указывает: «Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в вы-

---

[33] Максим Тирский. Речь VIII, следует ли воздвигать статуи богам.— ВДИ, 1948, № 2, стр. 278; Гай Юлий Солин. Сборник достопримечательностей. Перевод В. В. Латышева. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 13, стр. 243.

[34] Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений..., стр. 262—263.

копанных могилах. Вместе с покойником кладут в могилу вещи, ношенные им»[35].

Данные китайских хроник не раскрывают сущности религиозных представлений усуней, так как, с одной стороны, они посвящены босам, наиболее древним племенам Западного края, жившим на значительном отдалении от исследуемого района, а с другой — характеризуют погребальный обряд племен на смежной с усунями территории, но более позднего периода.

Это несколько затрудняет освещение религиозных представлений усуней. Несмотря на это, приведенные сообщения в комплексе с археологическим материалом (обряд погребения, особенности конструкции насыпей) позволяют выявить некоторые элементы религии усуней. Однако следует помнить, что отчетливо наблюдаемая в изученных памятниках преемственность материальной культуры саков и усуней Илийской долины в свою очередь обязывает рассматривать верования усуней как развитие и совершенствование ранних сакских форм религиозных представлений в новых исторических условиях, как более развитую форму общественного сознания.

Религиозные представления относятся к надстроечной категории, они порождены низким уровнем производства и являются извращенной формой общественного сознания, результатом незнания законов развития окружающей действительности. К. Маркс определял религию как превратное отражение миросознания[36] людей, как результат господства над ними природных и общественных сил, вследствие чего у человека создавалось искаженное, фантастическое представление о действительности. Отсюда — вера в сверхъестественные силы, во вмешательство в повседневную жизнь людей и господство над ними добрых и злых духов.

Наиболее ярко религиозные представления людей проявились в погребальном обряде, в своеобразии надмогильных и могильных сооружений.

Древние усуни, как и их предшественники — саки, в повседневной жизни, хозяйственной деятельности из-за незнания законов развития общества и бессилия в борьбе с природой испытывали сильное воздействие окружающей среды. Как видно на памятниках, их религиозные представления имели черты, присущие верованиям ранних эпох, и в то же время ярко выраженного религиозного дуализма развитого периода.

Наиболее полно религиозный дуализм усуней проявился в обряде погребения, т. е. в сопровождении покойника инвентарем — предметами повседневного обихода и пищей.

В могильниках правобережья р. Или постоянно встречается такой

---

[35] Там же, стр. 269.
[36] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. I. М., 1955, стр. 414.

обряд. Это говорит о том, что усуни верили в загробную жизнь, бессмертие души. Подобный обычай погребения существовал также у более ранних и поздних племен.

Вера в существование сверхъестественной силы породила фантастические представления о способности человека магическими приемами и средствами воздействовать на явления природы[37]. Одной из форм подобного «воздействия» на явления природы и общества является шаманизм, сохранившийся у кочевых народов вплоть до XVIII—XIX вв[38]. Колдовская практика — магия — тесно переплетается с шаманизмом, т. е. с проявлением языческих религиозных представлений.

Магический культ очищения огнем обнаружен в усуньских памятниках как раннего (III—II вв. до н. э.), так и позднего (I—III вв. н. э.) периодов.

В ранних памятниках (могильники Кзыл-Эспе, Унгур-Кора I, Бесшатыр II) культ огня совершался в могильной яме. Такое очищение преследовало две цели — изгнание злых духов как из самого покойника, так и с его ложа.

В поздних памятниках (могильники Тайгак I, Калкан I, IV) следы отправления культа огня продолжают встречаться, как правило, у могильной ямы, на древней поверхности. Но в это время наряду с бытованием обряда очищения огнем распространяется и культ жертвоприношения[39].

Культ жертвоприношения как составной элемент магии был характерен для усуньских племен. Исследованные у курганов в могильниках Тайгак I, Калкан I, IV выкладки с сосудами надо рассматривать как символические атрибуты культа жертвоприношения мертвым, злым духам и сверхъестественным силам.

Среди усуней были распространены более развитые формы религиозных представлений — культ предков и культ природы, характерные для периода распада патриархально-родовых и зарождения классовых отношений.

Наиболее ярко в памятниках правобережья р. Или проявляются элементы культа природы. Кольца-оградки, обнаруженные в насыпи большинства курганов,— это символическое выражение культа небесных светил — солнца, луны, звезд, игравшего большую роль в жизни усуней. Небесные светила были основой летоисчисления, по ним определяли время перекочевки с пастбища на пастбище, находили дорогу, регулировали проведение религиозных обрядов[40].

---

[37] А. Донини. Люди, идолы и боги. М., 1962, стр. 24—25.
[38] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, стр. 469—493.
[39] А. Донини. Указ. соч., стр. 22—23.
[40] Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 478—480.

Кольца-оградки — это одновременно отражение космогонических представлений и элементов табу[41] (замкнутый круг), т. е. неприкосновенности погребений и памятника.

Наиболее распространенной формой религиозных представлений у усуней был культ предков. Это сложный синтез религиозных обрядов и представлений, впитавший в себя отдельные элементы более ранних первобытных представлений о жизни.

Культ предков — почитание духов умерших — создается на основе почитания и обоготворения тех умерших членов рода — родовых вождей, старейшин, воинов, которые пользовались славой и при жизни[42]. Материальным объектом, основой этого культа являются останки умерших.

Культ предков, как и все элементы древней религии, в основе имеет дуалистический характер.

Широкое распространение его в обществе усуней может быть объяснено их верой в магическую силу предков, способных не только оберегать своих живых родичей, но и быть покровителем душ умерших сородичей. Многовековое господство культа предков у древних племен, по-видимому, является одной из причин появления первоначально родовых кладбищ, разросшихся со временем до крупных могильников, на которых погребали не только родичей, но и соплеменников.

Таким образом, анализ археологических данных с правобережья р. Или свидетельствует, что развитие религиозных представлений древних усуней достигло такого уровня, когда отдельные семьи стали господствовать над племенем или целым народом[43].

---

[41] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 145.
[42] Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 472—473.
[43] А. Донини. Указ. соч., стр. 28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Правобережье р. Или благодаря особым естественноисторическим условиям, удобным для развития скотоводческого хозяйства древних племен, оказалось районом расселения части сако-усуньских племен Семиречья с V—IV вв. до н. э. по III—IV вв. н. э.

2. Памятники материальной культуры усуней отражают длительный отрезок их истории, который можно разделить на три периода.

3. Анализ особенностей инвентаря погребений, конструкции погребальных камер и насыпей курганов позволил установить общие характерные особенности погребального обряда усуней, а также выявить своеобразие материальной культуры и обряда в каждый хронологический период.

4. Анализ археологического материала из раскопок на правобережье р. Или и сопоставление его с материальной культурой из синхронных памятников сопредельных территорий, при учете взаимосвязей усуней и особенностей основного направления их хозяйства, дал возможность проследить динамику развития производительных сил и определить, что на раннем этапе хозяйство усуней имело в основном скотоводческое направление, а на рубеже нашей эры, претерпев серьезные изменения, стало комплексным — скотоводческо-земледельческим.

5. В результате дальнейшего развития производительных сил усуньского общества на рубеже нашей эры произошли серьезные изменения в общественных и семейных отношениях, которые завершились выделением отдельной моногамной патриархальной семьи как основной ячейки усуньского общества, в недрах которого зародились элементы классовых отношений.

Патриархальная семья явилась основой объединения семей в роды, которые в свою очередь составляли единый племенной союз.

Таким образом, к III—IV вв. нашей эры племенной союз усуней выступает как классовое общество с сильными патриархальными пережитками и наследственной властью гуньмо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ УСУНЕЙ III—II ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Могильник Капчагай III

Ограда 1. Диаметр 5 *м*, в разрезе плоская, представляет собой кольцо из камней на поверхности земли, шириной 0,45—0,70 *м*. На глубине 0,55 *м* в юго-восточной части оградки над могильной ямой находилась выкладка овальной формы из камней, ориентированная с северо-запада на юго-восток, длиной 2 *м*, шириной 1,15 *м*. На глубине 1 *м* в яме лежал скелет на левом боку, в анатомическом порядке, головой на северо-запад. Возле черепа найдены железная шпилька и 18 пастовых бусин.

Курган 4. Диаметр 8 *м*, высота 0,12 *м*, в разрезе уплощенный. На насыпи выступают камни кольца диаметром 7 *м*, шириной 0,60 *м*. Могильная яма длиной 2 *м*, шириной 1 *м*, ориентирована на северо-запад. На глубине 1,25 *м* в яме обнаружены остатки истлевших бревен от перекрытия, а в северо-восточной ее части — трубчатая кость человека. На глубине 1,6 *м* в юго-восточном углу ямы найден небольшой железный нож, длиной 14 *см*, шириной до 2 *см*.

Курган 3. Диаметр 7 *м*, высота 0,7 *м*. На насыпи прослеживались камни кольца шириной до 0,60 *м*. В середине его под нагромождением находилась могильная яма длиной 1,8 *м*, шириной 0,60 *м*, ориентированная с северо-запада на юго-восток. На разной глубине в яме с уровня 0,40 *м* от поверхности грунта обнаружены обломки костей черепа, фаланги, зубы человека. В яме в анатомическом порядке сохранились лишь кости таза и ног, свидетельствующие о том, что покойник был положен на спину, головой на северо-запад. Инвентаря в яме нет.

Курган 6. Диаметр 6 *м*, высота 0,2 *м*, в разрезе уплощенный. На насыпи выступали отдельные камни, образующие кольцо шириной 0,4—0,6 *м*. На глубине 0,25 *м* от поверхности в середине кольца имелась выкладка над могильной ямой, длиной 2 *м*, шириной 0,9 *м*. В разных частях ямы обнаружены обломки костей скелета человека, истлевшего дерева и угольки. Яма разграблена.

Курган 8. Диаметр 6 *м*, высота 0,2 *м*, в разрезе уплощенный. На насыпи выступали камни кольца шириной 0,5—0,6 *м*. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длиной 1,8 *м*, шириной 1,35 *м*. В восточной половине ямы найдены остатки истлевшего дерева и камышовый тлен. На глубине 1,5 *м* в яме, у основания северной стены, лежал в анатомическом порядке скелет человека в вытянутом положении, головой на запад. Черепа в яме не оказалось.

Ограда 9. Диаметр 5 *м*, ширина кольца из камней 0,6—0,7 *м*, в разрезе плоская. Могильная яма ориентирована с З—СЗ на В—ЮВ, длина 2 *м*, ширина 0,75 *м*. На глубине 0,9 *м* в яме у северо-западного угла найдены тазовая кость, ребра, кости рук человека. На глубине 1,1 *м* в яме в северо-восточной стене имелся подбой глубиной 0,30—0,35 *м*. В подбое в анатомическом порядке лежали кости таза и нижних конечностей, по которым видно, что скелет был положен на спину, головой на северо-запад, в

вытянутом положении. В северо-западном углу ямы найден плохой сохранности железный нож, а на костях таза — костяная поделка.

Курган 11. Диаметр 8 *м*, высота 0,20 *м*, сильно оплывший. По основанию насыпи выложено каменное полукольцо, ширина в западной стороне 1,10 *м*, в восточной —0,5 *м*. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина ее 2,1 *м*, ширина 1 *м*. На глубине 1,35 *м* в яме лежали разбросанно кости человека. Погребение разграблено.

Ограда 12. Диаметр 5 *м*, ширина кольца от 0,5 до 1 *м*. На глубине 0,2 *м* от поверхности в юго-восточной части оградки находилась выкладка длиной 1 *м*, шириной 0,8 *м*, из камней, ориентированная с юго-востока на северо-запад. Под ними была могильная яма длиной 1,60 *м*, шириной 1 *м*, ориентированная с северо-запада на юго-восток. На глубине 0,65 *м* от поверхности, в середине ямы, лежали остатки истлевшего дерева. В западной половине ямы найдены кости человека, сваленные в кучу — ребра, ключица, лопатка, принадлежащие, по-видимому, подростку. Возле них обнаружен крестец овцы. Яма разграблена.

Ограда 13. Диаметр 5 *м*, в разрезе плоская. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. На разной глубине, в разных частях ямы находились обломки костей человека (челюсти, черепов, позвонков и др.) и мелкие фрагменты сосуда. В яме оказались кости взрослого и детского скелетов. На глубине 1,1 *м* в восточной половине ямы in situ обнаружены кости ног, которые свидетельствуют о том, что скелеты лежали на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад.

Ограда 16. Диаметр 5 *м*, в разрезе плоская. На глубине 0,3 *м* от поверхности в северо-западной части оградки найдены 3 плиты, под которыми выявились края могильной ямы, ориентированной с северо-запада на юго-восток, длиной 2,5 *м*, шириной 0,60 *м*. На глубине 0,98 *м* от поверхности в яме лежал скелет мужчины типа Среднеазиатского междуречья, с брахикранным черепом, ориентированный с северо-запада на юго-восток. Череп скелета раздавлен, костей рук нет. Инвентаря в яме не обнаружено.

Ограда 19. Диаметр 6 *м*, обнаружена по камням, выступающим на поверхности. С восточной стороны к ограде примыкает цепочка из крупных камней, вытянутая на 11 *м*. На глубине 0,30 *м* от поверхности в середине ограды находилась могильная яма длиной 2,20 *м*, шириной 1,20 *м*, ориентированная на северо-восток. На глубине 1,20 *м* в яме лежал скелет мужчины типа Среднеазиатского междуречья, на спине, головой на северо-восток, правая рука согнута в локте, кисть находится у таза, левая рука и нога слегка согнуты в суставе, длина скелета 1,45 *м*. Инвентаря не обнаружено.

Курган 20. Диаметр 20 *м*, высота 0,97 *м*, в разрезе сфероидный. С западной стороны на насыпи выступают камни, образующие кольцо шириной 1,5 *м*, диаметром 9 *м*. С северной стороны в кольце имеется разрыв —«вход». В середине кольца на поверхности грунта обнаружен слой истлевшего камыша толщиной до 1 *см*. Камыш сохранился лишь по краям могильной ямы, которая имела форму удлиненного прямоугольника с закругленными углами, длиной 3 *м*, шириной 2,3 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1,4 *м* в западном конце ямы у южной стены лежали позвонки, ребра, ключицы скелета человека, а в середине — обломок железного предмета, рядом с которым обнаружен костяной наконечник (табл. II, *13*) с четырьмя отчетливо выраженными гранями и раздвоенным концом для закрепления в древке. Длина наконечника 7,5 *см*.

Ограда 25. Диаметр 6,5 *м*, ширина кольца 0,70 *м*. На глубине 0,4 *м* в ограде выявились края могильной ямы, ориентированной с востока на запад, длина ее 2,6 *м*, ширина 1,6 *м*. На глубине 1,3 *м* у северной стены находился скелет без костей таза, позвонков.

Ограда 26. Диаметр 6 *м*, ширина кольца 0,70 *м*. Могильная яма ориентирована с юго-востока на северо-запад, длина 2,4 *м*, ширина 0,90 *м*. На глубине 0,50 *м* обнаружен истлевший камыш, под которым находились обломки дерева. На глубине 0,90 *м* у северной стены лежал скелет, на спине, головой на северо-запад. В западном конце ямы справа от черепа найден крестец овцы, а на нем небольшой железный нож.

Курган 27. Диаметр 8 *м*, высота 0,20 *м*. На насыпи прослеживались камни кольца

диаметром 5 *м*, шириной до 1,2 *м*. В середине его, на линии диаметра запад — восток, под навалом камней находилась могильная яма, в форме удлиненного прямоугольника, ориентированная с востока на запад, длиной 2,9 *м*, шириной 0,80 *м*. На глубине 0,38 *м* в яме у северной стены лежал скелет на спине, головой на запад. Черепа в яме не оказалось, а перевернутая нижняя челюсть лежала на костях правого плеча. Длина скелета 1,60 *м*.

Ограда 33. Диаметр 7 *м*, в разрезе плоская, на поверхности выступают камни кольца диаметром 4,5 *м*, шириной 0,50 *м*. Могильная яма длиной 2 *м*, шириной 0,90 *м*, овальной формы, ориентирована с В—СВ на З—ЮЗ. Яма до глубины 1,10 *м* завалена камнями, ниже обнаружены обломки истлевших бревен, под которыми найдены шейные позвонки, обломки бедренных и тазовых костей. На глубине 1,40 *м* сохранились in situ кости ног. Скелет лежал в вытянутом положении, головой на запад. Могила разграблена.

Ограда 34. Диаметр 5 *м*, в виде кольца из камней, шириной 0,60—0,80 *м*. Могильная яма прямоугольной, с закругленными углами, формы, длиной 2,30 *м*, шириной 0,70 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,90 *м* под завалом из плит и камней лежал скелет на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, но слегка согнуты в локтях.

Ограда 38. Диаметр 5 *м*. Могильная яма ориентирована с юго-востока на северо-запад, длина 2 *м*, ширина 0,80 *м*. На глубине 0,90 *м* в яме лежал скелет без костей рук и берцовой, а также черепа. Остальные располагались в анатомическом порядке. Судя по ним, скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. В северо-западном углу ямы найден фрагмент боковины сосуда ручной лепки, в изломе черного цвета.

Курган 40. Диаметр 6 *м*, высота 0,08 *м*, в разрезе сфероидный. От основания насыпи поднималось кольцо шириной 0,30 *м*. В середине оградки имелась выкладка, под которой находилась могильная яма, ориентированная с северо-запада на юго-восток, длина 2,2 *м*, ширина 0,80 *м*. На глубине 1,1 *м* найдены кости таза и ног, лежавшие in situ. Скелет покоился на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. В яме обнаружен фрагмент керамики, черной в изломе.

Ограда 42. Диаметр 6 *м*, шириной 0,70 *м*. Могильная яма овальной формы, ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина 2,3 *м*, ширина 0,70 *м*. На глубине 0,90 *м* в яме обнаружен скелет человека, который лежал на спине, в вытянутом положении. У левого предплечья находились позвонки барана. У кисти левой руки найдена бусина, у правой — вторая, на дне ямы — третья.

Ограда 43. Диаметр 5 *м*, кольцо шириной 0,60 *м*. В середине его находилась выкладка из камней шириной 0,45 *м*, под которой оказалась могильная яма овальной формы, ориентированная с северо-запада на юго-восток, длиной 1,6 *м*, шириной 1 *м*. На глубине 0,95 *м* в яме лежал скелет, на спине, головой на северо-запад. В западном углу ямы, справа от черепа, найден коррозированный железный нож и рядом позвонки барана.

Могильник Утеген III

Курган 4. Диаметр 6 *м*, высота 0,09 *м*, сильно оплывший. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 1,90 *м*, ширина 0,70 *м*. На глубине 1,65 *м* в яме обнаружен скелет, длина его 1,65 *м*, на спине, в вытянутом положении, головой на запад, кости рук вытянуты вдоль туловища. Скелет принадлежал мужчине андроновского типа. Справа от черепа лежал крестец овцы с железным сильно коррозированным ножом длиной 12 *см*. У правого предплечья стоял глиняный сосуд в форме кружки, высотой 15 *см*, с ручкой в виде сосцевидного выступа (табл. X, *10*).

Курган 6. Диаметр 10 *м*, высота 0,24 *м*, в разрезе полусферический, уплощенный. В восточной половине насыпи найден фрагмент керамики с отпечатками ткани. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина 2 *м*, ширина 0,90 *м*. На

глубине 1,75 *м* в яме находились кости человека. Скелет лежал на спине, длина его 1,70 *м*, головой на северо-запад, ногами на юго-восток, кости рук вытянуты вдоль туловища. Скелет принадлежал мужчине андроновского типа. Между ребрами и позвонками найден фрагмент керамики. У черепа обнаружены крестец овцы, железный нож длиной 12,5 *см*. Рукоять его шире лезвия и со следами отверстия (табл. II, *4*). У предплечья стоял глиняный круглодонный сосуд (табл. V, *5*), высотой 10 *см*, диаметр горловины 9,5 *см*, со следами копоти. Тесто неравномерного обжига, на внутренней поверхности дна имеются отпечатки ткани.

Курган 8. Диаметр 5 *м*, высота 0,09 *м*, сильно оплывший. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,30 *м*, ширина 1,30 *м*. На глубине 1,68 *м* в яме находились кости скелета, который лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Позвоночник изогнут, по-видимому, погребенный был горбатым, длина скелета 1,65 *м*. Справа у черепа стоял круглодонный глиняный сосуд в форме чаши, высотой 12 *см*, диаметр тулова 16 *см* (табл. V, *10*). У правого предплечья найден крестец барана, а на нем коррозированный железный нож длиной 24 *см*.

Курган 15. Диаметр 8 *м*, высота 0,14 *м*, оплывший. Могильная яма овальной формы, ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина 2 *м*, ширина 0,80 *м*. На глубине 1,60 *м* в яме находился скелет, длина его 1,60 *м*. Он лежал на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Скелет принадлежал женщине андроновского типа. Череп повернут на север, около него найден обломок железной шпильки, слева стоял глиняный круглодонный сосуд высотой 11 *см*, диаметр горловины 10 *см* (табл. X, *11*).

Могильник Кзыл-Эспе

Курган 51. Диаметр 8 *м*, высота 0,22 *м*, в разрезе сильно уплощенный. На насыпи имеется кольцо диаметром 5,80 *м*, шириной 0,40 *м*. На древней поверхности в середине кольца найдены четыре фрагмента керамики, остатки костров — угли с золой и обломки истлевшего дерева. Могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток, длина 2,80 *м*, ширина 0,65 *м*. В яме найден фрагмент сосуда с отпечатками ткани. На глубине 1,50 *м* в западном конце ямы обнаружены череп и скелет. Скелет ложал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, длина его 1,50 *м*. Слева от черепа стоял сосуд, а западнее лежали железный нож и крестец овцы.

Курган 65. Диаметр 12 *м*, высота 0,45 *м*, в разрезе сфероидный. На насыпи выступали камни кольца диаметром 5,3 *м*, шириной 0,6 *м*. Под насыпью обнаружены древесные угольки, обломки истлевшего дерева и зольное пятно размером 30×30 *см*. Могильная яма в форме прямоугольника с закругленными углами, длиной 2,1 *м*, шириной 0,60 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1,75 *м* находились кости скелета, он лежал на спине, череп раздавлен, повернут на север, кости рук вытянуты вдоль туловища, длина скелета 1,75 *м*. Справа от черепа лежал крестец овцы длиной 35 *см*, а поперек него — железный нож длиной 12 *см*. Западнее найден кусочек глины, на котором находилась прорезная фигурная резетка в виде спирали, покрытая белой краской.

Под остатками кострища в западном конце ямы обнаружен раздавленный сосуд в форме кувшина с округлым дном. Среди остатков кострища была косточка джиды.

Курган 72. Диаметр 8 *м*, высота 0,18 *м*, в разрезе сфероидный, сильно уплощенный. На насыпи имеется кольцо диаметром 5,6 *м*, шириной 0,40 *м*. Могильная яма длиной 2,55 *м*, шириной 0,60 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1,35 *м* в яме найден скелет; он лежал на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костей плохая. За черепом стоял сосуд в виде высокого кувшина со слегка отогнутым наружу венчиком, диаметр его — 9,5 *см*, тулова — 13,5 *см* (табл. X, *4*).

Курган 77. Диаметр 12 *м*, высота 0,60 *м*, в плане овальный. На насыпи имеется кольцо диаметром 6,6 *м*, шириной 0,60 *м*. В северо-восточной ее части найден фрагмент

дна сосуда. На древней поверхности обнаружены две могильные ямы, ориентированные с востока на запад.

Северная яма, длиной 1,6 *м*, шириной 0,70 *м*. В западном конце найден фрагмент керамики, а на глубине 1,15 *м* — раздавленный череп. В непотревоженном состоянии сохранились лишь кость предплечья и обломки берцовых костей, остальные были разбросаны по яме. В западном конце ямы лежал раздавленный сосуд баночной формы высотой 9,5 *см*, диаметр венчика 12×13,5 *см*, дно выпуклое (табл. V, *8*). Севернее черепа найден обломок железного ножа.

Южная яма, длиной 2,55 *м*, шириной 0,9 *м*. В яме находились обломки истлевшего дерева. На глубине 1,85 *м* обнаружен скелет; он лежал на спине, головой на запад, череп раздавлен, руки вытянуты вдоль туловища, ноги — вдоль ямы, длина его 1,60 *м*. Возле черепа стоял сосуд — чаша — высотой 9 *см*, со слегка уплощенным дном (табл. IX, *1*). Западнее черепа находился железный нож длиной 16,5 *см*, шириной 1,5 *см*. Между ножом и черепом найдена железная шпилька длиной 12,5 *см*. Здесь же стоял второй глиняный сосуд.

Курган 102. Диаметр 8 *м*, высота 0,33 *м*, в разрезе уплощенный. На насыпи имеется кольцо диаметром 4,5 *м*, шириной 1,2 м. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2 *м*, ширина 0,90 *м*. На глубине 0,70 *м* в яме найдены обломки истлевшего дерева, а под ними — скелет человека. Он лежал на спине, головой на запад, ногами на восток, череп раздавлен, кости рук вытянуты вдоль туловища, длина скелета 1 *м*. Справа от черепа лежали крестец овцы и железный нож длиной 15,5 *см*.

Могильник Кзылауз III

Курган 16. Диаметр 6 *м*, высота 0,21 *м*, в разрезе сфероидный. В насыпи найдены фрагмент сосуда — кубка — с петлевидной ручкой и обломки истлевшего дерева. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,28 *м*, ширина 1 *м*. На глубине 0,92 *м* в яме в западном конце стоял глиняный сосуд в виде кубка с петлевидной ручкой, закрепленной на середине тулова (табл. VII, *3*). Сосуд ручной лепки, высота 12,3 *см*, диаметр дна 7 *см*, венчика —9,8 *см*. У основания сосуда обнаружено два позвонка барана. Скелет лежал на спине, головой на запад, длина его 1,79 *м*. Череп повернут на север, руки вытянуты вдоль туловища, ноги — вдоль ямы.

Курган 25. Диаметр 6 *м*, высота 0,24 *м*, в разрезе сфероидный. По основанию насыпи выступает кольцо диаметром 4 *м*, шириной 0,20—0,40 *м*. В середине его, на древнем горизонте лежали остатки истлевших бревен. Под ними были две небольшие могильные ямы — северная и южная, ориентированные с востока на запад. Длина северной ямы —1 *м*, ширина —0,40 *м*, южной, соответственно, 1 *м* и 0,35 *м*. Они находятся друг от друга на расстоянии 0,85 *м*.

Северная яма. На глубине 0,15 *м* в восточном конце ее найдены две фаланги ступни, обломок истлевшего дерева, а у северной стены — обломок ребра и три плюсны ног. На глубине 0,40 *м* находился скелет ребенка, он лежал на спине, головой на запад, ногами на восток. Череп повернут на север, кости рук вытянуты вдоль ямы. Длина скелета 0,73 *м*.

Южная яма. На глубине 0,25 *м* в восточном конце обнаружены ребра, часть лопатки, обломки шейных позвонков и два обломка берцовой кости детского скелета. По сохранившимся в первоначальном положении костям скелет был ориентирован головой на запад.

Курган 28. Диаметр 10 *м*, высота 0,95 *м*, в разрезе сфероидный. В подошвенной части насыпи имеется кольцо диаметром 9,40 *м*, шириной до 1 *м*. В середине кольца найдены остатки истлевшего дерева, а под ними обнаружена могильная яма длиной 3,30 *м*, шириной 0,80—0,90 *м*, ориентированная с востока на запад. На глубине 1,40 *м* находился скелет; он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Черепа

не обнаружено, длина скелета без него 1,25 *м*. В западном конце лежали крестец овцы и железный нож.

Курган 46. Диаметр 8 *м*, высота 0,40 *м*, в разрезе уплощенный. У подошвы насыпи выступали камни кольца диаметром 6 *м*, шириной 1 *м*. В середине его на поверхности лежали истлевшие обломки дерева, под которыми находилась могильная яма длиной 2 *м*, шириной 0,60 *м*, ориентированная с востока на запад. На глубине 1,25 *м* в яме найден скелет. Он лежал в вытянутом вдоль ямы положении, у скелета не хватало фаланг пальцев, позвонков, части таза, длина его 1,50 *м*. В западном конце ямы обнаружен крестец овцы.

Курган 56. Диаметр 8 *м*, высота 0,44 *м*, в разрезе уплощенный. У подошвы выступали камни кольца диаметром 7 *м*, шириной 0,70 *м*. В насыпи найдены 5 фрагментов керамики и обломки истлевшего дерева. Под ними находилась могильная яма длиной 1,90 *м*, шириной 0,62 *м*, ориентированная с востока на запад. В яме также обнаружены обломки истлевшего дерева, отдельные ребра, кости рук, ног, позвонки скелета. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад, длина его 1,50 *м*. Западнее черепа найден раздавленный сосуд, а между ними крестец овцы. Курган разграблен.

Курган 73. Диаметр 10 *м*, высота 0,43 *м*, в разрезе уплощенный. В середине кольца диаметром 5,2 *м*, шириной 1 *м* находилась могильная яма длиной 2,8 *м*, шириной 0,8 *м*, ориентированная с востока на запад. В яме на глубине 1,1 *м* лежали хвостовые позвонка и крестец овцы. У северной стены ямы обнаружена нижняя челюсть, ребра, позвонки, кости правой руки были разбросаны по яме. In situ сохранились 5 позвонков, кости таза, ног. Погребение разграблено.

Курган 76. Диаметр 10 *м*, высота 0,80 *м*, в разрезе уплощенный. На насыпи имеется кольцо диаметром 5 *м*. В насыпи найдено 2 фрагмента сосуда — миски с каннелюрами по венчику, а в середине раскопа — обломок черепа. Могильная яма длиной 2,4 *м*, шириной 0,90 *м*, прямоугольной формы, с закругленными углами, ориентирована с востока на запад. В западном конце ямы обнаружены позвонок овцы и обломки истлевших бревен. У северной стены лежал разбитый череп. В яме сохранились правая плечевая кость, фаланги левой кисти и мелкие обломки других костей. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Справа стоял сосуд в форме кувшина с выпуклым дном, диаметр венчика 8 *см* (табл. VI, *5*). У северной стены возле черепа найдена железная шпилька.

Курган 80. Диаметр 9 *м*, высота 0,57 *м*, в разрезе сфероидный, с кольцом на насыпи диаметром 4,6 *м*, шириной 0,8—1 *м*. Под остатками камыша находилась могильная яма длиной 2 *м*, шириной 0,70 *м*. В яме найдены обломки истлевших бревен, а в западном конце на глубине 0,50 *м* — рог животного и обломки скелета. На глубине 1,05 *м* лежали кости скелета. В западном конце ямы справа от черепа обнаружен крестец барана. На дне ямы у обломков черепа сохранились обломки железной шпильки.

Курган 83. Диаметр 9 *м*, высота 0,59 *м*, в разрезе сфероидный, с кольцом на насыпи диаметром 4,75 *м*, шириной 0,90 *м*. Могильная яма в форме удлиненного овала ориентирована с востока на запад, длина 2,35 *м*, ширина 0,85 *м*. На глубине 1,30 *м* в яме найден рог животного. Скелет плохой сохранности, длина его 1,26 *м*. Череп разрушен. Около плечевой кости лежала бусина красновато-оранжевого цвета. В западном конце ямы обнаружены крестец барана и железный нож.

Курган 93. Диаметр 10 *м*, высота 0,66 *м*, в разрезе сфероидный, в насыпи имеется кольцо диаметром 5 *м*, шириной 1 *м*. Могильная яма длиной 2,7 *м*, шириной 0,75 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,30 *м* в западном конце ямы стоял сосуд кувшиновидной формы, диаметр венчика 9 *см*, высота 14,5 *см*. На глубине 0,48 *м* лежал скелет человека на спине. Часть костей потревожена, а часть отсутствует. Череп и таз раздавлены. Длина скелета до коленного сустава 1,25 *м*. Западнее черепа найден крестец барана.

Могильник Унгур-Кора I

Курган 13. Диаметр 8 *м*, высота 0,47 *м*, слегка уплощенный. На древнем горизонте сохранились обломки истлевшего дерева. Могильная яма длиной 2,4 *м*, шириной 0,7 *м* ориентирована с востока на запад. На глубине 0,30 *м* в яме находились остатки дерева, покрытые сверху слоем камыша. В восточном и западном концах ямы бревна, положенные вдоль, держались на небольших обрубках бревен. Под перекрытием лежал скелет длиной 1,55 *м*, на спине, головой на запад, в вытянутом положении. Череп раздавлен, повернут на юг; скелет принадлежал мужчине. Слева от черепа стоял сосуд кувшиновидной формы с округлым дном, высотой 15 *см*, диаметром венчика 8,5 *см*. Здесь же найдена железная шпилька длиной до 12 *см*. Между сосудом и шпилькой обнаружены крестец овцы и железный нож.

Курган 14. Диаметр 7 *м*, высота 0,44 *м*, со скоплением камней на вершине. Могильная яма имела нечеткие края, на глубине 0,75 *м* выявлено 7 бревен, положенных вдоль ямы и покрытых сверху слоем камыша. Под перекрытием находился скелет. Череп раздавлен, две ключицы лежали вместе, костей грудной клетки нет. Сохранились в обломках кости рук. Скелет принадлежал мужчине, лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, длина его 1,65 *м*. Инвентаря не обнаружено, яма разграблена.

Курган 16. Диаметр 14 *м*, высота 0,85 *м*, в разрезе сфероидный. На древнем горизонте выявлены обломки дерева, а под ними — могильная яма длиной 2,3 *м*, шириной 1,1 *м*, ориентированная с востока на запад. На глубине 0,80 *м* в западном конце ямы находился череп, а в середине были беспорядочно разбросаны позвонки, ребра, кости таза. Первоначальное положение сохранили кости ног. Скелет лежал головой на запад. Инвентаря в яме нет.

Курган 24. Диаметр 7 *м*, высота 0,43 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма длиной 2 *м*, шириной 0,90 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,70 *м* в восточной половине вдоль ямы лежали обломки двух бревен диаметром 8 и 10 *см*, под ними обнаружен скелет на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги — вдоль ямы, длина его 1,54 *м*. Скелет принадлежал женщине. Слева у черепа находились хвостовые позвонки, а у левого коленного сустава — астрагал овцы. Между черепом и западным концом ямы найдены две железные шпильки с круглыми головками.

Курган 26. Диаметр 8 *м*, высота 0,63 *м*, в разрезе сфероидный. По основанию насыпи проходило кольцо шириной до 0,50 *м*. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована с востока на запад, длина 2,2 *м*, ширина 0,80 *м*. В яме обнаружено перекрытие из 4 бревен, положенных вдоль. Под ними находился скелет на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги — вдоль ямы. Череп раздавлен и повернут на север, длина скелета 1,68 *м*. Слева от него лежали крестец овцы и разложившийся железный нож.

Курган 27. Диаметр 4,5 *м*, высота 0,90 *м*. На древней поверхности выявлены края могильной ямы, ориентированной с востока на запад, длина 1,9 *м*, ширина 0,90 *м*. На глубине 0,90 м лежал скелет, на спине, ориентированный головой на запад. Слева у черепа стояли два сосуда — один в форме низкой миски, внутри которой были позвонки барана, второй — чаша (табл. V, *2*). Первый сосуд — неравномерного обжига, с серыми пятнами на внешней поверхности, диаметр его 23 *см*, толщина стенок 5 *см*. Внутри на стенках сохранились отпечатки ткани. Второй сосуд — диаметр 12,5 *см* — со следами копоти на внешней поверхности.

Курган 29. Диаметр 6 *м*, высота 0,36 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма длиной 2,10 *м*, шириной 0,70 *м*, в форме прямоугольника с закругленными углами, ориентирована с востока на запад. Скелет лежал вытянуто, головой на запад, ногами на восток. Кости туловища скелета разрушены и многих нет.

Курган 30. Диаметр 8 *м*, высота 0,51 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма

длиной 2,1 *м*, шириной 1,1 *м*, ориентирована с востока на запад. В яме обнаружены две кучки костей скелета. Инвентаря нет.

Курган 31. Диаметр 11 *м*, высота 0,78 *м*, в разрезе сфероидный, с кольцом на насыпи диаметром 6 *м*, шириной 0,50 *м*. В южной половине насыпи найдены остатки костей впускного погребения. Могильная яма длиной 3 *м*, шириной 0,7 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1,45 *м* у южной стены лежали обломки шейных позвонков, правая половина грудной клетки и фаланги пальцев. Инвентаря нет.

Курган 34. Диаметр 8 *м*, высота 0,70 *м*. По основанию проходит кольцо шириной 0,56 *м*. На древней поверхности сохранились остатки истлевших бревен. Севернее их найдены 3 фрагмента толстостенного сосуда и один тонкостенного. Бревна уложены в два ряда прямоугольником. Короткие бревна длиной до 1,3 *м*, диаметром 8—10 *см* положены с севера на юг, а длинные (до 2 *м*) — сверху поперек, т. е. с запада на восток. Под ними находилась могильная яма длиной 2 *м*, шириной 1 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,90 *м* в западном конце ямы стоял сосуд баночной формы, высота его 11,5 *см*, диаметр тулова 13,5 *см*, дно выпуклое. Череп был перевернут и лежал отдельно от других разбросанных костей скелета.

Курган 35. Диаметр 7 *м*, высота 0,33 *м*, по основанию имеется полукольцо. Могильная яма длиной 2,3 *м*, шириной 0,6 *м* имела форму удлиненного овала, ориентированного с востока на запад. В яме, на глубине 0,5 *м*, найдена лучевая кость, in situ сохранились лишь кости левого предплечья. Череп раздавлен, у таза обнаружен точильный камень (табл. II, *16*) длиной 9 *см*, шириной 1,8 *см*, с двухсторонним сверлением на одном конце. В северо-западном углу ямы стояли два сосуда: один шаровидной формы с круглым дном и обрамленный петлевидной ручкой, высота его 12 *см*, диаметр тулова 13 *см*, венчика —10 *см* (табл. VII, *1*). Второй сосуд — миска — диаметром 20 *см*, высотой 8 *см*, венчик отогнут наружу, дно слегка уплощенное.

Могильник Бесшатыр II

Курган 3. Диаметр 12 *м*, высота 0,90 *м*, вершина его уплощена и имеет едва заметную впадину. У основания проходит кольцо. На древней поверхности сохранились обломки истлевших плах толщиной до 5 *см*, шириной 10 *см*. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована с востока на запад. В яме найдены обломки костей скелета и фрагмент керамики. В восточном конце ямы лежали берцовые кости, ступни, фрагменты двух сосудов. По форме один — полусферическая чаша с прямым венчиком (табл. V, *9*), другой — горшок ручной лепки, с утолщенным дном и слегка отогнутым наружу венчиком.

Курган 6. Диаметр 7 *м*, высота 0,52 *м*, в разрезе сфероидный, на вершине обнаружено скопление камней. В насыпи имеется кольцо диаметром 4 *м*. На поверхности лежали истлевшие бревна. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,45 *м*, ширина 0,72 *м*. В яме найден обломок бедренной кости, лежавшей вдоль ямы, и два неопределенных обломка костей скелета.

Курган 8. Диаметр 7,5 *м*, высота 0,53 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована с востока на запад, длина 2,60 *м*, ширина 0,8 *м*. На глубине 1,56 *м* в яме лежал на спине «неполный» скелет, ориентированный головой на запад, ноги вытянуты, положение костей рук не установлено. В западном конце ямы обнаружены плохой сохранности железный нож и крестец овцы, а в середине ее — рог.

Курган 10. Диаметр 10 *м*, высота 0,60 *м*, в разрезе сфероидный. Насыпь опоясывало каменное кольцо диаметром 16 *м*, шириной до 0,80 *м*. На глубине 0,72 *м* обнаружены остатки истлевшего дерева и две могильные ямы, ориентированные с востока на запад.

В северной яме на глубине 0,40 *м* найдены мелкие обломки костей скелета, позвонки овцы, обломки дерева. На глубине 0,43 *м* в яме находились остатки скелета, в

западном конце ямы стояли два сосуда. Один целый сосуд в форме миски с прямым венчиком (табл. IV, *5*). В ней лежали хвостовые позвонки овцы. Севернее черепа у стенки стоял кувшин с выпуклым дном, слегка отогнутым наружу венчиком и остатками широкой ручки.

В южной яме на глубине 0,67 *м*, в западной половине ее, у южной стены находился сосуд в форме миски с прямым венчиком (табл. IV, *6*), отогнутым наружу в виде валика, переходящего в широкую каннелюру. Части стенки у сосуда нет. Тесто в изломе — красного цвета. Рядом с миской стоял другой сосуд — кувшин с грушевидным туловом и следами от ручки. Вдоль северной стены ямы лежали в нетронутом состоянии позвонки скелета. Других костей не было.

Курган 11. Диаметр 8 *м*, высота 0,29 *м*. На насыпи имеется кольцо диаметром 5 *м*, на расстоянии 7 *м* от него расположено другое кольцо диаметром 13,5 *м*. Могильная яма шириной 0,70 *м*, ориентирована с востока на запад. В яме лежали истлевшее дерево, а в восточном конце— мелкие обломки костей скелета. Курган разграблен.

Курган 13. Диаметр 9 *м*, высота 0,41 *м*, на насыпи находилось кольцо диаметром 6 *м*, а вокруг второе — диаметром 14 *м*, шириной 0,20 *м*. Могильная яма овальной формы длиной 0,50 *м*, шириной до 0,67 *м*, ориентированная с востока на запад. В восточной половине ямы у южной стенки лежали истлевшие бревна, а под ними — кости скелета. В анатомическом порядке оказались лишь позвонки, кости таза и левой руки. Инвентаря не обнаружено.

Курган 19. Диаметр 7 *м*, высота 0,45 *м*, в разрезе сфероидный. В 3 *м* от насыпи располагалось кольцо диаметром 13 *м*. Могильная яма ориентирована с востока на запад и перекрыта истлевшим деревом. Скелет лежал на спине, кости рук вытянуты вдоль туловища, череп повернут на север, длина скелета 1,67 *м*. Слева от него стоял сосуд — полусферическая чаша с широкой горловиной, а рядом лежали хвостовые позвонки овцы и железный нож.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ УСУНЕЙ I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ — I ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Могильник Утеген I—II

Курган 1. Диаметр 11 *м*, высота 0,34 *м*. По краям насыпи проходило кольцо в виде полукруга шириной 1,50 *м*. Могильная яма с нечеткими краями имела длину 4,2 *м*, ширину 1,8 *м*, ориентирована с северо-запада на юго-восток. В ней найдены крестец, ключица, ребра и другие кости скелета и два небольших железных обломка. Яма разграблена.

Выкладка 1. Длиной 2 *м*, шириной 0,75 *м*, выложена из камня, ориентирована длиной с северо-запада на юго-восток. Следов погребения не обнаружено.

Выкладка 2. Размерами 3 *м*×2 *м*, ориентирована длинными сторонами с северо-запада на юго-восток. Выложена из небольших камней. Следов погребения не обнаружено.

Курган 2. Диаметр 6 *м*, высота 19,4 *см*, сильно уплощенный, на поверхности выступают камни. Могильной ямы нет.

Курган 72. Диаметр 7 *м*, высота 0,24 *м*, в разрезе сфероидный. У основания находится кольцо шириной 0,60 *м*, а в центре на насыпи камни. В подбое северной стены лежал скелет на спине. Кости рук вытянуты вдоль туловища, ноги — вдоль ямы. Череп повернут на север. Длина скелета 1,40 *м*. Справа от него стоял глиняный сосуд с ручкой в виде сосцевидного налепа, высота сосуда 13 *см*, диаметр тулова 17 *см*, венчика 11,5 *см* (табл. VII, *10*). Возле сосуда обнаружены позвонки овцы, на которых найден железный нож длиной 12,5 *см*.

Могильник Тайгак I

Курган 1. Диаметр 12 *м*, высота 0,38 *м*, в разрезе сфероидный. На поверхности грунта имеется кольцо в виде полумесяца, вытянутого с запада на восток и постепенно суживающегося до одного ряда камней. Ширина западного конца 1,3 *м*, восточного — 0,3 *м*, диаметр 4,7 *м*. Выше располагается второе кольцо. Оно выложено подобным образом и выступает на насыпи, диаметр его 5,1 *м*. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длиной 3 *м*, шириной 0,80 *м*. Южнее ямы обнаружены остатки костра — угольки. В подбое северной стены лежал скелет, головой на запад. В западном конце ямы найдены малые берцовые кости таза, а в середине ямы — нижняя челюсть, ребра и другие кости. Погребение разграблено.

Курган 4. Диаметр 12 *м*, высота 0,50 *м*, в разрезе сфероидный, на насыпи имеется кольцо диаметром 5 *м*, шириной 1—1,2 *м*. Могильная яма длиной 2,6 *м*, шириной 1,25 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,90 *м* в яме обнаружены обломок черепа и древесные угольки. В подбое северной стены лежал скелет, головой на запад, на спине, в вытянутом положении. In situ сохранились кости левой половины скелета, длина этой части 1,6 *м*. В западном конце ямы стоял глиняный сосуд с выпуклым дном и остатками петлевидной ручки (табл. VII, *б*). У основания сосуда найдены крестец овцы и железный нож, длиной 14 *см*, шириной 2 *см*.

Курган 4а. Диаметр 14 *м*, высота 0,61 *м*, в разрезе сфероидный. По основанию проходит кольцо диаметром 10 *м*. На древней поверхности выявлены истлевшие жерди. На насыпи в восточной половине найдены фрагменты керамики. Могильная яма ориентирована с юго-востока на северо-запад, длиной 1,8 *м*, шириной 1 *м*. В яме находились истлевшие остатки дерева, на глубине 0,80 *м* в северо-западном углу обнаружен обломок трубчатой кости и астрагал. Могильная яма разграблена.

Курган 5. Диаметр 16 *м*, высота 1,1 *м*, в разрезе сфероидный. На насыпи имеется кольцо диаметром 11 *м*, шириной 0,40 *м*. В насыпи найдена кость животного, а у кольца — 4 фрагмента толстостенного сосуда. Могильная яма ориентирована с юго-востока на северо-запад, длиной 2 *м*, шириной 1,2 *м*. В яме находились обломки ребер, позвонков, черепа. Яма разграблена.

Курган 7. Диаметр 8 *м*, высота 0,30 *м*, в разрезе уплощенный. На насыпи было кольцо диаметром 4,2 *м*. На древней поверхности сохранились остатки двух костров. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длиной 2,5 *м*, шириной 0,80 *м*. На глубине 1,15 *м* от поверхности в подбое северной стены лежал скелет мужчины типа Среднеазиатского междуречья, на спине, головой на запад, ногами на восток. Кости рук вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки находилась у таза, кости правой согнуты в локтевом суставе, а кисть находилась на тазовых костях. Кости ног согнуты. Длина скелета 1,8 *м*. Инвентаря в яме нет.

Курган с каменной насыпью. Диаметр 7 *м*, высота 0,40 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма ориентирована с севера на юг, длиной 1,2 *м*, шириной с запада на восток 0,90 *м*. В яме ничего не обнаружено.

Курган 12. Диаметр 30 *м*, высота 2,8 *м*, в разрезе сфероидный, с небольшой западиной на вершине. У основания имеется кольцо шириной 2 *м*, диаметром 20 *м*. В середине кольца в насыпи сохранились истлевшие остатки бревен диаметром до 0,25 *м*, уложенных в два ряда. Могильная яма прямоугольная с закругленными углами, ориентирована с юго-востока на северо-запад, длиной 4 *м*, шириной 2,2 *м*. Поперек ямы в обоих концах лежали в два ряда истлевшие бревна диаметром до 0,25 *м*. Сверху они были покрыты камышом. Вдоль длинных стен врыты вертикальные стойки-столбы, поддерживающие накат. На глубине 2 *м* в яме, в северном конце, найдена берцовая кость, а в южном конце в середине — две кости голени. В середине ямы возле черепа обнаружен обломок железного ножа. Могильная яма разграблена.

Курган 16. Диаметр 10 *м*, высота 0,42 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма длиной 2,10 *м*, шириной 0,70 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,20 *м*

в яме сохранились куски истлевшего дерва. На глубине 1 *м* в яме найдены разбросанные три кости ребра, обломок черепа, две фаланги пальцев и др. Курган разграблен.

Курган 16б. Диаметр 6 *м*, высота 0,13 *м*, в разрезе сфероидный. По краю насыпи проходит кольцо. Могильная яма длиной 1,60 *м*, шириной 0,60 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,60 *м* обнаружены беспорядочно разбросанные кости скелета: часть нижней челюсти, обломки ребра, ключицы и лучевой кости. В середине ямы найдены остатки истлевшего дерева и обломок челюсти, у северной стены в анатомическом порядке находились кости левой половины таза и бедра детского скелета. В северо-западном углу стоял глиняный сосуд кубковидной формы, с остатками обломанной ручки (табл. VII, *14*). Высота его 12 *см*, диаметр венчика 9 *см*, тулова 14,5 *см*, дно сферическое.

Выкладка 19. Диаметр 4 *м*, высота незначительная, в разрезе уплощенная. На насыпи квадратной формы имелась оградка размером 2×2 *м*, ориентированная сторонами по странам света. Камни, ее образующие, поставлены на ребро и засыпаны лёссом, внутренняя площадь завалена камнями. В оградке никаких следов погребения не обнаружено. На глубине 0,10 *м* в ее северо-западном углу найдены два обломка железных стремян. Это нижняя часть дужки, в которую обычно упирается ступня. Она имеет листовидную форму, сверху — гладкую и литейный шов снизу. Вертикальные стержни стремян — квадратной формы.

Могильник Кзылауз II

Курган 10. Диаметр 8 *м*, высота 0,48 *м*, в разрезе сфероидный. На насыпи выступали отдельные камни. На древней поверхности лежали истлевшие остатки дерева, под ними находилась могильная яма, ориентированная с востока на запад, длиной 2,35 *м*, шириной 1 *м*. На глубине 0,96 *м* у северной стены обнаружены кости скелета, лежавшие в беспорядке. Здесь же ниже найден второй скелет, лежавший в анатомическом порядке, головой на восток. Череп не сохранился. Скелет покоился на спине, в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль туловища, длина его 1,67 *м*. У черепа нижнего костяка стоял кубковидной формы сосуд с плоским дном и петлевидной ручкой. Венчик слегка отогнут наружу в виде небольшого слива. Диаметр его 12 *см*, тулова 15 *см*, дна 10 *см*.

Курган 11. Диаметр 8 *м*, высота 0,68 *м*, в разрезе сфероидный. В насыпи обнаружена прямоугольной формы выкладка длиной 2,50 *м*, шириной 1,80 *м*, ориентированная с востока на запад. Под ней сохранились истлевшие бревна. Могильная яма ориентирована с северо-востока на юго-запад, длина 2,15 *м*, ширина 0,90 *м*. На глубине 0,56 *м* в яме лежали обломки фаланг пальцев, ребер и черепа. На дне могильной ямы находились остатки скелета: средняя часть бедренных, берцовых костей и ступни; in situ сохранились лопатки, правая часть таза, обломки плечевых костей, нескольких ребер и позвонков. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад, ногами на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища. Западнее черепа найдены позвонки овцы и два кубковидных глиняных сосуда. Один был с двумя петлевидными ручками, расположенными в нижней части тулова (табл. X, *9*), другой — с петлевидной ручкой у закраины (табл. VIII, *1*). Рядом стоял третий сосуд в форме низкой миски. Под черепом скелета лежал обломок железного предмета.

Могильник Калкан I

Курган 26. Диаметр 8 *м*, высота 0,40 *м*, в разрезе сфероидный. Под насыпью обнаружено кольцо из камней, диаметром 5,5 *м*. Могильная яма длиной 2,9 *м*, шириной с юга на север 0,45 *м*, ориентирована с востока на запад. В яме на глубине 1,45 *м* вдоль

южной стены имелся выступ-ступенька из материкового грунта шириной 0,32 *м*, высотой 0,30 *м*. В подбое на глубине 1,5 *м* лежал скелет женщины типа Среднеазиатского междуречья с брахикранным черепом, на спине, головой на запад. Кости рук вытянуты вдоль туловища, ног — вдоль ямы, длина скелета 1,50 *м*. У черепа найдены железная шпилька длиной 17 *см* и железный нож длиной 18 *см*, шириной 2 *см* (табл. II, *6*).

Курган 64. Диаметр 9 *м*, высота 0,48 *м*, в разрезе сфероидный. На поверхности грунта выявлено кольцо из камней, диаметром 4,5 *м*. В середине кольца имелась выкладка из камней, ориентированная с востока на запад, длиной 2,2 *м*, шириной 0,7—1,1 *м*, высотой 0,4 *м*. Под ней находилась могильная яма длиной 2,6 *м*, шириной 0,50 *м*. На глубине 1,05 *м*, в западном конце ее, справа от черепа, стоял грушевидный кувшин (табл. X, *3*). Высота его 15,5 *см*, диаметр венчика 10 *см*, тулова 13 *см*. Рядом был второй сосуд в форме широкой низкой миски (табл. IV, *9*) высотой 9 *см*, диаметр венчика 22 *см*. В нем лежал железный нож длиной 8 *см*, шириной 1,5 *см*. Скелет обнаружен в подбое северной стены, на спине, ориентирован головой на запад, ногами на восток, руки вытянуты вдоль туловища. Череп раздавлен, длина скелета 1,6 *м*. Судя по костям, погребенный — мужчина преклонного возраста.

Ограда 65. Диаметр 7,5 *м*, высота 0,18 *м*, в разрезе уплощенная, имеет вид кольца диаметром 7 *м*. Оградку опоясывало каменное кольцо из одного ряда камней, диаметром 11,5 *м*. На расстоянии 3 *м* от него находилась прямоугольная выкладка размером 2×1 *м*, ориентированная с юга на север. Могильная яма длиной 1,6 *м*, шириной 0,40 *м* ориентирована с юго-востока на северо-запад. В яме инвентаря и скелета не обнаружено.

При расчистке выкладки на глубине 0,10 *м* в юго-восточном углу найден венчик сосуда (табл. X, *12*). Сосуд с уплощенным дном, высотой до излома 17 *см*.

Курган 66. Диаметр 5,2 *м*, высота 0,32 *м*, в разрезе сфероидный. На расстоянии 2,5 *м* от основания насыпь опоясана кольцом из камней, диаметром 10 *м*. Могильная яма в форме удлиненного, с закругленными углами, прямоугольника, ориентирована с востока на запад, длиной 2,1 *м*, шириной 0,6 *м*. На глубине 1,5 *м* от поверхности в яме обнаружен скелет. Он лежал на спине, вытянуто, головой на запад, ногами на восток. Череп повернут на север, кости рук вытянуты вдоль туловища, ног — вдоль ямы, длина скелета 1,70 *м*. Судя по надбровным дугам и другим костям, скелет принадлежал мужчине. Справа от черепа стоял шаровидной формы сосуд с сосцевидной ручкой. Высота сосуда 11,5 *см*, диаметр тулова 13,5 *см*, венчика 11 *см* (табл. VII, *7*). Справа на костях предплечья обнаружены крестец овцы и железный нож длиной 10,5 *см*.

Курган 68. Диаметр 6 *м*, высота 0,23 *м*, в разрезе сфероидный. В 5 *м* западнее основания насыпи находится овальная выкладка из камней, диаметром с запада на восток 1,5 *м* и с севера на юг 3 *м*. В насыпи выявлено кольцо диаметром с севера на юг 5,2 *м*, с востока на запад 5,7 *м*. Могильная яма в виде удлиненного прямоугольника с закругленными углами, длиной 2 *м*, шириной 0,41 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,85 *м* в западном конце ее лежал раздавленный сосуд грушевидной формы с узкой горловиной и широким округлым туловом. Высота его 14 *см*, диаметр венчика 10 *см*, горловины — 7,5 *см*, тулова — 13 *см*. Возле сосуда найдены два обломка железного ножа. В середине выкладки на глубине 0,27 *м* на камнях обнаружен фрагмент керамики ручной лепки с отпечатками ткани и лощением на внешней стороне.

Курган 87. Диаметр 8 *м*, высота 0,35 *м*, в разрезе сфероидный. Под насыпью находилось кольцо диаметром 7,5 *м*. В 4 *м* западнее насыпи расположена овальная выкладка из камней, размером 1,2×0,8 *м*, ориентированная длиной с востока на запад. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длиной 2 *м*, шириной 0,8 *м*. На глубине 0,65 *м* в разных частях ямы разбросаны кости скелета. Погребение разграблено. В выкладке никакого инвентаря не обнаружено.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ УСУНЕЙ II—III ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Могильник Капчагай II

Данные о курганах опубликованы[1].

Могильник Чулак-Джигиде I

Курган 6. Диаметр 9 *м*, высота 0,35 *м*, в разрезе сфероидный. На поверхности грунта в северной половине насыпи обнаружены остатки четырех кострищ — угли. Между кострами расположены две могильные ямы.

Южная яма овальной формы, ориентирована с востока на запад, длина 2,10 *м*, ширина 0,60 *м*. В ней найдены небольшие древесные угольки, а в срезе северной стены — истлевшие жерди, поставленные наклонно от северной стены к основанию южной. На глубине 1,35 *м* в западном конце стоял сосуд высотой 10 *см*, диаметром венчика 14 *см*, горловины —12,5 *см*, дна —8 *см*, тулова —15,5 *см* (табл. IX, *4*). Скелет лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Череп повернут к югу. Длина скелета 1,70 *м*. Судя по костяку, погребена женщина.

Северная яма находилась в 0,80 *м* от южной и была ориентирована с востока на запад, длина ее 1,70 *м*, ширина 0,80 *м*. В северной стене обнаружены остатки истлевшего дерева.

На глубине 1,15 *м* в северном углу ямы найдены два обломка железного ножа длиной 11,9 *см*. На глубине 1,25 *м* лежал скелет, ориентированный головой на запад, кости рук вытянуты вдоль туловища, ног — вдоль ямы, череп повернут на юг, длина скелета 1,75 *м*. Он принадлежал мужчине. Справа от него стоял сосуд ручной лепки с плоским дном, высотой 10 *см*, диаметром дна 6,5 *см*, горловины —11,5 *см*, венчика — 12,5 *см*, тулова —14 *см* (табл. IX, *8*).

Курган 36. Диаметр 10 *м*, высота 0,48 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма длиной 2,75 *м*, шириной 0,50 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1 *м* выявлены остатки деревянных столбиков диаметром 10—16 *см*, поставленных наклонно вдоль северной стенки ямы. На глубине 1,70 *м* в южной стене сделана ступенька шириной 28—35 *см*. В западном конце стоял сосуд грушевидной формы с округлым дном, ручной лепки, на тулове сохранились следы от петлевидной ручки (табл. VI, *13*). Южнее сосуда обнаружен железный нож с остатками деревянной рукоятки. На глубине 2,10 *м* в подбое северной стены лежал скелет, на спине, в вытянутом положении, головой на запад, ногами на восток. Череп раздавлен, руки вытянуты вдоль туловища, ноги — вдоль ямы. Кисть правой руки сжата в кулак. Под черепом найдена железная шпилька.

Курган 50. Диаметр 12 *м*, высота 0,45 *м*, в разрезе сфероидный. На древней поверхности выявились края двух могильных ям, ориентированных на северо-запад. Южная яма длиной 2,40 *м*, шириной 0,60 *м*, северная — длиной 0,85 *м*, шириной 0,30 *м*.

Южная яма. В западном конце сохранились обломки истлевшего дерева, находившиеся на глубине 1,30 *м*. На этой же глубине лежал скелет женщины «смешанного» физического типа, на спине. Череп повернут на север, кости рук вытянуты вдоль туловища, ног — вдоль ямы, длина скелета 1,50 *м*. Западнее черепа стоял сосуд с плоским дном, выпуклым туловом, ручной лепки (табл. IX, *2*). Между черепом и сосудом обнаружены 3 обломка железной шпильки длиной 15 *см*. Под сосудом на дне ямы лежал крестец овцы.

Северная яма. На глубине 0,55 *м* от поверхности находился скелет ребенка, ориентированный головой на запад, кости рук вытянуты вдоль туловища, ног — вдоль ямы. Череп раздавлен, инвентаря не обнаружено.

---

[1] К. А. Акишев. Отчет о работе ИАЭ, 1954 г. ..., стр. 7.

Могильник Чулак-Джигиде II

Курган 46. Диаметр 9 *м*, высота 0,29 *м*, овальной формы, вытянут с севера на юг, в разрезе уплощенный. Могильная яма длиной 2,13 *м*, шириной 0,55 *м*, ориентирована с юго-востока на северо-запад. На глубине 0,48 *м* в середине ямы найдены куски жердей, стоявших наклонно к северной стене, На глубине 1,25 *м* в яме лежали остатки бревен перекрывавшие дно ямы. На глубине 1,62 *м* в подбое северной стены обнаружен скелет мужчины андроновского типа, положенный на спину. Череп раздавлен, повернут на север, кости рук вытянуты вдоль туловища, ног — вдоль ямы, длина скелета 1,80 *м*. В западном конце ямы в подбое найдены 3 позвонка и крестец овцы.

Могильник Тайгак II

Курган 3. Диаметр 8 *м*; высота 0,31 *м*, в разрезе сфероидный, под насыпью выявлено кольцо. На поверхности грунта стоял ящик, сооруженный из плитовидных камней, поставленных на ребро, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Наружная длина его 3,3 *м*, внутренняя 2,4 *м*, ширина 0,6 *м*. Грунт в ящике состоит из щебенки и мелких камней. На дне в 0,43 *м* от восточного конца ящика найден обломок кости голени, западнее — два обломка бедренной кости. Погребение разграблено.

Ограда 5. Диаметр 5,6 *м*, в разрезе плоская, в плане овальная, вытянутая с востока на запад, сооружена из плашмя положенных камней. Следов могильной ямы и погребения не обнаружено.

Ограда 8. Подковообразное сооружение из камней, обращенное открытыми концами на юг. Следов погребения и могильной ямы не обнаружено.

Курган 10. Диаметр 8 *м*, высота 0,25 *м*, в разрезе уплощенный. С северной стороны имеется пристройка из камней в виде прямоугольной вымостки на поверхности грунта, ориентированной на северо-восток, длиной 2,5 *м*, шириной 1,7 *м*. Под насыпью выявлено два кольца, сложенных из небольших валунов. Внешнее кольцо диаметром 5,6 *м* находилось под основанием, внутреннее — диаметром с севера на юг 3,7 *м* и с запада на восток 4,15 *м* — имело овальную форму. В середине кольца лежали плиты длиной 0,90 *м*, шириной 0,40 *м*, ориентированные с юго-востока на северо-запад, под которыми обнаружена могильная яма длиной 1,7 *м*, шириной 0,70 *м*. Восточная половина ее покрыта тремя каменными плитами, положенными поперек. В яме найдены мелкие обломки костей и древесные угольки. В восточном конце ямы у южной стены сохранились обломки трубчатых костей ног. В кургане и вымостке никакого инвентаря не найдено.

Могильник Унгур-Кора II

Курган 8. Диаметр 5 *м*, высота 0,19 *м*, в разрезе уплощенный. Могильная яма в форме удлиненного прямоугольника с закругленными углами, ориентирована с востока на запад, длина 1,95 *м*, ширина 0,75 *м*. В яме на глубине 0,40 *м* в юго-западном углу, справа от скелета, стоял сосуд баночной формы, с уплощенным дном и отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика 7 *см*, высота 9,5 *см* (табл. IX, *3*). Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад, длина его 1,60 *м*. Кости левой руки вытянуты вдоль туловища, правой — согнуты.

Курган 9. Диаметр 6 *м*, высота 0,40 *м*, в разрезе сфероидный. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина 2,40 *м*, ширина 0,80 *м*. На глубине 0,67 *м* в яме лежал скелет, на спине, головой на запад. Череп раздавлен, правая рука согнута в локте и вытянута вдоль туловища, левая также согнута в локте, а кисть находится у таза. Инвентаря в яме не обнаружено.

Курган 11. Диаметр 5 *м*, высота 0,21 *м*, сфероидный, слегка уплощенный. Могильная яма длиной 1,8 *м*, шириной 0,70 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине

0,40 *м* в яме лежал скелет плохой сохранности. Кости рук вытянуты вдоль туловища, кисть правой руки находится под тазом, бедренных костей нет; длина скелета 1,60 *м*. Слева от черепа, в северо-западном углу ямы, стоял круглодонный сосуд баночной формы с едва заметным сужением к венчику (табл. VIII, *3*). Ниже венчика прикреплена ручка. Под сосудом лежали два позвонка овцы.

Курган 12. Диаметр 8 *м*, высота 0,69 *м*, в разрезе сфероидный. В юго-западной части насыпи найден обломок сосуда — боковина с поддоном. Могильная яма длиной 2 *м*, шириной 1,5 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 1,25 *м* лежал скелет, на спине, головой на запад, длина его 1,70 *м*. Череп раздавлен, кости рук вытянуты вдоль туловища, нижняя часть грудной клетки, кости кисти рук и позвонки отсутствуют. В западном конце ямы стояли два сосуда: один — низкая широкая миска (табл. IV, *10*), внутри которой лежали кости барана, другой — банка со следами от ручки в верхней части тулова (табл. VII, *15*).

Курган 16. Диаметр 6 *м*, высота 0,39 *м*, в разрезе уплощенный. Могильная яма в форме прямоугольника с закругленными углами, ориентирована с востока на запад. длиной 1,60 *м*, шириной 0,60 *м*. На глубине 1,1 *м* обнаружены кости человека. Скелет лежал на спине, кости рук вытянуты вдоль туловища, длина его 1,40 *м*. В яме не найдено плечевой кости, фаланг пальцев и других.

Курган 18. Диаметр 8 *м*, высота 0,51 *м*, в разрезе сфероидный, на вершине были камни. На древнем горизонте в западной половине насыпи сохранились куски истлевших бревен, под ними находилась могильная яма длиной 2,9 *м*, шириной 1,15 *м*, ориентированная с востока на запад. В яме найдены бревна, между ними обнаружены ребра, фаланги пальцев, кости ступни. На глубине 1,1 *м* в яме сохранились in situ лишь отдельные кости скелета. Череп, таз раздавлены, кости рук и ног вытянуты вдоль ямы. Длина скелета 1,70 *м*. В юго-западном углу ямы обнаружены 8 позвонков и крестец овцы.

Курган 20. Диаметр 6 *м*, высота 0,39 *м*. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длиной 1,8 *м*, шириной 0,80 *м*. На глубине 1,2 *м*, в западном конце ее, слева от черепа найден раздавленный сосуд в форме кружки. Скелет лежал на спине, головой на запад, длина его 1,80 *м*. Кости рук вытянуты вдоль туловища, но слегка согнуты в локте. Правая рука без кисти, левая находится у бедренной кости. Кости ног лежат вдоль ямы.

Курган 26. Диаметр 6 *м*, высота 0,35 *м*, в разрезе сфероидный, уплощенный. На глубине 0,15—0,20 *м* в середине насыпи найдены фрагменты керамики. Один из них с частью венчика и следами от ручки. Могильная яма длиной 2,4 *м*, шириной 1,2 *м* ориентирована с востока на запад. На глубине 0,55 *м* лежали два скелета: южный и северный. Первый — на левом боку, длина его 1,60 *м*, второй — на спине, длиной 1,40 *м*. Северный — плохой сохранности. Западнее черепа в углу ямы стоял сосуд баночной формы с выпуклым дном и следами от ручки. Высота его 12 *см*, диаметр 13 *см* (табл. X, *13*). Рядом с ним найден обломок каменной зернотерки.

Курган 34. Диаметр 8 *м*, высота 0,60 *м*, в разрезе сфероидный, покрыт мелкой галькой, на вершине много камней. Могильная яма перекрыта накатом из толстых бревен, сверху обмазанных глиной, остатки которой сохранились по краям ямы, длина ее 2,35 *м*, ширина 0,90 *м*. На глубине 0,10 *м* в яме найдены мелкие обломки костей скелета. Он лежал на спине, головой на запад, кости ног упирались в восточный конец ямы. Инвентаря не найдено.

Могильник Калкан IV

Курган 12. Диаметр 9 *м*, высота 0,44 *м*, в разрезе уплощенный, близкий к трапеции, с небольшой западиной на вершине (до 7—8 *см*). В 2 *м* от основания насыпи расположено кольцо из небольших камней. Могильная яма в виде удлиненного прямоугольника с закругленными углами имела длину 1,3 *м*, ширину 0,50 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,90 *м* в западном конце ямы найден череп мужчины андроновского типа. Скелет лежал в подбое северной стены, in situ сохранились лишь кости ног.

Курган 13. Диаметр 8 *м*, высота 0,70 *м*, в разрезе сфероидный, покрыт слоем камней. В 4 *м* от основания находилось кольцо из камней диаметром 16 *м*, с обозначенным с запада «выходом» из двух вертикально поставленных камней. В 3 *м* западнее его располагалась овальной формы выкладка размером 3×1,8 *м*, ориентированная с востока на запад. На древней поверхности под насыпью обнаружено кольцо диаметром 5,2 *м*.

Насыпь имела сложную структуру: в середине кольца выявлена овальной формы выкладка длиной 2,4 *м*, шириной 1,5 *м* из одного ряда камней, ориентированная с запада на восток. Она засыпана землей, в результате чего образовалась насыпь диаметром 3 *м*, высотой 0,50 *м*, сверху ее обложили одним рядом камней — «рубашкой», а затем сделали вторую насыпь из лёсса и щебенки, которую также покрыли слоем камня. В камнях выкладки найдены кусок истлевшего дерева и рог животного.

На глубине 1,5 *м* в западном конце ямы сохранились остатки от кострища. Ниже его обнаружен детский скелет европеоидного типа с брахикранным черепом. Он лежал на спине, головой на запад, ногами на восток, кисти рук находились под костями таза, длина скелета 1,40 *м*. Другой погребенный найден в подбое северной стены. По костям таза и грудной клетки — это скелет юноши 17—18 лет. Справа от черепа обнаружены крестец и железный нож длиной 10 *см*. Западнее черепа лежали железный предмет длиной 27 *см* и два обломка железной шпильки: один длиной 4 *см*, второй — 10 *см*.

В выкладке с внешней стороны камней в юго-западном углу найдены округлый сосуд длиной по сохранившейся части 12 *см*, диаметром тулова 21 *см* и фрагмент венчика сосуда.

Курган 14. Диаметр 5 *м*, высота 0,45 *м*, в разрезе сфероидный. В 2,5 *м* от основания располагалось кольцо диаметром 10 *м*. На поверхности грунта в подошве насыпи имелись камни, образующие кольцо диаметром 3,7 *м*. В середине его навалена куча камней, занимающая площадь в длину 2 *м*, в ширину до 0,70 *м*, ориентированная с востока на запад. Под камнями оказалась могильная яма. На глубине 1,3 *м* в подбое северной стены найден скелет. Он лежал на спине, головой на запад, длина скелета 1,07 *м*. Кости левой руки вытянуты вдоль туловища, а правой — откинуты в сторону. У черепа обнаружены крестец овцы, железный нож, обломки тазовых костей и крестцовые позвонки человека. Судя по ним, яма разграблена. Скелет принадлежал подростку 12—13 лет (сохранились молочные зубы — 20 *шт.*) В западном углу ямы стоял сосуд с четко выраженным уступом на тулове, слегка отогнутым венчиком и округлым дном. Высота его 11 *см*, диаметр венчика 12,2 *см* (внутренний 11 *см*) тулова 11 *см* (табл. IX, *6*).

Могильник Арал-Тобе I

Курган 4. Диаметр 6,5 *м*, высота 0,51 *м*. Могильная яма в виде удлиненного овала, ориентирована с востока на запад, длиной 2 *м*, шириной 1 *м*. На глубине 0,90 *м* в восточном конце ямы обнаружены кости ног. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад, длина его 1,40 *м*. На уровне ушей находились две серьги, сделанные из тонкой бронзовой проволоки. На одной серьге, найденной у левого уха, имелась цилиндрической формы пастовая бусина диаметром 0,7 *см*, высотой 1,8 *см*. Серьга из правого уха сохранилась в виде двух обломков.

Курган 6. Диаметр 7,5 *м*, высота 0,50 *м*, в плане круглый. Могильная яма с нечеткими краями, в восточной части по краю обложена камнями, ориентирована с востока на запад, длиной 2,1 *м* и шириной 1,5 *м*. На глубине 1,05 *м* лежал сильно истлевший скелет, на спине, головой на запад, длина его 1,40 *м*. Инвентаря не найдено.

Курган 8. Диаметр 7 *м*, высота 0,30 *м*, вытянут с запада на восток. На поверхности грунта под насыпью выявлено полукольцо. Могильная яма в виде удлиненного овала, длиной 2,5 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,50 *м* у середины южной стенки обнаружены два обломка кости, а в западном конце — череп и кости скелета, который лежал на спине, в вытянутом положении. Он принадлежал подростку

16—17 лет. При зачистке в восточном конце в северной стене ямы выше костей скелета найден один астрагал овцы. Инвентаря в погребении нет.

Курган 17. Диаметр 8 *м*, высота 0,88 *м*, в разрезе трапециевидный. Под насыпью каменное кольцо диаметром с запада на восток 6 *м*. Могильная яма длиной 2 *м*, шириной 0,80 *м*, ориентирована с юго-востока на северо-запад. В ней найдены обломки трубчатых костей и ступни. Погребение разграблено.

Курган 26. Диаметр 6 *м*, высота 0,43 *м*, в разрезе сфероидный, покрыт камнем. Могильная яма ориентирована с востока на запад, длина ее 2,15 *м*. Стенки ямы разрушены, поэтому определить ее ширину не удалось. Инвентаря и скелета в яме нет.

Курган 27. Диаметр 6 *м*, высота 0,44 *м*, в разрезе сфероидный, покрыт камнем. Могильная яма длиной 1 *м*, шириной 0,50 *м*, ориентирована с востока на запад. На глубине 0,20 *м* под небольшим слоем камней и земли лежал скелет ребенка, ориентированный головой на запад. Инвентаря не обнаружено.

ТАБЛИЦА I

1, 9 — бронзовая шпилька и браслет, курган (к.) 12; *5* — бронзовые серьги, к. 11, мог-к Кзылауз I (взяты для сравнения); *2* — железная шпилька, *7—8* — бронзовые серьги, *15* — бронзовое зеркало, к. 35; *4* — железная шпилька, к. 41, м-к Капчагай III; *3* — железная шпилька, *11* — уховертки (?), *14* — бронзовое зеркало, к. 89; *17* — бронзовое зеркало, к. 97, мог-к Кзыл-Эспе; *6* — бронзовая серьга, *12* — косметический сосудик с краской, *13* — бронзовое зеркало, к. 28; *16* — мел, к. 22, мог-к Унгур-Кора I; *10* — браслет, к. 62, мог-к Калкан I.

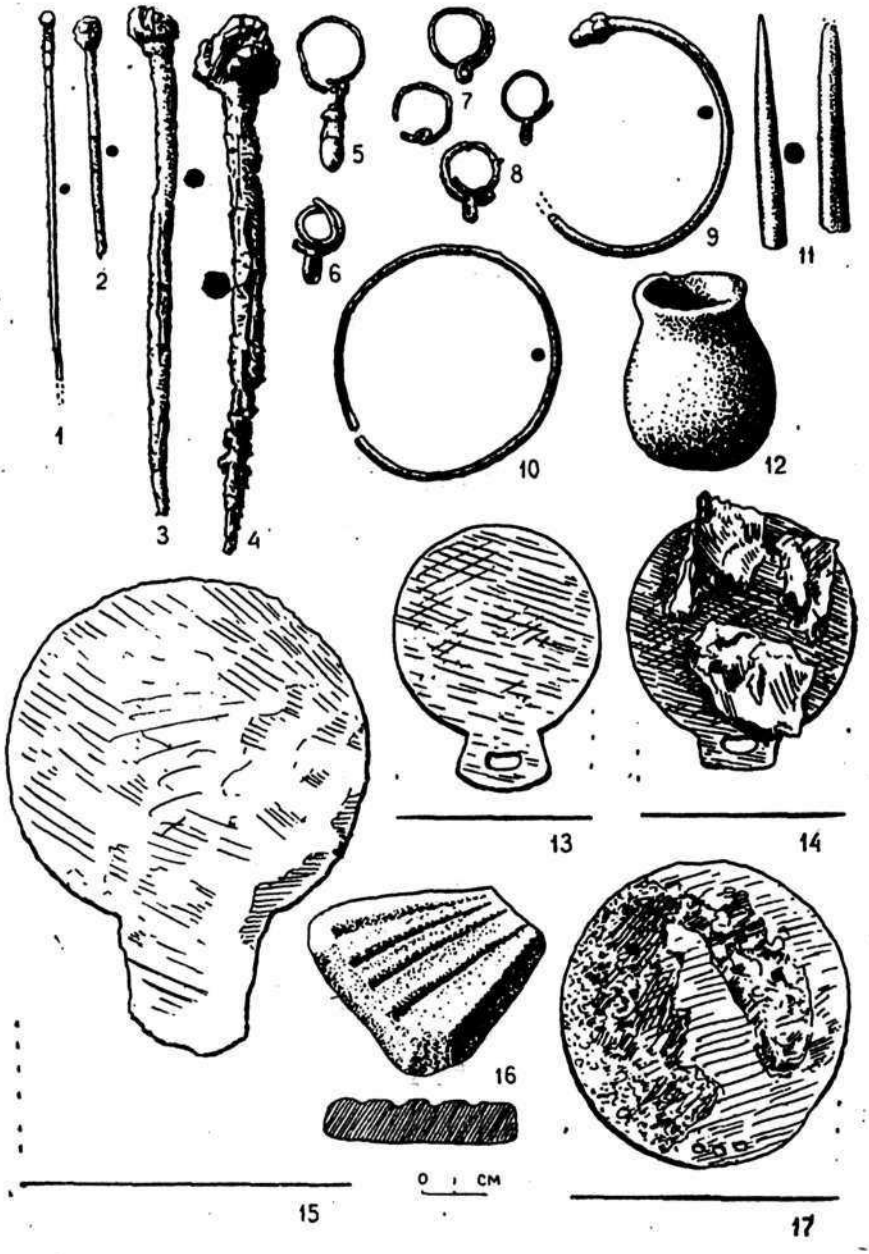

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
0 1 см

ТАБЛИЦА II

1 — бронзовый нож, к. 1, мог-к Бесшатыр II; *2* — железный нож, к. 4; *3* — бронзовый нож, к. 3, мог-к Утеген I; *4* — железный нож, к. 6, мог-к Утеген III; *5* — бронзовый нож, к. 21; *12* — бронзовая пряжка, *15* — бронзовая подвеска, к. 24; *13* — костяной наконечник, к. 20, мог-к Капчагай III; *6* — железный нож, к. 26; *10, 11* — бронзовое шило, к. 17, мог-к Калкан I; *7* — напрясло, к. 28, мог-к Унгур-Кора II; *8(а, б, в)* — напрясло керамическое, к. 31; *9* — бронзовое шило, к. 55, мог-к Чулак-Джигиде; *14* — бронзовая подвеска, к. 79, мог-к Кзылауз III; *16* — точильный камень, к. 35, мог-к Унгур-Кора I.

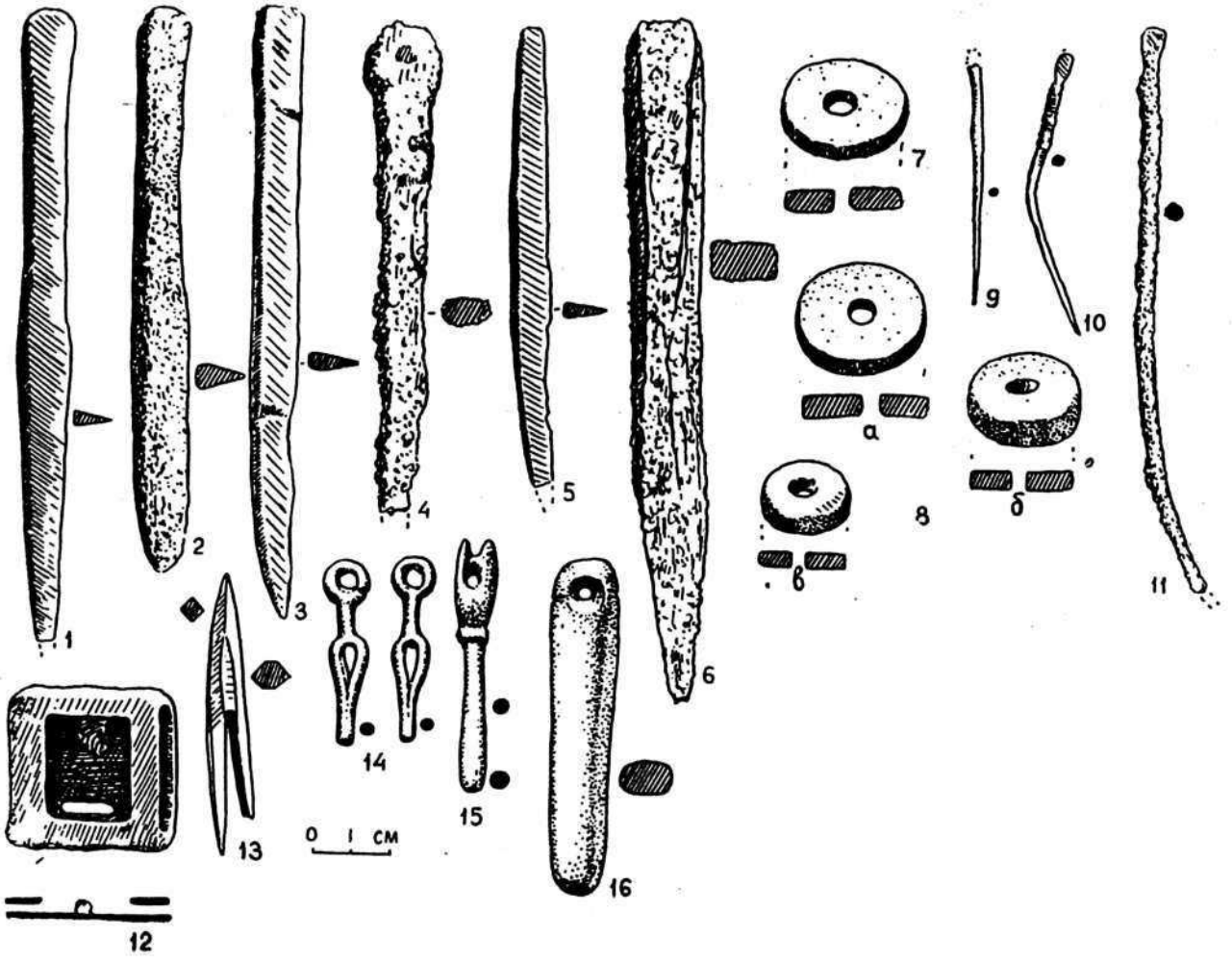

1
2
3
4
5
6
7
8
а
б
в
9
10
11
12
13
14
15
16
0 1 см

ТАБЛИЦА III

1 — ожерелье (камень, паста, стекловидная масса), к. 18; *4* — ожерелье (паста), к. 22, мог-к Капчагай III; *2* — ожерелье (паста, мел), к. 17, мог-к Тайгак 1; *3, 6* — бусины (сердолик), к. 28, мог-к Унгур-Кора I; *5* — ожерелье (сердолик, агат, паста), к. 11; мог-к Бесшатыр II.

ТАБЛИЦА III.

ТАБЛИЦА IV

Первая основная форма сосудов — миски. *1* — к. 22, *2* — к. 33, мог-к Унгур-Кора I; *3* — к. 11, *5, 6* — к. 10, мог-к Бесшатыр II; *4* — к. 82, мог-к Кзылауз III; *7, 8* — южная и северная ямы к. 4, мог-к Тайгак I; *9* — к. 64, мог-к Калкан I; *10* — к. 12, *11* — к. 31, *12* — к. 13, мог-к Унгур-Кора II.

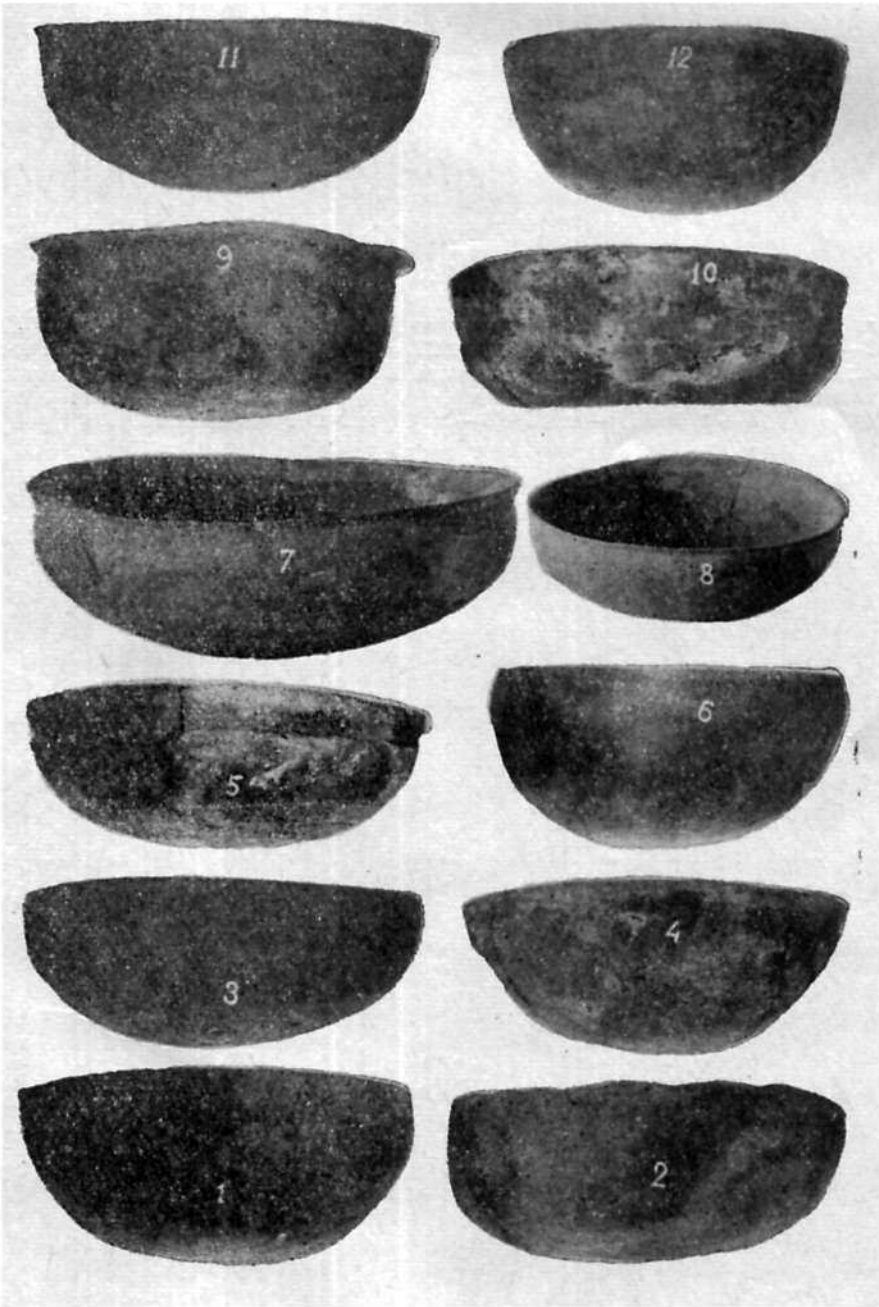

11
12
9
10
7
8
5
6
3
4
1
2

ТАБЛИЦА V

Первая основная форма сосудов — полусферические чаши. *1* — к. 33, *2* — к. 27, *6* — к. 14, *12* — к. 22, мог-к Унгур-Кора I; *3* — к. 27, *5* — к. 6, *7* — к. 16, *10* — к. 8, мог-к Утеген III; *4* — к. 18, *11* — к. 5, мог-к Капчагай III; *8* — к. 77, мог-к Кзыл-Эспе; *9*, *13* — к. 3, мог-к Бесшатыр II; *14* — к. *4* (южная яма), *17* — к. *4* (северная яма), мог-к Тайгак I, *15* — к. 31, *16* — к. 55, *18* — к. 40, мог-к Чулак-Джигиде I.

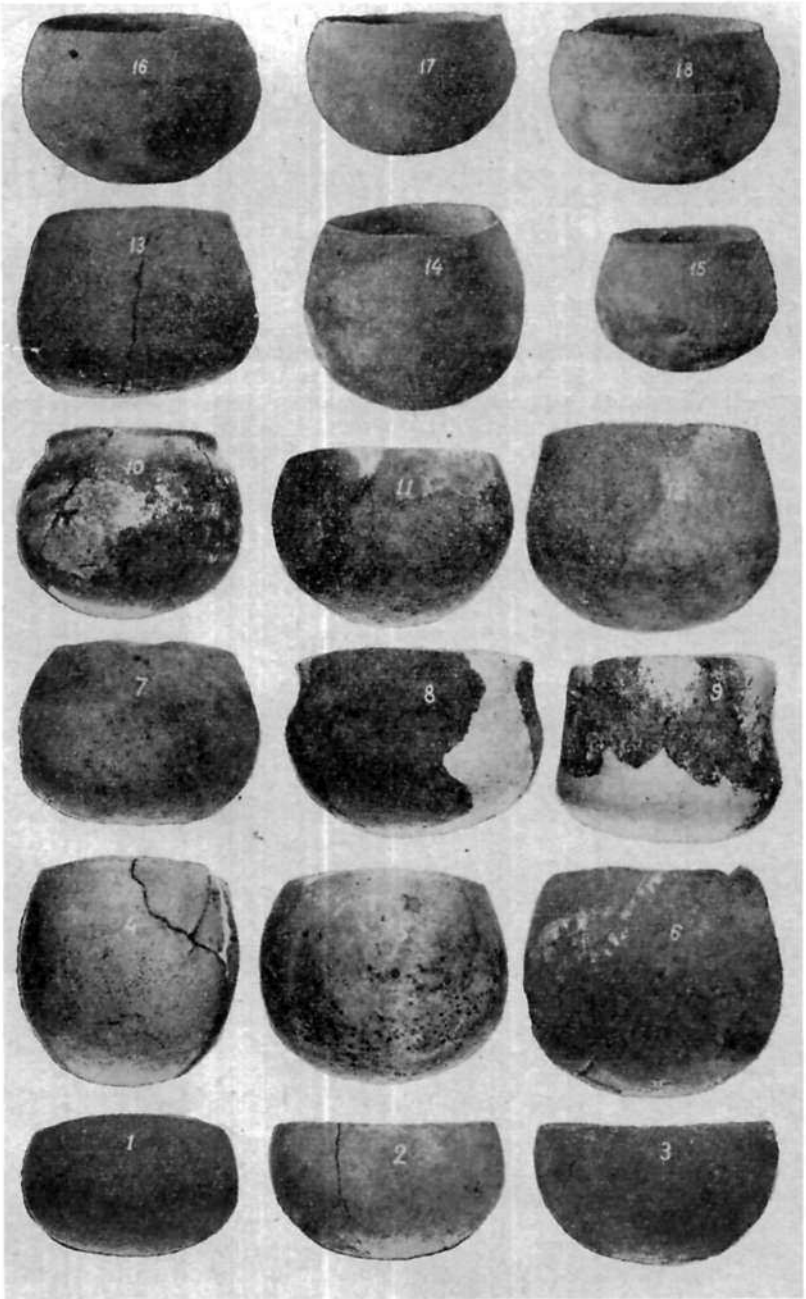

16
17
18
13
14
15
10
11
12
7
8
9
4
5
6
1
2
3

ТАБЛИЦА VI

Вторая основная форма сосудов — кувшины. *1* — к. 28, *3* — к. 23, *6* — к. 21, *8* — к. 22 мог-к Унгур-Кора I; *2*—к. 18, мог-к Капчагай III; *4*—к. 82, *5*—к. 76, мог-к Кзылауз III; *7* — к. 97, мог-к Кзыл-Эспе; *9* — к. 63 (выкладка), *11* — к. 37, мог-к Калкан I; *10* — к. 4, мог-к Утеген I; *12* — к. 11, мог-к Калкан IV; *13* — к. 36, *14* — к. 45, мог-к Чулак-Джигиде I; *15* — к. 4, мог-к Унгур-Кора II.

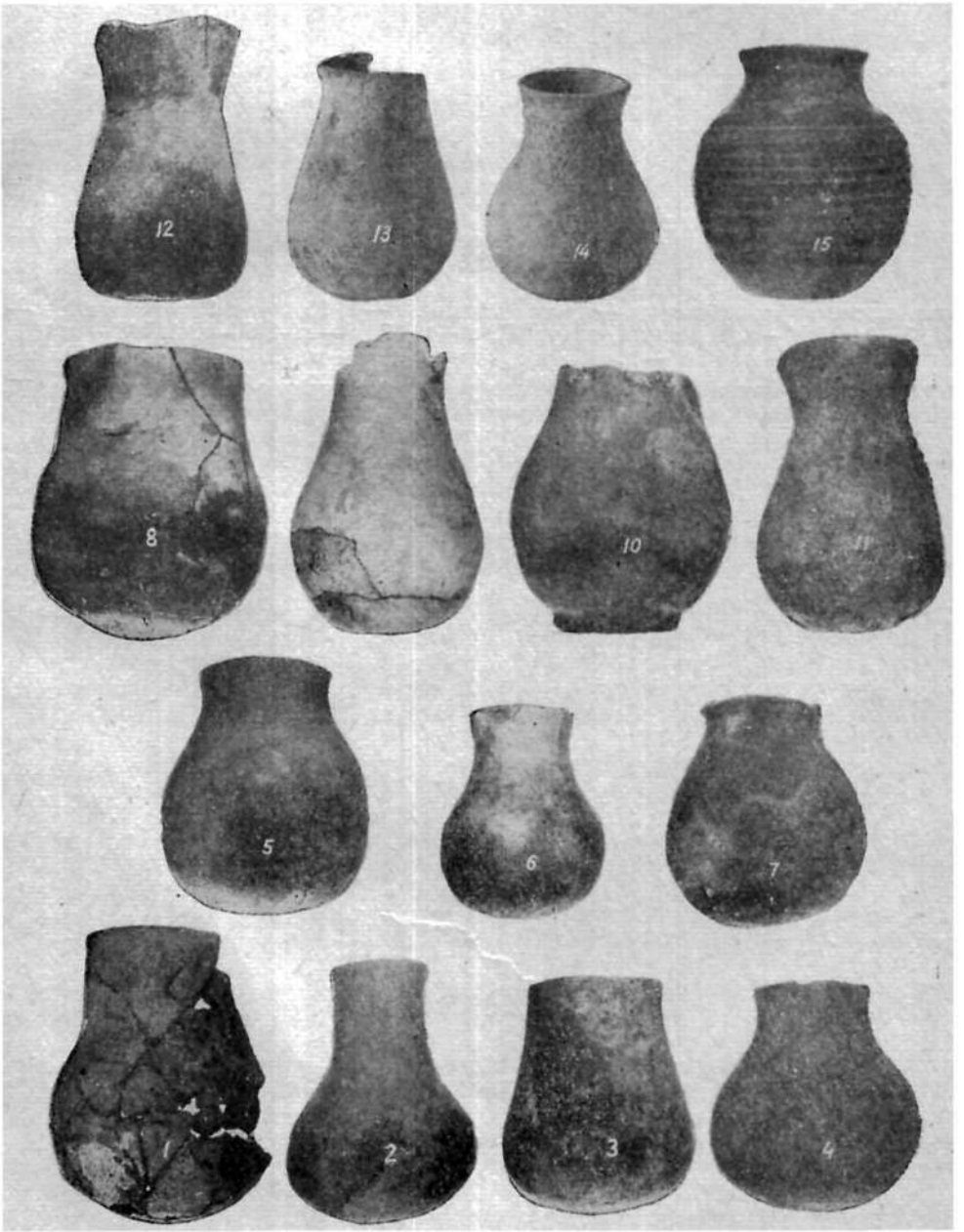

12
13
14
15
8
10
11
5
6
7
1
2
3
4

ТАБЛИЦА VII

Третья основная форма сосудов — кубки (низкие). *1* — к. 35, мог-к Унгур-Кора I; *2* — к. 11, *3* — к. 16, *4* — к. 9, мог-к Кзылауз III; *5* — к. 3А, *6* — к. 4, *9* — к. 15, *14* — к. 16Б, мог-к Тайгак I; *7* — к. 66, *8* — к. 67, мог-к Калкан I; *10* — к. 72, *11* — к. 67, мог-к Утеген II; *12* — к. 42, мог-к Чулак-Джигиде II; *13* — к. 55, мог-к Чулак-Джигиде I; *15* — к. 12, мог-к Унгур-Кора II.

ТАБЛИЦА VII

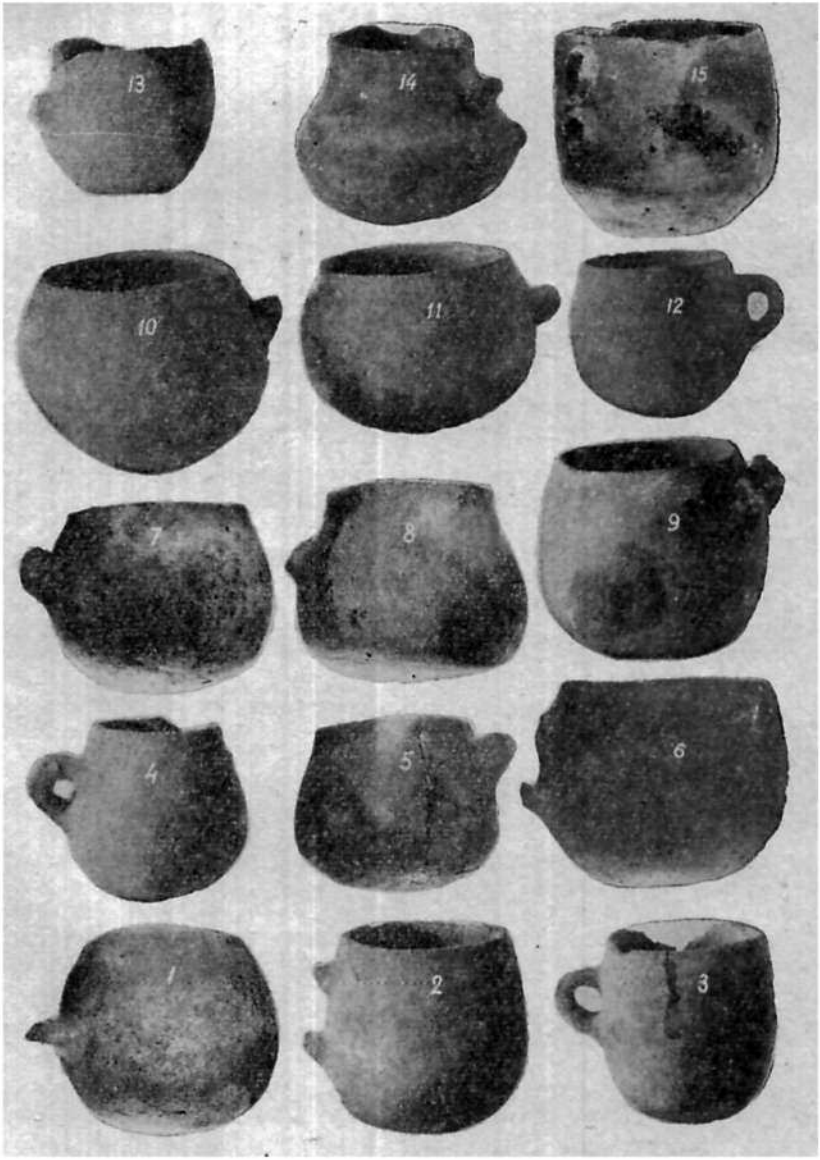


ТАБЛИЦА VIII

Третья основная форма сосудов — кубки (высокие). *1* — к. 11, *5* — к. 20, *6* — к. 15, мог-к Қзылауз II; *2* — к. 31, *3* — к. 11, *4* — к. 10, мог-к Унгур-Қора II.

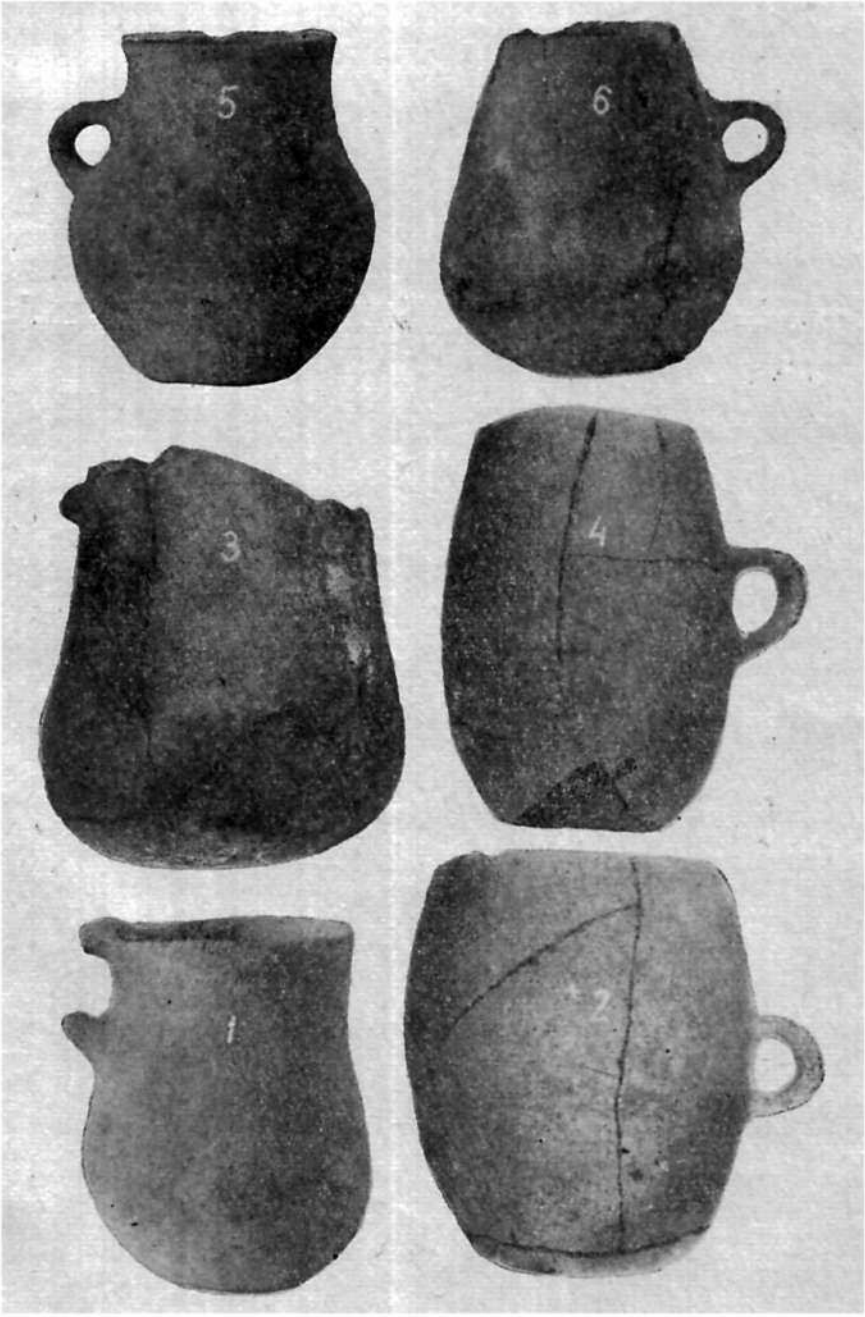

5
6
3
4
1
2

ТАБЛИЦА IX

Четвертая основная форма сосудов — горшки. *1* — к. 77, мог-к Кзыл-Эспе; *5* — к. 55, *2* — к. 50, *4, 8* — к. 6, мог-к Чулак-Джигиде I; *3* — к. 8, *7* — к. 31, мог-к Унгур-Кора II; *6* — к. 14, мог-к Калкан IV.

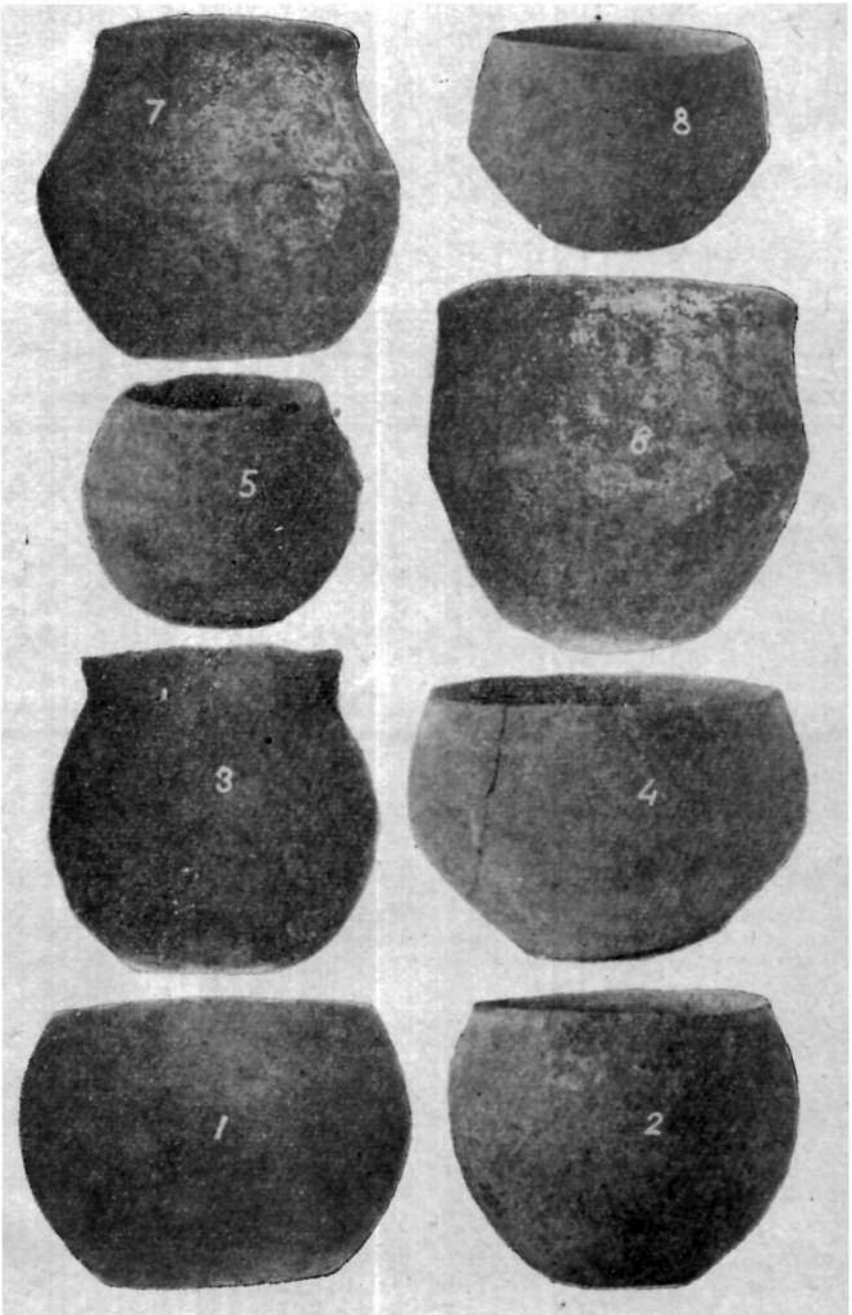

7
8
5
6
3
4
1
2

ТАБЛИЦА X

Сосуды из погребений на правобережье реки Или. *1* — к. 2, мог-к Алтын-Эмель IV; *2* — к. 4, мог-к Калкан IV; *3* — к. 64, *5* — к. 61, *8* — к. 67 (выкладка), *12* — к. 65 (выкладка), *7* — к. 63, мог-к Калкан I; *4* — к. 72, мог-к Кзыл-Эспе; *6* — к. 13, *13* — к. 26, *16* — к. 13, мог-к Унгур-Кора II; *9* — к. 11, мог-к Кзылауз II; *10* — к. 4, *11* — к. 15, мог-к Утеген III; *14* — к. 2, мог-к Кзыл-сай; *15* — к. 9, мог-к Кзылауз III.

ТАБЛИЦА X

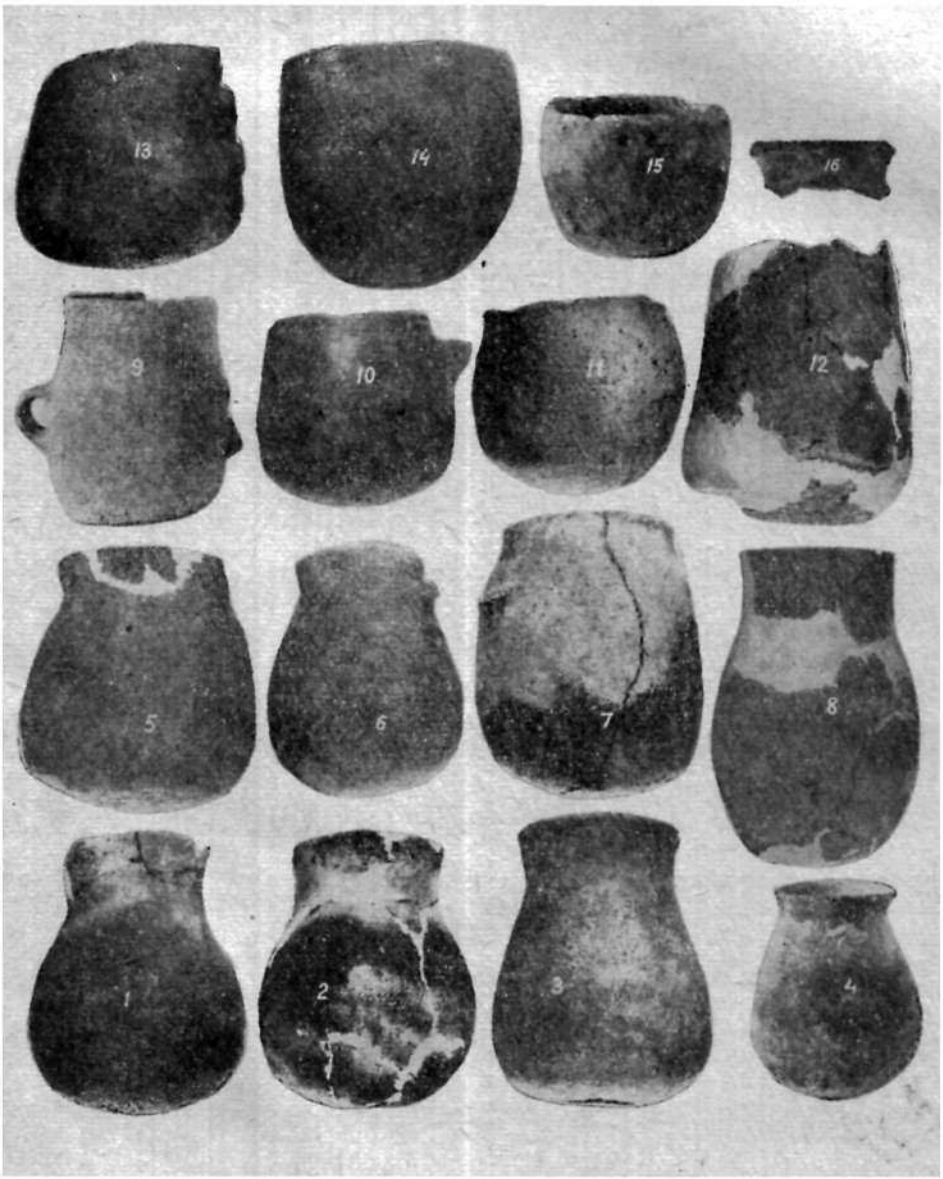
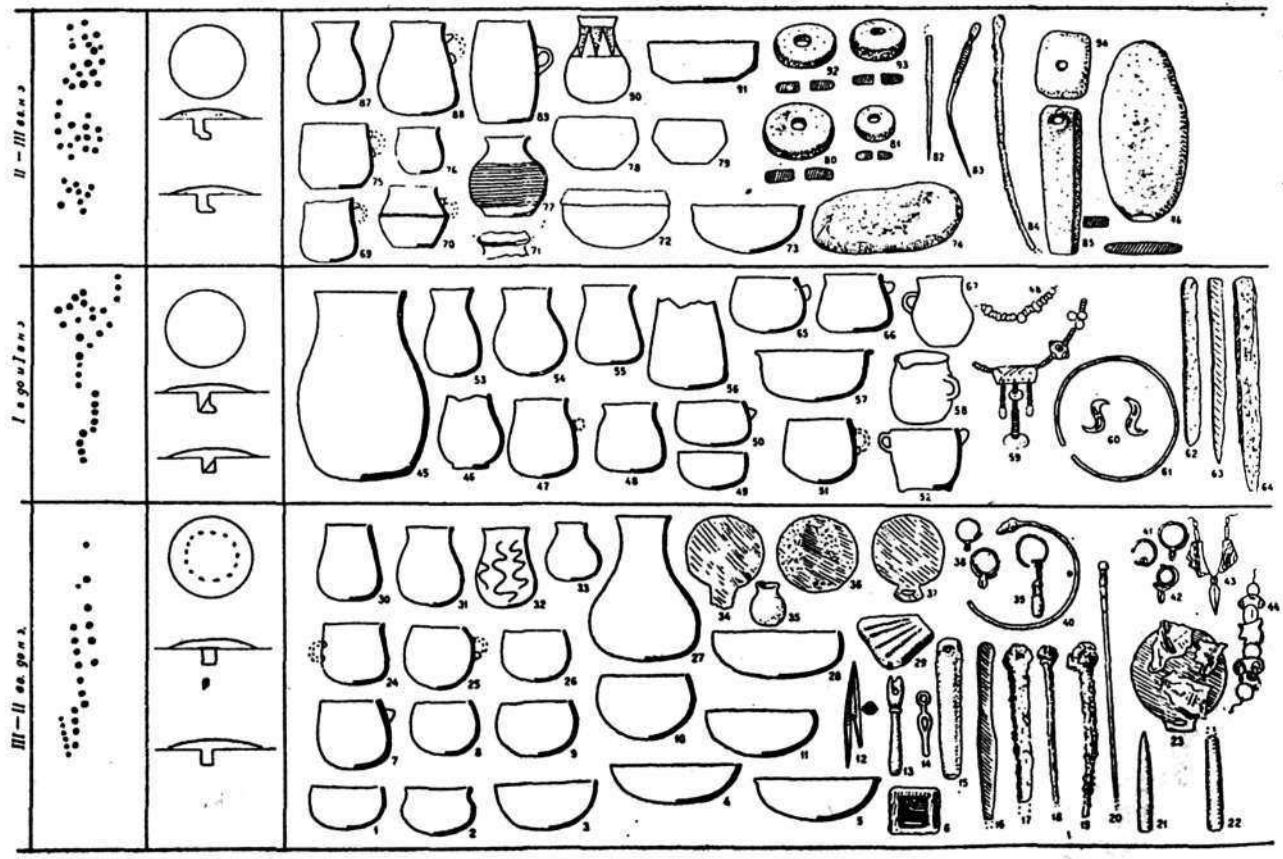


ТАБЛИЦА XI

Классификация памятников усуней правобережья реки Или. III—II вв до н. э. *1* — к. *27; 4, 26, 29* — к. 22; *15, 25* — к. 21; *28* — к. 33; *30* — к. 23; *32, 35, 37, 42*—к. 28, мог-к Унгур-Кора I. *2* — к. 14; *18, 21, 23* — к. 89; *22, 36* — к. 97, мог-к Кзыл-Эспе. *3* — к. 27; *7* — к. 4; *17* — к. 6, мог-к Утеген III. *5. 33* — к. 82; *14* — к. 42; *24, 39* — к. 11; *31* — к 41; мог-к Кзылауз III, *8* — к. 19; *11* — 11; *16* — к. 1; *43* — к. 11, мог-к Бесшатыр II. *6, 13* — к. 24; *10* — к. 5; *12* — к. 20; *19, 34, 38* — к. 35; *27, 44* — к. 18; *41* — к. 41, мог-к Капчагай III. *20, 40* — инвентарь могильника Кзылауз I, взят для сравнения. I в. до н. э. — I в. н. э. *45, 54*, — к. 67; *47* — к. 63; *48, 61, 65* — к. 61; *53, 64* — к. 37; *55, 57* — к. 64; *56* — к. (выкладка); *66* — к. 62, мог-к Калкан I. *46, 62* — к. 4; *63* — к. 2, мог-к Утеген I — II. *49, 50* — к. 3; *51* — к. 4А; *58* — к. 2Б; *59, 68* — к. 17, мог-к Тайгак I. *67* — к. 20, мог-к Кзылауз II. II—III вв. н. э. *69, 75, 91* — к. 12; *70, 73, 80, 81, 92* — к. 31; *71* — к. 13; *76* — к. 8; *77* — к. 4; *86, 88, 89* — к. 10; *93* — к. 29, мог-к Унгур-Кора II. *72* — к. 55; *74* — к. 31; *78, 79* — к. 6; *82* — к. 55; *90* — к. 40; *94* — к. 42, мог-к Чулак-Джигиде I. *83, 84* — к. 17, мог-к Калкан I. *85* — к. 11, мог-к Тайгак II, *87* — к. 11, мог-к Калкан IV.


II – III века
I век
III – II вв. до н. э.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Раздел первый. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.)

Введение 9
Глава I. Могильник Бесшатыр — усыпальница царей саков-тиграхауда . . 25
§ 1. Архитектура бесшатырских курганов 27
Глава II. Памятники рядовых саков-тиграхауда 88
§ 1. Могильники . . . . . —
§ 2. Случайные находки 105
Глава III. Историко-археологические этюды 113
§ 1. Относительная хронология бронзовых наконечников стрел Казахстана. —
§ 2. К проблеме происхождения саков и сакской культуры Семиречья . . 121

Раздел второй. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н. э.—III в. н. э.)

Введение 139
Глава I. Хронологическая классификация памятников усуней правобережья р. Или 148
§ 1. Памятники III—II веков до нашей эры . . . . . —
Могильник Капчагай III . . . . . —
Могильник Утеген III 155
Могильник Кзыл-Эспе 159
Могильник Кзылауз III 161
Могильник Унгур-Кора I 166
Могильник Бесшатыр II 173
§ 2. Памятники I века до нашей эры — I века нашей эры 182
Могильник Утеген I, II . . . . . —
Могильник Тайгак I 188
Могильник Кзылауз II 194
Могильник Калкан I . . . . . —
Могильник Алтын-Эмель I, III, IV 202
§ 3. Памятники II—III веков нашей эры 208
Могильник Капчагай II . . . . . —
Могильник Чулак-Джигиде I 210
Могильник Чулак-Джигиде II 214

Акишев Кемаль Акишевич,
Кушаев Гаяз Абдулвалиевич
ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА САКОВ И УСУНЕЙ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИ

Редакторы *Н. Н. Королева, М. А. Шуплова*
Худ. редактор *И. Д. Сущих*
Тех. редактор *А. Г. Худяков*
Корректор *Л. С. Нестерова*

Обложка художника *Н. Чурсина*

Сдано в набор 24/VI 1963 г. Подписано к печати 27/VIII 1963 г. Формат 70×90 1/16.
Физ. л. 20 + 1 цветная вклейка. Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 24. Тираж 1300. УГ05279.
Цена 1 р. 70 к.

* * *

Типография Издательства АН КазССР. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28. Зак. 112.